Раиса Николаева
артефакты древних могильников

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Союз Светлой эльфийки и Темного, что может быть романтичнее? Вот только счастье ускользнуло от них в первый же день супружества, вернее в первую ночь. Первая брачная ночь разлучила их, сделав врагами на долгие-долгие годы. Прежнее название «Академия магии. Непримиримые враги», но поскольку о самой Академии в романе почти не говорится, я решила убрать из названия эти слова.

- Раиса Николаева
  - Пролог
  - Часть первая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15
    - Глава 16
    - Глава 17
    - Глава 18
    - Глава 19
    - Глава 20
    - Глава 21
    - Глава 22
    - Глава 23
    - Глава 24
    - Глава 25
    - Глава 26
    - Глава 27
    - Глава 28
    - Глава 29
    - Глава 30

- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42
- Глава 43

○ Часть вторая
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25

○ Часть третья
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4

- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19

○ Эпилог

Раиса Николаева
Артефакты древних могильников

Пролог

Когда-то давно не было ни темной магии, ни светлой, была только Магия. Но однажды родился ребенок с очень сильным магическим даром. Он рос и учился, развивая свои способности. Кроме такого подарка судьбы, как магический талант, он обладал острым умом, целеустремленностью, любознательностью и честолюбием. И вот сочетание таких, казалось бы, не самых плохих качеств, привело весь мир на грань гибели.

Орден Жрецов едва смог сокрушить армию, что собрал этот Великий маг. Последствия этой войны были настолько ужасны, что Глава Ордена на Совете потребовал проведения особого ритуала, чтобы больше никогда столь великие Силы не могли находиться в одних руках. Этот ритуал был страшен, он требовал жертвоприношений, но он был проведен.

Дети, что стали потом рождаться, обладали магическими способностями только двух типов, и внешность детей разительно отличалась.

А потом начались нескончаемые войны, между носителями таких разных магических способностей. И в этих войнах главным трофеем были артефакты, что сохранились с тех времен, когда магия еще не была разделена.

В огне пожаров исчезли последние книги, последние свитки, что несли знания той эпохи. Часто случалось, что владеющие ими, хоть Темные, хоть Светлые сами их сжигали, чтобы они не достались врагам и не подарили преимущество в войне.

За столько столетий беспрерывных войн обескровились как ряды Светлых, так и Темных эльфов. Такое положение дел, наконец, отрезвило их. Было заключено перемирие. Сначала произошел только обмен посольскими миссиями, потом связи между примирившимися сторонами достигли большего размаха, особенно в области торговли. А потом, было дано разрешение учиться в Высшей магической межрасовой Академии не только обладателям светлых, но и обладателям темных магических сил.

Однако, для эльфов, живущих в Древнем лесу, примирение Светлых и Темных казалось большой ошибкой. Они категорически отказались признавать наступивший мир, считая предателями тех, кто его подписал. Они мечтали о полном уничтожении Темных, но поскольку их сил для этого не хватало, эти мечты привели их к Древним Могильникам. Все знали, что те хранят артефакты невиданный мощи. Вот только проникнуть внутрь гробниц оказалось невозможно. Все попытки заканчивались смертью расхитителей. Но Непримиримые или

Отрицающие, как они себя сами называли, не сдавались.

Часть первая

Глава 1

Они стояли около кабинета ректора Академии, ожидая, когда их пригласят.

Первый же взгляд, брошенный на них, говорил, что они эльфы, второй — что они благородных кровей, третий — что это брат и сестра, сходство черт было слишком очевидным. А четвертый взгляд заметил бы какую-то странную аномалию в их облике, вернее, в облике девушки. Лицо землисто-серого цвета, под глазами темные круги, худоба на грани дистрофии. Но такого быть просто не могло! Это же эльфы! Регенерация и восстановление тканей у эльфов была одной из самых высоких среди всех рас, а чтобы заболеть обычной болезнью, например, простудой, надо было очень постараться, да и то в ближайшие же дни, не сказать часы, любая болезнь отступала.

Поэтому такое состояние девушки было просто необъяснимым и вызывало нездоровый интерес у всех, видевших эту парочку.

Наконец, двери распахнулись, и их пригласили в кабинет.

Лицо ректора передернулось от раздражения, едва он увидел вошедших.

— Я же уже объяснил вам, господин Саннаэтель, что ваша сестра не может жить на территории Академии. Я считал, что разговор окончен. Мне не хотелось бы вновь повторять мои доводы.

— Послушайте, господин ректор. Моя сестра нуждается в защите, Вы могли бы сделать для нее исключение.

— Извините, но никаких исключений не будет. На территории Академии могут проживать только студенты. А ваша сестра не может быть студенткой.

— Но она же училась здесь! — с болью за сестру продолжал убеждать Саннаэтель.

— Училась, но недоучилась.

— Значит, она может восстановиться!

— Нет, не может. Когда она поступала, то она обладала не только магией, присущей вашему народу, но и также магией, которой владеют члены королевской семьи. Теперь нет.

— Вы же знаете, что это муж ее покалечил!

— Вот именно — муж! Если мне не изменяет память, именно я убеждал ее не связывать свою жизнь с Лордом Даххарсом. Я объяснял ей, что поддавшись чувствам к нему, она не только предаст свой народ, оказавшись изгоем, но и окажется в государстве с совершенно чуждым ей менталитетом, в Темной

империи, где даже магия, которая будет ее окружать, призвана из источника, противоположного тому, из которого черпает магию ваш народ. Леди Ализе согласились с моими доводами, и даже обещала поступить в соответствии с ними, а потом наплевала и на мои советы, и на мои предостережения, наплевала на всех. И вот теперь, когда мои самые худшие предсказания сбылись, она хочет вернуться назад. Не получится!

Ректор был, конечно, прав, но прав не совсем. Когда нелегкая случайно занесла Лорда Даххарса в Магическую Академию на бал Весеннего равноденствия, то он, увидев восемнадцатилетнюю Ализе, на минуту застыл, как громом пораженный, а потом пронесся черным смерчем, увозя в Темную империю молоденькую жену. И никто не смог запретить ему этого сделать. Бешеный напор, сумасшедшая харизма, власть, деньги — он использовал все, чтобы получить ее. Родные Ализе, видя, что ничего не могут сделать, даже намекнули ему, что закроют глаза, допуская сожительство, но Лорд Даххарс, отказался от такого заманчивого предложения. Брак и только брак. С брачными магическими браслетами и клятвами перед алтарем.

Противодействие этому браку было не только со стороны Светлых эльфов. Поговаривали, он имел очень долгий и неприятный разговор со своим дедом, Правителем империи Темных, но никто не мог противостоять Лорду, тем более тихая, застенчивая Ализе. Для нее все события, предшествующие свадьбе, пронеслись, как одно мгновение. Она словно проспала все моменты битвы за ее жизнь, и проснулась только, чтобы сказать «да». Ей не запомнилась даже свадьба. И вот теперь, слушая эти жестокие слова, она могла только сжаться, съежиться, не зная, куда спрятаться от слов ректора, чтоб ее никто не видел.

— Я понимаю, — с трудом сказал Саннаэтель. — Но поскольку я буду учиться в Академии, прошу разрешить ей жить рядом со мной. Муж ищет ее, и, разумеется, найдет, но здесь он ничего не сможет ей сделать, а главное — не сможет забрать ее.

— Да, — в голосе ректора звучал сарказм, — вас мы приняли обратно, поскольку ваша магия никуда не делась. Но, во-первых, вас приняли на курс ниже, чем вы учились в тот момент, когда все бросив, отправились за сестрой. Во-вторых, поскольку вы с сестрой отлучены от королевского дома эльфов и изгнаны с их земель, то вы не можете требовать от Академии тех условий проживания, что были предоставлены вам, как одному из наследных Принцев. Теперь вы будете жить и учиться наравне со всеми, и комнаты отдельной у Вас не будет…

— Я знаю это и понимаю, — перебил его Саннаэтель. — Нельзя ли мне занимать комнату вместе с сестрой?

— Это совершенно исключено.

Переговоры зашли в тупик. Лицо Саннаэтеля побледнело, в глазах загорелся гнев, и ректор испугался, испугался по-настоящему. Хоть Санаэтель с Ализе и изгнанники, но если с девушкой что-то действительно случится, то уже не будут смотреть, изгнанница она или нет. То, что он отказал в такой маленькой просьбе, немедленно станет известно, и он тогда заполучит кровников не только в лице Саннаэтеля, но и в лице их остальных родичей. Изгнание изгнанием, но смерть — это совсем другое. Быстро взвесив в уме все обстоятельства, взвесив последствия своего отказа, ректор все-таки вынужден был отступить.

— Хорошо, — сквозь зубы сказал он. — Леди Ализе будет выделена комната, ваша будет находиться рядом. Сразу предупреждаю — комната для леди является подсобным помещением, а ваша — кладовкой. Хотите — соглашайтесь, но если жизнь в таких условиях Вам кажется несоответствующей вашему статусу, то больше ничем я помочь не могу, — тон ректора был сух и неприязнен.

— Мы согласны, — быстро и едва слышно ответила девушка.

— Приводить комнату в порядок вам придется самим.

— Мы согласны, — снова прошелестела девушка.

— Что ж, хорошо, — ректор был раздражен и не скрывал этого. — Значит, вы, Саннаэтель, будете учиться на третьем курсе, вместе с двадцатилетними студентами. Надеюсь, десять лет, что прошли с того момента, когда вы ушли с четвертого курса, не слишком скажутся на вашей учебе. Кстати, мне бы хотелось знать, почему вы вернулись.

— Мне нужен диплом, — коротко, не вдаваясь в подробности, ответил молодой мужчина.

— Ну-ну. Я, вероятно, обязан пожелать вам успехов в учебе…

— Думаю, не стоит, мы все прекрасно понимаем.

На этом беседа закончилась. Ализе и Саннаэтель быстро нашли выделенные им комнатки и стали приводить их в порядок. В комнате Саннаэтеля не было даже окон, но он на подобную мелочь вообще не обратил внимание.

— Ализе, как ты? — заботливо спросил он у сестры.

— Хорошо, не волнуйся, я немного отдохну, и все будет хорошо.

— Я пойду, принесу еды.

— Не уходи! — со страхом встрепенулась она.

— Ализе, — твердо ответил брат, — здесь самое безопасное место, какое только может быть. Ты должна привыкать бывать без меня. С завтрашнего дня начнется учеба, мне придется подолгу

отсутствовать. Из комнаты лучше не выходи. Еду я буду приносить, а после занятий будем выходить на прогулку.

— Саннаэтель, ты не забыл? Мне надо три раза в неделю бывать в Храме.

— Конечно, мы будем туда ходить.

— Мужчинам бывать в этом Храме запрещено.

— Мы что-нибудь придумаем.

Глава 2

Потекла размеренная студенческая жизнь. Утром Саннаэтель провожал Ализе в душ, а потом запирал ее в комнате, накладывая на двери магические заклинания, снять которые не смог бы никто из сокурсников, и уходил на занятия. В обед возвращался, приносил еду, они вместе ели, и он снова уходил.

Беспокойство за сестру не покидало его ни днем, ни ночью. К счастью, хуже ей не становилось, но не становилось и легче. Не было ни одного мало-мальски сведущего врача или мага, которым он не показывал сестру. Никто не мог помочь.

Как у эльфийской королевской семьи существовала родовая магия, точно такая же, только темная, родовая магия существовала в семье Лорда, и именно с применением этой магии он покалечил свою жену. Как это произошло, она не рассказывала никому, кроме брата, а у него от воспоминания об этом рассказе скрипели зубы от ненависти к Лорду.

Саннаэтель держался в группе сокурсников очень уединенно. Да и какие могли быть общие интересы между двадцатилетними пацанами и тридцатилетним молодым мужчиной, очень-очень много чего повидавшим в жизни.

Из Академии он ушел с четвертого курса, но ректор в наказание заставил его вернуться на третий, и теперь Саннаэтель откровенно скучал на занятиях, выслушивая все лекции по второму разу, поскольку обладал незаурядной памятью и за десять лет не забыл ничего.

Он скоро стал первым во всем — и в занятиях, и на полигоне, где студенты отрабатывали применение заклинаний.

Было понятно, что Саннаэтеля необходимо переводить на следующий курс, и только старческое едкое упрямство ректора не давало этого сделать. Саннаэтель и Ализе волновали умы студентов. Во-первых, романтическая история замужества Ализе, ведь почти никто не видел, в кого она превратилась, во-вторых, сам Саннаэтель.

До чего же он был не только красив, но и суров, сдержан, молчалив! Никто никогда не видел, чтобы он не то что смеялся, а даже улыбался. Хмурый, сосредоточенный и очень-очень возбуждающий неокрепшие юные умы девушек-студенток. А он не замечал никого, тем самым еще больше будоража и разжигая желание у самых первых красавиц, заполучить его. На какие только ухищрения они не шли, чтобы заинтересовать его! Мужчина оставался глух.

Такая откровенная возня вокруг Саннаэтеля вызывали зависть

и раздражение в мужской части Академии. Поскольку тут учились не менее достойные, во всяком случае, как они считали, экземпляры, снижение внимания прекрасного пола больно ударило по их самолюбию.

Одним из таких недовольных был виконт Ранхгарт ди Карсх. И надо же, именно из Темной империи. Уже через неделю виконт ненавидел Саннаэтеля всей душой. Учась на четвертом курсе, он никак не мог сразиться с соперником, что учился на курс ниже, в открытом бою, например, во время спарринга, а ему этого очень-очень хотелось.

Саннтаэтель обрастал легендами и слухами буквально, каждую минуту, какие только подвиги ему не приписывали! Ранхгарту хотелось проверить, какие из них правдивы, а какие красавчик-эльф распускал о себе сам. Поскольку в стенах Академии такую проверку осуществить было невозможно, оставалось подловить его вне стен альма-матер.

Ранхгарт решил, что если они сразятся один на один, то о его над эльфом победе никто не узнает. Побежденный, ясное дело, не будет рассказывать о проигрыше, но и ему, виконту, как-то несолидно будет хвастаться победой. Поэтому он заранее озаботился пятеркой свидетелей, правда, предупредив их, чтобы они в разборку не вмешивались, Ранхгарт хотел, чтобы в его победе ни у кого не было ни малейшего сомнения.

Эльфа подкараулили в безлюдном переулке, когда тот вышел купить еду сестре — Саннаэтель считал, что еда из студенческой столовой приведет не к выздоровлению Ализе, а совсем наоборот.

Ранхгарт с друзьями перекрыли ему дорогу.

— Ух-ты, кого мы неожиданно встретили, — с веселой издевательской иронией начал Ранхгарт.

— Что вам надо? — нисколько не испугавшись, а скорее, с раздражением на неожиданную задержку, спросил Саннаэтель.

— Что нам надо? А действительно, что нам надо? — обращаясь то к одному, то к другому из своих друзей, передразнивал эльфа Темный.

— Дайте дорогу, — приказал Саннаэтель.

— Обязательно дадим, но только сначала дадим тебе по морде, чтобы она не была такая миленькая и чистенькая, — продолжал издеваться Ранхгарт.

И тут с Саннаэтелем стало происходить нечто странное. Сначала он замер, окаменев, а потом вокруг него стали мерцать серебряные искорки, с каждым мгновением становившиеся все ярче и ярче. И хоть друзья Рахгарта никогда раньше не видели, как проявляет себя родовая королевская магия эльфов, они почему-то сразу догадались, что это именно она. За одну секунду

всех словно ветром сдуло из этого переулка, но вот Ранхгарт не ушел.

Наоборот, он также сконцентрировался, и его пальцы обволокла черная мгла, которая становилась гуще и гуще, вытягиваясь по длине, формируясь в двуручный меч.

Саннаэтель с ненавистью смотрел на Темного. Не потому, что этот парень его остановил и, явно спровоцировав, вызвал на бой, а потому что Саннаэтель ненавидел всех Темных, всех до единого. Он уже родился с этой ненавистью, она жила в его подкорке всегда, но после того, что Темный сделал с его сестрой, эта ненависть только и ждала, чтобы выплеснуться на кого-нибудь. Саннаэтель так его ненавидел, что забыл о последствиях, какие принесет предстоящая схватка, даже если он останется жив, забыл о сестре, забыл об Академии. Только Темный, которого он либо убьет, либо умрет сам.

А когда он увидел меч тьмы и понял, что перед ним один из Лордов, то ненависть стала осмысленной. Убить хоть одного из этого проклятого клана, хоть чуть-чуть очистить землю от этих мразей!

— Немедленно прекратить! — неожиданно прозвучал резкий приказ. Саннаэтель и Ранхгарт разом посмотрели на говорившего. Офицер стражи с пятеркой воинов, все с ног до головы обвешанные амулетами, нейтрализующими любую магию — Немедленно прекратить, — повторил офицер, видя, что ни Саннаэтель, ни Ранхгарт не собираются этого делать.

Саннэтель первым пришел в себя, всполохи исчезли, и он, только теперь осознав, что чуть было не натворил, приготовился следовать за стражей, понимая, что полностью заслужил наказание, каким бы оно ни было.

А вот Ранхгарт, наоборот, развеяв меч, нагло и возмущенно спросил, почему негодные стражники громко и грубо кричат на законопослушных студентов, у которых при себе нет никакого оружия.

Офицер растерялся, оружия, действительно, не было, доказать существование призрачного меча не представлялось возможным. Пока он думал, что же ему делать, Ранхгарт оттолкнул его и беспрепятственно двинулся к Академии. Немного потоптавшись на месте, Саннаэтель двинулся следом. Задерживать их никто не стал.

Глава 3

Саннаэтель оградил свою сестренку от суровой реальности жизни каменной стеной, но самому ему приходилось жить в этой реальности. После той знаменательной стычки Ранхгарт ди Карсх поклялся сделать его существование невыносимым, и добился этого очень простыми, но, тем не менее, действенными методами.

Например, в столовой, проходя мимо сидящего Саннаэтеля, он просто коротко ударял носком сапога по ножке стула или ножке стола, за которым сидел его враг. Вроде бы ничего серьезного, но уже после третьего раза, едва завидев Ранхгарта, Саннаэтель покрывался холодным потом, чудом сдерживаясь, чтобы не броситься на того с откровенным намерением задушить.

Поскольку этого нельзя было сделать, он старался избегать нежелательных встреч, изменив время своего обеда, и обычно стоял где-нибудь в сторонке, выжидая, когда Ранхгарт уйдет. Легко разгадав этот нехитрый план, Ранхгарт умудрился оставить его два раза без обеда, не выходя из столовой до самого ее закрытия.

Саннаэтель теперь обедал в своей комнате, довольно ухмыляясь, представляя разочарование ди Карсха, но тот недолго отчаивался, теперь удар ногой он перенес на дверь комнаты Саннаэтеля. Ему нетрудно, и главное, не лень было делать небольшой крюк, чтобы только стукнуть ногой в дверь эльфа. Стук, стук и дальше спокойные шаги по коридору. Через час снова: стук, стук, и снова спокойные, удаляющиеся шаги. Саннаэтель скрипел зубами, с его невероятным слухом, он заранее знал о приближении врага, и его начинало буквально трясти в ожидании момент удара. Раннхгарт знал, что тот его слышит, поэтому шел неспеша, кожей ощущая, как в эту секунду его ненавидит Саннаэтель, но при этом не может ничего сделать.

Саннаэтель не мог ни ударить в ответ, ни пожаловаться на это издевательство. В любом случае он остался бы в проигрыше. На что жаловаться, что Ранхгарт стукнул в его дверь? Так этот наглец тут же соврет, что приходил по делу, и доказать обратное будет никак не возможно.

Саннаэтель, оберегая сестру, ничего не рассказывал ей о своих проблемах, поэтому вызывал у нее недоумение своим несчастным видом, когда надо было отправляться на занятия. От одной мысли, что сейчас он увидит Ранхгарта, ему становилось тошно. А видел он его обязательно.

Ранхгарт то ли сам караулил, то ли ему докладывал кто-то из соглядаев, но как только Саннаэтель появлялся в коридоре,

навстречу ему обязательно попадался Ранхгарт. Но шел тот не просто так, в руке он обязательно вращал сгусток тьмы, меняя ее форму самым причудливым образом. Ранхгарт знал, что жестоко провоцирует Саннаэтеля, знал, что в один из дней тот не сможет сдержаться, но вот что случится после этого, не знал уже никто.

Саннаэтель случайно услышал, как Ранхгарт выпытывал у преподавателей, сохранились ли какие-нибудь сведения о стычках с применением родовой магии между Темными Лордами и Светлыми Принцами. И главное — на чьей стороне была победа. Нетрудно было догадаться, для чего ему были нужны эти сведения. Но преподаватели помочь не могли, таких сведений история не сохранила, вероятно, потому, что не сохранились в живых и участники подобных дуэлей, если они все же когда-то были.

Так дальше продолжаться не могло. Ректору Академии ежедневно докладывали об этих маленьких стычках, и все уже понимали, что если не предпринять никаких мер, все может закончиться очень-очень плохо. Так что ректору, несмотря на все его нежелание, все-таки пришлось вмешаться в этот разгорающийся конфликт. До чего же ему не хотелось этого делать! Ему было просто-напросто страшно столкнуться в конфликте с этими проклятыми Темными Лордами. Он до сих пор спал ночью в полглаза, ожидая, когда прибудет ненормальный Лорд Даххарс за своей женой, а теперь еще вот это.

Но выбора не было. В один из дней он пригласил в свой кабинет Ранхгарта ди Карсха.

— Лорд ди Карсх, — обратился ректор к студенту полным его титулом, — я считаю, что Вы умышленно провоцируете студента Саннаэтеля на конфликт. Я прошу Вас прекратить это делать, — голос ректора был мягким, тон доброжелательно-убедительным.

— Это Вам на меня Саннаэтель пожаловался? — небрежно спросил Ранхгарт, без всякого пиетета взирая на ректора.

— Нет, он ничего не говорил. Но несколько преподавателей видели, как Вы применяете Вашу родовую магию в стенах Академии, что совершенно запрещено нашим уставом.

Ранхгарт нагло вытянул ноги, и обдумывал, что ответить ректору. Прикинуться несправедливо обиженным, или говорить все, как есть? Он выбрал второе.

— Видите ли, господин ректор, Саннаэтель меня страшно раздражает. Как только я поставлю этого выскочку на место, я сразу отстану от него.

— И как Вы собираетесь это сделать? — с дрожью в голосе спросил ректор.

— Да вот никак не получается, и все из-за Ваших дурацких порядков! — возмущенный подобным положением дел, горько пожаловался Ранхгарт. — Мне бы хотелось сразиться с ним на полигоне, но это никак невозможно сделать, поскольку, он учится на курс ниже, хотя я знаю, что он бросил Академию на четвертом, и по возрасту, он на несколько лет старше меня — в этот момент Ранхгарта осенило. — Знаете что, если Вы переведете его на четвертый курс, то все проблемы сразу исчезнут. Мы выясним отношения, и он заткнет свою родовую магию в одно место и перестанет вести себя, словно он всесильный.

Ректор не знал, что делать. Саннаэтеля он не переводил на четвертый курс именно из-за того, чтобы избежать открытого столкновения Темного и Светлого. Но, с другой стороны, лучше, если стычка произойдет на полигоне, под присмотром наставников, а не где-нибудь в коридоре или в аудитории.

— Я поговорю с Саннаэтелем. Если он согласится с досрочным переводом на старший курс, то пусть так и будет.

— Согласится, — мерзко ухмыльнулся Ранхгарт, — иначе все сочтут его трусом.

Глава 4

Саннаэтель, действительно, согласился, и когда рассказал сестре эту замечательную новость, та искренне обрадовалась за брата. Теперь вместо двух с половиной лет осталось учиться только полтора года! Саннаэтель улыбался в ответ, только улыбка была кривой, и в глазах стояла тоска.

Ему любезно предоставили один месяц, чтобы он мог догнать всю группу, и Саннаэтель засел за учебники.

В один из дней Ализе мягко напомнила ему, что она до сих пор не посетила Храм. У Ализе, не получившей помощи ни у врачевателей, ни у целителей, осталась только одна надежда — молиться покровительнице всех женщин, прося ее даровать исцеление. В этом Храме был целебный источник, живительная вода которого должна была придать ей сил.

Храм стоял на окраине города. Ализе с братом добрались туда ближе к вечеру, наняв крытую повозку. Вокруг Храма большая территория была огорожена красивым ажурным забором. Сам Храм стоял на невысоком холме, Который серпантином огибала вымощенная плиткой дорога.

Она причудливо петляла, теряясь среди высоких деревьев, густых кустарников и красивейших цветов. Так было сделано специально. Долгая неспешная прогулка, любование окружающей красотой приводила чувства в порядок, возвращала душевное спокойствие и умиротворение, делая мысли чистыми, просьбы светлыми.

Вот только на Ализе эта исчезающая дорога произвела совсем другое действие. Когда они подошли к воротам, Ализе схватила Саннаэтеля за руку, буквально впившись в нее ногтями.

— Саннаэтель, ты же не бросишь меня одну? Ты же пойдешь к Храму вместе со мной?

Саннаэтель, увидев, каким подозрительным маршрутом предстоит двигаться сестре, и сам не хотел оставлять ее одну. Что стоит Лорду Даххарсу, человеку без чести и совести, устроить засаду в ближайших зарослях и спокойно забрать беззащитную девушку, не имеющую сил, чтобы оказать ему сопротивление?

— Да, я пойду с тобой! — твердо ответил Саннаэтель, но едва он шагнул за ворота, как к нему тут же подошла одна из служительниц Храма и потребовала, чтобы он вышел вон.

Никакие просьбы и доводы на служительницу не действовали, она была непреклонна:

— Только женщины могут проходить этот путь, входить в Храм и молиться Защитнице. Мужчины здесь находиться не

имеют права.

Ализе и Саннаэтель растеряно смотрели друг на друга. Ализе мелко дрожала, не решаясь отпустить руку брата. Страх остаться одной был настолько силен, что она не могла сделать ни шагу.

— Я не могу Саннаэтель, я не могу идти сама, давай вернемся в Академию.

— Но, возможно, воды Благословенного Источника помогут тебе.

— Никто и ничто мне не поможет, — тихо и грустно ответила сестра. — И ты знаешь это не хуже меня.

— Нет, мы этого наверняка не знаем. Мы обязательно должны использовать любую возможность!

— Одна, без тебя я не пойду, — твердо сказала Ализе, а поскольку упрямства сестренке было не занимать, Саннаэтель понял, что это ее окончательное решение.

Расстроенные, они вернулись назад. Но Саннаэтель не намерен был сдаваться, он кое-что придумал.

После этой поездки Ализе было особенно плохо, брат почти втащил ее в комнату. Нести себя на руках Ализе отказалась наотрез, справедливо полагая, что лишнее внимание им ни к чему. Саннаэтель вливал и вливал в нее свою силу, но она, словно сквозь решето, уходила в небытие. Не передать словами, насколько Саннаэтелю было жаль сестру, она была единственной родной душой во всем мире. И тогда он окончательно решился.

Дело в том, что план, который он придумал, был несколько… экзотичным и двусмысленным, если не сказать больше.

Сестра что-то искала в бельевом шкафу, повернувшись спиной к брату, а когда, наконец, на него взглянула, то испуганно ойкнула — в комнате находилась теперь еще одна девушка. Секундное замешательство, и Ализе узнала чуть измененные черты брата в лице этой новоявленной девице.

— Саннаэтель? — недоверчиво спросила она. Девушка самодовольно кивнула головой и заговорила голосом брата.

— Я придумал, как мне вместе с тобой пройти к Храму. Помнишь, я рассказывал, что когда десять лет назад поехал поступать в Академию, мне отдали шкатулку, в которой хранились некоторые вещи отца? Так вот в этой шкатулке был очень странный амулет, правда, он был полностью разряжен. Я его зарядил, оказалось, что он предназначен для изменения внешности. Не для создания иллюзии, а именно, для самого настоящего изменения! Вот только величина этих изменений зависит от силы магического Дара. Моего хватает только на то, чтобы удерживать немного измененныые черты своего лица. Изменить фигуру мне пока не под силу. Но я думаю, хватит и

этого, чтобы сопроводить тебя. Если подняться к Храму можно только в сопровождении девушки, то такая компаньонка у тебя будет.

— Саннаэтель, ты сошел с ума! — испугалась Ализе за брата. — Если тебя раскроют и поймают, я даже не знаю, насколько суровое наказание тебя ждет.

— Пусть сначала поймают, — с презрительной насмешкой ответил Саннаэтель, но увидев, что его сестра продолжает оставаться в сомнении, добавил: — Не бойся, все будет хорошо, — и он успокаивающе чмокнул сестру в нос. И, как ни удивительно, эти глупые, ничего не значащие слова подействовали.

Она стала рассматривать будущую подругу.

— Ну, лицо у тебя точно, девушки, а вот с остальным ты, что будешь делать? — смеялась Ализе, тыча пальцем в широкие плечи брата и сильные мускулистые руки, никак не свойственные утонченной барышне.

— Прикроюсь плащом. Я все продумал. Платье в пол, да еще с небольшим шлейфом, чтобы под ним не было заметно размер ноги, плащ с капюшоном, укрывающий всю фигуру.

— А рост? Свой рост ты под плащом не спрячешь.

— Немного ссутулюсь, чуть наклоню голову. Пусть думают: «Как же этой девушке не повезло, вырасти такой дылдой», — он засмеялся.

— Тебе придется ехать покупать… — Алезе на минуту задумалась, окидывая фигуру брата. — Нет, тебе придется заказывать платье у портнихи. Мои вещи тебе точно не подойдут, и купить платье на тебя не получится. Но как ты будешь его примерять? Как ты объяснишь портнихе, для чего тебе женский наряд?

— Скажу, что для костюмированного бала, и вообще, какая портнихе разница. Деньги платят, пусть делает, что ей заказывают. На том и порешили.

Глава 5

Саннаэтель лежал на кровати, стараясь хоть намного успокоиться. А это было не просто. Одно воспоминание о сегодняшнем инциденте на полигоне — и он снова начинал метаться по крохотному чуланчику.

— Вот ведь урод! — в сердцах бормотал он, вспоминая самое ненавистное для него существо. — Ну что он никак от меня не отвяжется?

Ализе, услышав нервное хождение за стеной, тихонько в нее ударила условным стуком, прося брата зайти к ней.

— Саннаэтель, что-то случилось? — взволнованно и испугано спросила она.

— Ничего такого, из-за чего тебе стоило бы волноваться, — как можно искреннее ответил Саннаэтель. — Просто сегодня на полигоне я страшно опозорился из-за одного недоумка.

— Расскажи, — попросила брата Ализе.

— Да, в общем, нечего рассказывать, — смутился Саннаэтель. — Сегодня на полигоне мы отрабатывали одно из боевых заклинаний, требующее предельной собранности и сосредоточенности. Я в этой группе новичок, да еще значительно старше всех по возрасту. Поэтому к моим действиям было особое внимание. Я не боялся, знал, что смогу, знал, что у меня все получится. И вот в момент самой большой сосредоточенности один урод лопнул у меня над ухом надутый бумажный пакет. Он взорвался так неожиданно и с таким грохотом, что вместо ледяной стрелы с заключенным внутри нее пламенем у меня получилось облако пара. Как же все хохотали, довольные моей неудачей! А этот ублюдочный Ранхгарт, ничуть не смущаясь, объяснил, что на поле боя никто специально для меня тишину создавать не будет, и если для того, чтобы пользоваться заклинаниями, мне нужны тепличные условия, то зачем такой боевой маг нужен вообще!

— Не переживай, — как могла, успокаивала брата Ализе, — на следующей тренировке все получится. Ты просто волновался, это же было твое первое занятие на полигоне в этой группе.

Ее участие и забота немного успокоили Саннаэтеля, и мысли переключились на завтрашний поход в Храм. Он снова примерил длинную юбку и немного походил по комнате, привыкая. Чтобы передвигаться, не путаясь в подоле, мужчине пришлось постоянно контролировать длину шага, стараясь ходить почти семенящими шажками. Платье необходимо было приподнимать, взбираясь, например, в карету или поднимаясь по лестнице. Он тяжко

вздохнул, его затея уже не казалась слишком легко выполнимой, но отступать было некуда.

— Я буду подсказывать тебе, — утешила его сестра, — и говорить об ошибках, если ты будешь их совершать.

Следующий учебный день был очень мучителен для Саннаэтеля, ему везде мерещились ехидные улыбки и слышались смешки за спиной. Но по его внешнему виду никто и предположить бы не смог, что его что-то волнует или расстраивает. Такое спокойствие Саннаэтеля просто бесило Ранхгарта: «Ничего, — думал он, с угрозой поглядывая на спокойно сидевшего впереди Саннаэтеля, — я такое для тебя придумаю, что от твоего спокойствия не останется и следа. Можешь мне поверить».

Его холодный, злобный, надменный взгляд просто прожигал спину Саннаэтеля. Он чувствовал этот взгляд, словно Ранхгарт смотрел ему в глаза. Хотелось развернуться и со всего маху кулаком припечатать ему в глаз. Разумеется, Саннаэтель этого не сделал. Не только потому, что драться на занятиях было недопустимо, но и потому, что неизбежно получил бы сдачи. А отправляться с сестрой в Храм с синяком под глазом, даже в образе утонченной красивой девушки, было бы странно.

Поэтому он, собрав все свое терпение в кулак, дождался окончания занятий, и быстро отправился к сестре готовиться к дальней поездке.

Юбка, плащ, капюшон, туфли его размера на самом низком каблуке, что удалось купить… Саннаэтель приступил к созданию лица. Он старался делать, как можно, меньше изменений, поскольку каждое из них забирало силы.

Губы — чуть полнее. Линия рта — короче. Щеки — круглее. Подбородок — чуть нежнее. Вот, пожалуй, и все.

— Сделай темнее волосы, — скомандовала Ализе. Тут же уложенные пряди волос Саннаэтеля окрасились в каштановый цвет. — Ух ты, — не удержалась сестра, — да из тебя просто красотка получилась. Но главное, в тебе невозможно узнать, ни Саннаэтеля, ни мужчину. А тебе больно, когда меняются черты лица? — заинтересовано спросила она.

— Совсем не больно. Только немного щекотно. Но я не пробовал делать изменения, затрагивающие, например, кости. Может тогда будет больно? Но я не собираюсь и пробовать, делать такие изменения, вдруг что-то пойдет не так и я сам себя изуродую? Ну, все пошли.

Они двинулись к выходу и столкнулись в дверях с Ранхгартом. Саннаэтель, увидев врага, мгновенно забыв, что на его лице девичья личина, оттолкнул сестру в сторону, прикрывая

ее собой, и грозно выпрямился перед Ранхгартом. Тот очень удивился неподобающе воинственному поведению такой красивой девушки. Учтиво поклонившись, пропустил их, ведя себя при этом, как нельзя более, доброжелательно и галантно. Ализе ущипнула брата за руку, и тот, тут же придя в себя, поклонился, учтивым кивком головы благодаря за услужливо открытую и предупредительно придерживаемую дверь.

Глава 6

Но на этом встреча не закончилась. Забираясь в карету по маленьким ступенькам, Саннаэтель забыл приподнять юбку. Ногой наступил на собственный подол, и при следующем шаге, носом полетел на пол. Полетел бы, если бы его заботливо не подержали, уберегая от падения, руки Ранхгарта. Как он успел за секунду преодолеть расстояние от входной двери до дверцы кареты, было непостижимо. Но факт оставался фактом, Саннаэтель оказался в карете благодаря помощи Ранхгарта.

Всю дорогу до Храма Саннаэтель громко вздыхал, переживая вновь и вновь такое постыдное приключение, а Ализе тихонько улыбалась, стараясь, чтобы брат не заметил ее улыбки.

Посещение Храма прошло замечательно, никто из служителей даже на секунду не усомнился, что Саннаэтель — девушка. В Храм он заходить не стал, понимая, что оскверняет святыню, и дожидался возвращения сестры, нарезая круги по цветущей роще рядом с Храмом.

Благословенный Источник немного помог. Щеки Ализе окрасились неярким румянцем, но даже такое небольшое изменение порадовало Саннаэтеля.

Зато огорчило другое. Когда брат с сестрой подъехали к воротам Академии, первым, кого они встретили, был Ранхгарт. Ализе и Саннаэтель переглянулись. Теперь зайти в образе девушки и остаться в своей комнате Саннаэтель не мог, поскольку сразу бы возник закономерный вопрос: куда подевалась девушка, пришедшая с Ализе. Пришлось ему, проводив Ализе до комнаты, снова усаживаться в карету, стараясь не встретиться с пытливым взглядом Ранхгарта, который не сводил с него очей, пытаясь рассмотреть каждую мелочь в его внешности. Хорошо, что он догадался, проводив сестру, под юбку надеть штаны и сапоги, теперь осталось в какой-нибудь подворотне сбросить юбку — и можно возвращаться назад.

Саннаэтель не догадывался, что теперь такими трудностями будет сопровождаться каждая поездка в Храм. А совсем скоро появится и новая проблема. В очередной раз, проводив сестру до комнаты и переодевшись в свои вещи, Саннаэтель выискивал местечко, где он смог бы переодеться и принять свой облик. Вдруг он заметил карету, неотступно следующую за ним. Как кучер по его указанию ни петлял по улицам, вторая карета не отставала. Саннаэтель ни секунды не сомневался, что в карете-преследователе едет его враг.

Ранхгарт решил, наконец, выяснить, где живет незнакомка,

столь поразившая его.

Саннаэтель в образе девушки, действительно, поразил Рахгарта. И дело было не в красоте, хотя и на это Ранхгарт обратил внимание. Дело было то ли в смелом и решительном взгляде, то ли в резком воинственно-агрессивном поведении, с которым эта девушка бережно защищала свою родичку (в том, что они родички, он не сомневался ни секунды, уж слишком они были похожи), и в то же время решительно противостояла ему.

Поразил ее рост. Когда она, отодвинув Ализе в сторону, прикрывая ее собой, твердо преградила ему путь, их глаза были почти на уровне друг друга. Какое же это наслаждение — смотреть в глаза девушке, при этом, не засовывая голову себе под мышку, чтобы увидеть нечто маленькое, недоразвитое, которое по традиции считается хрупким изысканным существом, требующим его защиты, заботы, восхищения, умиления, восторга.

Короче говоря, Ранхгарт не любил хрупких малорослых девиц и в глубине души считал маленький рост и худобу, если не уродством, но недостатком — точно. Ему было непонятно умиление большинством мужчин каким-нибудь инфантильным, воздушным, невесомым созданием, которое они были готовы посадить себе за пазуху, оберегая от любых проблем и трудностей жизни. Такие девушки ему никогда не нравились.

Женщины его народа были высоки, страстны и необузданны. Они не только не нуждались в защите, скорее, требовалась защита от них. Яркая, горячая, страстная — таким был идеал его девушки. И вот родичка Ализе очень подходила и внешностью, и характером под его идеал.

Ранхгарт ни минуты не сомневался, что сможет завоевать ее. Он был красив, умен, знатен, богат, решителен, смел и т. д. и т. п. — скромностью в эпитетах для характеристики себя любимого Рахгарт не страдал. Осталась самая малость — знакомство. Для этого слежка и потребовалась — узнать, где живет такая восхитительная девушка. А дальше добиваться ее внимания по всем правилам любовной науки, которую он очень хорошо знал.

…Саннаэтель от отчаяния заскрипел зубами. Что делать? Он попросил кучера остановить карету возле дома, в котором точно имелся черный вход. Заранее расплатился, но, выходя из кареты, громко сообщил, что сейчас вернется. Опрометью бросился к запасному ходу, сдирая с себя юбку, потом, словно заяц, мчался, сломя голову, подальше от Ранхгарта.

Посоветовавшись с сестрой, решил снять домик недалеко от Храма, чтоб иметь возможность беспрепятственно переодеваться, превращаясь в барышню. На следующий же день, первым, кого

они опять встретили, выйдя за двери, был галантно раскланивающийся Ранхгарт!

Глава 7

Ализе и Саннаэтель медленно возвращались из Храма, невесело обсуждая сложившуюся ситуацию. И что же теперь им делать? Как Саннаэтелю вернуться с Ализе в Академию? От ненависти к Ранхгарту, загнавшему их в такой глухой угол, у Саннаэтеля сводило челюсти.

— Что ему от нас надо? — злился он. — Я его не трогаю, обхожу десятой дорогой, а он, словно нарочно, издевается над нами. Одно слово — «темный»! — с ненавистью добавил он. — Уже одним своим существованием Ранхгарт создает для нас проблемы и неприятности, впрочем, не только он один, — добавил Саннаэтель, вспомнив о причине необходимости посещения Храма. — Весь их народ — это зло, которое надо уничтожать!

— Уничтожить их не под силу никому, ты же это понимаешь, — остудила боевой пыл и негодование брата Ализе. — С ними проще договориться и не трогать их. Говорят, у них такая война идет между Лордами, что есть надежда, что они уничтожат друг друга в междоусобицах, а вот когда их народу угрожает внешний враг, они, наоборот объединяются, становясь монолитом. Выгоднее поддерживать с ними мир, надеясь на взаимоистребление.

— Хотелось бы мне, чтобы какой-нибудь родственничек Ранхгарта устроил ему такой небольшой несчастный случай со смертельным исходом, — мечтательно вздохнул Саннаэтель. — Да и с твоим муженьком тоже, за компанию, — добавил он и услышал мечтательный вздох теперь уже Ализе.

В этот раз им повезло. Около дома, который они сняли, ошивался какой-то подозрительный тип, но самого Ранхгарта не было. Они смогли добраться до Академии, понимая при этом, что дорога к Храму теперь для них закрыта. С плечей Саннаэтеля словно груз свалился. Эти переодевания постоянно оставляли после себя ощущение вины, ощущение неправильности своих поступков, если бы не сестра, он никогда не пошел бы на такой обман. Теперь (хоть он в этом ни за что бы не признался), Саннаэтель был даже благодарен Ранхгарту, что избавил его от необходимости такого маскарада. Было только жаль сестру.

Они пропустили одну поездку к Храму, потом другую. Ализе становилось хуже, но она притворялась, что это не так, чтобы не огорчать брата. Он снова стал искать целителей, чтобы они хоть немного облегчили состояние сестры.

Отказ от поездок к Храму осложнил жизнь не только Ализе и

Саннаэтелю, Ранхгарт тоже забеспокоился. Он несколько раз подходил к Саннаэтелю, словно собираясь его о чем-то спросить, но наткнувшись в очередной раз на взгляд, полный холодной ненависти, молча отходил. Отходил, но не сдавался.

И вот в один из дней в дверь комнаты Ализе осторожно и вежливо постучали. Похолодев от страха, она тихонько подошла к двери и робко спросила:

— Кто там?

— Меня зовут Ранхгарт, — услышав это, девушка тут же отскочила от двери и забилась от страха в угол. — Я учусь в одной группе с вашим братом. Я хочу поговорить с вами, я не желаю вам зла, — начал уговаривать Ранхгарт Ализе из-за двери. — Не бойтесь меня! Я только хочу спросить о той девушке, которая постоянно вас сопровождала, после этого я сразу уйду.

Ализе не отвечала, и, как всегда в самые трудные и страшные минуты, обратилась по ментальной связи к Саннаэтелю с просьбой о помощи. Он был видимо где-то недалеко, потому что прибыл немедленно.

— Что Вы делаете возле комнаты моей сестры? — услышала Ализе взбешенный голос брата.

— Мне надо было поговорить с ней, — очень вежливо, даже сверхвежливо ответил Ранхгарт.

— Убирайтесь немедленно! — шипел Саннаэтель.

— Я никуда не уйду.

Хоть Ализе и не видела Ранхгарта, но она не могла не почувствовать ледяное спокойствие и ослиное упрямство в его голосе. Ей стало понятно, что если она не выйдет из комнаты, то лишиться брата, причем, и в том случае, если его убьет Ранхгарт, и в том, если он убьет Ранхгарта. Собравшись с силами, она толкнула дверь в коридор, и очень вовремя. Двое мужчин уже готовились к схватке.

— Лорд ди Карсх, — тихо обратилась к темному девушка, — вы хотели о чем-то со мной поговорить.

Мгновение, и Ранхгард вежливо кланялся ей, словно секунду назад не было ничего — ни яростной ненависти в глазах, ни сгустка темноты, скатывающегося с пальцев.

— Да, я хотел спросить о той девушке, что сопровождала вас, и, если возможно, познакомить меня с ней.

— Это невозможно, — быстро ответила Ализе. — По моей просьбе она приезжала, чтобы помочь. Но как только ее помощь стала излишней, она вернулась домой.

Ранхгарт досадливо дернул головой.

— А Вы не могли бы передать ей мое письмо?

— Нет, не может! — очень невежливо встрял в разговор

Саннаэтель, стараясь как можно быстрее прекратить эту беседу.

Но от Ранхгарта невозможно было так просто отделаться. Да он был вежлив и учтив, но при этом настойчив, словно пиявка. Не обратив никакого внимания на грубый выпад Саннаэтеля, он продолжал допрашивать Ализе, все внимательнее и внимательнее приглядываясь к ней.

— Это с вами сделал Лорд Даххарс? — неожиданно меняя тему разговора, спросил он Ализе. Она с достоинством кивнула головой, ожидая услышать возмущение безжалостным и жестоким поступком мужа, но вместо этого услышала: — Вы что, пытались убить его? — в голосе Ранхгарта звучало потрясение от такого неожиданного открытия.

Ализе смутилась и быстро пробормотала:

— Он первый попытался убить меня. А как вы догадались?

— Родовое заклятие такой силы, какое сейчас на вас, можно нанести только в минуту страшной опасности для жизни! А почему он или вы хотели убить друг друга? — теперь в голосе Ранхгарта звучало неподдельное любопытство.

Глава 8

— Я… Он… Мы… — запинаясь и густо покраснев, что-то стала объяснять девушка, потом неожиданно собралась с силами и почти спокойно спросила: — А вы владеете такой магией, как Лорд Даххарс?

— Владею, но мои силы пока не столь велики, как у него, поэтому полностью излечить Вас я точно не смогу, а вот улучшить Ваше состояние мне по силам. Но я должен знать, почему он так поступил с вами.

— Не Ваше дело! — снова вмешался в разговор Саннаэтель.

— Не мое, так не мое, — обманчиво сговорчивым тоном пробормотал Ранхгарт. — Я вот к чему спросил. Допустим, я немного помогу госпоже Ализе, облегчив ее состояние. Вызовет ли моя помощь гнев со стороны Лорда Даххарса?

— А вы его сильно боитесь? — с нескрываемой издевкой спросил Саннаэтель.

Глаза Ранхгарта грозно блеснули.

— Я никого не боюсь! — гордо ответил он. — Я лишь хочу соизмерить размер моей помощи и платы, которую могу за нее потребовать.

Губы Саннаэтеля скривились от презрения.

— О! Разумеется, как же я мог забыть, с кем разговариваю? Оплата услуг. Ну конечно! И во сколько Вы оцениваете свою помощь?

Если Саннаэтель пытался пристыдить Ранхгарта этими словами, то все его старания оказались напрасными. Темный словно не замечал насмешек, очень внимательно вглядываясь в ауру Ализе и при этом что-то обдумывая.

Затянувшееся молчание Ранхгарта стало нервировать Саннаэтеля.

— Боитесь продешевить? — ехидно спросил он.

— Нет, — Ранхгарт был спокоен и исключительно дружелюбен, — я хочу быть уверенным, что смогу помочь госпоже Ализе. А в качестве платы за мою помощь я попрошу вашу сестру познакомить меня с девушкой, которая ее сопровождала.

— Нет! — в один голос воскликнули Ализе и Саннаэтель. — Об этом не может быть и речи!

— Но почему? — страшно удивился Ранхгарт. — Уверяю вас, в моих намерениях нет ничего дурного. Я просто хочу поговорить с ней, хочу сбросить, наконец, это наваждение, что преследует меня с первой встречи с ней.

— А почему вы решили, что разговор поможет Вам сбросить

какое-то там наваждение? — не удержался Саннаэтель от вопроса.

Ранхгарт не ответил, но посмотрел так, что Саннаэтель и без слов понял, какого Ранхгарт мнения о мыслительных способностях всех женщин, без исключения. Стало ясно — Ранхгарт считает, что неминуемо разочаруется в девушке, стоит ему только поговорить с ней хотя бы несколько минут. Что ж, Санаэтеля такая перспектива вполне устраивала. Ему понравилась мысль о том, что, согласившись один раз встретиться с Ранхгартом в образе девушки, навсегда отвяжется от него.

Он глянул на Ализе, спрашивая взглядом, соглашаться или нет на это условие, Ализе в ответ только пожала плечами, предоставляя брату право решать самому.

Ранхгарт, видя их сомнения, решил ковать железо, пока оно горячо.

— Я могу прямо сейчас начать снимать заклятие, наложенное Лордом Даххарсом. Мне только надо, чтобы Ализе прилегла на кровать. Хочу сразу предупредить, будет очень больно. И этой боли избежать невозможно.

— Почему? — спросила Ализе, которую очень напугало такое предупреждение.

— Представьте, что комок раскаленного металла разлетелся на маленькие искорки, впившиеся в тело и застрявшие в нем. Эти остывшие крохотные частички металла надо извлечь. Проще всего это сделать сильным магнитом. Что будет испытывать тело, когда острые крупинки металла начнут выходить из него? Мне придется сделать почти то же самое. Частички тьмы вонзились в вашу ауру и мешают потокам вашей магической силы. Мне надо вытянуть их. Сделать это очень непросто для меня, и очень больно для вас.

— И что, когда Вы вытяните эту тьму, я выздоровею, и силы ко мне вернуться? — обрадовалась Ализе.

— Я смогу вытянуть лишь самые небольшие сгустки. Но и это значительно улучшит ваше состояние, — пообещал Ранхгарт. — К вам даже частично вернуться магические силы.

Ранхгарт уговаривал, словно торговец на ярмарке, расхваливающий свой товар. Саннаэтеля не оставляло ощущение, что он не все сказал, или не обо всем, но выбора у них не было, приходилось соглашаться на такие условия.

Это оказалось, действительно, очень больно. Ализе плакала и корчилась под его руками, но Ранхгарт был неумолим. Почти не обращая внимания на ее страдания, он сосредоточенно выполнял свою часть обязательства.

Все свои усилия он сконцентрировал на шее Ализе, вернее, на впадинку, что шла от шеи к груди. Глаза Ранхгарда стали совсем черными, а когда сквозь кожу девушки стали просачиваться едва заметные жгутики крошечных черных смерчей, на его лбу выступили капли пота.

— Фу, — он вытер пот со лба, — пока все. Теперь Ализе нужна помощь светлого целителя, и ее состояние сразу улучшится.

Ранхгарт выжидательно замолчал, деликатно давая понять, что ждет ответной любезности за оказанную помощь.

— Когда бы Вы хотели увидеть ее? — обреченно спросил Саннаэтель.

— В воскресенье в парке, где около пруда стоит беседка, — без запинки, словно эти слова были заранее обдуманы, ответил Ранхгарт.

— Она придет одна, без сопровождения, — предупредил Саннаэтель, игнорируя удивленный взгляд Ранхгарта.

Глава 9

Они встретились, как и договаривались, возле беседки.

— Ранхгарт, — любезно представился темный.

— Селивия, — запнувшись пару раз на своем новом имени, представился Саннаэтель. Он хотел сначала представиться Селиной, потом Оливией, в результате получилась Селивия.

— Какое необычное имя, — сделал комплимент Ранхгарт.

Он предложил прогуляться по парку. Селивия отказалась. Предложил покататься по озеру на лодке. Селивия отказалась. Она сдалась лишь, когда Ранхгарт пригласил ее в харчевню, расположенную в одном из кварталов на окраине, обещая угостить самыми вкусными пирожными на свете.

Не подозревая о подготовленной ловушке, Саннаэтель покорно пошел за ним.

Саннаэтель недооценил своего новоявленного поклонника, недооценил его фантазию и, самое главное, недооценил силу желания этого знакомства. К организации будущей встречи Ранхгарт подошел весьма творчески. Желая произвести поистине неизгладимое впечатление на свою даму, он заранее нанял пяток головорезов с целью имитации нападения на них. В принципе, Ранхгарт все рассчитал верно. Испуг барышни, благодарность за спасение от рук негодяев, вероятно, более близкое телесное знакомство (на это он сильно надеялся, учитывая свою мужскую красоту, привлекательность и обходительность).

Не учел он только одного. Едва бандиты стали приставать к ним, поигрывая длинными ножами, чтобы нагнать побольше страху, первое, что сделала Селивия, это схватила табуретку и разбила ее о голову ближайшего к ней нападающего. Второй через секунду, опять же, от ее удара улетел за стойку. Ну, а оставшихся троих пришлось разбросать Ранхгарту, чтобы не выглядеть на фоне девушки трусом и недотепой.

Такие действия Ранхгарта весьма озадачили и разозлили бандитов, и новая атака была уже не притворной, а самой что ни на есть настоящей. Селивия, а вслед за ней и Ранхгарт выскочили из харчевни, бандиты выбежали за ними, загнали парочку в глухой угол, огороженный высокой стеной. Тут опять весьма своевременно появилась стража. Нападающие бросились врассыпную, а Ранхгарт вальяжной походкой направился к командиру стражи, ласково шепнув на ходу Селивии: «Я все улажу».

Но Саннаэтель не стал ждать. От одной только мысли, что его доставят в пункт охраны порядка, где обязательно дежурит

светлый маг-целитель и для которого не останутся незамеченными созданные им изменения лица, Саннаэтель впал в такое паническое состояние, что не придумал другого выхода, кроме побега.

Ранхгарт услышал за спиной какие-то странные звуки, и, оглянувшись, только и успел заметить взметнувшиеся над стеной юбки. Мгновенно он бросился вслед за девушкой. Перемахнув через стену, он застал ее взбиравшейся по стене дома на крышу, для удобства зажавшую подол юбки зубами. Он метнулся за ней. Селивия мчалась по коньку крыши, словно под ногами была накатанная дорога, потом так же, почти не глядя под ноги, перепрыгнула на крышу соседнего дома, потом следующего, потом следующего. Иногда приходилось спускаться на землю. Селивия прыгала вниз, используя любые уступы, и так же легко взбиралась вверх, подтягиваясь на руках и даже пальцах.

Восхищение Ранхгарта девушкой росло с каждой секундой. Уйдя от погони, они, тяжело дыша, повалились на землю, и тут Саннаэтель почувствовал, как его губы накрыло губами Ранхгарта.

Без размаха Саннаэтель коротко ткнул в самую болевую точку солнечного сплетения Ранхгарта. А когда тот согнулся от боли, добавил удар сцепленными замком руками по затылку, и еще коленом в нос, когда враг так удачно наклонился лицом.

— Еще раз так поступишь, — прошипел Саннаэтель, — я тебя здесь и зарою. Ты понял?

Ранхгарт кивнул, вправляя свороченный нос и вытирая кровь, но глаза его смотрели нежно-нежно.

Глава 10

— Думаю, на этом наша встреча может считаться завершенной, — с достоинством высокородной леди чуть склонил голову в прощальном поклоне Саннаэтель. — До свиданья, Лорд Ранхгарт, надеюсь, мы с вами больше никогда не увидимся.

— Это еще почему? — сразу встрепенулся Ранхгарт.

— Саннаэтель намекнул мне, — с невыразимым наслаждением начал говорить Саннаэтель, — что вам достаточно всего одной встречи, после чего вы прекращаете общение с девушкой.

Ранхгарт едва слышно грязно выругался сквозь зубы, при этом Саннаэтель ясно расслышал свое имя и угрозу что-то оторвать.

— Но ведь наша встреча еще не закончена! — спохватился темный.

— Вы мне еще что-то хотите предложить? — не удержался от сарказма Саннаэтель. — Может, пробежку в обратном направлении?

— Нет, — Ранхгарт решительно не замечал ехидного тона девушки, — я хотел обратить ваше внимание на ваше платье. Оно разорвано! А поскольку вы не можете появиться в столь неподобающем виде, то я счел возможным пригласить вас в свой дом, который, к счастью, расположен совсем неподалеку. Там вы найдете все необходимое, чтобы привести себя в порядок.

Саннаэтель чуть не задохнулся от гнева. Предложить подобное ЕМУ, добропорядочной и целомудренной девице?! Пусть даже это предложение и было высказано наиучтивейшим тоном и наиделикатнейшими словами. Вот это наглость!

— Возможно, вашему народу присущи какие-то другие морально-этические нормы, — процедил Саннаэтель сквозь зубы, едва сдерживая себя, чтобы еще раз не заехать кулаком в многострадальный нос Ранхгарта. — Так вот, довожу до вашего сведения, что девушки моего народа не принимают подобных приглашений и приравнивают их по степени недопустимости к предыдущим вашим действиям!

— А что такого аморального было в моих предыдущих действиях? — притворно разобиделся Ранхгарт. — Легкий братский поцелуй. Саннаэтель Вас ведь тоже целует. Как брат, — тут же поспешил уточнить Ранхгарт.

Саннаэтель скрипнул зубами, но воздержался от технического сравнения братских поцелуев и поцелуя, каким его наградил Ранхгарт.

— К счастью, гостиница, в которой я остановилась, расположена совсем недалеко, так что… И не вздумайте меня провожать! — непререкаемо и твердо добавил Саннаэтель, заметив, что Ранхгарт собирается следовать за ним. — Мне еще дорога моя репутация.

И Саннаэтель быстрым шагом направился в сторону гостиницы, действительно, расположенной недалеко от места их встречи. Он намеренно выбрал именно ее. Как чувствовал, что такое близкое расположение может пригодиться.

Он уходил, спиной ощущая прожигающий его насквозь взгляд черных глаз Ранхгарта. И вдруг Саннаэтеля посетила страшная мысль: в длинных плащах, с накинутыми на лицо капюшонами и мужчины, и женщины выглядят одинаково. Он подумал, что Ранхгарт, так внимательно разглядывающий его со спины, вполне способен запомнить внешние очертания и походку.

Тут же размашистые движения Саннаэтеля сменились на семенящие шажки, что при его длинных ногах и высоком росте выглядело нелепо и неграциозно, но Саннаэтелю было не до красоты. Он лишь опасался, чтобы после сегодняшних приключений не оторвался каблук. Идти, припадая на одну ногу, и при этом сохранять чувство собственного достоинства, было бы проблематично.

Несколько дней ничего не происходило. Ранхгарт присмирел, погрустнел и совершенно оставил Саннаэтеля в покое.

К Ализе стали возвращаться магические силы, не такие, какими они были десять лет назад, но все-таки, хоть какое-то их наличие позволило восстановиться в Академии на первом курс. Но даже мысль, что придется сидеть рядом с девочками почти подростками, не умаляла ее радости. Вместе с силами возвращалась уверенность в себе, и отступал панический страх, который раньше охватывал ее, едва она оказывалась вдали от брата.

Учеба давалась ей легко, но, несмотря на это, она день и ночь зубрила в каком-нибудь тихом уголке особо трудные формулы, стараясь быстрее догнать в учебе одногруппников.

В один из таких дней к ней снова подошел Ранхгарт. Он был учтив и любезен, впрочем, с Ализе он вел себя всегда так.

— Я могу поговорить с вами? — обратился он к девушке, застав ее сидящей в Академическом парке на скамейке.

— Разумеется, — насторожилась Ализе, подсознательно ожидая чего-то плохого от этого разговора.

— Вы не могли бы передать Селивии мои искренние извинения. Между нами возникло недопонимание и у нее могло сложиться ошибочное мнение относительно меня и моих

намерений. Мне бы хотелось уверить ее в моем искреннем уважении и восхищении ею. Вы передадите мои слова? И еще. Если она сочтет это недоразумение исчерпанным, я вновь хотел бы просить ее о встрече.

— Конечно, конечно, — растерялась Ализе, — я обязательно передам ваши слова и завтра сообщу вам ее ответ.

Ранхгарт поклонился и быстро ушел. Ализе в отчаянии сдавила руки. Саннаэтель сказал после встречи с Ранхгартом, что он их больше не побеспокоит. Оказалось, что брат ошибся.

Глава 11

— Что будем делать? — грустно спросила Ализе Саннаэтеля.

Брат на минуту задумался.

— Ничего страшного. Передашь ему, что Севилия приняла его извинения… и уехала из города.

Саннаэтель и Ализе с сомнением посмотрели друг на друга, в глубине души понимая, что Ранхгарта такие слова только подстегнут к дальнейшим поискам.

— Может, сказать, что Севилия отказывается принимать извинения? — с надеждой предложила Ализе.

— И тогда Ранхгарт перевернет всю округу вверх ногами, чтобы лично попросить прощения, — Саннаэтель замолчал в раздумье, какая-то неясная мысль маячила где-то на задворках сознания. — Придумал! — радостно воскликнул он. — Я напишу ему письмо. Это должно его убедить.

— А он не узнает твой почерк? Вы все же вместе учитесь.

— Не узнает. Я буду писать левой рукой, или ты напиши, — предложил он сестре.

— Нет! — она испуганно замахала руками. — Сам пиши.

Саннаэтель задумался. Письмо должно быть, с одной стороны, доброжелательным, с другой — не оставлять ни капельки надежды.

«Лорд Ранхгарт! — вывел он левой рукой, но, поскольку ею он писал очень редко, буквы получились немного неровными. Саннаэтель решил, что так даже лучше — пусть думает, что Селивия волновалась, когда писала письмо. — Я с удовольствием принимаю Ваши извинения и считаю недоразумение, случившееся между нами, исчерпанным.

С уважением, С.».

Саннаэтель чуть подумал и сделал приписку:

«P.S.

О встрече не может быть и речи, поскольку в скором времени я выхожу замуж. Вы сами должны понимать недопустимость наших встреч в свете этого будущего события».

Саннаэтель запечатал письмо, и на другой день Ализе вручила его Ранхгарту. Тот разорвал конверт прямо на ее глазах, не дожидаясь, пока девушка уйдет, или он сам доберется до какого-нибудь укромного местечка. Быстро пробежал глазами по строчкам. Пораженно замер, потом прочитал еще раз, но уже медленнее.

— Севилия выходит замуж? За кого? — требовательно спросил он у Ализе, и глаза его при этом загорелись черным

мрачным светом. Ализе поёжилась и решила не отвечать, отделавшись обычными банальными фразами. Только с Ранхгартом этот номер не прошел. — Ализе, вы помните, как я помог вам, и, практически, спас вас совсем недавно? — бесцеремонно напомнил он о своем благородном поступке.

Ализе вновь поежилась. Так откровенно напоминать о своих благодеяниях, и открыто намекать на ответную помощь казалось ей неприемлемым.

Однако Ранхгарт так не считал.

— Так за кого Севилия выходит замуж? — снова спросил он.

Ализе откровенно растерялась. Назвать первое пришедшее в голову имя она побоялась, справедливо решив, что тем самым подпишет владельцу имени смертный приговор, поэтому она тянула время, пытаясь что-то придумать.

— А Севилия и сама не знает ни имени будущего мужа, ни кто он. Родители только предупредили ее, что через два месяца свадьба, и сейчас они с родственниками возможных кандидатов в мужья ведут переговоры.

Глаза Ранхгарта вспыхнули бешенством и отвращением.

— Ее родители выторговывают за дочку возможно большую цену? — с презрением спросил он.

— А что тут удивительного? — успокоившись, возразила Ализе. — Во всех высокородных семьях так поступают. Браки по расчету еще никто не отменял.

— И Севилия согласится с выбором родителей?!

— Разумеется. Она уважает их и понимает, что дурного они ей не сделают!

Ранхгарт побелел.

«Как интересно! — подумала Ализе. — От гнева он краснеет, от ярости белеет. Какая странная цветовая гамма».

Она уже почти не боялась, поэтому без страха следила за эмоциями Ранхгарта, которые тот и не думал скрывать. Мужчина какое-то время с яростью смотрел на нее, словно это она собирается выдать замуж Севилию, а потом, не прощаясь, резко развернулся и ушел.

Глава 12

Ализе побрела на урок, почему-то в полной уверенности, что очень скоро она вновь увидит Лорда Ранхгарта. Так и случилось. Он, как всегда, вежливо постучал в дверь ее комнаты.

— Ализе, — обратился к ней Ранхгарт (когда девушка восстановилась в Академии, да еще на первый курс, Ранхгарт, как и все, стал называть ее просто по имени), — есть еще один способ попытаться улучшить ваше состояние, и я предлагаю им воспользоваться. Разумеется, ваш брат будет находиться рядом, и, разумеется, за свою помощь я прошу прежнюю плату.

Ализе только хлопала глазами. Ранхгарт спокойно и ничуть не смущаясь говорил о таком деликатном и личном деле! Ализе умерла бы от стыда, если бы ей пришлось так навязчиво выпрашивать свидание.

— Я должна поговорить с Саннаэтелем, — только и смогла ответить она.

— Ну, так поговорите, я видел, как он только что прошел в душ. Думаю, разговор не займет у Вас много времени, через час я снова подойду.

Когда Ализе передала разговор с Ранхгартом Саннаэтелю, он в первую очередь спросил:

— А что это за способ?

— Не знаю, Ранхгарт не объяснил.

— А почему он раньше нам его не предложил?

— Ну откуда я знаю? Разве Ранхгарта можно понять? Да, знаешь, когда он говорил о своем предложении, мне показалось, что он или сомневается, или переживает. Во всяком случае, выглядел он не очень уверенно, — вспомнила Ализе.

— А вдруг этот способ опасен, и поэтому Ранхгарт нервничал? — всполошился Саннаэтель. — Зачем рисковать? Тебе уже намного лучше, исчезли и боли, и слабость, и кошмары. Магические силы возвращаются. Зачем лишний раз испытывать судьбу? — вслух рассуждал Саннаэтель, не желая признаваться, что главная причина его нежелания принимать условия Ранхгарта — это будущее свидание с ним.

— А ты сам с ним поговори, — предложила Ализе. — И если посчитаешь, что надо отказаться, я откажусь.

Саннаэтель тяжко вздохнул. Как только Ализе переложила на его плечи вопрос о восстановлении своего здоровья, малейшие сомнения в том, что надо соглашаться на предложение Ранхгарта, отпали. И все же для собственного успокоения Саннаэтель и Ализе подошли к Ранхгарту. Саннаэтель прямо спросил, почему

раньше Ранхгарт не говорил об этой возможности.

Ранхгарт широко улыбнулся, не отрицая факт утаивания этой информации, и жизнерадостно ответил:

— Видите ли, существует один нюансик, выполнение которого, вполне может поставить мою жизнь под угрозу, если о нем узнает Лорд Даххарс.

— Какой нюансик? — тут же забеспокоился Саннаэтель.

— А такой: Ализе должна быть совершенно обнажена. К тому же мне придется многократно прикасаться к ее телу.

— Об этом не может быть и речи! — оскорблено возразил Саннаэтель, а Ализе как-то подозрительно промолчала, не вмешиваясь в разговор и никак не реагируя на наглое предложение Ранхгарта.

Ранхгарт оставил без внимания благородный порыв Саннаэтеля, вместо этого он склонил голову, чтобы его глаза оказались на уровне глаз Ализе, и проникновенно произнес:

— Соглашайтесь, Ализе, другого такого шанса у Вас не будет. Обещаю, что никоим образом не воспользуюсь Вашим доверием и не превышу необходимое количество прикосновений или их откровенность.

Ализе покраснела, догадавшись, на что он намекает, и, зажмурившись, кивнула в знак согласия.

— Вот и отлично! — обрадовался Ранхгарт. Достав из кармана какой-то амулет и сделав несколько пассов руками, открыл портал. — Прошу, — Ранхгарт картинно указал рукой в переливающееся марево.

— Подожди, — остановил его Саннаэтель, — мы не договаривались, что будем куда-то отправляться из Академии.

— К сожалению, — обманчиво печальным тоном начал Ранхгарт, — место, куда нам необходимо попасть, никаким образом нельзя переместить в Академию, вот нам и придется самим перемещаться туда.

Саннаэтель, которому не понравился ни шутовской тон Ранхгарта, ни место, куда он их собрался забросить, хотел что-то возразить, но его опередила Ализе, смело шагнувшая в неизвестность. Саннаэтелю ничего не оставалось, как направиться вслед за сестрой.

Одного беглого взгляда хватило, чтобы понять — они находятся в Храме темных, рядом с алтарем. Ализе восхищенно ахнула, Храм был невероятно красив. Золото, драгоценные камни так и переливались в свете нескольких десятков свечей, украшавших Храм. Тем большим диссонансом выделялся абсолютно черный прямоугольный камень, стоявший посередине.

Но его обманчивая простота не ввела в заблуждение ни

Саннаэтеля, ни Ализе. Они сразу почувствовали в этом камне сосредоточие темной силы такой мощи, что противостоять ей они не смогли бы.

Глава 13

— Ализе, — обратился к девушке темный, — ты должна обнаженной лечь на этот камень.

Ализе, на которую этот Храм оказал просто гнетущее воздействие, несмотря на всю его красоту, испуганно кивнула, и, попросив мужчин отвернуться, быстро сняла туфли, платье, белье, чулки и осторожно вытянулась на камне.

— Сразу хочу предупредить, — начал Ранхгарт, — возможно тебе будет еще больнее, чем в прошлый раз. Зато теперь мы сможем увидеть мельчайшие оставшиеся сгустки тьмы в твоем теле, сможем увидеть места разрыва твоих магических сил. Я говорю о вашей родовой магии. Без этого алтаря я не мог их видеть, — честно признался Ранхгарт, — поэтому не мог и восстановить. Теперь, надеюсь, у меня получится.

Ранхгарт говорил спокойным тоном, в котором, однако, иногда проскальзывали нотки бравады, вот они-то и насторожили Саннаэтеля.

— Ранхгарт, — осторожно спросил он, — разве у вас такое разрешается?

— Какое «такое»? — притворился непонимающим Ранхгарт.

— Разве это можно приводить в ваш Храм, в вашу святыню нас, светлых? У нас такое ни за что бы не разрешили.

— И у нас бы не разрешили, — беспечно махнул рукой темный. — Если бы узнали, — тут же со смешком добавил он.

— А разве сама святыня не может защитить себя от святотатства? Ведь именно это мы сейчас и делаем, — не унимался Саннаэтель.

— Ну, мы же не собираемся ее разрушать или осквернять, — не согласился Ранхгарт. — Мы только немного воспользуемся ее силой.

— И тебе за это ничего не будет? — поразился Саннаэтель.

— Конечно, будет, — Ренхгарт говорил так, словно был совершенно равнодушен к собственной участи. — Меня накажут.

— Накажут? Как? — теперь уже заволновалась и Ализе.

— Как? Да очень просто, самым действенным и запоминающимся способом — болью.

— Болью?! Не надо мне помогать, я не хочу получить исцеление такой ценой, — Ализе стала сползать с алтаря.

— Лежи смирно! — рявкнул Ранхгарт, и девушка послушно замерла на камне. — Мои проблемы — это только мои проблемы, и больше ничьи. Я выполняю свою часть сделки, вы — свою, И кто сколько платит за это никого не должно волновать! Я же не

спрашиваю, как вы будете уговаривать Севилию встретиться со мной, и что вы ей за это пообещаете.

Саннаэтель с Ализе только и смогли, что переглянуться, чувствуя себя мошенниками, пообещавшими конфету, заранее зная, что вместо нее будет один только фантик.

Ранхгарт навис над Ализе и что-то забормотал речитативом, возложив ей на живот руки. Вот тогда Саннаэтель второй раз услышал, как дико может кричать от боли его сестра. Впервые он слышал это, когда вырывал ее из рук Лорда Даххарса. Саннаэтель рванулся к алтарю, но какая-то сила словно связала его руки и ноги, не давая приблизиться. Оставалось только смотреть. Снова над кожей Ализе заклубились, сначала почти прозрачные, но с каждым мгновением все более и более чернеющие крошечные смерчики, притягивающиеся к рукам Ранхгарта и исчезающие в его ладонях. Ализе кричала, не переставая, но и Ранхгарту было нелегко, Саннаэтель это ясно видел. Не только пот выступил на его лбу, теперь и вены вздулись и пульсировали на висках и шее, но он не прекращал обряд, пока совсем не выбился из сил.

— Все! — только и мог сказать он, бессильно опускаясь рядом с камнем. И вдруг, схватившись руками за голову, громко закричал: — Началось! Саннаэтель помоги Ализе. Отойдите как можно дальше от алтаря. Не пытайтесь мне помочь. Что бы вы ни увидели, не подходите ко мне, будет только хуже! И, если возможно, не используйте пока свои силы!

Саннаэтель подскочил к сестре, подняв на руки, отнес в самый дальний угол. Прикрыв одеждой ее тело, ласково гладил по голове, помогая прийти в себя, не решаясь использовать свою силу. И с ужасом наблюдая за тем, что происходило с Ранхгартом. Тот все так же лежал у алтаря, только теперь — сжавшись в комок. От боли он стал раскачиваться из стороны в сторону, постанывая сквозь зубы. Вдруг резко вытянулся, откинул голову назад, и волна судороги прошла по его телу. Но это было только началом. Волны судорог шли одна за другой, заставляя тело выгибаться самым немыслимым образом. Изо рта шла пена.

Ализе с каждой секундой становилась все легче, она попыталась встать, и тут ее взгляд упал на Ранхгарта. Зажав от ужаса рот руками, она зажмурилась, уткнулась лицом в плечо брата и не открыла глаз, пока все не закончилось.

Тело Ранхгарта обессилено обмякло. Он лежал на полу, раскинув в стороны руки и ноги. Саннаэтель, не решаясь подойти, тихо позвал:

— Ранхгарт, ты как? Мне помочь тебе?

Тело на полу зашевелилось. Ранхгарт несколько раз глубоко вздохнул, потом сел, привалившись спиной к черному камню.

— Фу, отпустило! — прошептал он, и тут же, увидев перекошенные от ужаса лица Саннаэтели и Ализе, весело подмигнул им. — Фигня, все уже прошло, — в голосе Ранхгарта явно зазвучало бахвальство. — Тем более, это было не в первый раз. Я с детства отличался любознательностью и предприимчивостью. Ско-о-о-олько этот Храм от меня повидал! Вспомнить страшно… Храму.

Глава 14

Ализе быстро оделась. Ранхгарт открыл портал, и они снова оказались в Академии. Ранхгарта чуть пошатывало, но держался он уверенно, не позволяя жалеть себя.

— Надо еще два раза пройти этот ритуал. Но даже после этого Ализе полностью не излечится, — сказал он. — Все сгустки тьмы я уберу, кроме трех: в области шеи, в районе сердца и внизу живота, их я смогу только уменьшить и сжать. Они останутся словно штыри, блокируя ее силы к родовой магии. Обычные магические силы восстановятся полностью. Из-за этих участков тьмы Ализе теперь сможет почувствовать, если на нее будут воздействовать темной магией, она будет ощущать жжение. Чем сильнее воздействие, тем и боль будет сильнее. Но ничего большего я сделать не смогу, — с этими словами он попрощался и быстро ушел.

Ализе села на кровать и закрыла глаза руками.

— Как же мне плохо!

— У тебя что-то болит? Тебя тошнит? — бросился к ней Саннаэтель.

— Нет, — она грустно покачала головой, мне плохо в душе. Чувствую себя так, словно я совершила страшную подлость, или словно обидела кого-то. Я больше не соглашусь, чтобы Ранхгарт лечил меня, тем более, платя такую цену. Мне не нужно такое исцеление. А ты разве не чувствуешь то же самое? — обратилась она к брату.

Саннаэтель подтверждающее кивнул, ощущение собственной подлости прочно поселилось в его душе.

— Мы ведь не хотели его обманывать! — пытаясь хоть как-то оправдаться и перед сестрой, и в собственных глазах, воскликнул Саннаэтель. — Мы все сделали, чтобы его отвадить. Я даже письмо написал, что Севилия выходит замуж.

— Думаю, письмо и спровоцировало его на этот поступок. Он испугался, что у него совсем не остается времени завоевать девушку, вот и решил форсировать события.

— И что теперь делать? — с горечью спросил Саннаэтель. — Снова напялить на себя женские тряпки, дурача и обманывая его? Не смогу, слишком противно, — твердо самому себе ответил Саннаэтель.

— Ты ему скажешь правду? — глаза Ализе округлились от ужаса. — И что потом будет?

— Ничего хорошего, он решит, что я специально хотел над ним поиздеваться.

— Ты ему расскажи, почему тебе пришлось прибегнуть к такому превращению. Он должен понять, — пыталась успокоить брата Ализе.

Саннаэтель грустно усмехнулся и подумал: «Поймет он, как же. Если бы хотя бы не было того дурацкого поцелуя, еще можно было бы все обратить в шутку, но теперь…»

И все-таки Саннаэтель пошел к Ранхгарту. После того, как он увидел, на что пошел Ранхгарт ради встречи с Севилией, он больше не мог скрывать от него правду.

Теперь уже Саннаэтель осторожно стучал в дверь комнаты Ранхгарта. Тот открыл, даже не спросив, кто это. Был немного бледен, но в отличном настроении.

«Был… в отличном настроении», — подумал Саннаэтель, увидев, как лицо Ранхгарта вытянулось от удивления из-за такого неожиданного визитера.

— Что-то случилось? — настороженно спросил тот. — Только не говори мне, что ты здесь из-за того, что не можешь мне устроить встречу с Севилией! — от этой мысли настороженность на лице Ранхгарта мгновенно сменилась гневом и раздражением.

— Ранхгарт, нам надо поговорить, — с трудом подбирая слова, начал Саннаэтель. — Я начну рассказывать с самого начала, чтобы ты понял причину моего поступка.

— Какого поступка? — не дал закончить ему Ранхгарт, но Саннаэтель дернул головой, мол, все и сам сейчас поймешь.

— Ализе было необходимо попасть в Храм, посвященный Богине — покровительнице женщин, и искупаться в воде целительного источника. Дорога к Храму длинна, Ализе боялась идти одна, а меня не пускали идти вместе с ней…

— Я понимаю, — снова перебил его Ранхгарт. — Для этого вы попросили Севилию сопровождать ее.

— Не было никакой Севилии, — тихо с тоской в голосе, сказал Саннаэтель. — Мы с сестрой одни, все родичи отвернулись от нас, — он замолчал, не решаясь продолжить.

— Так кто же была та девушка, которую я видел с Ализе? — поторопил его с ответом Ранхгарт.

— Это был я, — выдохнул Саннаэтель, и, глядя в глаза Ранхгарту, сменил облик, превратившись в Севилию.

Глаза Ранхгарта от удивления остекленели, и несколько секунд он потрясенно смотрел на девушку. Вдруг глаза стали стремительно чернеть. Гнев, ярость, отвращение, брезгливость буквально заклубились в них.

— Я ненавижу тебя, — тихо прошептал Ранхгарт, — ненавижу. И я отомщу тебе за мое унижение. Так отомщу, что ты будешь жалеть, что затеял все это.

— Ранхгарт… — начал оправдываться Саннаэтель.

— Пошел вон, — тихо прошептал темный, — иначе я сейчас тебя убью.

Саннаэтель глянул ему в глаза и понял, что тот не шутит.

Глава 15

Саннаэтель понимал, что ему теперь придется несладко, но не ожидал, что настолько. Месть Ранхгарта за свое унижение выплескивалась на него совершенно разными способами, вплоть до самых мелких и злобных пакостей.

Причем, первый день после того знаменательного разговора прошел спокойно, Саннаэтель уже начал надеяться, что все обойдется, например, бойкотом, игнорированием, презрительным незамечанием, но то, что стало происходить на другой день, обрушило все его надежды.

Только закончились занятия на полигоне, все дружно бросились в душ. Саннаэтель не спешил, он всегда, с первого дня учебы купался один, дожидаясь, пока вымоются остальные. Это показалось бы странным и подозрительным, если бы его одногруппники могли хоть что-то замечать.

Вот и в этот раз он дождался, пока останется один, и зашел в душ. Выходя оттуда, предварительно убедился, что никого нет, и стал вытираться, радуясь свободе и спокойствию.

Протянул руку за одеждой и замер потрясенно. Вместо его камзола и брюк в его шкафчике висело платье точно такого же цвета и из той же ткани, что и его одежда. Больше в шкафчике ничего не было, кроме женских туфель его размера.

Мужчина обессилено сел на скамью, не представляя, что теперь делать. Выбор был невелик: или идти в платье, или — завернутым в полотенце. Саннаэтель расстроено держал в руках это проклятое платье и горестно думал: «Теперь понятно, почему вчера Ранхгарт не трогал меня: ему нужно было время на подготовку. Ну что за скотина! — с раздражением отшвырнул от себя платье Саннаэтель. — И не лень ему было искать портного, у которого я заказывал женский наряд, а потом еще сапожника, платить двукратно за срочность, чтобы только ткнуть мне его в лицо? И что теперь делать?»

Саннаэтель еще немного повздыхал… и стал напяливать на себя платье. Скоро на полигон должна была прийти следующая группа, и голым перед ними сидеть не хотелось.

«Вот тварь! — уже с бешенством думал Саннаэтель, извиваясь самым немыслимым образом в попытках затянуть на спине шнуровку корсажа. — Так бы и придушил ублюдка! Как точно все рассчитал, чтобы вынудить меня нарядиться в платье! Учел даже нашу с Ализе ментальную связь. Зачем мы только ему о ней сказали? Думали, он благороден, великодушен, а он моральный урод, каких мало!»

Саннаэтель попытался ментально вызвать сестру, но она была в здании Академии в одной из аудиторий, защищенных от любых магических воздействий.

Платье село, как влитое. Саннаэтель заскрипел зубами. Туфли тоже оказались по размеру, причем, их цвет, бант и пряжка на банте идеально гармонировали с платьем.

Саннаэтель с отвращением оправил юбку и двинулся к выходу. Не пройдя и трех шагов, он остановился, сраженный простой мыслью: что мешает Ранхгарту превратить его выход из раздевалки в театральное представление, пригласив на него зрителей?

Саннаэтель замер, мучительно вслушиваясь в звуки снаружи. Вроде все было тихо, но чувство опасности теперь не покидало его.

Здание, где они переодевались и принимали душ после практических занятий на полигоне, было одноэтажным, с высоким чердаком на крыше. Вот на него-то и решил подняться Саннаэтель. Одного взгляда хватило, чтобы заметить несколько голов, ожидающих его на выходе с полигона.

Саннаэтель почувствовал себя зверем, которого загнали в ловушку. Полигон обнесен четырехметровым забором, выход с полигона только один. Саннаэтель бессильно метался по зданию, потом взял себя в руки, и стал думать. Ранхгарт в принципе все правильно рассчитал, он не учел только одного. После того, как Ализе стало лучше, Саннаэтель прекратил вливать в нее ежедневно свои силы, и они, соответственно, значительно выросли. Ему еще не представился случай это продемонстрировать, чему сейчас он был несказанно рад. План побега созрел мгновенно. Отвлечь внимание Ранхгарта и его приятелей, а саму тем временем перебраться через забор.

Саннаэтель снова забрался на чердак. «Так! Сосредоточиться, не спешить, — думал он, концентрируя все свое внимание на создании необходимого заклинания. — Ледяная оболочка, внутри — огненный шар. Толщина льда должна быть такой, чтобы перенести сгусток огня на нужное расстояние. Потом оболочка должна истаять… и взрыв!»

Все получилось даже лучше, чем он ожидал. И взрыв оглушительнее, и взрывная волна сильнее, она просто снесла зрителей с забора, и дым, смешанный с паром, был таким густым, что Саннаэтелю ничего не стоило незаметно добежать до забора, ласточкой перемахнуть через него, а дальше… ищи ветра в поле.

Ранхгарт был взбешен, Ализе плакала, а Саннаэтель был собран и внимателен, он знал, что это еще не конец.

Глава 16

Начиная с того момента, как Саннаэтель сбежал с полигона в женском платье, не было ни одного дня, а в дне — ни одного часа, кроме времени сна, чтобы он не думал о Ранхгарте, вернее, не мечтал о том, как бы помучительнее и поизощреннее убить его, стараясь сделать этот процесс возможно длиннее и растянутее.

В лексиконе Саннаэтеля не хватало бранных и оскорбительных слов для характеристики этого упыря, этого исчадия зла.

Внешне Саннаэтель держался спокойно, никто и догадаться бы не смог, какой океан гнева и ненависти бушует в его груди. Теперь Саннаэтель был настороже каждую секунду пребывания вне стен своей комнаты, но это, как показала жизнь, мало чем ему помогло. Взять хотя бы последний случай.

…— Урод, урод, урод, урод, — в ярости шептал Саннаэтель, тщетно пытаясь изорвать в клочья бумажку, которую только что отлепил со своей спины. «Сколько я с ней проходил? — думал он, пытаясь сжечь несгораемый листок. — Полчаса, час, или еще больше? Ее прилепили на лекции или уже в перерыве? Но почему я ничего не почувствовал? Как он умудрился все это провернуть, что я ничего не заметил? Неужели я с этим листком на спине сидел в аудитории и ходил по коридору?! — вновь и вновь ужаснулся Саннаэтель, рыча от бессильной злобы. — Спасибо, хоть Ализе об этом сказала, а если бы нет?!»

— Вот скотина, — опять не удержался Саннаэтель, пристально разглядывая ненавистный листок, больше похожий на небольшой плакатик, — неужели это он сам нарисовал?

Рисунок был, и впрямь, замечательным и необычным, конечно, смотря с чьей стороны смотреть. Лицо Саннаэтеля было прорисовано не просто хорошо, а даже талантливо. И спокойная уверенность во взгляде, и затаенная улыбка, чуть угадывающаяся в уголках губ, не могли вызвать никаких других эмоций, кроме восторженных. А вот все остальное… Саннаэтель был изображен в платье, в вызывающе пикантной позе. Юбка с одного бока была задрана до пояса, выглядывающая нога кокетливо отставлена. Одна рука подпирала бедро, другая подзывала клиента.

Правда, отставленная нога принадлежала, очевидно, троллю, поскольку была безобразно волосатой, у эльфов таких волосатых ног не могло быть априори.

Но Саннаэтеля убило не это. Саннаэтеля добил вывешенный ценник оплаты услуг. За удовлетворение ртом — 2 медяка. Если

используется другое место (на рисунке прямым текстом было написано какое), то один медяк. Группе клиентов, желающих удовлетворяться одновременно, была к тому же еще и обещана скидка.

Саннаэтель стиснул зубы, глубоко вздохнул несколько раз, чтобы успокоиться, и стал выбираться из того закутка, в который он забился, когда сестра ментально сообщила ему о бумажке, приклеенной к спине. Будь его воля, духу бы его в этой Академии не было. А так пришлось вновь возвращаться в ненавистные коридоры и аудитории, со спокойно-скучающим выражением на лице, словно ничего не случилось. Небольшой дождичек из бальзама пролился на сердце, когда Саннаэтель успел уловить разочарованный блеск в глазах Ранхгарта. Хоть что-то приятное.

Больше в этот день ничего не случилось. Саннаэтель чуть повеселел, но на другой день по Академии пролетел слух, что кто-то из старших курсов меняет внешность, принимая образ девушки, чтобы иметь возможность подсматривать за ними в раздевалке и туалете.

Этот слух, непонятно откуда появившийся, вызвал переполох среди прекрасной половины студентов. К ректору была отправлена делегация с требованием найти извращенца, проверив всех парней старших курсов на остаточную магию, после превращения.

Саннаэтель, услышав это, похолодел. Если такая проверка будет устроена, его вычислят мгновенно. От ужаса, что из Академии он вылетит с такой позорной записью, навсегда оставшись в памяти всех, как извращенец, поглядывающий за девушками в раздевалках, а тем более, в туалете, он хотел тут же бежать. Потом, в который раз, взяв себя в руки, решил держаться до последнего. И снова разочарованный блеск в глазах Ранхгарта был небольшим утешением за нервную встряску, которую он пережил. Ректор успокоил девушек, сказав, что слухи об извращенце — это только сплетки, и пообещал найти того, кто их распускает.

Саннаэтель жил, словно на вулкане, ожидая каждую минуту подвоха. И Ранхгарт превзошел самого себя, таки добившись, чтобы Саннаэтеля сорвался.

Произошло это через две недели. Две спокойных, умиротворяющих недели, когда Саннаэтеля никто не трогал, и он уже решил, что все самое плохое позади.

Глава 17

Саннаэтель старался избегать любых мероприятий, устраиваемых в Академии, веселые и шумные студенческие вечеринки его не привлекали. Но среди празднеств были такие, игнорировать которые он не мог. Бал Весеннего Равноденствия считался одним из самых любимых и значимых событий для всех без исключения. Отсутствие на нем могла извинить только кома или смерть.

Ализе и Саннаэтель неохотно собирались на праздник. Она — из-за плохих воспоминаний, ведь именно на этом балу она познакомилась со своим мужем. А, Саннаэтель… просто потому, что не любил никакие праздники и веселья, шум, и суматоху. И это было очень удивительно, поскольку он был эльфом, а эльфы всегда славились любовью к праздникам.

…Ах, этот Бал Весеннего Равноденствия, как же его все ждали! Ведь это был не просто танцевальный вечер, на этом балу разрешалось ВСЕ, ну, почти все. Алкоголь — рекой, как на великосветских балах в королевствах, никаких моральных ограничений на любовь, нужно лишь обоюдное согласие.

А еще на этом балу все надевали маски.

Маски и маскарадные костюмы, словно по волшебству, снимали все ограничения… и тормоза, давая настоящей натуре, обычно спрятанной глубоко внутри каждого, вырваться на волю.

Казалось бы, зачем преподаватели идут на такой риск? Так вот, это делалось умышленно, мало ли в каких обстоятельствах могут оказаться выпускники Академии? Знать, как они поведут себя в тех или иных обстоятельствах было жизненно необходимым, а такой чудесный бал как нельзя более кстати подходил для этого. С одной стороны — полная раскрепощенность, с другой — зоркие глаза наставников, внимательно следящие за каждым шагом пьяных от вина ли, или опьяненных любовью воспитанников.

Академия магии была создана в первую очередь для того, чтобы помочь существам, обладающим сверхвозможностями, контролировать их. Разные расы, разные способности — в Академию принимали всех.

Фейри, гурии — у разных народов их называли по-разному. Соблазнительные искусительницы, перед очарованием которых не мог устоять никто. Во время учебы их заставляли держать под контролем свои способности, но поскольку юные фейри этого делать не умели, их принуждали носить артефакты, блокирующие эту их особенность. И лишь во время этого бала им не только

позволялось, но даже поощрялось использование своих чар. Блокирующие артефакты снимались, и феи погружались в волны чувственных наслаждений, унося с собой выбранных спутников. В объятия фейри хотели попасть все студенты. По Академии ходили тысячи раз перевранные рассказы вкусивших ласки фей в эту волшебную ночь.

Жаль, что в Академии училось совсем мало фей, всего пять. А значит, столько будет и счастливчиков, получивших неземное блаженство.

Саннаэтель с сестрой стояли недалеко от входа в зал. Он с тоской смотрел на толпу, бурлящую перед ним, но маска на лице, к большому счастью присутствующих, скрывала это. Иначе от его уныния все лепестки их радости свернулись бы в трубочку и почернели бы, скукожившись.

На Саннаэтеле был… костюм эльфа, который дополняла маска не то ежика, не то скунса, а может, енота. Кого-то серого с острым любопытным носиком. Саннаэтель взял первую попавшую под руку, из тех, что ему предложили.

Стоит он, стоит, обозревая зал, ожидая, когда появится возможность покинуть это сборище, и вдруг девушка, с ног до головы закутанная в покрывало, схватила его за руку, приглашая потанцевать. Он подозрительно осмотрел ее. Ростом ему по плечо, хрупкая, миниатюрная, легкая. Девушка еще раз нетерпеливо дернула его за руку, не понимая причины его медлительности. Правильно растолковав ее взгляд, он не очень охотно, но, тем не менее, учтиво повел ее к танцующим.

Одна его рука на талии девушки, ее рука — на его плече, кисти других рук соединены, ничего фривольного или недопустимого. Они закружились в танце. Рука девушки поползла по его плечу, остановившись лишь, когда дотронулась до открытого участка кожи на шее. Ее пальцы скользнули под воротник рубашки, проворно расстегнув верхнюю пуговицу, потом еще одну. Девушка вырвала свою вторую руку из захвата руки Саннаэтеля и уже обеими руками гладила его грудь, расстегивала пуговицы все ниже и ниже, и предоставляла возможность рукам Саннаэтеля полностью захватить ее в свои объятия.

Саннаэтель сначала опешил от такого напора, потом поддался ему, позволяя делать с собой все, что заблагорассудится. Но едва лишь руки девушки коснулись его живота, как он, словно очнувшись, грубо перехватил ее кисти, отбросив от себя. Запахнул рубашку, развернулся и быстро вышел из зала, оставил девушку одну посреди танца. Она растеряно смотрела ему вслед, не понимая, как такое случилось, и как такое

вообще возможно.

— Мия, что произошло? Почему он ушел? — спросил подошедший к ней мужчина в маске.

— Я… я не знаю… не понимаю. Ранхгарт, он мертвый! Он не откликнулся на мой призыв?! Он мертв!

— Как это мертв? — удивился Ранхгарт, поскольку это был, именно он. — Любовный зов фей чувствуют все, а сопротивляться ему могут лишь немногие.

— Он почувствовал, но не откликнулся! Я не понимаю, как такое возможно, — удивленная, даже слегка задетая подобным отношением Саннаэтеля, возразила Мия.

— Он не откликнулся, или преодолел зов? — вдруг стал уточнять Ранхгарт.

— Не откликнулся! Он словно мертвый, как зомби, или находящийся в коме. Я с таким еще не сталкивалась.

— Это становиться интересным, — прошептал про себя Ранхгарт. — Значит, дорогой Саннаэтель, ты что-то скрываешь? Думаю, тебе недолго осталось хранить свою тайну.

Саннаэтель добрался до своей комнаты и, сорвав маску, бросился на кровать, уткнулся в подушку. Только сейчас он понял, что девушка, танцевавшая с ним, была феей. И что она, несомненно, была подослана Ранхгартом.

«Как этот ублюдок смог подговорить ее? — с тоской думал Саннаэтель. — Фей нельзя купить деньгами, они призывают только желанного. Вроде, так говорят. Или я что-то не знаю о феях? — вяло думал он. — Вот ведь урод!» — раздражение с новой силой вспыхнуло в его душе, но кроме раздражения в ней вспыхнуло еще и отчаяние. Самая затаенная надежда, тлеющая маленьким угольком в его душе, погасла из-за Ранхгарта. И тут, словно финальный аккорд в какой-то музыкальной пьесе, раздался удар ног в дверь его комнаты, и медленные, удаляющиеся шаги. Молнией вскочил Саннаэтель с кровати, и, распахнув дверь, заорал, почти истерично:

— Что же ты, ублюдок, уходишь? Хочешь поговорить? Давай поговорим, как мужчина с мужчиной!

Глава 18

Ранхгарт вернулся мгновенно, словно только и ждал подобного приглашения. Его губы растянулись в ехидной улыбке, которую, к сожалению, теперь не скрывала маска, слова, слетавшие с губ, были столь же ехидны.

— Как мужчина с мужчиной? — деланно удивился он. — А ты уверен, что ты мужчина? Зову фей почти никому не удается противостоять, даже я как-то поддался, — с превеликой гордостью и восхищением за себя, любимого, произнес он.

Глаза Саннаэтеля сузились от ненависти, от ненависти не только к Ранхгарту, но и ко всем темным, вместе взятым.

— Ты спрашиваешь, почему я не откликнулся на зов феи? — процедил он сквозь зубы. — А вот из-за этого! — и Саннаэтель резко выдернув низ рубашки, заправленный в брюки, стал нервно ее расстегивать.

Ранхгарт, все с той же усмешечкой, которая едва скрывала любопытство, светящееся в глазах, наблюдал за действиями Саннаэтеля.

А Саннаэтель не замечал ничего — ни взгляда Ранхгарта, ни открытой двери. Его охватило бешенство, бешенство, затмевающее разум и заставляющее порой совершать глупые необдуманные поступки. Он сорвал с себя рубашку и повернулся левым боком к Ранхгарту.

— Ничего себе! — только и смог вымолвить тот. — Здорово тебя приложили! Кто это так постарался?

Левый бок Саннаэтеля выглядел просто ужасно — его «украшали» шесть полос, каждая шириной в палец.

— А ты как думаешь? — уже намного спокойнее переспросил Саннаэтель.

— Лорд Даххарст! — догадался Ранхгарт. — Это он тебя огрел плетью тьмы?

Саннаэтель не отвечал, все было понятно без слов. Ранхгарт с интересом знатока продолжал рассматривать бок Саннаэтеля.

Незаживающие рубцы, нанесенные родовой магией темного, Саннаэтель блокировал своей магией, поэтому полосы выглядели очень странно. Ровная темная глубокая борозда, в которую словно залили ртуть или серебряную краску. Иногда, когда у Саннаэтеля истощались магические силы, темноты в рубцах становилось больше, и тогда ноющая непроходящая боль терзала его. Когда сил было достаточно, он почти забывал об этих полосах.

— Раз, два, три… шесть, — пересчитал полосы Ранхгарт. — А разве плетка была не девятихвостной? — удивился он.

— Девятихвостной, — тихо ответил Саннаэтель. — Тебе интересно знать, куда попали остальные хлысты? На, смотри!

Саннаэтель быстро расстегнул брюки и стянул их вниз. Ранхгарт присвистнул, глядя на полосы. Седьмой хлыст прошел по пояснице, восьмой по паху, а девятый по мошонке и члену.

— Ты спрашивал, почему я устоял против зова феи? Да потому что я мертвый, как мужчина. Даххарст убил меня! — последние слова Саннаэтель почти кричал.

Ранхгарт гадко улыбнулся.

— Завтра вся Академия умрет со смеху: красавчик Саннаэтель, за которым умирает половина девушек — импотент!

— Говори, что хочешь, делай, что хочешь, я ненавижу тебя, я мечтаю только об одном — чтобы ты сдох, — устало ответил Саннаэтель, а потом, когда Ранхгарт, наконец, убрался, с такой силой хлопнул дверью, что она чуть не слетела с петель.

«Ничего, пусть рассказывает, остался один год учебы. Я выдержу. Потом… „потом“ будет потом». Он снова лег на кровать и вдруг с удивлением почувствовал, что ему стало легче. Долгие годы эта тайна, эта боль, этот позор душили его, мешая жить, мешая дышать полной грудью. Сейчас, когда он выплеснул свой страшный секрет, пусть даже в лицо врагу, стало намного проще.

На другой день он шел по Академии с гордо поднятой головой: «Пусть тычут пальцем, пусть смеются и шушукаются, мне плевать! — думал он. — Что поделать, в моей жизни случилась беда, но я все равно буду жить, назло всем темным!»

Но было тихо. Никто не смеялся, не издевался, да и Ализе ни о каких сплетнях и слухах о брате ничего не говорила. Странно.

Глава 19

Ализе после занятий шла к своей комнате, когда дорогу ей преградил Ранхгарт.

— Сегодня вечером я зайду за вами, — каким-то небрежно спокойным тоном сказал он.

— Это еще зачем? — поразилась Ализе.

— Ты забыла? — притворно удивился он. — Я же сказал, что тебе еще два раза надо побывать у нашего алтаря.

Ализе гордо вздернула подбородок, подумав: «Да как он смеет даже подходить ко мне после всего того, что он сделал Саннаэтелю!» — вслух же она сказала:

— Боюсь, мы будем вынуждены отказаться от вашей помощи, слишком дорого она нам потом обходится.

Глаза Ранхгарта стали черными. Схватив девушку за шиворот, он грубо подтянул ее к себе:

— Милая, Ализе, — холодным от ярости голосом начал он, — ты можешь хоть иногда не думать только о себе, о своей боли и своих несчастьях, а подумать хоть чуточку о других, например, о своем брате?

— О… Саннаэтеле? — заикаясь, переспросила Ализе, привыкшая к деликатному, внимательному, нежному обращению брата с ней. Резкость и грубость Ранхгарта напугала.

— А у тебя еще есть брат? — откровенно насмехаясь, спросил темный.

— А что с Саннаэтелем? — начиная беспокоиться за брата, спросила Ализе.

— А то! Не только ты пострадала от рук своего муженька, Саннаэтеля он покалечил ничуть не меньше, чем тебя, а в некотором смысле, даже больше. Единственное, что он не блокировал ему штырями из тьмы родовую магию, как тебе, и Саннаэтель сам смог помочь себе, хоть немного.

— Лорд Даххарс покалечил Саннаэтеля… — повторила Ализе, словно смысл этих слов до нее не доходил. — Но Саннаэтель ничего не говорил мне!

— Он жалел тебя и не хотел расстраивать, к тому же раны, нанесенные ему, таковы, что говорить о них не очень-то и хочется.

— А как могло случиться, что я ничего не заметила?

— Ты у себя это спроси, — довольно зло ответил Ранхгарт. — Главное — исправить хотя бы сейчас, что возможно. Ты должна уговорить Саннаэтеля, отправиться со мной к алтарю.

— И как мне это сделать? — неуверенно начала отнекиваться

Ализе. — Он о тебе и слышать не хочет.

— Думаю, ты найдешь способ, — Ранхгарт говорил жестко, не проявляя никакого снисхождения к Ализе. — Можешь поплакать, сказать, что тебе вновь стало хуже, Саннаэтель с радостью переступит через собственное самолюбие, чтобы помочь сестренке, ведь так?

Ализе растеряно слушала его и никак не могла понять, издевается он над ней или говорит серьезно, проявляя искреннюю заботу о них с братом. Но Ранхгарту ее душевные переживания были не интересны.

— Через час я зайду за вами, — коротко сказал он. — И если ты не самая последняя эгоистка на свете, то ты сможешь принудить Саннаэтеля отправиться с нами. И мне все равно, как ты добьешься этого.

Ранхгарт развернулся и быстро ушел. Ализе несколько минут постояла в коридоре, обдумывая услышанное, потом решительно подошла к двери комнаты брата.

«Ранхгарт прав, — подумала она, — принудить Саннаэтеля принять помощь от него можно только хитростью. И я на нее пойду!»

Когда Саннаэтель открыл дверь, Ализе прямо у порога упала ему на руку, сделав вид, что потеряла сознание. Испуганый Санаэтель положил сестру на кровать.

— Ко мне подходил Ранхгарт, — тихо, делая вид, что едва может говорить, начала Ализе. — Он считает, что у меня начался обратный процесс, и что болезнь и слабость возвращаются. Он предложил мне, в сопровождении тебя, вновь отправиться к алтарю темных. Я отказалась, потому что его помощь нам слишком дорого стоит.

Ализе закончила свою речь, делая паузы между словами, словно задыхаясь.

— Нет Ализе, нет! — не согласился Саннаэтель. — Ты должна, ты обязана принять помощь Ранхгарта. Кроме него никто во всем мире не сможет тебе помочь!

— А как же ты? Он ведь так страшно тебя обидел? — Ализе говорила тихо, но внутри у нее все ликовало от радости.

— Ничего. Год я потерплю. Обещаю, никакому Ранхгарту меня не сломить.

— Он зайдет за нами через час.

— Через час, так через час, — Саннаэтель едва смог сдержать тяжелый вздох. Ранхгарта ему хотелось видеть меньше всего.

Глава 20

Встретившись взглядом, мужчины поклоном и светскими аристократическими улыбками поприветствовали друг друга. Никто по выражению лица Саннаэтеля ни за что не догадался бы, что его ногти до крови впились в ладони судорожно сжатых кулаков.

А Ранхгарт? Ранхгарт был спокоен, мил и любезен, и явно не испытывал никаких угрызений совести. Одно слово — Темный.

Мгновение — и они в Храме. Ализе почти без стеснения сбросила одежду и легла на камень. В этот раз все прошло намного быстрее, то ли из-за того, что так хорошо шло выздоровление, то ли из-за того, что Ранхгарт экономил силы. Он помог чуть пошатывающейся Ализе сойти с алтаря, помог добраться до одежды. Саннаэтель, понимая, насколько сестре неудобно появляться пред ним обнаженной, стоял, отвернувшись лицом к стене.

— Теперь твоя очередь, — хлопнул его по плечу Ранхгарт.

Саннаэтель презрительно дернул плечом, показывая, что не намерен даже обговаривать это предложение.

— Слушай, Саннаэтель, — серьезно, без тени шутки или издевки сказал Ранхгарт, — можешь мне поверить на слово, что помогать тебе мне так же противно, как тебе принимать мою помощь. Но мы здесь, в этом Храме. Единственном месте, и с единственным целителем Темной родовой магии, что может тебе помочь. Так что не выпендривайся, раздевайся и ложись на алтарь.

Саннаэтель, набычившись, смотрел на врага, не зная, как поступить. Очень хотелось продолжать демонстрировать свою гордость и обиду, но в словах Ранхгарта был резон, и еще было ощущение, что если от помощи отказаться, то вместо демонстрации гордости будет демонстрация глупости и недалекости. И он решился.

— Я сниму только рубашку, — упреждающе сказал он и так вцепился в свои штаны, словно Ранхгарт собирался сдирать их с него силой.

— Я не возражаю, — церемонно ответил Ранхгарт. — Все равно сил, чтобы удалить все следы, мне не хватит. Только сапоги сними. Да, и самое главное: ты не должен в течение всего времени, пока лежишь на камне, пользоваться своими силами, тем более, родовой магией. Сними всю блокировку боли, придется потерпеть, ничего не поделаешь.

Саннаэтель без рубашки, босиком подошел к камню и лег.

— Подойди, Ализе, — позвал Ранхгарт девушку. — Посмотри, с чем пришлось десять лет жить твоему брату, никому ничего не рассказывая.

Ализе глянула на страшные полосы и закрыла рот рукой, чтобы не закричать.

— Ранхгарт, — сквозь зубы, стиснутые от боли, выдавил Саннаэтель, — ты не мог бы побыстрее… приступить к лечению? — чуть замявшись, но потом, придумав правильную формулировку, сказал Саннаэтель.

— А куда торопиться? — голос Ранхгарта был просто переполнен ласковыми мягкими нотками, глаза ехидно улыбались, глядя на Саннаэтеля, вцепившегося руками в камень, чтобы не корчится от боли под взглядом Темного.

— Давай, начинай, — почти просил Саннаэтель, — или я сейчас заблокирую боль моей магией.

Угроза подействовала, Ранхгарт склонился над мучеником, рассматривая полоски.

— Знаешь, — обратился Ранхгарт к пациенту, — я решил поступить по-другому, чем с Ализе. У нее по всему телу были разбросаны кусочки темной магии, словно крошечные осколки. Эти же полосы я могу убирать сразу. Но предупреждаю: ощущение будет, словно выдирают кусок кожи из тела. Зато быстро, раз потерпеть — и все. Ты готов?

Саннаэтель кивнул и еще крепче стиснул зубы. Ранхгарт сконцентрировался, а потом одним резким движением, словно сдирая кусок коры с дерева, выдернул черного извивающегося то ли червяка, то ли ужа, который тут же растаял, впитавшись в его руку.

Саннаэтель забился от боли на алтаре, но Ранхгарт и не думал прекращать его мучения.

— Сейчас постараюсь вытащить еще один кусок, — уже не издеваясь, тихим, усталым голосом сказал он. — Ализе, как только я вытащу кусок, поможешь Саннаэтелю добраться до той двери. Выйдете из нее, только после этого можете применять родовую магию. И будет лучше, если вас никто не увидит.

— А ты? — тут же спросила Ализе.

— Мне придется немного полежать на алтаре, восстанавливая силы и принимая боль наказания.

Ализе испуганно кивнула. Ранхгарт без предупреждения, коснувшись кожи Саннаэтеля, что-то рванул на себя. В этот раз боль была настолько сильной и неожиданной, что Саннаэтель заорал. В ту же секунду Ализе подскочила к брату и почти волоком подтащила его к двери. Открыв ее, вытащила его наружу.

Ни она, ни Саннаэтель не видели, как Ранхгарт рухнул на

пол, не сумев добраться до алтаря.

Глава 21

Ализе сидела под дверью, сжавшись в комок и трясясь от страха. Она понимала — Ранхгарт не просто так сказал, чтобы они старались не попадаться никому на глаза. От одной мысли, что, возможно, где-то тут бродит ее муж, ее мутило от ужаса.

Наверное, поэтому она сидела, плотно приложив ухо к двери и стараясь расслышать малейшие шорохи, и, самое главное, услышать, когда Ранхгарт их позовет. За дверью было абсолютно тихо. Ализе не выдержала и, дождавшись, когда Саннаэтель чем-то отвлекся, чуть приоткрыла дверь, стараясь заглянуть в образовавшуюся щелочку.

— Саннаэтель, на алтаре никого нет! — панически залепетала она. — Ранхгарт решил нас здесь бросить?

Саннаэтель даже не счел нужным отвечать на такое абсурдное обвинение, мгновенно вскочил на ноги, и, блокировав свою магию, с помощью которой восстанавливался, бросился к алтарю, вернее, к чему-то, лежащему за алтарем.

— Ранхгарт, Ранхгарт, — позвал Саннаэтель, но тот не отвечал.

Саннаэтель сорвал с него рубаху, поднял на руки и уложил на камень. Что еще сделать, он не знал. Немного постоял около алтаря и снова вышел за дверь, надеясь, что Ранхгарт придет в себя. Теперь они вдвоем сидели под дверью, приложив к ней ухо, и внимательно прислушивались. Наконец, услышав, что Ранхгарт зашевелился, радостно бросились к нему. Ранхгарт сидел на камне, свесив ноги, довольный и улыбающийся.

— Во меня в этот раз приложило! — не скрывая восторга от собственной выносливости и терпеливости, заявил он. — Сознание я еще ни разу не терял. Наверное, это случилось из-за того, что я очень устал. Больше одновременно и Ализе, и тебя лечить нельзя, так и загнуться недолго.

— Я… я больше не соглашусь, — тихо ответил Саннаэтель. — Наше лечение тебе слишком дорого обходится.

— Еще чего! — Ранхгарт явно бахвалился, но Саннаэтеля это уже не раздражало. «Вот позёр!» — думал он. Мужчина даже сам не заметил, как сжигающая его ненависть сменилась насмешливой снисходительностью, от которой всего один шаг до дружбы.

…Саннаэтель проснулся на другой день, с радостью отметив, что его сил значительно прибавилось. Теперь блокирование боли от ударов хлыста не составляло никакого труда. Его просто переполняла энергия, чего нельзя было сказать о Ранхгарте.

Бледный, темные круги под глазами, но веселый блеск в глазах, тот же. В этот день Ранхгарту не везло, ему не давались ни боевые заклинания, ни магические плетения. Один из эльфов в группе, ненавидевший Ранхгарта не меньше Саннаэтеля, а может, просто завидовавший ему, стоял, подбоченясь, на камне, и специально издевался над промахами темного, стараясь задеть его посильнее:

— Что же ты, Ранхгарт? Говорил, что можешь пять огненных шаров удерживать одновременно, хвастался, что можешь разводить их, и бить ими одновременно по точкам, расположенным в противоположных сторонах друг от друга. А на деле? Одним шаром не смог попасть по цели? Все остальные твои россказни такое же вранье?

Ранхгарт молчал, но его взгляд обещал, обещал, обещал… так много.

Саннаэтель проходил мимо спорящих, не вступая в беседу и почти не обращая на них внимания, только с его пальцев сорвался невидимый вихрь и целенаправленно понес воздушный поток, формирующийся в процессе движения в стрелу. Невидимая стрела ударилась о землю под основанием камня, на котором стоял эльф, и сдвинула пласт земли. Потеряв опору, камень качнулся, эльф, не ожидающий этого, шмякнулся на землю, ошалело оглядываясь вокруг.

— Ты чего? — любезно спросил сидящего Саннаэтель. — Тебя что, ноги не держат?

Краем глаза Саннаэтель успел заметить легкий, почти незаметный поклон Ранхгарта — тот понял, что только что произошло. Саннаэтель таким же почти незаметным кивком головы учтиво вернул благодарность.

Глава 22

Любопытство не давало Ранхгарту покоя, впрочем, не только ему одному. Вопрос о том, что произошло между Лордом Даххарстом и его молодой женой в первую брачную ночь, когда он чуть не убил ее, а потом и ее брата, пришедшего на помощь, волновал всех во дворце.

Получить ответ было не у кого. Лорд Даххарст после бегства жены, словно под землю провалился. Предположения о случившемся строились самые разные. Начиная с самого очевидного, что молодая жена обманула надежды Даххарста и оказалась отнюдь не невинной, несмотря на юный возраст и ангельскую внешность, заканчивая самыми экзотическими, например, о том, что Ализе своей ведьмовской силой пыталась поработить Даххарста, забрав его душу.

Самые гнусные слухи распускали дамы, весьма разочарованные тем, что какое-то светлое, невзрачное (по их меркам) недоразумение заграбастало такого невероятно привлекательного мужчину, да еще принудило его пройти все нерасторжимые обряды единения.

Но наибольшее недоумение вызывало полное отсутствие каких-либо действий со стороны Даххарста после ухода Ализе. Даххарст просто исчез. Такое поведение ему было совершенно несвойственно. Вот если бы он отправился к Светлым, требовать принадлежащее ему по закону, наводя такого шороху, что об этом помнили бы и через века, это соответствовало бы его характеру, а так… Все терялись в догадках. До знакомства с Ализе и Саннаэтелем все это Ранхгарта не особенно волновало. Когда Ализе сбежала от мужа, Ранхгарт был еще достаточно мал, чтобы подобные любовные истории его интересовали, да и позже он совершенно равнодушно относился к судьбе Даххарста. Ему достаточно было знать, что до своей свадьбы Даххарст считался шестым претендентом в очереди на престол, а Ранхгарт — девятым. После женитьбы на Светлой, согласно законам Империи, Даххарста вообще исключили из очереди на Престолонаследие, и Ранхгарт теперь стал восьмым.

Если знать, кого и о чем спрашивать, можно получить много важной информации. Ранхгарт, например, понял, что Ализе даже не знала о нерасторжимом ритуале единения. На ритуале настоял лично Даххарст. И вообще, все, кого Ранхгарт опрашивал, в один голос говорили, что Даххарст просто голову потерял от любви к Ализе.

«Значит, все-таки Ализе обманула надежды Даххарста,

разочаровав его до такой степени, что он чуть не убил ее, а заодно и ее братца!» — думал Ранхгарт, приглядываясь со жгучим любопытством к Ализе.

Но даже один взгляд, брошенный на нее, отметал мысль, что Ализе могла оказаться распутной, развращенной девицей. Ранхгарта не обманул бы ни скромный вид, ни стыдливо опущенные глаза, ни робкая улыбка, такая, как у некоторых из его бывших любовниц. Они изображали из себя недотрог, чтобы выкачать из поклонника побольше денег. Впрочем, Ранхгарт всегда был более чем щедр.

Так вот, Ализе ничуть не походила на таких девиц. Ее искренность, чистота и невинность ощущалась даже таким циником, как Ранхгарт.

«Невинность… Стоп! А чем тогда занималась Ализе с мужем в первую брачную ночь?! — поразился Ранхгарт. — Чтобы Темный сдержался?! Быть такого не может! Ни за что не поверю».

Ответ на этот вопрос могла дать только сама Ализе, и Ранхгарт… спросил ее об этом.

Разумеется, разговаривать пришлось в присутствии брата. Да и говорил, в основном, Саннаэтель, Ализе только слушала, опустив голову и время от времени кивком подтверждая его слова.

…— Свадебная церемония проходила во дворце Правителя. Со стороны невесты был только я. У меня было именное приглашение Правителя, гарантирующее полную безопасность. Кстати, только благодаря ему, мы и вырвались.

После окончания церемонии приглашенные гости остались на праздничный ужин. Ализе, чувствующая себя очень уставшей, отправилась в свои комнаты переодеться и немного отдохнуть. Я тоже не захотел присутствовать на ужине и ушел в предоставленную мне комнату.

На душе было очень тяжело, я понимал, что, начиная со следующего дня, больше не увижу сестру. Лорд Даххарст вполне недвусмысленно намекнул, когда мы ненадолго остались наедине, что не видит необходимости в моих частых встречах с Ализе.

Я смотрел в окно на ночное небо, дожидаясь утра, когда Ализе неожиданно позвала меня на помощь по ментальной связи.

Я ворвался к ним в комнату. Ализе, скорчившись, сидела на полу, Даххарст недалеко от нее стоял на коленях, держась за живот.

«Это я его ударила нашим родовым проклятием», — тихо объяснила Ализе.

Я бросился к сестре, помог подняться, подхватил ее на руки,

чтобы унести прочь из этой комнаты, но Лорд Даххарст не позволил. Вот тогда он и ударил меня плетью тьмы. От боли я уронил Ализе на пол, ярость и ненависть к Даххарсту были такими, что я, не задумываясь, ударил его смертельным проклятьем. Но Даххарсту удалось блокировать его, проклятье разлетелось вместе с крохотными кусочками тьмы, поразив Ализе, которая сидела на полу.

Применение чужеродной магии почувствовали все во дворце, прибыла охрана. Я потребовал, чтобы мне разрешили покинуть дворец вместе с сестрой.

Лорд Даххарст почему-то молчал, и мы телепортом вернулись в Академию. На тот момент она была нашим домом. Но потом, испугавшись, что Даххарст потребует возвращения Ализе, мы бежали…

Ранхгарт слушал очень внимательно, боясь пропустить хотя бы слово. Поведение Даххарста выглядело диким и нелогичным.

— Ализе, — обратился он к девушке, — почему Даххарст ударил тебя? Почему он напал на тебя? Он что-то говорил, как-то угрожал или предупреждал тебя?

Ализе отрицательно замотала головой.

— Он хотел убить меня, укусил за шею до крови, — жалобно ответила девушка. — Тогда я его и ударила.

— Я ничего не понимаю, — честно признался Ранхгарт. — Может, Даххарст был под действием какого-то заклятия? Ты не обратила внимания, какого цвета у него были глаза?

Ализе покачала головой:

— В глаза я не смотрела, но руки у него дрожали.

Глава 23

Рассказ Саннаэтеля и Ализе не удовлетворил Ранхгарта, он чувствовал — было что-то еще, что-то такое, чего Ализе не заметила или на что не обратила внимания, и произошло это до того, как они с Даххарсттом стали убивать друг друга. Поэтому он решил поговорить с Ализе с глазу на глаз, без присутствия брата.

— Ализе, — мягко начал Ранхгарт, — то, что у тебя случилось с твоим мужем, как-то неправильно. Может, ты не все нам рассказала? Клянусь, что я никогда не воспользуюсь твоей откровенностью, никогда не обращу ее тебе во вред. Я очень тебя прошу, расскажи о своей свадьбе с самого начала.

— Да я ничего не утаиваю, — искренне воскликнула Ализе. — Эта свадьба казалась мне каким-то кошмаром, и в памяти осталась только кусками. Сначала — долгая церемония венчания. Мне было страшно и невесело. Вокруг ни одного доброжелательного лица. Мужчины смотрели на меня оценивающе, а женщины — с откровенной враждебностью. Саннаэтеля оттеснили куда-то в задние ряды, и я чувствовала себя, словно в окружении стаи волков. Потом эти браслеты… было так больно! Они выжигали кожу, хотя, когда боль прошла, никаких следов не осталось. Я едва держалась на ногах, и Даххарстт позволил мне уйти в мои комнаты.

— Так, — быстро сказал Ранхгарт, слушавший внимательно и сочувственно, — теперь рассказывай очень подробно, не опуская ни одной мелочи.

— Ну, я зашла в комнату и стояла, не зная, что делать дальше. Свадебное платье мне шили эльфийки, специально присланные моей тетей. Они говорили, что снимать платье мне будет помогать муж. На рукавах, на запястьях, было по восемнадцать пуговок, и пятьдесят четыре — на спине. Швеи объясняли, что так задумано специально. Муж, расстегивая каждую пуговку, целует открывающееся место. Поцелуй за поцелуем. Сначала одну руку, потом другую, потом пуговки на спине. Сама, без помощи, я не смогла бы переодеться, а никаких служанок мне не выделили. Тут в комнату зашел Даххарстт. Он за секунду изорвал платье в клочья, а потом зубами впился в шею, — при этих словах Ализе заплакала.

Женских слез Ранхгарт не выносил категорически, особенно таких, без рыданий, истерик, но от этого еще более горьких и безутешных. Как ни хотелось ему потрясти Ализе, вытягивая из нее дополнительные подробности о такой неудачной первой

брачной ночи, пришлось оставить ее в покое.

Этот рассказ не выходил у него из головы, особенно на него произвели впечатление эти пуговицы. Чем больше он о них думал, тем большее негодование его охватывало. «Это же надо до такого садизма додуматься! — возмущался он. — По очереди расстегивать каждую пуговичку, зная, что под одеждой прячется жаркое женское тело, изнывающее в ожидании ласк. Хотя, конечно, если и до церемонии была возможность заниматься любовью, то можно и порасстегивать. А если нет? Да если бы такое случилось со мной, эти пуговицы посыпались бы, словно горох, разлетаясь в неизвестных направлениях!»

Хотя представить Ализе подобной «горячей штучкой» он не смог бы при всем своем воображении. Определение «отмороженная», причем, в самой крайней степени отмороженности, ей больше подходило. То, с каким благоговением она рассказывала об этих проклятых пуговицах, наводило на мысль, что она всерьез ожидала подобных действий от Даххарстта.

Ранхгарт вдруг перестал смотреть на рассказ Ализе глазами девушки, он представил себя на месте Даххарстта и постарался с этой точки зрения оценить все его поступки.

В то, то Даххарстт преодолел столько препонов на пути свадьбы со Светлой, вплоть до лишения права Престолонаследия, лишь для того, чтобы иметь удовольствие убить ее, Ранхгарт отказывался верить категорически.

В то, что Даххарстт захотел бы убить Ализе из ревности, он тоже не верил. Даххарстт, как и всякий Темный, нашел бы много более приятных способов для себя и неприятных для изменщицы, чтобы ей отомстить, не прибегая к убийству.

«Так, начнем все сначала, — пытался рассуждать Ранхгарт. — Даххарстт встречает на балу этого полумертвого задохлика Ализе и влюбляется в нее до такой степени, что предлагает выйти за него замуж. Здесь все понятно, — удовлетворенно констатировал он. — Дальше. За месяц, пока шла подготовка к свадьбе, он к ней не притронулся. Да что там не притронулся, он даже не поцеловал ее ни разу по-настоящему!» — поразился такому вопиющему факту Ранхгарт. Сам он на подобный подвиг ни за что бы не отважился.

Ранхгарт густо покраснел, вспомнив, как стырил из дедовой сокровищницы кольцо-артефакт, чтобы подарить его этому ублюдку — брехуну Саннаэтелю-Севилии. Кольцо должно было бы переносить «девушку» прямо в его «келью», и там…

«Э-эх! Что вспоминать? — горестно вздохнул Ранхгарт и снова переключился на историю Ализе. — В течение

предсвадебного месяца у Даххарстта было столько проблем, требующих решения и его вмешательства, что такое целомудрие и воздержание не были чем-то сверхобременительным, — Ранхгарт довольно хмыкнул, картинка вырисовывалась вполне такая себе реальная. — И что же случилось потом? Допустим, когда все проблемы остались позади, и невеста стояла рядом с ним, он, наконец, смог осознать, что его мечта сбылась, и его любимая теперь принадлежит ему целиком и полностью. Наверняка Ализе была восхитительна, пленительна, прекрасна, желанна и так далее. Наверняка Даххарстт, так усиленно добивавшийся ее, дрожал от счастья в предвкушении близости со своей юной женой…»

Глава 24

«…А что испытывала Ализе в тот момент к жениху? — вдруг спросил самого себя Ранхгарт. — Позже, когда ей удалось вырваться из дворца, и все десять лет, пока она скрывалась — понятно. Они с Саннаэтелем ненавидели Даххарстта. А вот как Ализе относилась к будущему мужу перед свадьбой? Что она к нему испытывала до того, как все случилось?»

Ранхгарт снова отправился к Ализе:

— Я слышал, как Саннаэтель проклинал тот бал Весеннего Равноденствия, случившийся десять лет назад. Тогда ты встретила Даххарса. Но десять лет назад ты, наверняка, так не считала, правда? В тот момент ты была счастлива и горда, что Лорд Даххарс стал ухаживать за тобой и пренебрег всеми женщинами, которые добивались его внимания, а таких, наверняка, было немало. Расскажи, как произошла встреча, и как он проявлял свое внимание, — мягко и осторожно попросил Ранхгарт, понимая, насколько личный вопрос задает, вопрос, на который она не обязана отвечать.

Но Аизе ответила. Честно и бесхитростно.

— Я боялась его до дрожи в коленях.

— Боялась?! — поразился Ранхгарт. — Зачем же тогда ты согласилась выйти за него замуж? Знаешь что? Давай рассказывай с самого начала. Как он посмотрел, как ты посмотрела, что он сказал, что ты ответила… И так далее, как вы, девушки, любите рассказывать. Кто на кого смотрел, и какое у него при этом было выражение глаз. И каким был голос, когда он обратился с вопросом. Ты же помнишь? Девушки почему-то такие несущественные мелочи не забывают, — с нескрываемым сожалением добавил Ранхгарт, которого девушки не раз припирали к стенке, воспоминаниями о подобных мелочах, заставляя признаться, что именно он, сам, с мастерством профессионального обольстителя соблазнил их, невинных овечек.

— Все началось за день до бала, — немного подумав, начала рассказывать Ализе. — Ко мне подошел ректор Академии и попросил разрешения представить мне на этом балу своего племянника Ариниэлля, уверяя, что это в высшей степени достойный молодой человек, и что знакомство с ним ни в коем случае не уронит чести и достоинства моей семьи. Я согласилась.

— Ты согласилась познакомиться с каким-то зачуханым племянником ректора, в то время как вы с Саннаэтелем принадлежите к королевскому роду?! — возмутился Ранхгарт такой легкомысленности со стороны Ализе.

Ализе сжала губы и опустила голову. Весь ее внешний вид говорил, что больше Ранхгарт не выдавит из нее ни слова. Ранхгарт быстро понял, что совершил непростительную ошибку, и тут же извинился, просительно заглядывая девушке в глаза. Обычно такой молящий взгляд ни одно девичье сердце не оставлял безучастным, Ализе тоже сдалась.

— Ранхгарт, — тихо сказала она, — ты, наверное, не знаешь, хотя это и не тайна… мы с Саннаэтелем дети государственного преступника, совершившего попытку переворота в нашем королевстве. Отец погиб, мать ушла за ним, а нас с Саннаэтелем… как это сказать, — замялась она, — нас держали изолированно не только от других детей, но вообще ото всех.

— И насколько изолированно? — очень осторожно спросил Ранхгарт, поняв, наконец, где находится ключ, или откуда растут ноги всего того, что случилось после.

— Я встречалась с Саннаэтелем только один час, раз в две недели. Своих сверстников впервые увидела только в Академии.

— И сколько времени вы провели с Саннаэтелем в такой изоляции?

— Я — с двух лет, Саннаэтель — с четырех, вплоть до поступления в Академию.

— Удивляюсь, что вам с Саннаэтелем разрешили в нее поступить, — искренне сказал Ранхгарт, — Судя по всему, вас из этой… изоляции выпускать не собирались.

— Это из-за Дара. Дар родовой магии настолько редок, что не передать. Он проявился даже не у всех детей короля. Но этот дар надо учиться контролировать, поэтому сначала Саннаэтелю, а потом и мне разрешили поступить в Академию. Мне было так тяжело сблизиться хоть с кем-нибудь. Хорошо, что и Саннаэтелю, и мне тогда предоставили по отдельной комнате. Я могла находиться в уединении после занятий.

Ранхгарт быстро в уме перебрал все полученные сведения. Девочка живет с рождения в обстановке, которая должна была сломать ее психологически. Полная изоляция, никакого общения, никаких девчачьих секретов, тайн, разговоров, ссор. Потом она попадает в Академию, где находится почти в такой же информационной изоляции. Интересно, что она тогда могла знать об отношениях между мужчинами и женщинами? Ранхгарт с сомнением посмотрел на Ализе и тут же перефразировал вопрос: «Что она знает СЕЙЧАС об отношениях между мужчинами и женщинами? Весь ее вид, все ее поведение просто кричат: „НИЧЕГО!“

— Ты начала рассказывать, как состоялось знакомство с Даххарсом, — напомнил Ранхгарт, — Это произошло на балу?

— Когда я согласилась познакомиться с племянником ректора, он мне прямо сказал, что его племянник Ариниэлль очень робок, поэтому я должна взять инициативу на себя и пригласить его погулять по парку, чтобы хоть немного узнать друг друга. Я согласилась. Меня растрогали слова о его робости, поскольку я и сама была очень стеснительна, такой общий для нас недостаток расположил меня к нему. И вот я стою на балконе, лестница с которого ведет прямо в сад, и тут из зальной двери выходит мужчина в карнавальном костюме и маске, скрывающей лицо почти до самых губ. В первую секунду мне это показалось весьма невежливым, я ведь была без маски. Я считала, что серьезное знакомство лучше начинать, глядя в глаза, а не прячась. Помня, насколько он стеснителен, я решила чуть отступить от этикета, поэтому сделала ему книксен и представилась первая: „Меня зовут Ализе. А, Вы Ариниэль? Ваш дядя рассказал о вас. Если хотите, мы можем погулять по саду“. Мужчина молчал, и мне стало неловко — возможно, для него были неприемлемы подобные нарушения этикета. Я стушевалась и растерялась, тогда он ответил, и в его голосе звучал смех: „Должен вас огорчить, милая леди. Я не Ариниэлль, и даже не знаю, кто это такой, и мой дядя вряд ли мог вас просить о знакомстве со мной. Но если вы хотите, я с радостью погуляю с вами, например, вон до той беседки“. Он указал рукой в глубину сада. Беседка едва виднелась в темноте, идти туда с ним мне ни за что бы не захотелось, даже если бы он был Ариниэллем».

Ранхгарт чуть не засмеялся в голос: «Ну, Даххарст, ну, жук! Как быстро сориентировался! Прогуляться до беседки. Как же!»

Глава 25

— Разговаривать с незнакомыми мужчинами было недопустимо, я, снова сделав книксен, хотела вернуться в зал, но он меня остановил. Снял маску и вежливо, но с нажимом в голосе, представился: «Лорд Даххарст». Так как мне его имя ничего не говорило, я вновь чуть поклонилась, но свое полное имя называть не стала, этикет не допускает подобного личного представления. Нас друг другу должны были представить. Он понял, почему я молчу, понял, что я его имя не слышала ни разу. На его лице отразилось удивление, даже потрясение, мне показалось, что он считал, что и его имя, и его самого должны были знать все.

— Именно так. В нашей империи излишней скромностью никто из Высших Темных не страдает, — подтвердил Ранхгарт, и тут же спросил: — А тебе Даххарст понравился? Каким было первое впечатление, когда ты увидела его лицо? — с неподдельным интересом продолжил он.

Ализе чуть задумалась.

— Он, конечно, очень красивый, но его красота настолько необычна, что видеть его рядом с собой мне бы не хотелось. Глаза, постоянно меняющие цвет: то в них отражается пламя, то тьма, то холодный блеск звезд. Нет, его внешность не вызвала у меня ни восторга, ни восхищения, думаю, это его немного даже задело, — неуверенно добавила Ализе.

— Немного?! — засмеялся Ранхгарт. — Да ты его ранила в самое сердце! Скажу тебе по секрету, — Ранхгарт доверительно наклонился к девушке, — хоть я и сам даже очень ничего, но когда речь идет о внешности Даххарста и его мужской привлекательности, мне прямо говорят, что я и в подметки ему не гожусь.

— Я не знаю, — пожала плечами Ализе, — меня его красота напугала, я чувствовала себя неловко и неуверенно. И как раз в этот момент подошел Ариниэлль.

— А Ариниэлль тебе понравился? — с таким же интересом спросил Ранхгарт.

— Не то, чтобы он мне понравился, — задумалась Ализе, — но он был таким, каким я его себе приблизительно и представляла. Не слишком красивый, но и не урод, в общем, обычный. Единственное, что мне сразу в нем не понравилось — это поведение. Он совершенно не был похож на робкого и скромного молодого человека, каким его обрисовал ректор, и первые же его слова целиком подтвердили мое мнение. Он

неприязненно посмотрел на Даххарста и спросил высокомерно: «С кем имею честь разговаривать?» А тот еще более вызывающе ответил: «А я с кем?» Я еще тогда подумала, что отвечать вопросом на вопрос крайне невежливо. И хоть Ариниэлль первым повел себя неучтиво, когда начал задавать вопросы, не представившись, уподобляться ему тоже было неправильно, — Ализе на секунду замолчала, недовольно глядя, на умирающего от смеха, Ранхгарта.

А Ранхгарт, действительно, смеялся, он уже примерно представлял, чем должен был закончиться для Ариниэлля спор с Даххарстом.

Ализе продолжила:

— Ариниэлль поджал губы и нехотя выдавил: «Ариниэлль де Шаатэраль». Даххарст переспросил: «Шаатэраль? А не родственник ли вы достопочтенного ректора?» Тот важно и напыщенно ответил: «Да, я его единственный племянник, — а потом учтиво обратился уже ко мне: — А сейчас я прошу разрешения у леди Ализе пригласить ее на прогулку по саду». Даххарст его бесцеремонно перебил: «Боюсь, это совершенно невозможно, леди Ализе уже обещала подобную прогулку мне». Когда я услышала столь откровенную ложь, я от возмущения и негодования на минуту потеряла дар речи. Конечно, мои первые слова можно было бы трактовать, как предложение о прогулке. Но ведь он понял, что я ошиблась, приняв его за другого мужчину, и значит, мое предложение становилось недействительным! Мой гнев был вполне оправдан, так же, как и негодующий взгляд, каким я посмотрела на Даххарста. Но ему было все, как с гуся вода. В это время Ариниэлль как-то неуверенно попробовал не согласиться со словами Дааххарста. Он, словно спохватившись, достаточно раздраженным тоном сказал: «Но как, же так? Мне дядя сказал… А, Вы, собственно, кто?» Даххарст заговорил мягким, убаюкивающим, журчащим, словно ручей, голосом, а сам приобнял Ариниэлля за плечи и стал подпихивать его к двери, ведущей не в зал, а к лестнице: «Ах, господин де Шаатэраль, думаю, не очень красиво равняться перед леди Ализе именами и титулами. Давайте выйдем и поговорим наедине». Он распахнул дверь и почти вытолкнул Ариниэля, потом вышел сам и захлопнул двери.

Ранхгарт, уже догадавшись, что случится за дверью, заржал, как ненормальный.

— Даххарст вернулся через минуту и сообщил мне довольным тоном, что недоразумение с Ариниэллем улажено. И тот просил извиниться и сказать, что вспомнил об очень важном деле, поэтому не сможет сопровождать меня на прогулке. Я

чувствовала, что Даххарст врет. Тут же, подтверждая мои подозрения, дверь на лестницу распахнулась, впуская ректора с Ариниэллем. Ректор был возмущен, а его племянник залит кровью из распухшего носа. Ректор обратился ко мне: «Ализе, что здесь происходит?» А Даххарст вышел вперед, прикрывая меня собой: «Абсолютно ничего, этот молодой человек споткнулся и ударился носом о перила. Ведь так?» Пока Даххарт рассказывал свою версию происшедшего, он не смотрел на собеседников, отряхивая с рукава камзола невидимые пылинки, но фразу «Ведь так?» он произнес, глядя в глаза Ариниэллю. И тон, и взгляд Дахарста были такими, что Ариниэлль стушевавшись, покорно кивнул головой. Мне кажется, — добавила Ализе, — что Даххарст имел прямое отношение к разбитому носу Ариниэлля, может, даже толкнул его.

— Под словом «толкнул» ты имеешь в виду, что он схватил противника за шиворот и основательно приложил головой о первую подвернувшуюся под руку выступающую поверхность? — невинно поинтересовался Ранхгарт. — Если «да», то, действительно, толкнул. А что было потом?

Глава 26

— До поступления в Академию я почти ни с кем не общалась, — продолжила рассказ Ализе. — Я не знала и не понимала, как надо себя вести в ситуациях, подобной этой, поэтому, как и всегда в таких случаях, ментально вызвала на помощь брата. Он подошел очень быстро, поскольку был недалеко. Увидев меня в окружении троих мужчин, двое из которых были ему неизвестны, Саннаэтель очень удивился. Вероятно, Лорд Даххарст сразу понял, что мы брат и сестра, поскольку мгновенно, воспользовавшись моментом, обратился к ректору: «Представьте нас». Тот недовольно скривился, но просьбу выполнил: «Саннаэтель Эллентиэль Корвэлль, Ализе Эллентиэль Корвэлль». «Эллентиэль» — это имя нашего отца, «Корвэлль» — королевская фамилия, — пояснила Ализе. — Мы носили ее, потому что она принадлежала отцу, но нас лишили всех приставок, означающих род и титулы. Впрочем, Даххарста это не ввело в заблуждение. «Дети мятежного принца», — неожиданно протянул он. При этих словах ректор чуть не грохнулся в обморок от страха, и быстро пролепетав: «Лорд Даххарст», схватил своего племянника за руку и утащил прочь. Мы остались втроем. Отношение Даххарста неуловимо изменилось, совершенно исчезла фамильярность, которая до этого нет-нет, да и проскакивала. Он был учтив, вежлив, внимателен и даже заботлив. А мы с братом во все глаза смотрели на него. Впервые кто-то что-то говорил о нашем отце, тем более, с нотками уважения и восхищения в голосе.

— Лорд Даххарст знал вашего отца? — уточнил Ранхгарт.

— Ну, прямо он об этом не говорил, но мы с Саннаэтелем так решили. И это также было одной из причин, по которой я согласилась на замужество. С этого дня Даххарст стал ухаживать за мной.

— Только не говори, — перебил Ранхгарт, — что его ухаживания были тебе неприятны. Лорд Даххарст, если хотел, мог покорить своим обхождением любую, даже самую недоступную женщину. Так, во всяком случае, у нас говорят, — тут же, добавил он.

— Знаешь, Ранхгарт, дни его ухаживаний промелькнули так быстро. И запомнились каким-то шквальным напором, — грустно объяснила Ализе. — Не успела я прийти в себя от букета цветов, в котором каждый живой цветок был инкрустирован драгоценными камнями или перевит нитками жемчуга, как он уже не только сделал мне предложение, но и устроил званый вечер в честь

нашей помолвки. На помолвку были приглашены самые влиятельных особы нашего королевства. Кстати, на этом ужине произошел один очень важный разговор, касающийся меня, я его услышала случайно.

— Сначала расскажи, как Даххарст сделал тебе предложение, — попросил Ранхгарт.

— Даххарст просил моей руки у Саннаэтеля, поскольку тот был моим единственным совершеннолетним родственником мужского пола. Он неожиданно поставил брата перед этим фактом. Разумеется, и Саннаэтель, и я очень растерялись. Брат первым пришел в себя и твердо ему заявил, что такой важный вопрос так быстро нельзя решать, что нам надо обдумать это предложение как следует, прежде чем его принять. Но Лорду Даххарсту такой ответ не понравился, и он использовал все свое красноречие, чтобы заставить нас немедленно согласиться на его предложение.

— И что же он приводил в качестве аргументов? — не скрывая любопытства, спросил Ранхгарт.

— Главное — наш страх. Он уверял нас, что в нашем королевстве нас никогда не оставят в покое, что всегда мы будем находиться под пристальным вниманием. А потом меня принудят выйти замуж за того, кого выберет мне в мужья король. А Саннаэтеля ушлют, куда подальше нести службу на благо королевства.

— Знаешь, а Даххарст был прав, такое развитие событий было вполне реальным.

— Мы тоже так решили… и я дала согласие на этот брак.

Глава 27

— Ализе, — прервал Ранхгарт рассказ девушки, — я правильно понял — за Даххарста ты согласилась выйти замуж, руководствуясь какими угодно мотивами, но только не из-за переполняющей тебя любви или страсти?

— Какая любовь? Какая страсть? — удивилась Ализе. — Я боялась Даххарста до ужаса, до дрожи в ногах! И не только, как малознакомого мужчину, который после свадебного ритуала получал на меня определенные права. И чьим мнением я впредь должна была бы руководствоваться, с чьими желаниями считаться и без чьего разрешения я не могла бы решить ни одного серьезного вопроса. В первую очередь я боялась его, как Темного, как врага, у которого я буду находиться, словно пленница.

— Неужели ты так плохо думаешь о нас, о Темных? — возмущенно закричал Ранхгарт.

— Я думаю, вернее, думала, — тут же виновато поправилась она, — еще во много раз хуже.

— Зачем же ты согласилась на этот брак? Тебя же силой под венец не тащили?

— Не тащили, — покорно согласилась Ализе. — Сначала я дала согласие под напором Даххарста. А потом, после званого вечера в честь нашей помолвки, я не расторгла ее из-за того странного и страшного подслушанного разговора.

— Кто и с кем разговаривал? — с вновь вспыхнувшим интересом спросил Ранхгарт.

— Лорд Даххарст с советником короля, — и Ализе рассказала, что тогда произошло.

— …Этот званый вечер состоялся через три дня после того, как Даххарст сделал мне предложение. Время до этого вечер пролетело, словно секунды, потому что я провела его, в основном, у портних. В трех ателье одновременно шили белье, кружевное, шелковое; несколько платьев, вечерних и повседневных; отдельно три свадебных платья, которые необходимо было менять, проходя разные ритуалы по очереди, и к каждому платью — обувь и комплект драгоценностей. Это время запомнилось только мельтешением тканей всех мыслимых расцветок и примерками, примерками, бесконечными и утомительными.

Лорда Даххарста я увидела только на вечере. Это был не вечер, а нечто ужасное. Мы с Саннаэтэлем не знали никого из присутствующих. Я даже не пыталась быть любезной или изображать из себя счастливую невесту. На меня смотрели с оценивающим любопытством, но мне это было безразлично.

Вечер проходил в одном из домов Даххарста. Он предложил нам с братом чувствовать себя в нем хозяевами. Я и чувствовала. При первой же возможности, когда подвыпившие гости, хорошо знающие друг друга, развлекались беседами, уединилась в маленькой комнате. Эта комната, как оказалось, примыкала к кабинету Даххарста.

Я тихо сидела в полутемной комнате, когда услышала, как в кабинет Даххарса вошли двое мужчин. Я испугалась. Испугалась того, что они могут подумать, будто я подслушиваю. Но выйти я уже не могла, любой шорох, любой звук привлекли бы их внимание, поэтому я против воли затаилась настолько, что даже боялась глубоко дышать.

Было слышно, как жидкость наливается в бокалы, потом легкий звон, потом недолгое молчание, и собеседник Даххарста с явной завистью спросил:

— Кто тебе поставляет такое чудесное вино?

— Ты об этом хотел со мной поговорить? — в голосе Даххарста слышался явный сарказм. Второй мужчина молчал, тогда Даххарс подстегнул его: — Говори прямо. Ты же знаешь — вилять, хитрить со мной бесполезно. Говори, что тебе надо, или идем к гостям. Ты не забыл? Меня ждет невеста.

— О ней-то я и хочу поговорить.

— А что с ней не так? — в голосе Даххарста снова звучала насмешка, в то время как я сама сжалась от страха, хоть и не помнила за собой никаких проступков.

— Зачем ты женишься на ней? — прямо спросил собеседник Даххарста. Я в тот момент еще не знала, что это был Советник короля Таэль дэ Лаэдель.

— А почему бы и нет? — Даххарст явно не хотел отвечать на этот вопрос.

— Ты и женитьба… Ее Величество королева Аннариэль была поражена, услышав эту новость.

— А какое дело вашей королеве до моей жизни? — в голосе Даххарста впервые прорвались нотки раздражения.

— Ализе — ее племянница, ты не забыл? — тихо и осторожно напомнил Лаэдель.

— Тем более непонятно. Я же не в любовницы беру Ализе, а в жены. И насколько я понимаю, это просто замечательная партия для нее. Королева должна радоваться, что племянница будет так чудесно пристроена!

В комнате повисло неловкое молчание. Я прямо чувствовала, насколько Лаэделю неприятно продолжать разговор, но он, словно сделав над собой усилие, вполне непринужденно произнес:

— Если вдруг обнаружатся какие-либо обстоятельства, из-за которых этот брак не сможет быть заключен, то королева просила уверить Вас, — его тон вдруг сделался официальным, и стало понятно, что сейчас он говорит не от своего имени, а от имени королевы, — что никаких претензий к Вам не будет предъявлено. Более того, если Ваши обоюдные чувства с Ализе перейдут некоторую черту, то никаких препятствий таким проявлениям любви также не будет.

— Другими словами, — жестким голосом продолжил Даххарст, — если леди Ализе настолько увлечется моей особой, что не будет в силах контролировать свои порывы страсти, то я могу этим воспользоваться, не принимая на себя никаких обязательств. Вы это хотите мне сказать? — обманчиво любезным тоном закончил он свою речь.

— Э-э-э, — проблеял Лаэдель, — Вы слишком утрируете мои слова.

— А как еще их можно трактовать? Вы открыто предлагаете мне сделать Ализе своей любовницей, в то время как я предлагаю ей руку. Вам не кажется это странным?

— Я этого не говорил, — быстро нашелся Лаэдель. — Но эта Ваша скоропалительная женитьба несколько неудобна… — опять начал мямлить он, — несколько преждевременна… несколько… Принцесса Светлых, пусть даже лишенная этого титула, не может стать женой Темного, — уверенным голосом, видимо, правильно подобрав формулировки, закончил Советник.

— Хм, значит, вы против моей женитьбы на Ализе, но не против того, чтобы я затащил ее в постель. Интересно, очень интересно, — задумчиво забормотал Даххарст, не слушая протестующих возгласов Лаэделя. — Любовница-шпионка, — наконец, вынес он вердикт. — Как романтично звучит! Девушка, вырывающая секреты из уст мужчины, умело используя свои уста… и другие части тела, искусно манипулируя чувствами. Да, это очень привлекательно. Но вот только лично меня это не устраивает. Видишь ли, мой дорогой Лаэдель, — доверительным тоном сказал Даххарст, — я сам люблю доводить женщин до невменяемого состояния. Сам люблю узнавать чужие секреты. Так что этот вариант меня не устраивает, — усмехнувшись, закончил он.

— Что-то Миранэль не была в восторге после ночи с тобой, — вдруг очень грубо и ядовито сказал Лаэдель. — Тебе повторить выражения, которыми она характеризовала тебя и твои мужские достоинства?

— Сам удовлетворяй эту… страдающую бешенством…

Ализе не решилась произнести характеристику, данную

Даххарстом леди Миранэль, но Ранхгарт и так понял, о чем тот говорил.

Глава 28

— Леди Миранэль… — задумчиво произнес Ранхгарт. — Что-то не слышал о такой.

— Я знаю ее, — тихо сказала Ализе, — она очень плохая и злая. Когда я была маленькой и жила в том доме в лесу, со мной постоянно находилась какая-нибудь из эльфиек. Они жили со мной не подолгу — недели, иногда месяцы, потом приходила следующая. В комнате для игр было небольшое окно, и я могла смотреть на лес, на деревья. Гулять меня выпускали только один раз в день. А вот в спальне окон не было. Мне было очень страшно одной лежать в полной темноте. Так вот, почти все эльфийки, жалея меня, оставляли маленький магический огонек. С ним было так спокойно и не очень страшно. Но однажды приехала леди Миранэль. Она очень грубо со мной разговаривала, кричала, а ночью не разрешила оставить этот огонек. И еще пригрозила, что если узнает, какая из эльфинь ее не послушает, то устроит ей кучу неприятностей. Я лежала в темноте и тихо плакала от страха. Она подошла ко мне и рассказала страшную сказку, даже не сказку, а очень страшную историю. Я не могла уснуть до утра, и слышала, как она, смеясь, кому-то, говорила, что будь ее воля, отродья этого сноба Эллентиэля гнили бы в подземелье.

— Отродья, сноб — такими эпитетами не награждают политических противников, скорее, речь идет о чем-то личном, — вслух начал рассуждать Ранхгарт. — Ты не знаешь, у твоего отца не было романа с этой Миранэль?

— Не знаю. Я ничего об отце не знаю. Какая-то завеса молчания, словно его никогда не было, — с горечью ответила Ализе.

— Может, мне старших о нем порасспрашивать? Хотя не хотелось бы, чтобы кто-то узнал, что меня это интересует. Ладно, потом подумаю, — беспечно добавил он, и вновь с интересом спросил: — И что было дальше?

— Дальше Советник засмеялся мерзким, злорадным смехом, а отсмеявшись, спросил: «Если Миранэль осталась неудовлетворенной, что ты собираешься делать тогда со своей молодой женушкой? Ты же знаешь наших эльфиечек, в этом возрасте они словно сходят с ума, эмоции через край, буйство чувств через край. Но кроме буйства чувств на них еще накатывает и буйство плоти».

— Что?! — заорал Ранхгарт. — Ты хоть понимаешь, что Лаэдель сказал Даххарсту?

— Что? — голос Ализе задрожал.

Ранхгарт с мукой во взгляде смотрел на девушку, не зная, как объяснить, что все происшедшее с ней в первую брачную ночь спровоцировано именно этими словами!

— Больше они ничего не говорили?

— Говорили, — в голосе Ализе зазвучало отвращение, но она твердо продолжила: — Лаэдель снова вернулся к этому отвратительному разговору и ехидно сказал: «Помнишь, когда эльфеечки вырывались из-под родительского контроля, что они творили? Представь, что над Ализе вообще никакого контроля не было. Как она проводила эти полгода? Тебя не смущает это обстоятельство?» А Даххарст спокойно и совершенно равнодушно ответил: «Ничуть, я даже этому в какой-то степени рад. Ей будет, с чем сравнить». Я точно услышала самодовольство в его голосе, мне стало так больно, так плохо. Неужели Даххарст обо мне такого мнения? — в голосе Ализе вновь зазвучали слезы. — Потом Даххарст сказал: «К тому же я терпеть не могу возиться с криворукими, неумелыми, неопытными девицами. Значит, первая брачная ночь не принесет мне разочарования!» Ранхгарт, как он мог так говорить обо мне? Если он меня ничуть не уважал, я даже не говорю «любил», зачем он на мне женился?

— Подожди, Ализе, не плач, — начал успокаивать девушку Ранхгарт. — Давай посмотрим на эту ситуацию с другой стороны.

— С какой еще?

— Допустим, просто представим на секунду, что Даххарст любит тебя и хочет быть с тобой.

— Он не любит и не любил меня!

— Подожди, давай сначала рассмотрим произошедшее, приняв это предположение. Он любит и хочет как можно быстрее забрать тебя к себе. И он узнает, что у кого-то на тебя совсем другие планы. Понимаешь, в этой ситуации, если он хоть на секунду покажет свои истинные чувства к тебе, считай, он пропал. Тебя будут использовать в качестве шантажа, чтобы оказывать на него давление.

— Каким же образом? — поразилась Ализе, не предполагавшая, что может быть и такая точка зрения.

— Да любым! Ему могут угрожать, что убьют тебя или выкрадут, например. Мало ли способов? Но Даххарст, столько лет живущий в нашей империи среди подобных интриг, понял это раньше всех. Он не показывает, что ты ему дорога, не показывает на словах, а ты смотри не по словам, а по поступкам.

Глава 29

— Я и смотрела, — тихо возразила Ализе.

— Подожди, подожди, — остановил ее Ранхгарт, вспоминая, подробности рассказа. — Тебя, в первую очередь, испугало то, что Даххарст разорвал твое платье вместо того, чтобы расстегивать пуговку за пуговкой? — Ализе кивнула головой. — Ну тут все совсем просто! — засмеялся темный. — Представь, ты — Даххарст, и в твоих жилах течет не ледяное месиво, как у ваших мужчин, а бурлит раскаленная лава. Ты месяц уже облизываешься на свою невесту, мечтая увидеть ее в своих объятиях, предвкушая все наслаждения, которые тебя будут ждать при этом. Тебе ясно намекнули, что новоиспеченная жена весьма искушена в любовных ласках, и обычные нежные, ласковые, трепетные поцелуи ее не устроят. Ты с большим трудом ожидаешь окончания свадебного пиршества, едва сдерживаешься, чтобы при малейшей возможности не впиться в жену поцелуем. И тут твоя жена под видом того, что устала, просит позволить ей уединиться в своих покоях. Не знаю, как Даххарст, но я бы точно решил, что ты пылаешь такой же страстью и ищешь предлог, чтобы быстрее оказаться в моих объятиях, поскольку и сам этого страстно хочу.

— То…то есть он мог решить, что я специально притворилась уставшей, чтобы заманить его в свою комнату? — потрясенно прошептала Ализе.

— Не только он, все гости, наверняка, так тоже подумали, — авторитетно подтвердил Ранхгарт.

— Но это совсем не так! Я не собиралась его заманивать! Я едва держалась на ногах! Я боялась его! — в ужасе от того, что о ней так подумали, почти в истерике выкрикивала Ализе. Немного успокоившись, спросила: — А зачем он изорвал мое платье?

Ранхгарт смущенно засмеялся:

— Понимаешь, Ализе, с этим раздиранием одежды не все так просто. Этот способ изъятия женщины из платья, на самом деле, очень сложен. Разорвать платье одним рывком, учитывая шнуровку и плотный корсаж, очень-очень трудно. Я сам тренировался этому почти полгода, — смущенно добавил он.

— Но зачем? — пораженно спросила Ализе.

— Ты что? — теперь уже удивился Ранхгарт. — На определенный тип женщин этот трюк действует безотказно. Представляешь, одним движением разорвать полностью платье! Да они обычно от такого зрелища просто в восторге, конечно, с учетом того, что у них появится еще одно или несколько платьев, лучших, чем уничтоженное. Даххарст, скорее всего, хотел

произвести на тебя неизгладимое впечатление.

Ализе судорожно глотнула и ничего не ответила. Было ощущение, что мир, который она знала и видела, вывернули перед ней наизнанку.

— Теперь поговорим об укусе, — тяжело вздохнул Ранхгарт, понимая, что эта часть рассказа Ализе самая непонятная. — Перед тем, как Даххарст тебя укусил, он ничего не говорил тебе?

— Говорил, — тихо подтвердила Ализе. — Говорил, что съест меня.

— Съест?! — поразился Ранхгарт. — Как это — съест? Ты ничего не перепутала?

Ализе закрыла лицо руками и зарыдала, но Ранхгарт почему-то почувствовал, что в этот раз она плачет не над своей несчастливой долей, что-то в ее плаче было не так.

— Ализе, — подозрительно спросил темный, — а ты мне все рассказала? — в ответ она только крепче прижала руки к лицу и заплакала еще горестнее. — Говори! — потребовал он, нисколько не испытывая жалости к всхлипывающей девушке.

— Было еще кое-что, — запинаясь, стала рассказывать она. — За три дня до свадьбы ко мне наведалась… леди Миранэль.

— И что ей от тебя было надо?

— Я сама удивилась ее приходу. Она тихо прошипела:

— Радуешься? Думаешь, что ты на седьмом небе от счастья? Зря! — Я молчала, пораженная ее злобным тоном, да и вообще, ее визит был мне очень неприятен. Эта женщина с самого детства страшила меня. — Думаешь, Даххарст потерял голову от любви, и теперь будет носить тебя на руках, сдувая малейшие пылинки? — Я так вообще не думала, особенно после того подслушанного разговора. Но ей я об этом рассказывать не собиралась, поэтому просто молчала, продолжая слушать ее.

Ализе почти шептала, тщательно подбирая или вспоминая слова. Ранхгарта это очень сильно удивило. Почувствовав, что этот разговор имел особое значение, он стал внимательнее вслушиваться в каждое слово. Но даже представить не мог, что услышит дальше.

— И что же ему от меня тогда надо? — спросила я, поскольку этот вопрос очень сильно интересовал меня, еще с того дня, когда Даххарст сделал мне предложение.

— Что?! — засмеялась она. — Кровь! Что же еще?

— Кровь? — я от испуга даже стала заикаться.

— Кровь, кровь, кровь, всю, до самой последней капельки! — Она веселилась, видя моё состояние. Ей хотелось сделать мне, как можно больнее.

— И ты поверила ей?! — ахнул Ранхгарт.

— Сначала нет, а потом поверила, и испугалась так, что у меня потемнело в глазах.

— Зачем Даххарсту пить твою кровь? Что за чушь! — возмущению Ранхгарта не было предела. — Ты не попросила леди Миранэль объяснить, для чего это Даххарсту нужно?

— Попросила. «Вы хотите сказать, что Лорд Даххарт выпьет мою кровь?» — «Выпьет? Нет, он будет пить день за днем по нескольку глотков!» От услышанного мне стало плохо. Но я все же спросила: «И что моя кровь ему даст?» — «Все, о чем только мечтают Темные! В первую очередь — мужскую силу, которой они так кичатся. Да еще многократное увеличение магической силы, ты — лакомый кусочек для него». — «А почему именно я?» — «Неужели не понимаешь? Светлая, с сильным магическим Даром, да еще владеющая родовой магией. Но самое главное: Девственница! Это для Темных ни с чем не сравнимое лакомство. За тобой следили все дни, что ты находилась в Академии, у тебя не было любовников, даже случайных. Наверное, Даххарст это тоже выяснил, иначе не бился бы так за тебя», — она это добавила с такой ненавистью!

— Ализе! — яростно закричал Ранхгарт, не в силах слушать этот бред. — Темные не пьют кровь Светлых девственниц, чтобы пополнить свои силы! Не могу поверить, что ты восприняла всерьез то, что тебе сказала эта… эта… леди, — выдавил из себя Ранхгарт, едва сдержав оскорбления, готовые сорваться с языка.

— Да, — покаянно подтвердила Ализе, — я поверила ей, поверила настолько, что решила хоть немного испортить удовольствие Даххарсту от вкуса моей крови, — увидев, что Ранхгарт ее не понимает, смущенно добавила: — Я решила стать НЕ девственницей.

— Что ты решила сделать?! — переспросил Ранхгарт. — Стать не девственницей? И как ты это «провернула»?

— Никак, — Ализе всхлипнула. — Единственный мужчина, с которым я была знакома — это Ариниэлль. Вот к нему я и подошла. Но он повел себя очень странно, убежал, даже не дождавшись, пока я изложу ему свою просьбу.

— Значит, у него хорошо развито чувство самосохранения, — рассмеявшись в голос, заметил Ранхгарт. — Умирать в страшных муках ему совсем не хочется.

Глава 30

— Неужели ты не могла спросить еще у кого-нибудь: будет Даххарст пить твою кровь или нет?

— Я спросила! — возмущенным голосом, от мысли, что Ранхгарт подумал, будто она не уточнила такой важный вопрос, сказала Ализе. — Я спросила у Саннаэтеля.

— И, что же он ответил? — с тоской в голосе, уже приблизительно предполагая, какой она получила ответ, спросил Ранхгарт.

— Саннаэтель сказал, что будет как можно ближе к моей комнате, и если Даххарст только попытается сделать что-либо подобное, то Саннаэтель по первому моему зову немедленно придет на помощь. Так и случилось.

— Нет уж, — перебил ее Ранхгарт, — начала — расскажи еще раз, только подробно: как вел себя Даххарст, что говорил, каким тоном, как смотрел на тебя при этом. Не мог же он наброситься на тебя, едва войдя в комнату. Он обязательно бы что-то сказал!

Ализе задумалась. Теперь она и сама стала сомневаться в том, что Даххарст собирался подвергнуть ее таким мучительным издевательствам или даже смерти. Она постаралась вспомнить каждый миг, начиная с той секунды, когда открылась дверь, разделяющая ее покои и покои Даххарста.

— Я стояла посреди огромной спальни, не зная, что мне делать. Рядом была еще комната, я заглядывала в нее в надежде увидеть служанку, но это оказалась гардеробная, одна стена которой служила зеркалом. Мне было не по себе находиться в спальне. Кровать размером в полкомнаты очень меня смущала, — Ализе старалась вспомнить свои ощущения.

— Тебе комната понравилась?

— Да, очень! Убранство спальни было выдержано в бело-золотом цвете, как я и обожала.

— Ализе, — довольно ехидно спросил Ранхгарт, — ты была во дворце Правителя, много ты видела комнат, выдержанных в золоте на белом?

— Ни одной! — сразу ответила Ализе. — На это я, как раз, обратила внимание. Золото на бордовом, золото на алом, золото на черном, но на белом — нет.

— Понимаешь, что это значит? — Ализе, не понимая, вопросительно взглянула на Ранхарта. — Это значит, — назидательно начал он, — что комната готовилась именно для тебя. Даххарст специально выяснял твои вкусы и цветовые пристрастия, чтобы сделать тебе приятное. Если бы его

избранницей была женщина нашего народа, уверяю тебя, спальня бы выглядела совсем по-другому.

— Мне только цветы не понравились, — продолжала Ализе. — Нет, они, конечно, были красивыми, но уж слишком яркими. Насыщенного красного цвета, я не люблю такие. Мне больше нравятся нежно-розовые, почти белые.

— Ага, — с нотками сарказма в голосе поддакнул Ранхгарт, — например, белые лилии.

— Да, лилии, — не стала отпираться Ализе. — Что может быть прекраснее белых лилий? — мечтательно вздохнула она. — Но он мне их почему-то не подарил, хотя, как ты утверждаешь, интересовался моими предпочтениями. То, что я люблю белые лилии, знали все.

— Ализе, ты совсем дура? — отбросив всякую иронию и сарказм, совершенно серьезно спросил Ранхгарт. — Он не мог подарить тебе лилии! Лилии являются символом чистоты и невинности, и он, как умный и воспитанный мужчина, не хотел, чтобы, увидев букет, ты решила, что он намекает на то, то ты этого лишена.

Поняв, о чем говорит Ранхгарт, Ализе покраснела, как рак.

— Но я… но я же… — начала она, не зная, как продолжить, но Ранхгарт ее понял.

— А Даххарст думал совершенно противоположное, поэтому и подарил букет цветов, символизирующих страсть. Так, давай дальше рассказывай, — тоном, в котором явственно зазвучало раздражение, приказал Ранхгарт.

— Дальше… Дальше открылась дверь, вошел Даххарст, — послушно продолжила рассказ Ализе. — Он был не то, чтобы пьяный, но от него явно разило вином, это я почувствовала, когда он меня укусил за губу.

— Так! Стоп! Давай с самого начала. Он зашел, увидел тебя, что он сказал?

— Он сказал: «Малышка, ты меня уже ждешь? — я непонимающе посмотрела на него, и только хотела сказать, что я жду служанку, чтобы она помогла мне сменить платье, как он продолжил: — До чего же ты аппетитная! Такая вкусненькая, так и хочется тебя съесть!» — при этих словах я метнулась в угол, решив отбиваться от него, пока хватит сил.

— Ализе, — с ужасом спросил Ранхгарт, — ты что, никогда не слышала пьяного сюсюканья влюбленных мужиков?!

Глава 31

— Моя девочка хочет поиграть! — громко засмеялся он, и в один прыжок перемахнул через кровать, разделявшую нас. Но я успела выскочить из угла, проскользнув под его руками, и бросилась в другой конец комнаты. Ранхгарт, клянусь, его глаза горели огнем, он стал похож на хищника!

— Конечно, огнем! А, еще чем? Только стал похож не на хищника, а на охотника. Ты же из своей спальни устроила охотничий загон. Его глаза загорелись азартом, предвкушением победы. А ты как думала? По спальне бегает красавица, у него и в мыслях нет, что от страха, он думает, что от желания завести, возбудить его еще сильнее. Что было дальше?

— Мне удалось вырваться еще раз, а потом он меня поймал, запрокинул мою голову вверх и зубами впился в мои губы, — голос Ализе снова задрожал, от приближающихся слез.

— Подожди, — прикрикнул на нее Ранхгарт, — допустим, то, что сделал Даххарст в тот момент, можно было бы назвать поцелуем. Как он, по-твоему, должен был бы выглядеть?

— Поцелуй? — удивилась Ализе. — Ну, он должен был бы осторожно прикоснуться губами к моим губам.

При этих словах Ранхгарт от бессилия заскрежетал зубами.

— Ализе, — едва сдерживая себя, прошипел Ранхгарт, — поцелуем, который ты описала, целуются только подростки. Взрослые, понимающие толк в наслаждениях мужчины и женщины целуются так, как тебя ПОЦЕЛОВАЛ Даххарст!

— Поцеловал?! — возмутилась Ализе. — Он укусил меня за губу до крови!

— То есть ты стояла, не шевелясь, покорившись его силе, а он взял, да вдруг и укусил?

— Нет, я вырывалась! Крутила головой изо всех сил, а когда он зачем-то попытался мне открыть рот… я его укусила… — вдруг медленно произнесла Ализе и застыла на несколько мгновений, словно статуя. — Ранхгарт, я его укусила, я только сейчас это вспомнила! То есть, получается, я первая на него напала.

— О том укусе можешь забыть, наверняка он истолковал его совсем по-другому и нисколько не обиделся на него, — успокоил Ализе Ранхгарт. — А дальше что было?

— Когда он меня укусил, я впервые применила магическую силу, и отбросила его с помощью заклинания. Это было обычное заклинание, не родовое. Он отлетел к стене и ударился спиной о туалетный столик, но тут же вскочил на ноги и снова бросился ко

мне. Я испугалась того, что сделала, и в панике бросилась к двери. Не знаю, как бы это выглядело, если бы я побежала с воплями по коридору, в тот момент я об этом не думала, но Даххарст не дал мне выскочить из комнаты. Он догнал меня у двери, и вот тогда-то и разорвал одним рывком мое платье. Потом он подтащил меня к кровати, бросил на нее, упал на меня сверху, подминая под себя. Я извивалась, как могла, пытаясь выбраться. Как раз тогда он и впился зубами мне в шею. Я не помню, больно мне было или нет. Но само осознание того, что он делает, наполнило меня таким ужасом и придало такие силы, что, развернувшись к нему лицом, я без колебаний ударила ему в живот самым страшным родовым заклятием, которое только знала. От боли он упал с кровати на пол и стал по нему кататься, прижимая ноги к животу, а потом снова бросился ко мне. В его глазах переливалось такое бешенство, что я от страха стала бить его всеми заклятиями, какие помнила, и позвала на помощь Саннаэтеля. Даххарст метнул в меня сгусток тьмы. Боль пронзила одновременно горло, грудь и низ живота, теперь на пол рухнула я. В эту секунду в комнату вбежал Саннаэтель. Увидев меня в таком состоянии, Саннаэтель с кулаками бросился на Даххарста, но тот сшиб его с ног одним ударом. Вот тогда Саннаэтель так же, как и я, ударил Даххарста родовым проклятием. Саннаэтель магически сильнее меня, к тому же он учился в Академии четвертый год, он лучше умел контролировать свой Дар и пользоваться им. Но Лорд Даххарст успел выставить щит, сотканный из тьмы, и заклинание Саннаэтеля разбилось о него на крохотные кусочки, вместе с собой разметав и тьму… И все это обрушилось на меня, поскольку я находилась на линии огня. Боль была такой страшной, что я едва сдержалась, чтоб не закричать, я боялась случайно отвлечь брата, пытающегося сконцентрироваться для новой атаки. Но тут ворвалась охрана, поскольку во дворце все почувствовали воздействие чуждой магии. Саннаэтель подхватил меня на руки и решительно двинулся к двери. Охрана расступилась, пропуская. Он шагнул в ближайший портал, и мы покинули дворец Правителя. Наверное, Даххарст ударил его плетью тьмы в тот момент, когда Саннаэтель взял меня на руки. Я не видела, как Даххарст ударил его, и ничего не знала об этих следах от хлыста на теле брата.

Глава 32

— И что, с того момента, как Саннаэтель вынес тебя из спальни, и до сегодняшнего дня ты ни разу не встречала Даххарста? — удивленно спросил Ранхгарт.

— Не только не видела, но даже ничего о нем не слышала, — подтвердила Ализе. — Хотя тут нет ничего удивительного. Все эти годы мы жили в самых глухих местах, какие только можно себе представить, старались ни с кем не общаться. К тому же я сильно болела, и первые три года наших скитаний не помню вообще. Только небольшие урывки, и то, в основном, лекарей и целителей, пытавшихся мне помочь. Потом стало легче. К Саннаэтелю стали возвращаться силы, и он смог поделиться ими со мной. Вот с этого времени я помню, как мы жили, и могу хоть что-то рассказать.

— И как же вы жили?

— Очень скромно. Денег у нас не было, но на мне остались драгоценности, которые я надела на церемонию. Колье разорвалось вместе с платьем и браслетами, зато сохранились серьги, кольцо, диадема, но главное — длинная нить редчайшего жемчуга, украшавшая мою прическу. Из нее получились четыре ожерелья, которые мы продали так дорого, что смогли приберечь остальные украшения и оставить их на крайний случай.

— И что, вас не удивило, что за эти годы Даххарст не нашел тебя, хотя бы для того, чтобы просто поговорить?

— Удивило, но мы решили, что очень хорошо прятались, — Ализе покраснела, сообразив, насколько нелепым было такое убеждение. Подтвердило это и откровенно-ироничное хмыканье Ранхгарта, явно считавшего, что спрятаться от Даххарста таким способом они бы не смогли. Тут Ализе поняла, что Даххарст не потому не появился, что не смог их разыскать, а потому что… — Ранхгарт, а где Даххарст? — вдруг обеспокоено спросила Ализе, поняв, что так и не может придумать причину, по которой Даххарст не искал их.

— Не знаю! — с расстановкой ответил тот. — И никто не знает. Его ищут уже десять лет, с того самого момента, как вслед за вами исчез и он, но все напрасно. Он жив. Дед проверял, его жизненная сила не угасла, но вот только где он находится, почему не появляется — этого объяснить никто не может. За эти десять лет вас о нем никто не спрашивал?

— Спрашивали, — с готовностью ответила Ализе. — Этот мерзкий Лаэдель, разыскав нас, очень долго говорил с Саннаэтелем о Даххарсте. Но поскольку мы жили в крошечном

домике, и дверей, кроме входной, у нас не было, а дверные проемы в комнаты мы завесили тканями, то я слышала, о чем они говорили. Саннаэтель честно рассказал, что Даххарст пытался меня убить, покалечив перед этим, но меня удалось спасти. И что с этого времени о Даххарсте мы не слышали. Лаэдель выспрашивал подробности о том, как все произошло, но Саннаэтель не знал их тогда, не знает и сейчас. Кроме тебя, Ранхгарт, я никогда, никому, ничего не рассказывала, — тихо добавила она. — Лаэдель страшно злился, кричал на Саннаэтеля, но так ничего и не добившись, ушел.

— Ализе, если бы Даххарст хотел разыскать вас, то он достал бы вас даже из-под земли, причем, в прямом смысле. Если он не появился, значит, не хотел этого сам. И вот я тебя спрашиваю: почему? Если бы он хотел отомстить, то легко смог бы это сделать. Если не хотел «марать руки» сам, то легко мог нанять исполнителей, оставшись при этом в тени. Но ведь с вами ничего не случилось, значит, месть отпадает. В то же время, если бы простил, то давно бы появился, чтобы предложить помощь, хотя бы денежную, может даже через подставных лиц. Этого он тоже не сделал. Если бы он выбросил эпизод со свадьбой из своей жизни, решив забыть, что у него есть жена, то все сплетни в светских салонах всех государств начинались бы и заканчивались бы пересказам о его любовных победах и прочих подвигах.

— И тогда какой же вывод? — в голосе Ализе зазвучало настоящее беспокойство.

— А вывод может быть только один, — голос Ранхгарта стал холоден и враждебен. — Он не может сделать этого физически, из-за ран или увечий, полученных от вас двоих!

— Ты хочешь сказать, что мы с братом смогли настолько сильно ранить Шестого Лорда Темной Империи? — Ализе, полная негодования от подобного предположения, презрительно вздернула голову.

— Да, я хочу сказать именно это, — со злостью на ее неверие подтвердил Ранхгарт, а потом почти с ненавистью уточнил: — Хотя нет, твой брат к его ране, скорее всего, не имеет никакого отношения. Ведь ты сама сказала, что Даххарст выставил щит, о который разбилось заклятие, брошенное Саннаэтелем. А вот против заклятия, брошенного своей женушкой, он никак не защитился, потому что не ожидал от нее такого предательства, — последние слова Ранхгарт почти прошипел. — Ведь обряд, через который вы прошли, связал вас навечно друг с другом так, что вы будете преданы и будете защищать друг друга до последней капли крови. Вы пойдете друг за другом, если это потребуется, против врагов, против друзей, против родни, против своего

народа. Ты понимаешь, о чем я тебе говорю? — гаркнул на Ализе Ранхгарт, поскольку она стояла неподвижно, словно столб, пораженная его словами.

Глава 33

— Ты думаешь, что я смогла так сильно его ранить? — прошептала Ализе.

— А ты что, сама этого не думаешь? Насколько я помню твой рассказ, ты утверждала, что, вывернувшись из рук Даххарста, со всей силой, ненавистью и страхом ударила его в живот заклятием родовой магии. Ты не говорила, что Даххасрт выставил защиту и каким-то образом смог нейтрализовать удар, наоборот, ты сказала, что от боли он покатился по полу. А это значит, что заклятие настигло его, он не смог от него защититься. А что за заклятие ты использовала? — не сдержав интереса, а может, решив, что подобные знания могут и ему пригодится, спросил темный.

— Заклятие смерти, — уже с ужасом от собственного поступка, ответила Ализе. — Только моих сил было недостаточно для полноценного заклятия. Скорее всего, оно подействовало, как заклятие оцепенения, оледенения, медленного угасания.

— Я думал, у Светлых подобных заклятий не существует, — удивился Ранхгарт. — Это же Темные все рушат и уничтожают, — с сарказмом добавил он. — Светлые же все возрождают и исцеляют.

— Иногда исцелить и возродить невозможно, — объяснила Ализе. — Для этого и существует такое заклинание. В зависимости от силы воздействия и необходимости оно приводит к замиранию или оцепенению, например, когда каменный великан, созданный темной магией, хочет упокоиться, вернувшись в свое естество. Это заклинание может упокаивать поднятых темными некромантами мертвецов. Оно может и убить, если достаточно силы.

— И именно его ты применила против мужа, — с грустью закончил ее рассказ Ранхгарт. — А потом еще прикидывалась несчастной, вызывая жалость окружающих по отношению к себе, и гнев и негодование — по отношению к Даххарсту.

— Я… Я не специально, — стала оправдываться Ализе, — я так, действительно, думала.

— А не думала ли ты, милая Ализе, — слова «милая Ализе» Ранхгарт сказал таким зловещим тоном, что бедная девушка в испуге отшатнулась, — что своей глупостью, тупостью, тем, что вела себя, как полная дура, ты сломала жизнь себе, Саннаэтелю, и, скорее всего, и Даххарсту? — жестко подвел итог Ранхгарт.

Ализе не сдавалась. Она не хотела верить таким ужасным словам. Это не она, это ее обидели, это она несчастная!

— А что же я тогда, по-твоему, должна была сделать?

— Ты должна была остановить его, пока он еще не наделал глупостей. Но остановить словами, а не применением родовой магии!

— Он бы меня не послушал.

— Во-первых, ты не пробовала, а во-вторых, ты могла заплакать. Это-то уж точно его остановило бы! Темные не переносят женских слез. А так вы, словно сорвавшиеся с цепи собаки, накинулись на него вдвоем. Хорошо хоть били по очереди, если бы ударили одновременно, наверное, смогли бы убить его, — жестко, даже жестоко говорил Ранхгарт, стараясь не смотреть в наполненные слезами глаза девушки.

Ализе, десять лет до этого считавшая, что Даххарст жив и здоров, и только и думает о том, чтобы отыскать ее и отомстить, не могла привыкнуть к мысли, что где-то далеко находится совершенно одинокий, раненый и очень несчастный ее муж. И ему никто, никто не может помочь. Так же, как и им с Саннаэтелем никто не помог, пока они не встретили Ранхгарта.

— А почему он не объявится и не попросит о помощи? — уже всхлипывая от жалости к Даххарсту, спросила она.

— Ты спрашиваешь, почему Темный, столько лет гордившийся своей силой, умом и красотой, не прибежал и не рассказал всем, что он слаб и болен?! Неужели ты сама не понимаешь, что он не может так поступить, и никогда не поступит? Он сдохнет, но не признается в своей слабости!

— Сдохнет?! — пролепетала Ализе. — Ты думаешь, он может умереть?

— А я откуда знаю? — поразился Ранхгарт ее вопросу. — Я видел его всего пару раз в жизни, еще когда был маленьким. Просто из твоего рассказа можно сделать только такой вывод.

Глава 34

— Что мне теперь делать? — умоляюще глядя на Ранхгарта, спросила Ализе.

— А что ты можешь сделать? Даххарст неизвестно где. Вот если он появиться, то тогда и будешь думать, что тебе делать.

Ранхгарт был прав. Десять лет девушку не заботила судьба мужа. Десять лет она, если и вспоминала о нем, то только содрогаясь от страшных воспоминаний. Но сердце женщины — загадка. Проненавидев своего мужа десять лет, Ализе вдруг осознала, что от ненависти в ее душе не осталось и следа.

После такого долгого и тяжелого разговора, после того, как Ранхгарт объяснил совершенно необъяснимые с ее точки зрения поступки Даххарста, она не только на мужа, но и на саму себя взглянула совсем с другой стороны. Особенно потрясли ее слова Ранхгарта, сказанные в конце разговора:

— Даххарст, конечно, во многом виноват. Виноват, что поверил словам Лаэделя, виноват, что не поговорил с тобой перед свадьбой. Но сама подумай, как мало у него было времени на подготовку, и как много ему надо было сделать. Не сомневаюсь, что он крутился, словно белка в колесе. Но я хочу спросить тебя вот о чем: насколько я понял, ты вообще не принимала никакого участия в свадебных приготовлениях, ну, разве что, ходила на примерки платьев. Так вот, я не понимаю, почему ты ничего не постаралась разузнать о своем будущем муже? Почему ты ничего не пыталась узнать о его народе, принадлежать к которому ты стала бы после свадьбы? Неужели тебе было не интересно, не важно, безразлично, с кем ты собираешься связать свою жизнь?

Вот только сейчас Ализе задумалась об этом. А действительно, почему она ничего не пыталась узнать о Даххарсте? И тут же вспомнила давний разговор с ректором, когда он попрекал и ее, и Саннаэтеля. Ректор тогда так пугал предстоящим замужеством, в черных красках описывал и всех Темных скопом, и Лорда Даххарста — в особенности, а потом так радужно рисовал ее будущее со своим племянником, что Ализе почти уже решилась отказать Даххарсту. Но только до той минуты, пока его не увидела. Его черные горящие глаза, его сильное волевое лицо, его твердо сжатые губы. От страха она только и могла, что поклоном ответить на его приветствие, а потом так же поклониться при расставании. Она сейчас даже под пытками не смогла бы вспомнить, о чем они тогда разговаривали. Хотя, скорее, говорил он, а она делала вид, что слушает, на самом деле находясь в плену отчаяния и безысходности.

Сейчас Ализе страшно жалела, что не вслушивалась в его слова. Он хотел что-то с ней обсудить? От чего-то предостеречь? О чем-то предупредить? Может, будь она тогда внимательнее, ничего бы не случилось.

Вот так незаметно для самой себя Ализе перешла от обвинений к самобичеванию. А если учесть ее мягкий характер, психологическую ранимость и жалость ко всем страдающим, станет понятно, почему теперь в ее сознании над головой Даххарста вместо подвешенного меча светился терновый венец мученика.

Промучившись несколько дней от жалости к пропавшему мужу, поедая себя поедом, Ализе вновь подошла к Ранхгарту:

— Я решила найти Даххарста, где бы он ни был! Но только мне нужна твоя помощь.

— И как ты это сделаешь? — удивился темный.

— Брачный браслет, — коротко ответила она. — Если я опущу руку в пламя, в том самом Храме, где свершился обряд единения, то меня перебросит к нему, где бы он ни находился. Я прошу тебя помочь мне попасть в этот Храм.

— Вот тебе еще одно доказательство, что Даххарст не искал тебя! — обрадовался Ранхгарт. — Он ведь тоже мог переместиться к тебе с помощью брачного браслета.

— Нет, не мог, — возразила Ализе. — Саннаэтель с помощью нашей родовой магии заблокировал его. Если бы даже Даххарст захотел меня найти с помощью браслета, у него ничего бы не получилось. Но теперь я попрошу Саннаэтеля снять магическую блокировку, и я уверена, что в Вашем Храме он сработает.

В словах Ализе был резон, и Ранхгарт задумался. Но думал он не об Ализе, а о Даххарсте.

Он мысленно представил, какую жизнь тот влачил десять лет по вине своей недоразвитой женушки. Какую, злость, какое раздражение, какую боль тот испытывал все это время. И вот она появляется с извинениями, что ошибочка вышла, что она его не так поняла, и очень жалеет об этом. «И что будет? — подумал Ранхгарт. — Даххарст кинется к ней с распростертыми объятиями? — Ранхгарт ухмыльнулся. — Разве только для того, чтобы задушить ее, и отнюдь не в любовном экстазе!»

Глава 35

Ранхгарт строго посмотрел на девушку.

— Ализе, прежде, чем начать помогать, я обязан убедиться, что ты хорошо понимаешь и осознаешь, что будет происходить между тобой и Даххарстом, когда вы встретитесь.

— Конечно, знаю и понимаю, — уверенно, даже немного обиженно ответила эльфийка.

Потом, вспоминая этот разговор, Ранхгарт возблагодарил небо, что у него хватало ума спросить:

— И что же между вами будет?

Он ожидал, что Ализе смутится или покраснеет от такого прямого вопроса. Ничуть не бывало. Голосом, в котором явно звучали пафосные нотки, она сообщила, что будет просить у мужа прощения, и даже на коленях, если потребуется! «На коленях — это хорошо», — достаточно цинично подумал Ранхгарт, имея в виду нечто совершено далекое от просьбы о прощении. Разумеется, вслух он ничего этого не сказал, а просто спросил:

— А что будет после того, как он тебя, допустим, великодушно простит? — коварно улыбнулся Ранхгарт, любуясь на красивое лицо Ализе, застывшее в недоуменном раздумье. Похоже, о том, что жизнь будет продолжаться и после получения прощения, она как-то не думала. — Значит, так, — решительно и твердо сказал темный. — О том, чтобы немедленно отравиться к Даххарсту, не может быть и речи!

Ализе мысленно уже находилась рядом с мужем, поэтому слова Ранхгарта неприятно поразили ее. Она упрямо вздернула подбородок и гордо заявила:

— Хоть с твоей помощью, хоть без нее, но я доберусь до Даххарста!

Ранхгарт досадливо вздохнул. Ему очень не хотелось говорить с Ализе на такую деликатную и щекотливую тему, но выхода не было.

— Ализе, не буду скрывать, но я думаю, что у Даххарста тебе не стоит ждать особенно теплого приема. Думаю, он оттолкнет, а возможно, даже обидит тебя, несмотря на все твои слова и уверения. Так вот… — Ранхгарт сделал паузу, прежде чем сказать самое главное, для чего он, собственно, и затеял весь этот разговор. — Так вот, — вновь повторил он, — прежде, чем отправиться к нему, я хочу, чтобы ты пообщалась с Меей. Ты ее знаешь — она фея.

Они вместе дошли до комнаты, которую занимала Мея.

— Подожди меня здесь, — попросил Ранхгарт. — Я сам

сначала поговорю с Меей.

Ализе безразлично пожала плечами, откровенно демонстрируя, что разговор с феей считает излишним, но если Ранхгарт настаивает…

Ранхгарт настаивал, причем, решительно. Поэтому без раздумий постучал в комнату Меи и попросил разрешения поговорить с ней.

— Мея, — тщательно подбирая слова, обратился к ней Ранхгарт, — тут такое дело. Я прошу тебя никому не говорить о том, что я тебе сейчас расскажу. Ты обещаешь?

Горящие от любопытства глаза феи не оставляли сомнений, что такое обещание он получит.

— Ализе выросла в полной изоляции от сверстников, почти в одиночестве. Она ничего не знала, да и не знает, — тут же добавил он, — об интимных отношениях между мужчинами и женщинами. А потом она вышла замуж за Темного…

— Вот повезло девушке! — с нескрываемой завистью перебила Мея.

— Она так не считает. Ализе наделала много ошибок, и теперь эти ошибки надо исправлять. Я хочу, чтобы ты рассказала, объяснила многое, что касается подобных отношений. Только прошу тебя, начинай с основ, об изысках расскажешь ей позже.

Ранхгарту настолько было интересно узнать, какое впечатление урок произведет на Ализе, что он решил дождаться его окончания. Пристроившись неподалеку, он не выпускал из поля зрения дверь в комнату Меи. Как ни странно, дверь открылась очень быстро, но лишь затем, чтобы выпустить Мею, почти бегом направившуюся в комнаты своих подружек. Потом они уже втроем снова скрылись в комнате Меи. Ранхгарт довольно улыбнулся, решив, что три наставницы еще лучше, но и это оказалось не все. Скоро вновь одна из подружек Меи вышла из комнаты и убежала, а через десять минут, воровато оглядываясь, затащила в комнату одного из своих сокурсников. Рангхгарт снова засмеялся, поняв, что это — «наглядное пособие».

Приблизительно через полчаса из комнаты Меи выскочила Ализе. С вытаращенными глазами и пунцовыми пылающими щеками она помчалась в свою комнату. Ранхгарт, честно говоря, ожидавший совсем другой реакции, озадаченно пошел следом. На его стук девушка сначала отказалась открывать дверь, но темный умел быть настойчивым.

— Что случилось? — спокойно спросил Ранхгарт, словно речь шла о чем-то обыденном.

— Даххарст должен был со мной делать ЭТО?! — вместо ответа спросила Ализе.

Догадавшись, о чем она спрашивает, Ранхгарт утвердительно кивнул головой.

— И что, все женщины, выходя замуж, проходят через это? — вновь спросила она, и Ранхгартт, вновь подтверждающе кивнул. — Что ж, — видимо, внутренне смирившись с судьбой, сказала Ализе, — надо, так надо. Значит, и я через это пройду.

Не таких слов ждал Ранхгартт, но в любом случае устроить ей подобное ознакомление с физической частью возвышенных романтических отношений было правильным решением, с чем себя Ранхгарт и поздравил.

— Мея, — спросил Ранхгарт у феи, увидев ее в конце дня, — я думал, вы с Ализе поговорите, расскажете, объясните, что интимные физические отношения такие же важные, такие же прекрасные, как и духовные.

Последние слова Ранхгарт произнес, едва сдерживая ехидный смех. Впрочем, с Меей он мог не притворяться, физическую сторону любовных отношений она обожала так же, как и он.

Однако Мея не подалась на его веселый тон. Обеспокоенно и очень серьезно она ответила:

— Я как раз хотела тебя разыскать, чтобы поговорить об Ализе. С ней что-то не так. Мы, феи, чувствуем жизненную силу и сексуальную энергию, исходящую от любого живого существа любой расы и пола. И вот направляя и подпитывая эту энергию определенным образом, мы и добиваемся той эйфории, что испытывает наш партнер от близости с нами. Разумеется, если нам этого хочется, — тут же капризно добавила она. — Так вот, от Ализе не исходит никакой сексуальной энергии, вообще никакой. Она — словно трехлетний ребенок или скопец в гареме. Когда мы показывали ей, как надо целоваться, она очень внимательно следила за нашими действиями, стараясь запомнить в деталях, какие надо производить движения, только и всего. Ее сердце билось спокойно и ровно, тогда как должно было бы выскакивать из груди от волн возбуждения, которые мы пытались вызвать в ней. Говорю тебе, она или больна, или ее сексуальные потоки чем-то блокированы. К сожалению, пока это не изменится, она так и останется холодной, бесчувственной деревяшкой.

Глава 36

Вот теперь Ранхгарт понял все! Понял, что Даххарст знал не только о существовании родовой магии Высших Светлых, но и знал, как ее нейтрализовать или заблокировать. Ну, конечно! Один сгусток тьмы — в основание горла, чтобы заблокировать способность черпать силы из окружающего мира. Другой — в солнечное сплетение, чтобы лишить возможности накапливать свои собственные магические силы. И еще один — в низ живота, чтобы нельзя было использовать свою сексуальную энергию, помогающую, пусть и косвенно, накапливать магические силы или восстанавливать их утечку.

«Вот и хорошо! — со злостью на Даххарста думал Ранхгарт. — Сам покалечил, пусть сам и лечит! Что ж, Ализе самое время отправляться навстречу своему „счастью“».

Поздно ночью Ранхгарт постучался в дверь Ализе. Дверь тотчас открылась, стало понятно, что девушка его ждала.

— Ты готова? — Ализе кивнула. — Саннаэтель снял защищающее заклятие на твоем брачном браслете?

— Да, — неохотно ответила Ализе, не желающая вспоминать тяжелый разговор с братом. Как Саннаэтель просил и умолял ее не отправляться в лапы к Даххарсту! Пугал, что живой от него она может не вернуться. В ответ на все его слова она твердо ответила: «Саннаэтель, я все равно найду своего мужа и увижусь с ним. Убьет — значит, убьет, такова моя судьба. Я была обязана быть рядом с ним все эти десять лет, в радости и горести, в довольстве и бедности, в здравии и болезни… Да, в здравии и болезни я должна была быть рядом с ним. Я этого не сделала, теперь я это исправлю. И будь, что будет».

Ранхгарт внимательно вгляделся в глаза девушки и зябко передернул плечами. Не хотелось бы ему, чтобы его шли искушать, соблазнять, возбуждать с таким выражением лица. А взгляд… Он опять передернул плечами. С таким взглядом воины идут на смертельную битву, зная, что могут не вернуться назад.

Ранхгарт понял, о чем ему толковала Мей. Общаясь с Ализе, ему ни разу не захотелось обнять или поцеловать ее, не говоря о чем-то большем. Да, она невероятно красива, и что?

Он встречал менее красивых и не таких внешне безупречных девушек, к которым его влекло в тысячу раз сильнее. Когда один их взгляд превращал все его тело в сплошную эрогенную зону, возбуждая безумное желание даже простым прикосновением к ладони, плечу, не говоря уже о других, действительно эрогенных участках тела.

— Ализе, — еще раз напомнил Ранхгарт, — я не знаю, как Даххарст встретит тебя. Но, в любом случае, ты должна объяснить, что не сможешь ему помочь, пока он не разблокирует твои силы или не обратится за помощью к Саннаэтелю.

— Я поняла, я ему объясню, — отмахнулась от напоминаний Ализе, полностью поглощенная мыслями о скорой встрече с мужем.

Мгновение — и портал, открытый Ранхгартом, перенес их в Храм. Ализе не колеблясь ни секунды, подошла к жертвенной чаше, пред которой день и ночь горел огонь.

— Подожди, — окликнул ее Ранхгарт. — Прежде, чем опускать руку в огонь, брось в него вот это, — и он протянул ей кусок какой-то странной деревяшки.

— Я должна бросить в огонь сначала вот это полено? — удивилась она.

— Полено?! — чуть не задохнулся от возмущения Ранхгарт. — Да это кусочек священного дерева нашей покровительницы! Он стоит больше, чем весь тот жемчуг, что украшал твою голову, и благодаря которому вы с Саннаэтелем просуществовали десять лет. Хочешь, чтобы Богиня помогла тебе и была благосклонной, и чтобы она не сожгла твою руку до кости, прежде чем соединить вас? — Ализе быстро закивала головой. — Значит, бери и бросай!

Ализе бережно, со всем почтением, опустила кусочек дерева в огонь. Пламя несколько раз лениво коснулось его, явно не торопясь набрасываться, но постепенно языки пламени закружились, со всех сторон облизывая подношение. Миг — и кусочек исчез.

— Богиня приняла твой дар, — шепотом объяснил Ранхгарт. — Можешь опускать в пламя руку.

Ализе потянулась к огню. Боли не было никакой, рука полностью была погружена в пламя, но не горела. А потом брачный браслет стал накаляться, и скоро уже жег так, что слезы, помимо воли, побежали из глаз Ализе, но она терпела. Во время брачной церемонии боль была такой же, а раз она тогда вытерпела, то вытерпит и сейчас.

Девушка почувствовала, как ее тело стало легким и невесомым. Она оказалась в длинном коридоре, как раз на пути идущего навстречу Даххарста. Они замерли в нескольких шагах друг от друга, оба потрясенные этой встречей.

Ализе пришла в себя первой, ведь она, в отличие от мужа, готовилась к ней.

— Даххарст, — торопливо заговорила она, боясь, что что-нибудь может помешать сказать ей самое главное, — я пришла

помочь тебе, но я не смогу этого сделать, если ты не разблокируешь мои силы. Можно еще попросить Саннаэтеля, — почти неслышно добавила она, съеживаясь от страха под холодным злым взглядом мужа. Даххарст молчал, рассматривая ее, словно какую-то зверушку, а Ализе, теряясь от такого враждебного взгляда, пыталась рассказать, пыталась объяснить, как все так получилось. — …Я боялась… я не знала, — она запнулась, понимая, что сказать фразу: «Я ничего не знала о том, что должно было произойти между нами в спальне, и поэтому ударила тебя смертельным заклинанием», она не в силах.

— Ты хочешь, чтобы я разблокировал твои силы? — спокойно, чуть презрительно сощурив глаза, переспросил Даххарст.

— Да, да, — обрадовано закивала Ализе, — а, потом, когда я во…

Он не дал ей закончить. Одним движением, словно вырывая морковный пучок из земли, он дернул на себя сгустки тьмы, что блокировали силы Ализе. Боль была настолько сильной, что дико закричав, она упала на колени, стиснув руками горло и живот. Не успела она прийти в себя, как прямо перед ней раскрылся портал и Даххарст с отвращением вышвырнул ее прочь из своего замка. Ализе мгновенно оказалась в Академии.

Глава 37

Прошло несколько дней. Ализе стало не узнать. Нежный румянец на щеках, живой блеск в глазах. Саннаэтель не мог на нее налюбоваться, считая, что самое плохое позади.

А вот Ранхгарт так не думал. Как он ее ни допытывал, она почти ничего не рассказала о своей встрече с мужем. Но с этого дня стала сосредоточенной, внимательной и делала все, чтобы как можно быстрее восстановить силы своей родовой магии. Только от Ранхгарта так легко было не отделаться.

— Ализе, — неутомимо допытывался он, — Даххарст выглядел больным, изможденным?

— Я не знаю, — уже устав повторять одно и то же, отвечала девушка. — В коридоре, где мы встретились, было темно.

— Во что он был одет?

— Рубашка, камзол, штаны, сапоги.

— Куда он шел?

— Да откуда же я знаю?! — не выдержала допроса Ализе. — Я не знаю, что это за замок, я не знаю, куда вел этот коридор, и тем более не знаю, куда шел Даххарст! Понятно?

— То есть вы постояли, посмотрели друг на друга, потом он любезно разблокировал твои силы, и также любезно отправил домой? Я все правильно понял? — не сдавался Ранхгарт, заглядывая ей в глаза.

И тут Ализе не выдержала:

— Да, все было именно так, как ты говоришь. Только, когда Даххарст выдирал из меня сгустки тьмы, было ощущение, что он выдирает из меня стрелы, безжалостно дергая за древко и не отрубив наконечник. Он знал, что мне очень-очень больно, но в его глазах не было ни капли сочувствия или жалости. А потом, когда он вышвыривал меня, в его глазах полыхала настоящая ненависть! — Ализе заплакала. Она почему-то до сих пор считала, что только она имеет право ненавидеть мужа, Даххарсту она в подобном праве отказывала. И вот теперь, когда реальность так грубо вторглась в ее мир, ей было очень больно от мысли, что муж так плохо к ней относится.

Странно, но Ранхгарт понимал ее. Поэтому он только тихо спросил:

— И что ты теперь будешь делать?

— Во-первых, выполню свое обещание, данное Даххарсту, и постараюсь снять свое заклятие.

— А если Даххарст больше не захочет тебя видеть? Если выгонит тебя и не захочет с тобой разговаривать?

— Захочет он меня видеть или нет, выгонит или не выгонит, мне все равно. Для меня вопрос уже решен, и заклятие я с него сниму, даже если мне еще раз придется с ним драться! — при этих словах глаза Ализе так грозно сверкнули, что у Ранхгарта не осталось ни капли сомнений: свое обещание она выполнит.

…— Ранхгарт, — обратилась Ализе к темному, — ты поможешь мне попасть в Храм?

Прошел уже месяц после памятного визита Ализе в гости к мужу, и только сейчас она почувствовала себя достаточно окрепшей и сильной, чтобы попытаться снять собственное заклинание, наложенное на пике страха и паники.

— Я сделаю намного лучше, — обрадовал ее Ранхгарт, — я сам перенесу тебя к нему.

— Нет, — запротестовала Ализе, — с мужем я хочу встретиться без свидетелей.

Но Ранхгарт настаивал:

— Сама подумай, что если Даххарст не позволит тебе приблизиться к нему? Что будет, если он не поверит, что ты хочешь помочь ему, а, наоборот, решит, что ты хочешь покалечить его еще сильнее? Мы же темные. Мы подозрительны и недоверчивы.

— Но ты же сам говорил, что после ритуала, связавшего нас, мы никогда не предадим друг друга! — удивилась Ализе.

— Учитывая, что вы с ним натворили, я уже начинаю думать, что ритуал не подействовал. Ты же все-таки Высшая Светлая, может, ты как-то смогла нарушить обряд. И если мне такое объяснение случившегося пришло в голову, то Даххарсту за десять лет раздумий оно пришло и подавно. Поэтому, если Даххарст воспротивится, то я смогу убедить его принять твою помощь.

— А почему ты решил, что он тебе поверит? Насколько я слышала, вы, темные, враждуете между собой, как пауки в банке? — в свою очередь осадила Ранхгарта Ализе. — А чего мне с ним враждовать? — искренне удивился Темный. — Женившись на тебе, он перекрыл себе все подступы к трону. А ведь он у деда был любимчиком. Сейчас каждый из претендентов будет очень рад видеть его в числе своих друзей, и я в том числе. Даххарст это хорошо понимает. К тому же, — тоном купца, расхваливающего свой товар, добавил Ранхгарт, — к Даххарсту я перенесу тебя без всякой боли. А в Храме еще неизвестно, как к тебе отнесется Богиня, может и правда, сожжет тебе руку до кости.

И Ализе согласилась.

— Мы вместе подойдем к нему? — уточнила она.

— Ты что?! Первое, что он подумает, увидев нас рядом, это

то, что мы любовники. Так подумает любой из нас, можешь не сомневаться. Мы все страшные собственники, при этом чудовищно ревнивые. А потом Даххарст начнет действовать, и, думаю, мне придется не сладко. Поэтому зайдешь к нему одна, я приду на помощь, только если это потребуется.

— А если мы сразу попадемся ему на глаза? — забеспокоилась Ализе.

— Это вряд ли. Я могу открыть портал только в то место, которое ты видела. Не будет же он день и ночь сидеть в коридоре, ожидая твоего прибытия.

Такой аргумент показался Ализе убедительным, и она решительно протянула ему руку.

Они оказались в коридоре, который она сразу узнала. В нем, как и рассчитывал Ранхгарт, никого не было. Они спокойно осмотрелись, решая, в какую сторону идти. Коридор был мрачным и темным, свет падал сквозь небольшие окна-бойницы, расположенные почти под потолком. Вот в них и предложил выглянуть Ранхгарт, чтобы быстрее понять, где они находятся, и в какую сторону им идти.

Он легко взобрался наверх по выступающим из стены, словно лестница, плитам. Вероятно, они для этого и были именно так уложены.

— Нам туда, — махнул Ранхгарт рукой, и они двинулись по коридору.

Темный легко ориентировался в незнакомом замке. По каким-то особым приметам определил, где находятся покои хозяина, то бишь Даххарста, и быстро вывел их к спальне. Самым странным было то, что за все время, пока они бродили по замку, не встретили ни одной живой души.

— Никого нет, — тихо шепнула Ализе, но ее слова, даже сказанные тихим голосом, эхом отразились от стен. Девушка присела в испуге и еще тише спросила: — Может, его нет в замке? Может, он тогда случайно здесь оказался? Приехал на день-два и сразу уехал?

— Нет, — уверенно ответил Ранхгарт, — замок обитаем. Я слышу запах свежеиспеченного хлеба.

Ализе принюхалась и также ощутила аромат сдобы.

— Куда дальше? — спросила она.

— Уже пришли. Заходи, — шепнул темный.

Глава 38

Ализе осторожно открыла дверь и проскользнула внутрь комнаты, через секунду вернулась и позвала с собой Ранхгарта.

Даххарст лежал поперек кровати на роскошном покрывале, в одежде и сапогах, лицом вниз, совершенно пьяный. Об этом свидетельствовали бутылки, валявшиеся вокруг кровати и кресла, запах алкоголя, витавший в комнате, и сама поза лежащего.

— Как здорово! — обрадовалась Ализе. — Помоги мне перевернуть его на спину. Это даже лучше, что он настолько пьян, я успею сделать все, что необходимо.

Ранхгарт перевернул его на спину, но затаскивать ноги на кровать не стал. Потом вопросительно взглянул на Ализе, пытаясь понять, что она делает. А Ализе приложила к груди предварительно разломанный деревянный ажурный кружок и замерла, то ли прислушиваясь к чему-то, то ли впитывая в себя что-то. Заметив взгляд Ранхгарта, она тихо объяснила:

— Я еще не полностью восстановила силы, и их пока недостаточно, чтобы сразу снять проклятие. Свои силы я использую в самом конце ритуала. А пока я могу использовать силу, которую закачал Саннаэтель в эти артефакты. Так даже лучше, — успокоила она темного, — я буду снимать проклятия слой за слоем. Даххарсту не будет настолько больно, как если бы я одним ударом попыталась разрушить их.

Ранхгарт только пожал плечами: лучше, так лучше. Ализе бережно расстегивала рубашку, обнажая грудь, а потом живот мужа. Она, почти не касаясь, приложила руки к его телу, пытаясь прочувствовать, какие участки поражены заклинанием, со вздохом стала расстегивать ему пояс, а потом и пуговицы на штанах, обнажая самый низ живота и пах. Эти движения были настолько личными, настолько интимными, что Ранхгарт деликатно отвернулся.

Впрочем, Ализе этого даже не заметила, она была полностью сосредоточена на Даххарсте. Призвав силы, впитанные через артефакт, она начала исцеление. Сначала из кончиков пальцев, а потом и от ее ладоней начал исходить теплый свет, похожий на солнечный. Мягко и нежно, словно лаская, она водила этим лучиком по животу мужа. Даххарст ничего не чувствовал и продолжал крепко спать. Когда свет в ладонях погас, Ализе разломила следующий деревянный кружок и, снова впитав силы, продолжила водить ладонями над животом мужа, только свет, исходящий из них, приобрел слегка зеленоватый цвет.

— Сейчас он почувствует первую боль, — спокойно, без

эмоций сказала она.

— А на что эта боль похожа? — тут же спросил Ранхгарт.

— На что похожа? — Ализе задумалась. — Например, во сне рука неудобно вывернулась, но ты, не почувствовав этого, пролежал несколько часов, пока кровообращение в руке почти не остановилось. И когда ты начинаешь растирать ее, массировать, приходит ощущение тысячи иголок, колющих твое тело. Вот примерно такие ощущения у него будут сейчас, и в сто раз сильнее, когда я начну использовать свои силы на последнем этапе.

Зеленоватое свечение исчезло, Даххарст, не просыпаясь, беспокойно завозился на кровати.

Ализе разломила следующий артефакт, из ее рук полился уже чистый зеленый свет. Даххартс, неосознанно пытаясь избавиться от неприятных ощущений, попробовал перевернуться на живот, но Ализе не позволила ему этого сделать. Стало понятно, что Даххарст проснется с минуты на минуту. И тогда Ализе разломила сразу три артефакта и подвесила над животом мужа огненный шар, переливающийся зеленым светом. Мгновение — и весь этот огонь растворился, впитываясь в тело темного.

Даххарст рывком сел на кровати, а через секунду Ализе улетела в угол комнаты, ударившись спиной о кресло. Даххарст рванулся к ней, но на его пути встал Ранхгарт.

— Даххарст, Ализе хотела помочь, она не собиралась вредить тебе!

Увидев перед собой темного, Даххарст на секунду остановился.

— Ты кто такой? — грубо, явно готовясь к ссоре, спросил он.

— Я Ранхгарт.

Взгляд Даххарста чуть изменился, но потом страшное подозрение полыхнуло в его глазах, и он, словно разъяренный бык, двинулся теперь на Ранхгарта. Но тот опередил его намерения.

— Клянусь нашей темной Богиней Тео, что не являюсь любовником твоей жены, и никогда им не был! — торжественно, как и положено говорить при произнесении клятв, сказал Ранхгарт — Я просто хотел помочь твоей жене излечить тебя. Ты был пьян и спал, поэтому Ализе стала снимать проклятие без твоего ведома.

— Мне не нужна ее помощь, — четко выговаривая слова и даже не взглянув в сторону жены, отрезал Даххарст.

— Нужна, еще как нужна, — возразил Ранхгарт.

Мужчины стояли, с яростью глядя в глаза друг другу.

— Если я встречу тебя еще раз, — холодно, стараясь сдержать

гнев, сказал Даххарст, — то убью тебя. А теперь прошу вас покинуть мой замок, — ему даже удалось при этих словах церемонно поклониться.

Ализе опрометью бросилась к двери, Ранхгарт вышел следом.

— Мне жаль, что все так получилось, — грустно сказал ей темный. — Хотя примерно такой встречи я и ждал. Плохо, что не удалось до конца снять проклятие, но Даххарст сам виноват. Возвращаемся, — и Ранхгарт протянул Ализе руку, чтобы перенести назад в Академию.

— Никуда я не пойду, — твердо ответила девушка и даже спрятала руки за спину, чтобы Ранхгарт не перенес ее против воли.

— Как — не пойдешь? — не понял он.

— А, так! Я спрячусь где-нибудь в замке, а когда Даххарст напьется и снова уснет, закончу снимать заклятие! У меня еще три заряженных артефакта осталось, как раз должно хватить.

— Ализе, он ясно дал понять, что убьет тебя, если еще раз увидит.

— Мне все равно, — спокойно ответила Ализе, — но заклятие я с него сниму, чего бы мне это ни стоило.

— Ализе… — попытался возразить темный, но она его перебила:

— Ранхгарт, меня не переубедить и не испугать. А еще вот что я тебе скажу. Это мой муж, а это дом моего мужа, я буду находиться здесь, рядом с ним, и никто не заставит меня уйти отсюда! Я благодарна тебе, что ты мне помог, но прошу тебя: уходи.

В спальне Даххарста что-то ударилось о стену, послышался звон разбитого стекла, потом еще один удар, и еще один, потом раздался грохот ломаемой мебели, и снова звон.

— Кажется, Даххарст громит спальню. Мне лучше спрятаться где-нибудь, — быстро сказала Ализе и побежала по коридору, по пути заглядывая в каждую комнату. — Здесь спрячусь! — решила она, случайно заглянув в гардеробную Даххарста. — Уходи, Ранхгарт, я с тобой не вернусь! — но тот не уходил, боясь оставить ее одну. — Уходи! — уже зло приказала она, и Ранхгарт исчез.

Но, едва оказавшись в Академии, он побежал искать Саннаэтеля.

— Саннаэтель, Ализе пыталась исцелить Даххарста, но у нее не получилось сделать это до конца. Даххарст выгнал нас и пригрозил, что убьет ее, если еще раз увидит. Я хотел ее забрать, но она отказалась покидать замок мужа. Сейчас я перенесу туда тебя, ты сам с ней поговори, тебя она должна послушать!

Было видно, что Ранхгарт действительно переживает за Ализе, а вот по Саннаэтелю этого, как ни странно, нельзя было сказать.

— Что ты стоишь? — удивился Ранхгарт. — Надо отправляться забирать Ализе из замка Даххарста.

Но Саннаэтель молчал, думая о чем-то, и явно не торопился бежать спасать сестру.

— Видишь ли, Ранхгарт, — мягко начал Саннаэтель, — с той самой секунды, как ты сказал Ализе, что где-то на земле, спрятавшись ото всех, живет ее беззащитный, несчастный, одинокий и больной муж, и что именно она виновна в этом его состоянии… Так вот, с той самой секунды Лорд Даххарст был обречен. Она будет спасать его до тех пор, пока не спасет. Будет спасать, несмотря на его протесты, противодействие, оскорбление и угрозы. Увы, но боюсь Лорду Даххарсту от нее уже не вырваться, — увидев потрясенное лицо Ранхгарта, Саннаэтель засмеялся и пояснил: — Существует такой тип добродетели, который держит за горло не хуже королевских палачей. Похоже, именно это придется испытать на своей шкуре Даххарсту. Спорим, через год он будет подносить ей тапочки, и, прежде чем надеть их на ее ножки, сначала будет согревать их своим дыханием или руками? Поверь мне, Даххарст не знает, с кем связался.

Глава 39

Ализе сидела на полу, поджав колени к подбородку, скрытая висящей одеждой. Так она провела уже не один час, внимательно прислушиваясь к звукам, наполнявшим замок.

Разбив в комнате все, что только возможно, Даххарст стал бросать в стены огненные шары — грохот взрывов наполнил коридор.

Забегали слуги, таскающие ведра с водой, Ализе решила, что это тушат огонь в спальне хозяина.

Потом она услышала, как Даххарст прошел по коридору, видимо, перебираясь в другую комнату. Она точно знала, что это он, поскольку мужчина громко ругался на языке орков. Ализе узнала некоторые из слов и слегка покраснела, вспомнив их смысл.

Потом слуги потащили Даххарсту бутылки с вином — бутылки тренькали при переносе.

Ализе ждала. Делать было нечего, можно было только думать и вспоминать. И она вспоминала.

…С того дня, как Даххарст вышвырнул ее из замка, не было ни минуты, да что там минуты, не было ни секунды, чтобы она не думала о нем. Ложась спать и просыпаясь, в душе, в столовой, на уроках — он постоянно стоял перед глазами. Его прищуренный взгляд, его гордая осанка, его губы, скривившиеся от отвращения… Впрочем, об этом она вспоминала не часто. А вот его бледное лицо, запавшие глазницы, свидетельствующие о переносимой боли, постоянно вспоминались.

А еще она теперь постоянно прислушивалась к разговорам девушек. Благо ее эльфийский слух позволял это делать на достаточном расстоянии. Она жадно вслушивалась в слова:

— …так поцеловал меня, что закружилась голова и задрожали ноги…

— …его рука, словно случайно, коснулась моей груди, я гневно отбросила ее, но внутри у меня все загорелось огнем…

— …как он стонал, как молил прекратить его мучения! А потом сказал, что я лучшая на свете!

Эти последние слова особенно заинтересовали Ализе. Она представила на секунду, как Даххарст молит ее о пощаде, а потом говорит, что она лучшая, и покраснела… от удовольствия.

Она тут же решила выяснить, что такого надо сделать, чтобы мужчина вел себя подобным образом. Покрутившись около девушек, но так и не решившись их спросить об этом, она пошла к Мее и честно рассказала ей о своих мыслях и планах.

— Думаю, девушка говорила об оральном сексе, — тоном эксперта- профессионала вынесла вердикт Мея.

— Оральный секс? — растеряно переспросила Ализе.

— Ну да, оральный: ласкание партнера языком, губами и ртом.

— То есть… я должна губами касаться его ТАМ?! — с ужасом спросила Ализе.

— Не там, а ЕГО! — поправила ее фея. Потом, посмотрев в ошарашенные глаза девушки, спокойно добавила: — Ализе, если любишь мужчину всей душой, то искренне стараешься доставить ему возможно большее удовольствие. А что может быть нежнее губ и ласковее языка? Даже твои ладони не сравняться в мягкости с ними. Впрочем, решать тебе. Я только объяснила тебе подслушанный разговор.

Ализе на секунду задумалась, а потом, словно прыгнув в ледяную воду, сказала:

— Я хочу увидеть, как это делать!

— Вот это уже другой разговор, — развеселилась Мея, и уже через пять минут в комнате была еще одна фея, и очередное «наглядное пособие».

— Видишь, как он выглядит, когда мужчина не хочет женщины? — спрашивая фея, показывая Ализе нечто маленькое, и довольно странное на вид. — А теперь смотри!

Несколько нежных и умелых касаний языком заставили предмет наблюдения Ализе увеличиться в несколько раз, приняв, достаточно твердую, даже на вид, форму.

— А вот так выглядит мужчина, который желает и даже жаждет женщину! — с удовольствием оглядела фея результат своих манипуляций. — Жаль, Ранхгарт строго настрого запретил разрешать тебе практические занятия, сказал, чтобы ты довольствовалась только теоретическими. Но ты и так все поймешь!

Дальше она стала показывать, как правильно, а главное, эффективнее делать те или иные движения. Жаль, что стоны и извивания «наглядного пособия» мешали усваивать материал. Хорошо еще, что девушки догадались связать ему руки и крепко привязать к кровати…

И вот теперь Ализе в темноте, словно прилежная ученица, мысленно повторяла преподанные уроки…

Сколько прошло времени, пока Даххарст угомонился, она не знала, так как и сама незаметно для себя уснула.

Проснувшись и посидев немного в тишине, чтобы удостовериться, что Даххарст спит, тихонько выбралась из комнатки. Она быстро нашла дверь, за которой раздавался

мерный храп, открыла ее и проскользнула внутрь.

В этот раз Даххарст для разнообразия спал на спине. Она быстро расстегнула рубашку и штаны, и, разломав очередной артефакт, стала руками, наполненными силой, водить над его животом. Теперь она не боялась, что он проснется от приступа боли. Завершающий этап исцеления был достаточно приятным.

Она обрадовано откинулась спиной на подушки. Все! Даххарст исцелен. Можно было бы уходить, вот только как это сделать? Но Ализе лгала себе, выискивая любую причину, только бы не покидать мужа. Еще немного полежав с ним рядом, она решила на практике применить полученные знания.

Осторожно, одними губами она подхватила мягкий, очень неприятный при прикосновении орган. То ли она не крепко держала его губами, то ли что-то неправильно делала, только он вырвался из губ и шлепнулся на место.

Ализе, чуть расстроилась, но потом, простив себя великодушно, решила, что пока не привыкнет к нему, держать его зубами. Поудобнее перехватив поперек ствола, она крепко зажала его… и в эту секунду Даххарст очнулся от пьяного забытья.

— А-А-А-А-А! — страшным, дурным голосом заорал Даххарст, увидев свое самое большое сокровище в зубах жены. С пьяного угара он решил, что она хочет лишить его мужественности посредством откусывания, вымещая, таким образом, всю боль за причиненные им обиды.

Глава 40

Его дикий вопль так напугал Ализе, что она от неожиданности раскрыла рот, чем Даххарст тотчас воспользовался и откатился от нее подальше, на самый край кровати.

— Я хотела завершить Ваше исцеление, — стала оправдываться она. — Теперь все в порядке. Проклятие я сняла.

Даххарст еще несколько секунд недоверчиво смотрел на нее, а потом прогнал магический поток сквозь свое тело. Видимо, результат его удивил и обрадовал, но взгляд, которым он посмотрел на Ализе, не выражал благодарности. Взгляд был холоден и даже циничен, словно, рассматривая ее, он решал; стоит ли ей разрешить остаться рядом с ним или нет. Этот взгляд страшно не понравился Ализе, не этого она ждала от мужа. Гордо выпрямившись, она с достоинством произнесла:

— Вы излечены. Обещание, которое я Вам дала в прошлую нашу встречу, выполнено, значит, я могу вернуться в Академию.

— Зачем же так скоро? — довольно-таки мерзко ухмыльнулся Даххарст, и Ализе сжалась от страха, заметив, как его глаза вспыхнули возбуждением. — Ты не забыла, что кое-что мне еще должна? — любезно осведомился Даххарст.

— Вы… Вы имеете в виду исполнение супружеского долга? — пролепетала Ализе.

— Супружеского долга?! — расхохотался темный. — Что ж, можно сказать и так.

— Я сама, — быстро сказала Ализе.

Не дожидаясь, пока Даххарст подойдет, быстро, девушка сбросила с себя одежду и легла на середину кровати. Вытянувшись в струнку, четко развела выпрямленные ноги и, в ожидании ужасной боли, всего того мерзкого действа, о котором говорили феи, сжала руки в кулаки, поджала пальцы ног, крепко зажмурилась и замерла, окаменев.

Поскольку ничего не происходило, она открыла глаза, вновь натолкнувшись на взгляд мужа. А тот смотрел на нее с УЖАСОМ.

— Ализе, — мягко и ласково спросил Даххарст, присев на кровать рядом с ней, — у тебя кто-нибудь был?

Ализе отрицательно затрясла головой, от пережитого волнения слезы побежали на подушку из уголков глаз. Растирая их кулаками и всхлипывая, она сказала:

— Нет, у меня никого не было, я даже ни с кем не целовалась, только с Вами. Помните, Вы меня до свадьбы в щеку поцеловали, и потом, когда Вы меня укусили за губу, мне сказали, что это был

поцелуй.

Даххарст резко отвернулся и закрыл лицо руками.

— Эта тварь Лаэдель за все мне заплатит, — глухо сказал он. — Но в первую очередь, объяснит, зачем он это сделал!

Несколько раз глубоко вздохнув, Даххарст вышел из комнаты, даже не взглянув в сторону Ализе. Не зная, что делать, она села на кровати, завернувшись в покрывало. Даххарст вернулся через несколько минут. На нем была другая одежда, волосы были влажными. Подойдя к жене, он положил на подушку рядом с ней кольцо.

— Это кольцо создает временные порталы. Наденешь на палец, мысленно представишь, где хочешь оказаться, и просто шагни вперед.

А потом Лорд Даххарст… исчез. Ализе не верила своим глазам: «Как он мог так просто уйти, бросив меня, не сказав, не объяснив, что будет дальше? — в отчаянии думала она. Потом ее взгляд упал на кольцо. — А зачем ему говорить? Зачем ему выслушивать упреки или мольбы? Он светский человек, вращающийся в обществе, где достаточно намека, чтобы делать выводы. Это кольцо — тот самый намек. Если бы он захотел, чтобы я осталась, он, наоборот, не дал бы мне возможности покинуть замок. А так его подарок говорит только одно: „Надевай кольцо и проваливай прочь!“».

Ализе упала лицом в подушку и зарыдала. Это были не те слезы, которые катились из ее глаз, когда с ней разговаривал Даххарст. Эти слезы были слезами отчаяния, поскольку Ализе уже точно знала, что не хочет уходить из замка, а хочет каждую минуту видеть своего мужа.

Глава 41

С этого дня весь мир для Ализе окрасился серым цветом. Чтобы брат и Ранхгарт оставили ее в покое, она бодрым и даже радостным тоном рассказала, как полностью исцелила Даххарста, и что они расстались почти друзьями. Ранхгарт удивился, не такого результата он ожидал, но Ализе так искренне и беспечно рассмеялась в ответ на его недоверие, что пришлось спрятать это недоверие подальше.

Эту маску веселости девушка теперь носила постоянно, и никто не догадывался о том, что действительно творилось в ее душе. И только долгими ночами, уткнувшись лицом в подушку и беззвучно плача, она могла дать выход своим чувствам.

Ализе ждала, день и ночь терзая себя вопросом: где он?

Она помнила, как Даххарст сказал, что Советник за все заплатит. Может, Даххаррст отправился к нему и сейчас бьется на смертельной дуэли? И нет никого рядом, чтобы помочь ему. В минуты, когда такие мысли приходили в голову, она в панике была готова бежать к Ранхгарту и просить опять перенести ее в Храм Богини, чтобы с помощью браслета найти мужа.

А иногда она думала, что он сейчас купается в объятиях женщины, а может даже не одной, Мея просветила ее, что страсть Темного женщина-человечка выдержать не сможет, обычно на ночь любви темные берут двух или трех. Представив Даххарста целующимся или ласкающим другую, Ализе испытывала такую безумную ревность и, опять же, дикое желание добраться до мужа, что едва сдерживалась.

Шли дни за днями Даххарст не появлялся. И если сначала на нее иногда нападали злость и гнев за такое пренебрежение ее чувствами, то сейчас она хотела только одного: снова увидеть его. Ну не может же он вот так исчезнуть… навсегда.

…Ализе пришла с занятий очень поздно, тренировки на полигоне заняли несколько часов. Она сильно устала. Учеба, почти бессонные ночи, грустные, тяжелые мысли вымотали ее. Наскоро перекусив, приняв душ, она забралась в кровать и свернулась клубочком под одеялом, чувствуя себя самой одинокой и несчастной во всем мире. Потом ход ее мыслей изменился, волна гнева, прошедшая сквозь тело, заставила сердце биться чаще и откинуть подальше жаркое покрывало. Так и уснула.

И приснился ей удивительный сон. Вроде бы она стоит, запрокинув голову, и тополиные пушинки падают ей на лицо нежно и невесомо. Одна попала в нос. Нос зачесался, Ализе

чихнула… и проснулась. Проснулась и замерла от невиданного зрелища. С потолка, легко кружась в воздухе, падали лепестки белых лилий. Ализе молнией соскочила с кровати, юлой обернулась вокруг своей оси, чтобы не пропустить появление Даххарста. А вот и он: спокойный, красивый, уверенный в себе.

— Это тебе, — сказал он, протягивая коробку.

Ализе, машинально, взяла ее, не зная открывать немедленно или потом посмотреть, что в ней. Она ощущала все происходящее, словно продолжала спать. Ноги чувствовали нежное прикосновение лепестков к стопам, пальцы — шероховатость коробки, но ощущение реальности не наступало. Даххарст заглянул ей в глаза, просто подхватил ее на руки и шагнул в портал.

Они оказались в невероятно красивой комнате, здесь Ализе еще не была. Отрытая дверь вела на балкон, оттуда ступени спускались в сад. Даххарст опустил ее на кровать и позволил спокойно оглядеться.

— Как красиво! — замерла Ализе в восхищении.

— Этот дом я готовил для нашего медового месяца, — небрежно бросил Даххарст.

Оба замерли, потому что почувствовали, что эти простые слова вновь воздвигли между ними непробиваемую стену из обиды и непонимания. Повисло тяжелое молчание. Бывает, что одна такая страшная минута никогда не даст стать друг для друга единственными. Ализе в отчаянии пыталась придумать, что ей сказать, но все слова словно вылетели из головы.

— Открой коробку, — предложил Даххарст, и Ализе от радости, что эта неприятная минула позади, быстро разорвала шелковую бумагу, в которую коробка была завернута.

Откинув крышку, она ахнула:

— Мое свадебное платье!

Даххарст засмеялся:

— Не совсем то, но точная его копия. Ранхгарт объяснил мне, что без пуговок никак нельзя!

Теперь засмеялась и Ализе и, схватив платье, исчезла за ближайшей дверью. Сбросив всю одежду, она натянула платье на голое тело, и тут возникли непредвиденные трудности: она не могла застегнуть пуговицы на спине, как ни извивалась.

— Я не могу застегнуть платье, — пискнула она из-за двери.

— Иди сюда, горе мое, — проворчал Даххарст, но смех явно слышался в его голосе.

Ализе, одной рукой придерживая лиф платья, а другой приподнимая подол платья, рассчитанного на туфли с каблуками, робко подошла к Даххарсту.

Он сидел на кровати, с интересом разглядывая жену. Любезно предложил повернуться спиной. Она думала, что Даххарст сразу начнет застегивать пуговицы, но вместо этого он притянул ее к себе вплотную и стал лицом тереться о ее голую спину.

— Какая у тебя нежная кожа, — восхитился он, — словно шелк.

От его прикосновений ноги стали ватными, и она, словно теряя почву под этими ногами, едва удержалась, чтобы не опереться о него спиной. Но Даххарст, видимо, решил довести ее именно до такого состояния. Быстрым движением он провел языком вдоль позвоночника от копчика и до лопаток.

Ализе ахнула, ее тело выгнулось, словно от сильной боли. Но Даххарсту было этого мало. Его язык, сделав несколько замысловатых пируэтов, стал медленно спускаться вниз, огибая каждый позвонок. У Ализе перехватило дыхание, но это было только начало.

Губы Даххарста продолжали целовать и ласкать ее спину, а руки, забравшись под платье, стали нежно гладить щиколотки, взбираясь все выше и выше. Она не заметила, как оказалась сидящей на его коленях. Спину теперь целовать он не мог, зато плечи и шея были полностью в его распоряжении, а главное — ушки. Поцелуй в плечо, почти невинный, едва касающийся. Поцелуй в шею, с легким прикусыванием. А потом языком — по мочке уха. Ализе едва не закричала от возбуждения. Потом второе плечо, в той же последовательности.

Она почувствовала, как рука Даххарста пытается протиснуться между сжатыми бедрами. Так не вовремя вспыхнувшая стеснительность не позволила помочь ему, а наоборот, заставила крепче сомкнуть ноги. Он недовольно слегка зарычал ей на ухо, требуя предоставить свободу пальцам. Поняв, куда эти пальцы собираются направиться, она жарко покраснела и чуть раздвинула ноги. Даххарст впился ей в шею таким поцелуем… ну, таким… как в тот раз, десять лет назад, и прошептал чуть охрипшим голосом:

— Может, ну их, эти пуговки?

— Застегивай, — попросила она. — А потом дернешь платье, ну… как в тот раз.

Даххарст засмеялся и, неохотно оставив в покое ее ноги, стал добросовестно застегивать пуговку за пуговкой, предварительно поласкав поцелуем каждый скрывающийся под тканью кусочек кожи.

Наконец, все пуговицы застегнуты, о том, что еще хрен знает сколько пуговиц на манжетах, они даже не вспомнили. Ализе

ждала, что вот сейчас раздастся треск материи, и платье разлетится на куски, но этого не произошло. Ализе удивленно взглянула на мужа и с удивлением заметила, что он смотрит на нее не с горящими от страсти глазами, а наоборот, как-то немного неуверенно, словно желая попросить о чем-то. Она сразу насторожилась. Заметив ее реакцию, Даххарст тихо сказал:

— Ализе, — его голос звучал осторожно и даже немного робко, — а если я попрошу, чтобы наш самый первый раз произошел в Святилище Храма, посвященного нашей Богине?

— В Святилище Храма? — неуверенно переспросила Ализе, вспомнив, куда ее переносил Ранхгарт, когда пытался вылечить. От мысли, что она будет заниматься любовью с Даххарстом на том алтаре, ей стало плохо. — Но почему в Святилище? — она пыталась, как могла, оттянуть момент, когда ей придется отказать мужу.

— Ну, это же первая кровь, она имеет огромную силу и угодна Богине, в качестве жертвоприношения.

— Ты мне ничего не говорил о Святилище, — все еще пыталась сопротивляться Ализе.

— А зачем. если я тогда думал, что у тебя уже были до меня мужчины? — удивился он.

«Действительно, — одернула себя Ализе, — о какой жертве тогда бы шла речь? Что жертвовать?»

Она не могла сказать ни «да», ни «нет», а муж, видя ее колебания, снова внимательно посмотрел ей в глаза.

— Ализе, — серьезно и искренне сказал он, — я в тысячу раз опытнее тебя в любовных играх. Я мог бы довести тебя до такого состояния, что ты даже и не поняла бы, где находишься. Но я не хочу поступать так. Ализе, я прошу тебя отправиться со мной в Святилище нашей Богини, чтобы она закрепила и благословила наш союз, — Даххарст замолчал, ожидая ее решения.

Глава 42

Ну что бедная девочка могла сказать после таких слов? Какие привести причины для отказа? Правильно. Никаких.

Ализе протянула руку Даххарсту. Их пальцы сплелись, а через секунду они оказались… в воде. Да, они плюхнулись в бурлящую воду прямо перед стеной водопада. Даххарст подхватил ее на руки, поскольку пышная юбка платья, явно не была предназначена в помощь к дальним заплывам.

— Нам туда, — Даххарст указывал прямо на стену воды. — Вдохни поглубже и закрой глаза.

Ализе поспешно выполнила его просьбу, а когда открыла глаза, с интересом огляделась. «Странное какое-то святилище, — было первым, о чем она подумала, — выглядит, как обычный неглубокий грот. Нет ни алтаря, ни свечей. И… и где мы будем этим заниматься?» — тут же забеспокоилась она. Ровный пол пещеры не страдал от обилия мебели, а мокрое платье и прохлада пещеры уже заставили тело покрыться мурашками. Словно услышав ее мысли, Даххарст кивнул вправо.

Ализе глянула и едва сдержалась, чтобы не заорать: «Вот на этом каменном, холодном, твердом, колючем уступе произойдет главное событие моей жизни?!» Ей стало себя очень-очень жалко.

Но то, что случилось потом, вообще повергло ее в шок, оставив чувство растерянности и неприятное ощущение, что ее обманули.

Сначала все было очень хорошо. Даххаст крепко обнял ее и поцеловал в губы легким и нежным поцелуем.

— Ты замерзла, — одними губами прошептал он, — тебя всю трясет.

Теперь быстрое избавление от платья было уже острой необходимостью.

— Мокрая ткань труднее рвется, — напомнила мужу Ализе, но Даххарст только засмеялся. Рывок — и обрывки платья лежат на полу пещеры.

Даххарст сбросил и с себя одежду, закатал все тряпки в один ком, выбросил его в портал. Жадно притянул к себе Ализе и еще раз поцеловал ее. Его тело было настолько горячим, что, приникнув к нему, девушка согрелась за секунды. Он подхватил ее на руки, а потом осторожно уложил на уступ.

— Не бойся, — ласково начал шептать он, — я постараюсь быть очень осторожным.

— Не надо, — тихо сказала Ализе в ответ, — я хочу сильно. Я хочу запомнить, как было в первый раз, я хочу ощущать все, хочу

осознать, что мы теперь вместе навсегда.

Ализе думала, что после ее слов и он скажет что-то такое… такое… например, о том, что он любит ее. Или скажет, как она ему дорога, и как он счастлив, что она рядом с ним. Но вместо этого Даххарст чуть запрокинул ей голову и резко вошел в нее, поцелуем удержав крик, который вырвался из ее горла. А после этого он не остановился даже на секунду, чтобы она немного пришла в себя. Он входил в нее вновь и вновь, крепко стиснув и зажав рот поцелуем.

И снова они в воде. Она пыталась отталкивать его, но он целовал и целовал ее, шепча при этом: «Все позади, уже все позади». Глазами, полными слез, она взглянула на него и замерла от невиданного зрелища. И Даххарст, и она словно стояли под дождем из радуг. Радуги переливались вокруг них, нежно касаясь кожи и вызывая желание засмеяться, словно от щекотки.

— Богиня благословила наш союз, — шепнул ей Даххарст на ухо, правильно истолковав происходящее. — Иди ко мне.

И вот они снова в его замке. Даххарст посадил жену на кровать, завернул в покрывало, а сам, едва прикрывшись какой-то тряпкой, приказал слугам принести еды в спальню.

Ализе смотрела на него, и все, что случилось, как-то не укладывалось в голове. А Даххарст, изображая бурную деятельность в подготовке предстоящего обеда, упорно избегал встречаться с ней глазами и, вообще, вел себя настолько странно, что она заподозрила, что он не сказал ей всего. Ализе удивилась бы еще больше, узнав, насколько это несказанное «все» было важным и необычным.

…Ритуал единения включал, собственно, три разных ритуала, посвященных разных Божествам.

Первый соединял души, которые с этого дня всегда стремились друг к другу, разъединить их могли только голый разум, поддерживаемый твердой волей. Случаи, когда свершившие этот обряд расставались из-за самых разных обстоятельств, встречались достаточно часто, но счастья это не приносило ни тому, ни другому.

Второй ритуал — единение брачными браслетами — позволял супругам найти друг друга, где бы они ни находились.

А вот третий, который был очень редким и последние пятьсот лет не проводился из-за того, что ни одна из невест не могла похвастаться девственностью перед брачной церемонией, оказался очень необычным. Он позволял супругам мысленно общаться друг с другом.

Даххарст не сказал об этом Ализе, как не сказал и о том, что она может читать его мысли, а он уже читает ее. Что поделать?

Темные хотят контролировать все и вся, а уж любимого — в первую очередь.

Сказать, что Даххарст был доволен — не сказать ничего. Мысленно со своей женой мог общаться только Правитель, и больше никто из Высших.

Эта, подаренная Богиней способность, была просто бесценна, особенно, если постоянно находиться в обществе кровожадных акул, ну… в смысле, таких же темных. Возможности открывались невероятные. Например, быстро о чем-то предупредить, о чем-то сказать, и при этом никто из окружающих даже не будет подозревать, что ты предупрежден. Потому что никто не знает и не догадывается, что они проходили этот ритуал, тем более, спустя десять лет после свадьбы.

Даххарст чуть не урчал от распирающей его гордости. С темными всегда так: удалось заполучить что-то, чего больше нет ни у кого — радость и гордость за себя любимого, до самого неба. Даххарст наслаждался своими новыми способностями, изучая их возможности на Ализе.

Он понимал, что рано или поздно ему придется сказать о них и ей. Понимал, какая взбучка его ожидает, но все равно не смог удержаться от удовольствия хотя бы недолго попользоваться способностями единолично. Как приятно слышать каждую секунду подтверждение, что Ализе именно такая, какой и выглядела. Искренняя и доверчивая, и даже годы, когда она от него пряталась, не заставили стать ее хитрой и предусмотрительной. О такой жене он мечтал всегда. Жене, с которой не надо каждую секунду состязаться в остроумии и постоянно ощущать, что она тебя рассматривает, словно высчитывая в процентах, насколько уменьшилась твоя ценность.

Даххарст знал, что скоро во всем признается Ализе… скоро, но не сейчас. Сейчас он использовал свое преимущество, чтобы заставить скромную, стеснительную, сексуально зажатую жену раскрыться. Так, чтобы страсть заставила ее забыть и о стеснительности, и обо всех глупых предрассудках, какими была набита ее голова. А для этого все средства хороши. Приблизительно так он рассуждал, пытаясь скрыть даже от самого себя, что главное, чего он хотел — это как можно крепче привязать ее к себе, привязать так, чтобы она не только не вырвалась, но и не захотела вырываться.

Глава 43

Наконец, Даххарст решил, что все готово. Махнул слугам рукой, чтобы убирались, а сам подошел к кровати, на которой сидела Ализе, и внимательно посмотрел на нее. Он, разумеется, чувствовал ее состояние, видел ее растерянность и разочарование, но вместо того, чтобы приголубить и утешить, поступил совершенно противоположным образом.

— Моя девочка голодная? — ласково спросил он, прижимая ее к себе, чтобы она не заметила, как коварно сверкнули его глаза. Даже в слово «голодная» он вложил совершенно не тот смысл, какой виделся Ализе. — Сейчас моя малышка насытится! — воркующим голосом пообещал он, и снова его слова прозвучали двусмысленно.

Непонятно откуда появился женский шелковый халат, и Даххарста предложил Ализе его надеть. Халат был очень красив, плотно охватывал талию и фалдами спускался к ступням. В первую секунду Ализе восхитилась, но во вторую пришла в ужас — пуговиц на нем было всего только три, и при каждом шаге он распахивался, демонстрируя красоту ее ножек до самого… скажем так, основания.

— Как я буду ходить в таком халате по замку? — испугалась она.

— Этот халат не предназначен для прогулок, — успокоил ее муж, — только для чаепитий. Вот, смотри.

И Даххарст, подвел жену к изящному столику, усадил в кресло с низкими подлокотниками, стоявшее рядом. Но стало только еще хуже. Полы халата разъехались окончательно, полностью оголив ноги. Ализе в отчаянии тщетно пыталась подтянуть их друг к другу. Ничего не получалось. И тут ложка, которой Даххарст зачерпнул ягодный мусс, выскочила из его руки, и упала на ногу Ализе, измазав кремом от колена и почти до паха. Девушка хотела вскочить, чтобы бежать в ванну и смыть это липкое пятно, но Даххарст удержал ее, сказав, что, поскольку виноват он, то и ликвидировать разрушения будет сам лично.

Ализе до этого дня еще ни разу никто не пытался соблазнить, поэтому она ни сном, ни духом не догадывалась, что все происходящее — это часть любовной игры, захватывающей и возбуждающей.

Для начала Даххарст совершенно естественным жестом протянул ей блюдце с чашечкой, до краев наполненной горячим чаем. Таким же жестом заставил ее взять другой рукой чайник, в котором плескался кипяток. Нейтрализовав, таким образом, ее

руки, чтобы они не мешали ему, он приник ртом к ее голому бедру, слизывая языком сладкий мусс.

Ализе заорала от ужаса. С точки зрения Даххарста подобная реакция была самой нелепой, какой можно было ожидать, но поближе познакомившись с мыслями жены, он уже ничему не удивлялся. Ее стеснительность была такова, что блокировала все слабенькие волны удовольствия, чуть пробивавшиеся на поверхность. К тому же феи, рассказывая об оральных ласках, забыли упомянуть, что это удовольствие обоюдное, в результате Ализе оказалась совершенно к этому не готова.

— Даххарст! — закричала она, почувствовав, что его язык вот-вот доберется до цели своего путешествия, — перестань! Я не могу! Не надо! — Ализе хотела поставить чашку и чайник, которые она все еще держала, на стол, чтобы руками оттолкнуть Даххарста, но он пинком ноги заставил столик откатиться в дальний угол. — Дахарст, — продолжала кричать Ализе, — что ты делаешь? Я сейчас оболью тебя кипятком!

— Надеюсь, что ты пожалеешь своего мужа, — промурлыкал тот, — и не допустишь этого.

Его глаза полыхнули веселым огнем, и он вновь вернулся к прерванному занятию.

— Даххарст, ну пожалуйста, не надо, — уже почти молила она, пытаясь сжать ноги и развернуться так, чтобы самое сокровенное осталось для него недосягаемым, поскольку не представляла, что будет делать, если его губы окажутся ТАМ.

А именно к этому все и шло. И он совсем не скрывал своих намерений. Жаль, Ализе плохо его знала. Да, в намерения Даххарста входило подарить подобные ласки жене. Но только не униженно и стыдливо выпрашивая, а подарить в ответ на ее жгучее желание. И он (еще два раза гад), знал, как этого добиться.

Вот его язык подобрался совсем близко, Ализе напряглась, ожидая прикосновения, но он вдруг неожиданно отступил, снова занявшись ножкой. По коже Ализе пробежали легкие мурашки разочарования. Но вот он вновь приблизился, сейчас коснется! Ализе замерла, но он отступил вновь. Вот он снова языком гладит, дразнит совсем-совсем рядом, Ализе, уже забыв о стеснении, подалась к нему, и снова он не дошел до конца. Но когда он приблизился губами в очередной раз, Ализе резким движением отправив в бреющий полет и чашку с блюдцем, и чайник с кипятком, вцепилась руками в затылок Даххарста и сама наибесстыднейшим движением заставила его губы прижаться к ее лону, выгнувшись и застонав при этом.

Даххарст только этого и ждал. Он был умелым, нет, он был невероятным любовником, и сейчас своей жене он

демонстрировал это. Ализе извивалась и стонала. Она не заметила, как оказалась на полу, не заметила, как оплела ногами сначала голову Даххарста, а когда он снова начал входить в нее, сплела ноги за его спиной, жадно отзываясь на каждый толчок.

Когда оргазм накрыл ее с головой, она сама поразилась, как громко она умеет кричать от наслаждения. Но странно — крик усиливал его еще больше.

Часть вторая

Глава 1

Дни потянулись за днями. Впрочем, нет, дни полетели за днями с сумасшедшей скоростью. Ализе была счастлива без всяких оговорок. Хотя за это время они с мужем успели и очень сильно поссориться, и помириться. Пережить приступ ее безумной ревности, умело спровоцированный Даххарстом, пережить ее истерику, когда она узнала, на что способен муж, желающий похвастаться перед всеми тем, какая невероятная жена ему досталась. Но за каждым скандалом следовало бурное примирение, после которого они становились все ближе и ближе друг другу.

И все-таки что-то было не так. Ализе много раз ловила на себе испытывающий взгляд Даххарста, словно тот пытался решить: готова она узнать правду или нет.

И это было, действительно, так. Даххарст чувствовал, что пора сказать Ализе о новой возможности, подаренной им Богиней. Понимал, что надо… и не мог решиться. Не потому, что Ализе обиделась бы за то, что все эти дни была для него открытой книгой, в которую он бессовестно подглядывал. Даххарст знал, что она его простит за этот проступок. Его терзало другое. Как только и Ализе освоит новую способность, то сразу поймет, что он от нее что-то скрывает. И тогда ему придется все ей рассказать. Ему было страшно, он точно знал — Ализе не поймет и не простит. Не захочет понимать и прощать.

Но все рассказать все равно пришлось, причем, гораздо раньше, чем он хотел. А случилось это так.

Даххарст сидел в огромном кресле и читал. Ализе, закончив писать какой-то реферат к завтрашним занятиям, подошла к мужу и уютненько примостилась у него под боком. Ей было грустно, она и сама не понимала почему, и тут она вспомнила о медальоне, который видела в одном из замков мужа, и который он ей до сих пор не подарил.

— Даххарст, — девушка положила голову ему на плечо, — в том, другом замке, в секретере я нашла медальон, завернутый в шелковую ткань. Внутри медальона были портреты мужчины и женщины. Это мои родители?

Даххарст замер на несколько секунд, а потом обреченным голосом подтвердил:

— Да, это портреты твоих родителей. Эллентиэля, третьего принца Светлых эльфов, и Леди Исилите, второй дочери Правителя Светлых эльфов, не покинувших Древний лес.

— Моя мама из Непризнающих и Отрицающих?! —

поразилась Ализе. — А я все время думаю: почему у меня такое странное имя? Теперь понятно. Отрицающие отказались добавлять к именам «-эль», как это стали делать эльфы, ушедшие из леса. Ты знал моих родителей? Какими они были? — с загоревшимися глазами стала расспрашивать Ализе.

Только Даххарст не спешил отвечать на вопросы. Он притянул еее к себе и зарылся лицом в ее волосы, словно стараясь как можно сильнее насладиться запахом жены. Ализе тревожно смотрела в его глаза, не понимая, почему он так ведет себя с ней.

— Да, я знал и твоего отца, и твою мать. Я расскажу тебе о них, я хочу, чтобы ты все узнала от меня.

— Что узнала? Что — расскажешь? — забеспокоилась Ализе, но Даххарст не дал ей договорить, закрыв рот поцелуем.

И этот поцелуй был таким горьким, таким грустным, словно прощальным. Ализе испугалась по-настоящему. Она жалобно вглядывалась в его лицо, не зная, откуда ждать беды, а Даххарст тем временем стал рассказывать.

…— Это началось много-много лет назад, задолго не только до твоего, но и до моего рождения. Тогда только закончилась война между Светлыми эльфами и нами, Темными. Война, настолько истощившая оба народа, что только хрупкое перемирие, достигнутое нашими Правителями, помогло нам не сгинуть окончательно.

Наш Правитель только взошел на трон, вырвав это право у своего брата, и ветвь нашего рода стала, таким образом, правящей. Мой отец был четвертым сыном Правителя, поэтому никаких надежд на трон не питал, полностью отдавшись любимому делу. А любимым его делом были пьянки, драки и барышни. Отец, недовольный поведением сына, отправил его в Академию. Это был первый год, когда в Академии разрешили находиться одновременно и Светлым, и Темным эльфам. Мой отец был по возрасту такой, как Ранхгарт, думаю, и по характеру не сильно отличался. Так вот: отец, узнав, что в ненавистной Академии будет учиться ненавистный Светлый, с радостью отправился на учебу, лелея в тайне мечту прибить третьего Принца Светлых.

Но твой отец, Ализе, приехал с точно такой же мечтой. А когда мечты встречаются… Короче говоря, Академия жила, словно на пороховой бочке. Они дрались почти каждый день, и не только магически. Они дрались на кулаках, шпагах, мечах, палками, скамейками, цветочными горшками, и конца края этой войне не было видно. Наконец, ненависть достигла такой точки, что свои отношения они решили выяснить на дуэле… смертельной дуэли. То есть они договорились биться до тех пор,

пока один из них не погибнет.

Услышав эти слова, Ализе ахнула, со страхом ожидая продолжения рассказа.

Глава 2

…— Обстоятельства задержали Эллентиэля, и он опаздывал к месту дуэли. Боясь, что мой отец решит, будто он струсил, Эллентиэль летел на встречу так быстро, как только мог, ругаясь про себя самыми грязными словами. Но моему отцу в этот момент было не до дуэли. Он метался внутри купола, накрывшего его вместе с тремя магами, и едва успевал уворачиваться от магических заклинаний, которыми, эти маги, били его по очереди. Этот купол из тьмы мешал ему сбежать и был смертельной ловушкой, из которой он не мог выбраться. И подготовил эту ловушку его собственный дядюшка, считавший, что нынешний Правитель занимает Престол не по праву. Не имея сил противостоять ему самому, дядюшка решил сначала уничтожить племянников. И начал с самых младших, которые были и самыми слабыми. Так что выжить у моего отца не было ни одного шанса.

Эллентиэль стоял за спиной Темного, который, увлекшись наблюдением за уничтожением племянника и одновременным удержанием купола, не заметил его появления. А Эллентиэль решал для себя очень трудную задачу: вмешиваться в происходящее или нет.

С одной стороны, он хотел смерти моему отцу, а значит, поскольку враг моего врага — мой друг, вмешиваться не стоило, надо было позволить Темному довести начатое до конца. К тому же Эллентиэль сомневался, хватит ли у него сил, чтобы разрушить купол.

С другой стороны, во всем этом было что-то отвратительное. Отвратительно было видеть горящие садистским наслаждением глаза Темного, наблюдающего за отчаянным метанием пленника внутри купола. Отвратительно было видеть, как три мага бьют одного, бьют методично, отработанными до автоматизма ударами.

В этот момент мой отец пропустил удар и покатился по земле, корчась от боли. Темный довольно хмыкнул, понимая, что игра подошла к концу, и в эту секунду прозрачный вихрь, состоящий их тысяч иголок, обрушился на купол, разбивая, разметая тьму в крошечные клочья.

Темный резко глянул в сторону и увидел Светлого, который, собрав все свои силы, обрушил их на щит, ломал и разрушал его. Темный бросил оценивающий взгляд на противника, и, решив, что легко справиться, выбросил в его сторону сгусток тьмы. Эллентиэль едва смог рассеять его, подивившись силе Темного.

Надо было срочно спасаться, поскольку второго удара Эллентиэль не выдержал бы. Он, к сожалению, не мог перемещаться мгновенным порталом, как темные, поэтому оставалось только бежать, причем, самыми немыслимыми зигзагами, чтобы сгустки тьмы в него не попали.

Эллентиэль уже приготовился к прыжку, как почувствовал рядом с собой чье-то присутствие. Это был мой отец, который смог прорваться сквозь истончившийся купол, и сейчас стоял плечом к плечу с Эллентиэлем. Дядя почти минуту смотрел на них, а потом смылся, прихватив с собой и магов-прихлебателей.

И только тогда мой отец позволил себе потерять сознание. Он не слышал, как Эллентиэль тащил его на себе в Академию, не слышал, как тот вызвал магов, чтобы они помогли моему отцу прийти в себя.

Разумеется, отец, когда поправился, пришел благодарить Эллентиэля. Они разговорились, и оказалось, что у них намного больше общего, чем они предполагали. Обоим не светило стать Правителями, у обоих дурной силушки было столько, что некуда ее было девать. Оба были умны, энергичны и любопытны. Они подружились, но главное — они заинтересовались различной природой происхождения своих сил, сил, что являлись антиподами и работали только на уничтожение друг друга.

Первой им в голову пришла мысль, что если их родовые силы каким-то образом объединить, то эффект от их воздействия многократно усилится. И вот тут-то их ждало жестокое разочарование — родовые силы никоим образом не желали объединяться, действуя как одно целое против воображаемых врагов. Например, они попытались сделать лассо: каждый вытянул свою магическую силу в виде нити или веревки, потом они эти нити свили между собой, и, сформировав петлю, попытались подтащить ею ближайший, не самый тяжелый камень. Так вот, пока петля летела до камня, нить, сотканная из тьмы, словно моль, или кислота разъела нить, созданную светлым, и к камню долетела только труха, бесславно осыпавшаяся наземь.

И так было постоянно. Что они только не предпринимали, чтобы заставить свои магические силы работать в связке! Светлый диск, раскрученный с безумной скоростью, несущий внутри себя пустоты, заполненные тьмой. Диск должен был врезаться в огненный шар, разрывая его на куски, а вырвавшаяся после взрыва тьма должна была поглотить остатки от взрыва, не давая им разлететься. Но пока диск долетал, от него оставалось пустое место или совсем капелька энергии, зависящей от того, какой магии в него больше накачали.

Если они разом атаковали какой-то объект, то магические

силы, словно бойцовые собаки, сначала бросались друг на друга, раздирая в клочья, а потом уже победившие остатки пытались бороться с противником, против которого их и направили.

Мой отец, не отличавшийся терпением, просто бесился, глядя на неудачи. С безумным раздражением он придумывал все новые и новые эксперименты. Пробовал задействовать все виды магии, и все артефакты, какие ему были только доступны, чтобы удержать от разрушения сплетенный воедино клубок, созданный силовыми линиями светлой и темной магии. Все было напрасно.

И тогда Эллентиэль, как более спокойный и разумный, предложил поискать ответ в древних книгах и свитках, что хранились в подвалах дворцов как Светлых, так и Темных эльфов. Это было очень разумное предложение, с ним невозможно было поспорить. И вот, каждый из них на несколько месяцев окунулся в поиски.

Глава 3

Положение, занимаемое Эллентиэлем и моим отцом, открывало доступ к самым тайным архивам, только это им мало чем помогло. Все архивные записи начинались с описания войн, которые велись между Светлыми и Темными, описывали победы и поражения, а о том, когда и почему возникла вражда, в рукописях не было ни слова. Какие-то странные туманные намеки попадались, вроде фразы «это произошло еще до того времени, как магию разделили», но больше ничего. Ни когда это случилось, ни кто разделил, ни для чего это было нужно, и, главное, каким образом это осуществилось, выяснить ни моему отцу, ни Эллентиэлю не удалось. Мой отец даже отважился отловить нескольких жрецов, в надежде так запугать их, чтобы получить интересующие его сведения. Но и это оказалось пустой тратой времени, жрецы знали столько же, сколько и они.

И все же один из них подсказал, где можно найти хоть какие-то крохи сведений. В Древнем лесу у Непризнающих. У этих фанатиков, призывающих вести войну с Темными, пока последний Темный или последний Светлый не покинет этот мир. Непризнающие, или как их еще называли Отрицающие, оскорбились, узнав о заключении перемирия между Светлыми и Темными, еще более оскорбились, узнав, что произошел обмен дипломатическими миссиями и даже получена договоренность на совместное обучение молодых Светлых и Темных. Они отказались признать все договоренности, оставив за собой право, жить так, как они считали нужным.

Непризнающие — фанатики, ведущие такой же образ жизни, что вели Светлые тысячелетия назад. Кроны деревьев были их домом, длинные лестницы, сплетенные из лиан, служили дорогами, а унылое песнопение по вечерам — единственным развлечением.

Во Дворце Эллентиэля над ними смеялись, считая косными, глупыми и упертыми, не видящими, как стремительно меняется окружающий мир, не желающими подстраиваться под него.

И вот именно в этом Древнем лесу в тайных архивах и могли находиться самые старые рукописи. Эллентиэль решил попытаться найти их. Он едва смог уговорить своего старшего брата, который уже тогда был Правителем Светлых, чтобы тот дал ему верительные грамоты, позволяющие отправиться в Древний лес. Его предупреждали, что Непризнающие подозрительны и осторожны, что за ним будут следить, не спуская глаз, но Эллентиэль не боялся этого, твердо уверенный, что сможет найти

способ, как пробраться в секретное хранилище.

Вот и Древний лес. Эллентиэль вошел под своды высоченных деревьев и с интересом осмотрелся. Было ощущение, что деревья наблюдают за ним с таким же интересом. Он не знал, в какую сторону двигаться, не было не то, что дороги, не было даже узенькой тропинки. Поэтому он просто пошел вперед, внимательно и настороженно вслушиваясь в звуки. Звуков не было, но Эллентиэль, уловив движение воздуха, упал на землю, откатился в сторону и с ножом в руках прыгнул на то самое место, где только что был.

— Вот это да! — не смог удержаться от восхищенного возгласа Эллентиэль, разглядывая девушку, к горлу которой он приставил нож.

Девушка была, действительно, хороша, особенно ее глаза, полыхающие зеленым огнем. Эллентиэль поднялся с земли и, протянув руку незнакомке, хотел помочь подняться и ей, но та с гримасой презрения отбросила его руку, предпочитая подняться самой. Только он хотел представиться, как она его грубо перебила:

— Ты кто такой? По какому праву зашел в этот лес?

— Мое имя Эллентиэль, — начал Светлый, которого покоробили бесцеремонные вопросы, обращение на «ты» и грубый тон этой девушки. — Я привез верительный свиток Правителю Древнего леса от Правителя Светлых, живущих на равнине, Галлариэля.

— Ах, этих! — презрение, смешанное с отвращением, настолько явно звучало в голосе девушки, что просто провоцировало Эллентиэля на ответную грубость, но он постарался сдержаться, и столь же любезно уточнил:

— И каких таких «этих»?

— Неужели непонятно? — деланно удивилась она. — Я имела в виду эльфов, забывших о том, что они Светлые, эльфов, вылизывающих задницы Темным, вместо того, чтобы убить всех до единого!

В голосе девушки зазвучали фанатичные нотки. А взгляд просто прожигал Эллентиэля презрением. А тот стоял, молча рассматривая ее, и в душе благодарил моего отца. Во-первых, за то, что пока они были врагами, он, постоянно ожидая нападения от темного, научился не только прислушиваться к звукам, но и к неслышимому, но ощутимому движению воздуха. Отец, обволакивая себя коконом из тьмы, заглушающим любые звуки, подбирался неслышно. Во-вторых, Эллентиэль невольно научился отвечать на грубость так, как это делают Темные. А с ними пикироваться в словесных ссорах не решался никто. И вот

некоторые фразочки, которыми сыпал мой отец, мгновенно всплыли в памяти Эллентиэля.

— А тебе, похоже, мысли о языке не дают покоя, или ты предпочитаешь ощущать, что потверже?

Незнакомка замерла с открытым ртом, глаза от потрясения расширились — оскорблять кого бы то ни было имеет право только она! Девушка быстро взяла себя в руки, взгляд вновь полыхнул ненавистью, и она издала какой-то гортанный звук. Мгновение — и Эллентиэль оказался в окружении десятка мужчин, то ли ее охрана, то ли толпа воздыхателей, вечно бредущих вслед за объектом своего обожания. Она торжествующе посмотрела на Эллентиэля, надеясь увидеть страх в его глазах. Но страха не было. Эллентиэль быстро оглядел возможных противников и сразу понял, что они ему не соперники. Но доказывать что-то не хотелось, тем более перед этой девицей.

Эллентиэль окутал себя щитом родовой магии, показывая — он королевской крови.

Глава 4

Встретили его не самым дружелюбным образом, впрочем, Эллентиэль на это и не рассчитывал. У него была цель, и для ее достижения он готов был смириться с подобным негостеприимством.

Эллентиэль долго думал, как объяснить свой неожиданный визит к сородичам, и решил, что правда в этом случае более всего сыграет ему на руку. Разумеется, не вся правда, а только та ее часть, что даст ему возможность оказаться в Хранилище рукописей. В личной беседе с Правителем он с горечью поведал, что, столкнувшись во время учебы с Темными, не мог не заметить и не почувствовать, насколько велика их магическая сила, особенно, Высших Лордов. Он сам практически единственный из учеников, кто мог противостоять им. И вот он пришел в Древний лес с надеждой найти сведения, которые позволят справиться с оружием Темных — тьмой, как-то рассеять и уничтожить ее.

Такое объяснение устроило Правителя настолько, что он выделил комнатку на огромном дереве, где селили гостей, а потом устроил нечто вроде небольшого приема, даже познакомил с членами семьи и приближенными.

Девушка, что так грубо разговаривала с Эллентиэлем, оказалась второй дочерью Правителя. Ее звали Исилите. Когда Эллентиэля и Исилите представляли друг другу, он, глядя в ее глаза, полные неостывшего гнева и ненависти, понял — она не оставит его в покое, и лучше ему быть готовым к проблемам, которые она ему создаст. Так и вышло.

Исилите ненавидела Эллентиэля яростно, совершенно этого не скрывая. Ей хотелось растоптать и унизить его, хотелось доказать, что степные эльфы, презревшие древние обычаи их народа, стали слабее, глупее, чем лесные, свято соблюдающие все традиции и устои. А этот мерзкий Эллентиэль каждую минуту доказывал и демонстрировал обратное, проигрывая совсем в немногих состязаниях.

Получалось, что он и дрался лучше, и заклинания знал такие, о которых в лесу и не слышали. Был заметно образованнее, но одновременно сильнее, быстрее, ловчее. Эти, казалось бы, положительные качества, раз за разом доказывали, что лесные эльфы ничуть не лучше степных. И это безумно бесило Исилите.

Если бы Эллентиэль опростоволосился, опозорил себя, как воин, она бы успокоилась, и хоть презирать бы его не перестала, зато хотя бы не ненавидела. А так, поскольку получалось, что презрения была достойна она и ее сородичи, ничем не

замутненная яростная ненависть клокотала в ее душе.

А вот Исилите Эллентиэлю, наоборот, очень понравилась. Нравилась ее искренность и откровенность, от которых он уже изрядно поотвык среди дворцовых интриг. Интриги умело плела жена брата, нынешняя Правительница Аннариэль, стравливая подданных то ли от скуки, то ли из-за страха возможного свержения.

Пожив какое-то время в лесу, Эллентиэль захотел прекратить вражду, установить дружеские или хотя бы доброжелательные отношения с девушкой. Что он только для этого ни делал! Говорил комплименты ей, ее сестрам, ее родичам. Поняв, насколько болезненно она переживает каждое поражение, полученное от него, пытался, поддавшись, несколько раз сымитировать свой проигрыш. В первый раз это сработало, ее радость была настолько безмерной, что в глазах одновременно с легким презрением засквозил некоторый интерес. Но поддавшись во второй раз, он жирным крестом перечеркнул все достигнутые успехи на поприще завоевания ее симпатии, откатился назад еще дальше, чем в самом начале.

В любом случае, «светская» жизнь занимала лишь меньшую часть времени Эллантиэля, большую же ее часть он проводил в архивах. Ему не препятствовали рыться в старинных свитках, но и не помогали, даже не объясняли, где какие свитки находятся. Приходилось перечитывать их все. Это отнимало уйму времени, хотя куда ему было спешить?

Первые интересные сведения встретились только через три года пребывания у лесных эльфов. И верхняя, и нижняя части свитка были оторваны, но и то, что осталось, вызвало у Эллентиэля безумный восторг. Он понял, что нашел то, что искал.

«…я просто взываю к осторожности и здравому смыслу! Животные и растения, которых Вы создали для защиты, представляют куда большую опасность, чем те, против которых Вы их создали!

— Ты ошибаешься. В своем страхе, в своей глупости не понимаешь, что создание подобных творений дает нам нечто небывалое!

— Ваши творения опасны! Не нуждаясь в постоянном подпитывании сил, они могут существовать и продолжать действовать вдали от Вас. Они ведь могут черпать энергию из окружающего мира.

— Вот именно! Я этого и добивался. Мои создания будут выполнять самую сложную и опасную работу, сберегая жизнь и силы нам! Растения, которые не нуждаются в солнечном свете и могут жить под землей — это же чудо! Они смогут пробивать

своими корнями тоннели, рыть поземные ходы и незаметно побираться к врагу, незримые и беспощадные. А животные, не нуждающиеся в пище, сне и отдыхе, днем и ночью оберегающие покой и сон, охраняющие границы крепостей — это наша мечта! Теперь мы сможем основать новые поселения, сможет расширить наши границы, не подвергая смертельному риску передовые отряды.

— А люди?

— Что — люди?! Мне надоело каждые тридцать-сорок лет привыкать к новым слугам и ждать, пока они полностью узнают мои вкусы и привычки.

— Вы хотели создать бессмертных людей? Чтобы они противостояли нам, эльфам?

— Ни о каком противостоянии я не думал и не думаю. Я хотел продлить им жизнь. Я не знал, что желание бесконечной жизни не заложено в человеческой природе, что достаточно скоро люди будут терять смысл своего существования и пытаться убить себя любыми способами.

— И тогда вы стерли им воспоминания, эмоции, превратив в безмозглых саморазмножающихся кукол.

— Это был эксперимент. Признаю, что неудачный. И да, я не учел, что женщины людей могут рождать ребенка ежегодно. А из-за бесконечности жизни, отсутствия эмоциональной составляющей количество ущербных рожденных детей стало большой проблемой. Но я ее решил.

— Вы проводили эксперименты и опыты над детьми! Вы чудовище, в своей гордыне забывшее о сострадании и…»

…Эллентиэль долго раздумывал над прочитанным. Понятно, что это — запись разговора. Кого и с кем? Это был первый вопрос. Чем этот разговор окончился? Это второй вопрос. А третьим, самым главным, был вопрос: когда это все происходило? Что-то Эллентиэль ничего не слышал ни об ужасных животных, о которых шла речь, ни о растениях, ни о людях-зомби.

Глава 5

Он смотрел на свиток и старался запомнить мельчайшие детали: цвет пергамента и чернил, рисунок, что шел по краю, манеру написания букв. Надо сразу искать свитки, похожие на этот, и не тратить время на прочтение каждого.

Эллентиэль так увлекся, что не заметил, как за его спиной появилась Исилите с горящими от любопытства глазами. Девушка тоже старалась запомнить, какие именно свитки и документы заинтересовали незваного гостя. Она всегда подозревала, что тот не все рассказал Правителю о цели своих поисков и утаивает что-то очень важное.

Он услышал дыхание за спиной и, не подавая виду, что знает о чужом присутствии, небрежно смел все свитки, перемешал между собой, чтобы самый важный для него документ затерялся в общей куче. Он уже знал, что искать, теперь самым главным было сбить со следа Исилите. Потом, словно случайно обернувшись, он постарался изобразить искреннее удивление, будто только в эту минуту увидел девушку. Поскольку той хоть как-то надо было объяснить свое присутствие, она сквозь зубы невразумительно пробормотала, что пришла в Хранилище рукописей по поручению отца. Схватив со стеллажа первый попавшийся, Исилите тут же исчезла. Но с этого дня Эллентиэль стал постоянно ощущать ее слежку.

Стоило ему ненадолго отлучится из Хранилища, по возвращении он замечал следы обыска или поиска. Она читала все его записи и заметки, просматривала все свитки, которые он отложил для более детального изучения, прислушивалась к его разговорам и расспросам и старалась все время находиться поблизости. Такое внимание вполне можно было бы принять за страстную влюбленность… или не менее страстную неприязнь…

— Время шло, — продолжал рассказывать Даххарст. — Пока твой отец жил в Древнем лесу, мой успел жениться. Сделал он это по настоянию моего деда, когда погиб еще один его сын, а дед испугался, что скоро останется без наследников. Отец не любил мою мать, и она не любила его, но этот брак был выгоден обоим.

— А где твоя мама? — тут же спросила Ализе, ни разу не слышавшая о ней даже упоминания. Отец Даххарста погиб, ходило много рассказов, слухов и версий о его странной и подозрительной смерти, а вот о матери Даххарста девушка не слышала ничего. Не было ее и на свадьбе. — Она жива? — с беспокойством спросила она.

— Жива, — очень неохотно ответил Даххарст. — Но я не хочу

говорить о ней.

Однако Ализе уже было не остановить. Поняв, что между матерью и сыном существует многолетняя, а может даже многовековая война, Ализе тут же представила, как благодаря ее стараниям они обнимают друга друга, как его мама благословляет их союз и говорит, что теперь у нее есть дочь! От таких мыслей желание помирить мать с сыном стало почти невыносимым, и она, несмотря на его нежелание говорить, настойчиво продолжила:

— Ты поссорился со своей мамой? Неужели эта ссора настолько серьезна, что ты даже не хочешь разговаривать о ней?

Даххарст грустно посмотрел на нее, как никогда сознавая, какой же еще ребенок его жена, а потом деланно-равнодушным тоном спросил:

— Убийство мужа, то есть, моего отца, достаточная, по твоему мнению, причина, чтобы нам не общаться?

Глаза Ализе округлились.

— Твоя мама убила твоего отца?! Но почему? Как ты об этом узнал?!

— Не сама лично убила, но участвовала в убийстве, вернее, помогла заманить его в ловушку. Почему она это сделала? Во-первых, потому что не любила его, и этот брак был так же навязан ей, как и ему. Во-вторых, после моего рождения, родители посчитали себя выполнившими долг перед своим родом, и каждый из них зажил своей жизнью. Я остался с отцом и постоянно жил рядом с ним. Мама, поменяв, не знаю сколько любовников, наконец, нашла свое счастье. Только это счастье захотело иметь все. А поскольку развод родителей был невозможен, мама под давлением любовника решила этот вопрос самым радикальным, но не самым лучшим для отца способом, подстроив несчастный случай с его гибелью. Однако все было сделано настолько грубо и топорно, что подозрения в случайности этой гибели появились не только у меня. Не составило бы большого труда докопаться до истины, но тут возникло одно препятствие. Обвинив свою мать в убийстве отца и предав ее суду, я сразу становился бы сыном убийцы. Такая тень на моем имени была, по мнению деда, недопустимой. Дед отправил ее в изгнание навсегда.

Даххарст замолчал, но Ализе чувствовала, что это еще не конец истории.

— А ты? Что чувствовал ты? — осторожно спросила Ализе.

— Я? — Даххарст словно удивился ее непониманию. — Ненависть. Я ненавидел и ненавижу мать, но еще больше я ненавидел убийцу. Я попросил деда, чтобы он не вмешивался,

отомстить за смерть отца было моим священным долгом. Убить мать я не мог, тем более, что она ждала ребенка, а вот ее любовника — совсем другое дело. Я нашел его и убил, — жестко добавил Даххарст.

Ализе со страхом посмотрела мужу в лицо, словно надеясь, что он пошутил. Но это было не так.

— Ты выследил его и убил?

— Нет, так поступить было бы недостойно. Я послал ему вызов, который он не мог не принять, а потом убил его.

— А…мать?

— Что — мать? Живет тихо и уединенно в глуши, ненавидит меня так же, как и я ее. Растит сына и готовит его к мести за отца — то есть, мести мне. Слышал, у ребенка очень сильные магические способности, и что у него лучшие учителя, которых только мать смогла найти.

Теперь Ализе смотрела уже с ужасом.

— Тебя могут убить? Тебе угрожает опасность?

Даххарст притянул жену к себе, чрезвычайно довольный ее страхом за его жизнь, и попытался успокоить:

— Ну, пока он мне не соперник.

— А когда он вырастет? Нам что, каждую минуту ждать нападения?

— Во-первых, тебя он не тронет…

— Если ты думаешь, — перебила Ализе, — что от мысли, что он убьет только тебя и оставит меня в живых, мне стало легче, то ты ошибаешься.

Даххарст снова засмеялся и еще крепче прижал ее к себе.

— Меня не так просто убить, — тихо шепнул он ей.

— Но твоего отца убили, — не согласилась она.

— Убили… — словно сглотнув ком в горле, подтвердил он, и Ализе поняла, насколько ему до сих пор больно из-за этой смерти. Она теперь уже сама прижалась к нему, и чтобы хоть немного отвлечь от грустных мыслей, спросила:

— Мой отец нашел хоть что-то в тех архивах?

— В тот раз только этот разорванный свиток. Но он много раз потом бывал в Древнем лесу, и не только из-за поисков документов. Твоя мама очень ему понравилась, но она была, словно еж, растопырившийся иголки в разные стороны. Как он ни пытался завязать с ней хотя бы дружеские отношения, ничего не получалось. Но он не терял надежды, главным образом, из-за того, что твоя мама в скором времени отшила всех своих поклонников, переведя их в разряд друзей и жестко пресекая любые попытки ухаживаний. Знаешь, если мужчина и женщина начинают нравиться друг к другу, то они это чувствуют, даже

если категорически отрицают. Так было и с твоими родителями, их тянуло друг к другу, но твоя мама яростно сопротивлялась этому притяжению. Сначала она придумала себе, что следит за твоим отцом, потому что он враг, потом — потому что он скрывает какую-то тайну, потом — чтобы выведать, что же он знает такого, чего не знает она. Исилите придумывала и придумывала причины, из-за которых ей обязательно надо видеть Эллентиэля, и не признавалась самой себе, что она по уши в него влюбилась. Ведь когда он уезжал из Древнего леса, она ходила, словно потерянная, в ожидании следующего его приезда. Ты не поверишь, Ализе, но такие их отношения продолжались не год, не два, не десять лет, а больше ста! За это время я уже стал взрослым, потом погиб отец, а они все еще не могли разобраться в своих отношениях.

Глава 6

— И как же они признались друг другу в любви? — выдохнула Ализе, боявшаяся пропустить хотя бы слово из рассказа мужа.

Глаза Даххарста самодовольно блеснули, стало понятно, что он приложил свою руку или хитрость, чтобы соединить Эллентиэля и Исилите.

— Считается, что коварство Темных не знает границ, — издалека начал он. — Боюсь, это правда. В общем, когда мне надоело смотреть, как Эллентиэль и Исилите мучают друг друга, я придумал план, который и был блестяще воплощен в жизнь.

— Какой план? — тут же заинтересовалась Ализе.

— А такой! Поскольку Исилите ненавидела Темных всеми силами своей души, я решил, что если она увидит, как Эллентиэль лихо расправляется с парочкой Темных, то ее сердце, преисполненное восторга, упадет к ногам твоего отца. Так и случилось. Как ты, надеюсь, понимаешь, одним из Темных, с которыми дрался твой отец, был я, а другим — один из моих приятелей. Мы, конечно, немного посопротивлялись, чтобы у нее не возникло каких-нибудь подозрений, но когда увидели, что и она готова ринуться в бой, отступили, позорно бежав с поля боя. Вот тогда Исилите и согласилась стать женой Эллентиэля. Вскоре родился Саннаэтель, а потом и ты.

— А потом мой отец решил организовать переворот, свергнув своего брата, — закончила она его рассказ.

— Ализе! — простонал Даххарст, — какой переворот? Какой мятеж? Зачем твоему отцу было становиться Правителем? Правитель — это не только возможность отдавать приказы, но и тысячи ограничений собственной свободы! Зачем твоему отцу такая головная боль?

— Но, что же тогда случилось?! — почти закричала Ализе.

Даххарст с тоской посмотрел на нее и быстрой скороговоркой перечислил:

— Твоя мать попыталась тебя с Саннаэтелем забрать в Древний лес. А твой отец этого не позволил. Тогда она попыталась убить тебя с братом. Мне пришлось прийти на помощь твоему отцу, чтобы защитить вас. Тогда она сообщила Жрецам, что твой отец предал свой народ, перейдя на сторону Темных. Его схватили. Этого ей показалось мало, и она сообщила, что он в древних свитках нашел какое-то заклинание невиданной силы. Его пытали, очень жестоко пытали, стараясь вырвать сведения, но как он мог сказать то, чего не знал?

Ализе слушала, и ее глаза с каждым произнесенным словом раскрывались все больше и больше. Она уже не понимала смысла, ее сознание выхватывало лишь отдельные слова и фразы:… попыталась убить… донесла на него Жрецам… жестоко пытали. Она резко оттолкнула Даххарста и вскочила с кресла.

— Попыталась убить… жестоко пытали… — повторяла она, бегая по комнате. — Что ты такое говоришь?! — наконец, обратилась она к мужу. — Откуда ты все это знаешь?!

— Я несколько раз пытался его спасти, — спокойно объяснил Даххарст. — Один раз даже видел его и говорил с ним, правда, всего с минуту, — тут же признался он. — И о том, что на него донесла Исилите, я узнал лично от него.

— Но зачем? Зачем мама это сделала? — почти в истерике кричала Ализе. Он молчал, не решаясь продолжать, и так на нее смотрел, что Ализе стало страшно. — Даххарст, ты что-то скрываешь? Ты что-то не хочешь мне рассказывать? — он медленно кивнул, все так же смотря на жену, словно то, что он ей сейчас скажет, разрушит ее жизнь, вернее, их жизни. — Говори! — приказала Ализе. — Говори все, как есть!

— Я не сказал тебе самого главного. То, из-за чего твоя мама стала врагом твоего отца.

— Говори уже скорее! — взмолилась Ализе.

Нехотя, осторожно подбирая слова, Даххарст продолжил рассказ.

…— Твой отец так больше и не нашел никаких документов, проливающих свет или как-либо объясняющих различие магических сил, которыми обладают Высшие Светлые и Высшие Темные. Зато ему много чего подсказал разговор с Правителем в Древнем лесу, отцом Исилите.

Как-то раз Эллентиэль, не зная, где еще искать сведения, в личной беседе с Правителем как бы между прочим спросил о чудовищных животных и чудовищных растениях, созданных великим магом. Эллентиэль очень боялся, что Правитель тут же заинтересуется, откуда гость узнал об этих созданиях, но, видимо, информация о когда-то существовавших монстрах не была такой уж секретной. Правитель с пафосом и ненавистью поведал о Темном, который был еще большим чудовищем, чем те, которых он создал своей магией. Темный, поставивший весь мир на грань гибели. Темный, остановить и уничтожить которого смогли только Жрецы, обладающие тайными знаниями, и орден которых существовал и существует с незапамятных времен.

— Что за орден? — сразу заинтересовался Эллентиэль, никогда не слышавший о подобном.

— Это тайный орден, он борется с Темными, старается

стереть их с лица земли.

— Но война с Темными в прошлом! У нас с ними если не мир, то перемирие уж точно!

— Закончена, как бы так сказать, открытая война. Но тайная не закончится никогда. Уничтожать врагов можно разными способами, в том числе, и руками самих врагов, если разжигать между ними вражду и ненависть.

Эллентиэль посмотрел в глаза Правителя, горящие фанатичной ненавистью, и решил, что лучше порасспрашивать его о том Темном, что сгинул в давние времена.

— И как же Жрецы остановили его?

— Они смогли это сделать с помощью страшного ритуала, забравшего сотни жизней. Удалось лишить его одной части магии, которой тот владел, блокировав ее. Только после этого они смогли его уничтожить.

Больше Правитель не сказал ничего, но твоему отцу и этих слов было достаточно, чтобы сделать выводы.

Первое. Не было никаких Светлых и Темных. Когда-то давно магические силы были едины. Не было никакой Темной и Светлой родовой магии. Была Единая Высшая магия, которой мог управлять Избранный. Конечно, было непонятно — он сразу рождался с такими силами, или этому учили? Спросить об этом было не у кого.

Во-вторых, Эллентиэль понял, что они с моим отцом были на верном пути, когда пытались объединить или соединить светлую и темную магии. Жаль, они не понимали, какие невероятные силы нужны для этого…

— И еще. Он понял, что объединить магические силы, сконцентрировав их в одном избранном, можно простым и естественным путем, — последние слова Даххарст сказал едва слышно, внимательно глядя в глаза жене.

— Простым и естественным? — переспросила Ализе еще спокойным голосом, но зарождающееся понимание охватило ее паническим ужасом от своей догадки. И она испугалась, едва не закричав от ужаса, осознав, что нужна была Даххарсту только в качестве носителя определенных магических сил.

Глава 7

— Ты… ты женился на мне только потому, что я владею родовой магией Высших Светлых? — заикаясь и все еще надеясь на отрицательный ответ, спросила Ализе мужа.

— Я женился на тебе, — твердо, видимо, решив идти до конца, открывая ей всю правду, сказал Даххарст, — потому, что мы с тобой помолвлены с самого твоего рождения.

— Как помолвлены?! — ахнула Ализе.

— А так. Когда ты родилась, твой отец подписал согласие на наш брак, оформив все необходимые документы, включая свое согласие. Потом была тайная помолвка. Тебе было только две недели.

— Ты согласился на помолвку с двухнедельным ребенком? Но зачем?

Он коротко глянул Ализе в глаза, и она тут же поняла, насколько глупым был ее вопрос. Магия — вот ответ на ее вопрос.

— А если бы у меня не оказалось таких сил? — с горечью спросила она.

— Я бы никому не сказал о помолвке, и ты бы спокойно жила дальше своей жизнью, — честно ответил Даххарст.

— Значит, тогда в Академии ты появился не случайно? — он подтвердающе кивнул. — А если бы я не понравилась тебе? Если бы оказалась уродиной?

— Это не имело бы никакого значения, хотя, учитывая, насколько красивы твои родители, уродиной ты быть не могла.

— Почему же ты сразу не объявился, едва я поступила в Академию? Как я понимаю, до этого времени ты не мог добраться до меня, потому что я жила под охраной?

— Да, тебя и Саннаэтеля прятали, в основном, ожидая, проявиться или нет в вас родовая магия Светлых. Почему я сразу не появился… — Даххарст замолчал, глядя куда-то в сторону и боясь встречаться взглядом с Ализе. — Хотел, чтобы ты хоть немного успела вкусить радости свободы и студенческой жизни, не отягощенной никакими запретами.

— То есть ты был не против, чтобы я… — Ализе задохнулась от гнева, поняв, что Даххарст был не против ее возможных увлечений, романов, влюбленностей и даже интимной близости с другими мужчинами. Однако она тут же взяла себя в руки, удивляться было нечему. Он судил по себе и делал выводы, исходя из собственного опыта. — А если бы мне кто-то другой сделал предложение, опередив тебя, например, Ариниэлль?

— Я бы вмешался, показал документы, которые сделали бы

невозможным любой брак, заключенный не со мной.

— А если бы я отказалась выйти за тебя замуж, что ты бы делал?

— Это было единственной по-настоящему серьезной опасностью, которую, однако, я смог преодолеть.

— Если бы я тогда знала то, что знаю сейчас, то, скорее всего, ты остался бы несолоно хлебавши, несмотря на все усилия. Жаль, что это было не так. Знаешь, Даххарст, был момент, когда я так сильно любила тебя, так сильно жалела, что тогда покалечила тебя и причинила страшную боль на долгие годы… Так вот, теперь все не так. Я очень рада, что все так случилось, и если бы была возможность, вернула бы все назад, оставив тебя продолжать мучиться, забившись в щель, словно таракан. Да, я сейчас жалею, что помогла тебе. Я думала, ты другой.

— Ализе, то, о чем я тебе сейчас рассказал, было десять лет назад. И хоть для наших жизней это не срок, поверь мне, все изменилось. За эти десять лет я много о чем передумал. Не скрою, ненависть к тебе и мечты, как я эту месть реализую, были главными, но только до той минуты, пока я не понял, насколько я в тебе ошибался, пока не понял, насколько ты не похожа на ту, что рисовало мое воображение. Ализе, ты — самое дорогое на свете, что у меня есть! — с этими словами Даххарст подошел, заглянул в ее глаза и осекся.

Ализе смотрела вроде бы на него, но в тоже время его не видела, ее мысли занимал один вопрос, который она ему тут же задала.

— Даххарст, ты не мог не знать, как я восприму твои слова. Ты не мог не знать, как мне будет от этого больно. Ты не мог не знать, что наши отношения изменятся после этого. Я думаю, что тебе разумнее было бы сказать мне все это уже после рождения ребенка, или когда он только зародился бы во мне, но ты сказал это сейчас. Почему?

Даххарст дернулся, словно желая ответить, но промолчал, что-то обдумывая, а потом каким-то успокоенным тоном сказал:

— Ты все равно узнала бы об этом. Любой вопрос о твоих родителях, который ты мне обязательно бы задала, привел бы нас к этому разговору. Вот так, как, например, сегодня.

Но Ализе его снова не слушала. Случайно упомянув о ребенке, она забыла о себе и о своей обиде, все ее мысли были теперь об этом нерожденном малыше.

— Даххарст, — перебила она мужа, — но ведь если бы этот ребенок родился, он стал бы изгоем?

— Почему — изгоем? — удивился Даххарст.

— Потому что не один ты догадался бы, что этот малыш

может обладать как магией Светлых, так и магией Темных одновременно. Ты думаешь, его не попытались бы похить?

— Я бы его защитил, — угрюмо возразил Даххарст, но Ализе снова не слушала его.

— Ты хочешь, чтобы наш малыш, только родившись, стал объектом охоты, чтобы он и мы вместе с ним прятались, скрывались, убегали, чтобы вместо счастливого и радостного детства наш малыш каждую минуту переживал страх и беспокойство, совершенно не понимая, почему это с ним происходит?! Ты хочешь такого детства для этого малыша? — Даххарст как-то странно дернулся, было видно, что такая мысль даже не приходила ему в голову.

Вдруг Ализе вспомнила часть рассказа Даххарста о тех таинственных Жрецах, сумевших в незапамятные времена уничтожить Темного. И на нее накатила волна ужаса. Жрецы не стали бы воровать их необычного ребенка, они его просто убили бы. И смертный приговор ему был бы подписан с той секунды, как они узнали бы о его рождении.

— Даххарст, — прошептала она пересохшими губами, — жрецы ведь убьют его, найдя хоть через сколько лет, неужели ты этого не понимаешь?

Даххарст упрямо сжал губы.

— Пока они его найдут, он с нашей помощью сможет стать настолько сильным, что они будут ему не страшны.

— Ты желаешь нашему ребенку такой жизни? — поразилась Ализе и тут же твердо добавила: — Нет, Даххарст, этот ребенок не будет рожден.

Он быстро взглянул на нее, ожидая продолжения и уже зная, что она скажет дальше, зная, что ее слова разрушат последний мостик, что еще соединял их. И он приготовился.

Однако Ализе не торопилась. Что-то ее еще беспокоило, какая-то недоговоренность.

— Ты обещал сказать, почему моя мама хотела убить нас с братом, — тихо напомнила она Даххарсту.

— Она узнала о помолвке, узнала о дружбе твоего отца с моим, узнала об их попытках соединить высшую магию Темных и Светлых. Сначала она хотела вас забрать с собой. Эллентиэль не отдал, вот тогда она, полная фанатичной ненависти, понимая, что не сможет помешать мужу, хотела с помощью вашего убийства не допустить рождения нашего с тобой ребенка.

— Знаешь, я не чувствую к ней ненависти, — неожиданно сказала Ализе. — Я понимаю чувства, что двигали ею, и я даже очень довольна, что она так поступила с отцом. Мне его нисколько не жаль. Он использовал маму, использовал меня, не

думал ни о моих, ни о маминых чувствах, полностью захваченный своей бредовой идеей! — Ализе еще немного подумала. — Кстати, а ты знаешь, что не у всех детей Высших Светлых проявляется родовая магия, и даже если проявляется, то с разной силой? Например, у короля и королевы только у одного из трех детей ярко выражен этот Дар, у двух остальных он почти не проявился. Так что…

Она не договорила, но и так было понятно — Ализе хотела сказать, что не было никакой гарантии, что их общий с Даххарстом ребенок станет избранным, способным объединить обе силы.

— Я вернусь в Академию, буду жить в своей комнате, и прошу тебя не беспокоить меня и не терзать. Ты же понимаешь, что после всего, что я узнала, я не смогу быть с тобой.

Ализе говорила спокойно, взвешенно, без истерик и слез. Даххарст молчал. Ализе открыла портал и через мгновение оказалась в Академии.

Глава 8

Ализе бежала по коридору общежития и мысленно кричала изо всех сил: «Саннаэтель!». Брат был единственным во всем мире, кто ни разу не предал, не обманул ее, и которому она безоговорочно доверяла.

Саннаэтель с Ранхгартом едва вошли в здание, как Саннаэтель услышал истошный крик сестры.

— Ализе зовет меня, — на ходу крикнул он Ранхгарту и бросился навстречу сестре.

Саннаэтель думал, что Ранхгарт, согласно своему воспитанию, поймет, что его присутствие в подобной ситуации излишне, и немедленно удалиться. Не тут-то было. Ранхгарт, догадавшись, что с Ализе что-то случилось, немедленно бросился вслед за Саннаэтелем, правда, чуть поотстав, старясь не привлекать к себе излишнего внимания. Возможно, такой поступок был неприличным, но Ранхгарт быстро оправдал себя тем, что он слишком много отдал сил, чтобы воссоединить Ализе с мужем, и значит, он имеет право знать, что случилось. И быть может даже чем-то помочь.

— Саннаэтель! — крикнула Ализе, бросаясь на шею брата и заливаясь слезами. В его присутствии она могла быть слабой и беспомощной, сбросить с себя маску твердости и спокойствия, которую ей с трудом удалось сохранить при расставании с мужем.

— Даххарст тебя обидел? — быстро спросил Саннаэтель. Ализе закивала головой, отвечая на его вопрос.

— Он тебя ударил? — раздался за спиной Саннаэтеля голос Ранхгарта. Ализе теперь отрицательно мотнула головой. Но Ранхгарт уже привлек внимание Саннаэтеля.

— Ранхгарт, думаю, ты понимаешь, что нам с сестрой надо поговорить наедине, — начал Саннаэтель.

Темный хотел возразить, но Ализе первой встала на его защиту.

— Пусть останется, это и его касается, — всхлипнула девушка.

Саннаэтель и Ранхгарт слушали ее рассказ, не перебивая, пока она не дошла до той части, в которой отцы, Даххарста и ее, решили попробовать объединить, соединить оба вида магии.

— Какие же мы идиоты! — взвился Ранхгарт. — Нам такая мысль даже не пришла в голову! А могли бы до этого додуматься. Это должно было бы стать первым, о чем мы вообще должны были бы подумать!

Он хотел продолжать в том же духе, но увидев полные гнева

глаза Ализе и Саннаэтеля, быстро ретировался, даже не дослушав, что еще Ализе рассказал Даххарст.

Ализе только начала рассказывать брату о короткой и так плохо закончившейся любви их родителей, как в этот момент наивысшего драматизма в дверь просунулась голова Ранхгарта и деловито поинтересовалась, в каком из своих замков обитает в данный момент Даххарст. Ответом послужили одновременно полетевшие ему в голову подушка и увесистая ваза. Подушку швырнула Ализе, ну а вазу — его лучший друг. Голова Ранхарта немедленно скрылась, но его обиженный таким недоброжелательным отношением голос продолжал канючить и выклянчивать нужную ему информацию.

— Зачем тебе Даххарст? — заподозрил неладное Саннаэтель.

— Да так, — неопределенно промямлил Ранхгарт, — просто поговорить о том, о сем.

— Ничего тебе Ализе не скажет, — возмутился Светлый. — Даххарст нужен тебе, значит, сам его и ищи.

Было непонятно, специально Ранхгарт это делал, или от природы был таким бесчувственным гадом, но только его поведение не позволило Ализе вдоволь насладиться участием и жалостью брата, слушающего рассказ о таком несчастливом замужестве.

Едва она, стиснув руки Саннаэтеля и с трудом удерживая слезы, начинала жаловаться, какой негодяй этот Даххарст, как в дверь в который раз просовывалась голова Ранхгарта, недовольно оглядывала их и, пробурчав со вздохом: «Еще не все рассказала», тут же исчезала. Едва Ализе дрожащим от жалости к себе голосом начинала возмущаться, что Даххарста толкнула на брак с ней отнюдь не любовь, как появившаяся и мгновенно скрывшаяся голова Ранхгрта возмущалась в коридоре: «Когда же она, наконец, наговориться? Бу-бу-бу, бу-бу-бу, одно и то же: он меня не любит, он меня не любит».

Первыми сдали нервы у Ализе.

— А ты считаешь, что мне не за что на Даххарста обижаться? — крикнула она сквозь дверь, зная, что он все равно услышит.

Ранхгарт мгновенно появился в комнате.

— Обижаться? — удивился он. — А за что?

— Как это — за что? — Ализе даже подпрыгнула на диване. — Он женился не потому что любил меня, а потому, что ему нужны были мои магические силы!

— Хорошо, больше он так делать не будет, в следующий раз жениться на тебе по любви.

— В какой следующий раз? — возмутилась Ализе.

— В том-то и дело, — негодующе ткнул в нее пальцем Ранхгарт. — Причина, по которой состоялся ваш брак, какой бы она ни была, уже в прошлом, и в этом прошлом уже ничего не изменить. Зачем теперь из-за этого мотать нервы себе и ему? Главное, что этот рациональный, расчетливый с его стороны брак стал браком по любви, и ты не можешь этого отрицать. Мы видели, какой счастливой ты была все эти дни.

— Даххарст женился на мне только для того, чтобы заполучить нашего общего ребенка, в котором, по его мнению, должны были бы соединиться и его, и мои силы. Ребенка, за которым началась бы охота чуть не с первого дня его рождения, — стиснув зубы, чтобы не расплакаться перед Ранхгартом, сказала Ализе.

Но Темного невозможно было ничем пронять.

— Он хочет ребенка, а ты нет? Так в чем проблема? Насколько я знаю, для создания ребенка необходимо два родителя, и еще я знаю, что если эльфийка не захочет, то детей у нее не будет. И в чем ты видишь сложность? — снова искренне удивился Ранхгарт.

— А если бы он мне этого не рассказал?

— Вот, вот, вот! Этого мне тоже не понять, — быстро согласился Ранхгарт. — Зачем он тебе все честно и откровенно рассказал? Может, думал, что ты для него самое близкое и дорогое существо, от которого он не хочет иметь секретов?

Хитрый и коварный Темный так задал этот вопрос, что Ализе почувствовала себя… почувствовала себя… в общем, ей стало плохо и неуютно под насмешливым взглядом этого бездушного истукана, не понимающего страданий ранимой женской души. Но девушка не собиралась сдаваться.

— А ты знаешь, как твой любимый Даххарст опозорил меня? — она все равно решила доказать, что была права, когда сбежала от такого чудовища.

— Ты имеешь в виду тот случай во Дворце Правителя? — тут же живо заинтересовался Ранхгарт, Ализе покраснела, не ожидая, что он о нем знает, а Темный продолжал: — Ничего он тебя не опозорил, наоборот, все мужики теперь дико ему завидуют, а женщины — тебе! А что он с тобой делал? — уже с профессиональным интересом спросил Ранхгарт.

— Не скажу! Можешь хоть умереть от любопытства, ничего не узнаешь, извращенец малолетний! — пользуясь своим старшинством, мстительно добавила она. — И вообще, что ты здесь делаешь?

— Жду, когда ты наговоришься с Саннаэтелем, — миролюбиво ответил Ранхгарт, — он мне нужен.

— Зачем? — подозрительно спросила она. — Ты хочешь отправиться с ним к Даххарсту?

— А хоть бы и так, что тут страшного?

— Ты хочешь, — гневно воскликнула Ализе, — расспросить его о том, как его отец и мой пытались соединить магию темных и светлых! Так вот, не смейте к нему подходить!

Ранхгарт долго терпел стенания и жалобы Ализе, но ее приказного тона терпеть не собирался.

— Ализе, — все еще мягко, но уже со стальными нотками в голосе сказал Темный, — давай ты не будешь нам указывать, что делать, а, что нет.

— Саннаэтель останется со мной! — закричала Ализе, схватив брата за руку. — А ты можешь проваливать ко всем чертям.

— Ализе, — прошипел Ранхгарт, и глаза его опасно вспыхнули, — я когда-то уже просил тебя думать хоть иногда не только о себе, но, например, и о своем брате? Ты, надеюсь, не забыла, что на его теле до сих пор находятся полосы от хлыста тьмы, которым его огрел твой муженек. Так вот сейчас самое время избавить его от них. До этого момента к Даххарсту невозможно было добраться, поскольку его несносная женушка никому не давала даже приблизиться к нему, — голос Ранхгарта был издевательски насмешлив, но Ализе была вынуждена признать его правоту.

Когда мужчины ушли, Ализе упала на кровать и попыталась разрыдаться от обиды, но у нее ничего не получилось. Этот противный Ранхгарт так все запутал, очень ловко оправдав ее ненавистного мужа и даже сделав ее саму чуть ли не виновницей всего происходящего.

Со злости Ализе начала припоминать все обиды, что нанес ей Даххарст за короткое время их недолгого брака. Долго вспоминать не пришлось, взять хотя бы их первую ссору. или нет, взять хотя бы то, как он мешал ее учебе в Академии! И память Ализе тут же красочно напомнила ей, как это все происходило.

Глава 9

…Легкий стук горничной в дверь спальни немедленно вырвал ее из сладких объятий сна. Она чуть шевельнулась, и уже другие, вполне реальные объятия мужа спеленали ее, подтаскивая к себе под бок. Ализе на секунду расслабилась, разнежившись в них, но потом поняла, что так она быстро продолжит досматривать прерванный сон, пропустив (уже в который раз) занятия в Академии. Надо было срочно вставать, и Ализе приступила к этому долгому и тяжелому процессу. Главное, чтобы муж не проснулся.

Левая рука Даххарста обнимает за плечи, левая нога обхватывает бедра. Куда лучше двигаться, пытаясь выбраться, вверх или вниз?

Ализе прикинула оба расстояния и решила, что лучше вниз. Как змея, она выскользнула из-под его руки. Ура! Удалось. Муж даже не проснулся, его рука осталась бессильно лежать на том месте, где только что были ее плечи. Верхняя часть туловища свободна, но что делать с нижней? Выбираясь из-под руки, ей пришлось сложиться почти пополам, и теперь она понимала, что ее поза слишком провокационно-двусмысленна. Это поняла не только она, почти незаметное, скользящее и чрезвычайно целенаправленное движение бедер Даххарста сообщило ей, что он, во-первых, проснулся, хотя отчаянно притворяется спящим, а во-вторых, решил воспользоваться ситуацией в своих глубоко меркантильных интересах.

Ализе решительно отбросила одеяло и даже спустила ногу с кровати, но ее тут же водворили обратно.

— Мне надо спешить, я могу опоздать на занятия, — в двухсотый или трехсотый раз начала она ежеутреннюю дискуссию.

— На какие занятия? — фальшиво удивился Даххарст.

— На занятия в Академии, — терпеливо объясняла Ализе, зная.

— А зачем тебе ходить в Академию?

— Чтобы учиться, — будто маленькому ребенку или полному идиоту втолковывала Ализе.

— А зачем тебе учиться?

— Затем, что если я не научусь контролировать свои силы, то когда-нибудь точно пришибу тебя! — зло гаркнула на мужа, доведенная до белого каления, Ализе.

— То есть ты спокойно уйдешь на занятия, оставив мужа одного-одинешенького и несчастного-пренесчастного, — словно

не слыша грозного рыка, жалобно причитал Даххарст, снова подтаскивая жену к себе, начиная ласкать, гладить и целовать самые ее любимые местечки на теле.

Решимость Ализе таяла, как снег, последним усилием воли, уже сдаваясь, она спросила:

— А что я скажу завтра в свое оправдание?

— Скажешь, что заболела.

— Эльфийки не болеют.

— Скажешь, что я заболел.

— Темные — тем более, — фыркнула Ализе.

— Скажешь, что кошка заболела или лошадь…

— Ты хочешь, чтобы меня исключили из Академии?!

— Ага!

…Ализе, вспоминая эти моменты, вдруг отчетливо поняла, что Даххарст так себя вел совершенно умышленно, это было для него сродни состязанию, и цель только одна: сделать так, чтобы его жена пропустила занятие. Ализе скрипнула зубами. Почему она тогда этого не понимала? Почему ей тогда казалось, что все получается случайно, само собой. Даххарст манипулировал ею каждое утро, каждый день. Еще, наверное, гордился собой, что так хорошо может управлять женой.

«Гад, гад, подлый гад!» — шептала она, от всей души жалея, что не может поквитаться с ним.

А еще тот случай, о котором намекал Ранхгарт. Ализе покраснела, вспомнив, как все произошло.

…В один из дней пришло послание от Правителя, в котором в самых витиеватейших выражениях их приглашали на какое-то празднество. Ализе испугалась. Это было первым приглашением в высший свет, и опозориться было никак нельзя, и это казалось самым страшным. Весь ужас состоял в том, что праздник должен был начаться сегодня вечером, и у нее совершенно не оставалось времени к нему подготовиться. Не было даже подходящего платья, вернее, нескольких платьев, поскольку празднества должны были продлиться четыре дня.

— Даххарст! — в состоянии сильнейшей паники закричала Ализе. — Разве такое допустимо — присылать приглашения в день самого торжества? Их же рассылают за несколько дней, а иногда даже за много недель до начала праздника!

Даххарст как-то странно взглянул на нее и спокойно ответил:

— Они и прислали приглашение две недели назад.

— Две недели?! — ахнула Ализе. — А почему я увидела его только сегодня?

— Потому что я его спрятал, — все так же спокойно объяснял Даххарст. — Мне совсем не хотелось, чтобы две недели до этого

торжества превратились в сумасшедший дом, по которому бегала бы моя жена в истерике, причитая, что ей нечего надеть, и платья не такие, и украшения не такие, и вообще она и сама вся не такая. А я должен был бы бегать следом за ней, утешая и доказывая, что она самая лучшая. Я решил, что один день такой жизни я кое-как вытерплю, а вот две недели — нет.

— В чем я поеду?! — закричала Ализе сквозь слезы. — У меня нет подходящего платья!

— Платья готовы, — нежно глядя на жену и неспешно вытирая ей слезы и нос, успокоил Даххарст. Он толкнул дверь в самую большую комнату, и взору Ализе предстала настоящая швейная мастерская. Несколько женщин, очевидно, портних, тут же склонились перед ними в поклоне. — Я заказал платья по своему вкусу, — сообщил Даххарст самодовольно.

— А если они мне не понравятся? — спросила чуть успокоенная увиденным Ализе.

Муж тут же притянул ее к себе и воркующим голосом поинтересовался, для кого она хочет быть красивой — для него или для кого-то постороннего? Лично он считает, что она должна учитывать только его вкус и мнение, и быть желанной только для него. Ализе была не сильна в подобных перепалках, поэтому после нескольких поцелуев с удовольствием отдалась в руки портних, окончательно подгоняющих платья к ее фигуре и росту.

В замке Правителя у Даххарста были свои апартаменты. С ними отправились две горничных и портниха. Прием прошел блестяще. Ализе была красива и держалась с изысканным достоинством. Все было замечательно и в этот день и на следующий. Наступил третий день их пребывания во Дворце.

За все время, пока длился праздник, Даххарст не прикасался к ней, понимая, насколько она взволнована происходящим, и что ей пока не до любовных игр. Это было и правильно, и не правильно одновременно.

С одной стороны, столько впечатлений, знакомств, сюрпризов, что она иногда забывала даже о Даххарсте, но с другой — переизбыток эмоций требовал выхода. И хоть Ализе об этом не догадывалась, Даххарст, как многократно более опытный в любовной науке, просто не мог об этом не знать.

Как выяснилось позже, знал! И специально все это спланировал.

Она нежилась в ванне, отдыхая после шумного, заполненного нескончаемым весельем дня, когда Даххарст подошел к ней, держа в руках шелковую ткань. Она улыбнулась в предчувствии ожидаемых ее ласк и не ошиблась. Но это было не все, Даххарст решил подарить ей ночь наслаждения. Когда Ализе хотела в свою

очередь коснуться его, Даххарст отвел ее руки, шепнув: «Сегодня только ты», и она счастливо прикрыла глаза, полностью отдаваясь чувствам. Они уже играли в такую игру. От нее при этом требовалось только одно — ощущать как можно ярче наслаждение.

Первая волна возбуждения, готовая бросить ее на самый пик, пришла очень быстро. Даххарст, заметив как участилось ее дыхание, как ее руки впились в его затылок, легкими успокаивающими поцелуями не дал этой волне захлестнуть ее, ожидая следующих, гораздо более мощных волн, дарящих более сильное и острое наслаждение.

Вторая волна, третья, Ализе изнемогала, а Даххарст все оттягивал и оттягивал самый желанный для нее момент. Когда же он, наконец, наступил, то такого пронзительного наслаждения Ализе не испытывала еще ни разу. Обессиленная она с нежностью и благодарностью поцеловала мужа и сладко уснула.

А потом наступило утро. Ализе, радостная и счастливая, одевалась с помощью горничных, готовясь выйти на прогулку. Тут она заметила, что девушки как-то странно поглядывают друг на друга и на нее, почти не скрывая понимающие улыбки.

Прямо спросить, что их так веселит, она не решилась, возможно, из-за их поведения. И какая-то настороженность поселилась в ее душе.

Потом, в парке, с ней галантно раскланялись двое мужчин, но она могла поклясться, что едва она отвернулась, их взгляды из просто любезных превратились в остро-заинтересованные, разглядывающие, пытающиеся мысленно проникнуть под одежду. А потом подобные взгляды мужчин стали преследовать ее на каждом шагу. Она кожей чувствовала их, не понимая, что происходит.

Страшно обеспокоенная, Ализе прибежала к Даххарсту. Этот гад притворился настолько удивленным, что она поверила в его неосведомленность.

Ализе стала натыкаться и на взгляды женщин. Было ощущение, что это не взгляды, а иглы, настолько колючими они были. И опять этот Темный, лживый насквозь, по недоразумению бывший ее мужем, страшно удивился и даже обеспокоился от ее рассказа, и так рвался тут же выяснять, в чем дело, что она ему вновь поверила.

До самого вечера растерянная Ализе не понимала, что происходит, пока случайно не услышала невероятный по своей циничной откровенности разговор двух Темных.

— Этот Даххарст снова всех обошел! — с раздражением в голосе сказал один. — Пока мы ему изливали сочувствие за брак

со Светлой эльфийкой, искренне жалели, что ему в жены досталось бесчувственное бревно, он насмехался над нами и наслаждался такой страстностью, что ей позавидовала бы иная Темная. Вот же гад!

— Да, не ожидал, — тут же подхватил второй. — Надо будет как-нибудь подкатиться к светленькой. Похоже, я их недооценивал.

Уши Ализе стали такими же малиновыми, как и щеки, из глаз посыпались искры. Она с гневными вопросами набросилась на этого притворщика мужа, почти силой выдирая из него признание.

Услышанное повергло ее в шок.

— Что… что ты сделал? — в ужасе пролепетала она. — В момент моего наивысшего наслаждения прокатил эмоции, что я испытывала, по всему дворцу Правителя?!

— Ализе, успокойся, — Даххарст попытался прижать ее к себе, но Ализе яростно его оттолкнула. — Это у нас такая традиция, все супружеские пары через это проходят.

— Через что «через это»?

— У каждого народа свои обычаи, — Даххарсту все же удалось схватить жену, и теперь он пытался ее обнять, притянуть к себе. — Кто-то вывешивают простыни, на которых лежали новобрачные, вместо флагов на башнях, а у нашего народа, эмоции новобрачной прокатывают по всему дворцу или замку. И тогда все могут понять, заключен брак по любви или нет, но главное — насколько супруг состоятелен, как любовник. Хочу сказать, что все мужчины очень болезненно воспринимают свою неудачу, если, например, их партнерша останется безучастной и холодной. До этого дня все считали, что в нашем браке все обстоит именно так. Мне очень хотелось доказать обратное, что я и сделал, — нисколько не смущаясь своим безнравственным поступком, а даже, наоборот, гордясь им, закончил Даххарст.

Глава 10

Воспоминания об этом случае были настолько яркими, словно все случилось только вчера. И вновь Ализе осознала, что Даххарст, доводя ее до такого состояния, думал в первую очередь не о ней, а о себе, хвастаясь, красуясь и гордясь собою. Такая злость на Дахарста поднялась в ее душе, захотелось сделать что-то такое, от чего ему стало бы больно так же, как ей сейчас.

«Чтобы такое ему сделать? Похоже, мой уход от него не произвел должного впечатления. Ему, видимо, безразлично, с ним я или нет. Может, мне ему изменить? Он же мне изменил!»

И тут же волна боли захлестнула ее. Это воспоминание было самым мучительным.

…После ритуала в пещере они были вместе всего несколько дней, и Ализе еще только осваивала роль «любимой женщины», которую нежат, лелеют и выполняют любое желание. Как-то вечером Даххарст сидел в кресле, глядя на огонь в камине, а она — в объятиях на его руках.

Ализе вдруг спросила, вспомнив, что этот вопрос волнует ее много-много дней:

— Даххарст, а где ты был две недели, после того, как исчез из комнаты? Ну, помнишь, в тот, второй раз, когда я, наконец, вылечила тебя? Ты дал мне кольцо-портал, сказал, чтобы я возвращалась в Академию, а сам исчез. Где ты был?

Даххарст молчал. Ализе попыталась заглянуть ему в глаза, но он подбородком придавил ее голову к своей груди, не позволяя этого сделать.

— Даххарст, — удивилась Ализе его странной реакции, — почему ты не отвечаешь? Я думала тогда, что ты ищешь Лаэделя, чтобы поговорить с ним.

— Его я тоже искал, — глухо ответил, наконец, Даххарст. — И найду со временем обязательно.

— Я так переживала тогда, — продолжала Ализе, совершенно не понимая, почему при этих словах Даххарст судорожно сжал ее в объятиях и тихонько застонал, словно ему было мучительно их слышать.

— Ализе, — осторожно начал Даххарст, все также отказываясь смотреть ей в глаза, — я не хочу тебе врать, но… понимаешь… — Даххарст умолк, не решаясь продолжать.

Только теперь Ализе заподозрила что-то неладное. Эта неуверенность в голосе мужа, это нежелание смотреть ей в глаза ясно говорили о том, что ему… стыдно? Ализе вскинула голову и внимательно посмотрела в глаза Даххарста. Это оказалось

нелегким делом, поскольку его взгляд блуждал, всматриваясь во что угодно, только не в ее глаза.

— Даххарст, — уже требовательно сказала она, — посмотри мне в глаза и скажи, где ты был две недели после того, как бросил меня одну в своем замке?

— Ализе! — умоляюще простонал Даххарст, но она не сдавалась:

— Где ты был? — Даххарст упорно молчал. И тогда она сама сказала вместо него: — Ты был с женщиной!

— Да, я был с женщиной, — покорно повторил Даххарст.

Ализе смогла только тихо ахнуть от его откровенного признания. Несколько минут она собиралась с силами, не замечая и совсем забыв, что продолжает сидеть у него на коленях, потом спросила, едва выговаривая слова:

— Как ее зовут?

— Ф-ф-ф-ф, — фыркнул Даххарст, — а я откуда знаю?

— Ты не знаешь имени женщины, с которой был? — голос Ализе предательски задрожал, предваряя приближающиеся слезы.

— Не женщины, а женщин, — поправил ее Даххарст.

— Так она была не одна?! — взвизгнула Ализе. — Сколько у тебя их было? Две, три?

— Ты имеешь в виду — одновременно? — деловито уточнил Даххарст.

Глаза Ализе на секунду стали круглыми, а потом она вспомнила, что Мия рассказывала о чем-то подобном во время… оргий. Это слово всегда казалось ей настолько мерзким, что она ни секунды не сомневалась в том, что то, что оно означает, столь же отвратительно.

— Ты участвовал в оргиях? — тихо с ужасом спросила она. Даххарст заглянул ей в глаза, а потом вдруг с бешенством столкнул с колен, поставил ее на ноги и как следует встряхнул.

— Ализе! — грозно крикнул он ей в лицо. — Ты хоть понимаешь, что со мной происходило в течении того времени, что я болел? Десять лет у меня не было женщины! Нет, я хотел, страшно хотел — и не мог. Ты хоть представляешь, как я ненавидел тебя все эти годы? Ты хоть представляешь, что я мечтал с тобой сделать? Ты представляешь, какую мстительную радость я ощутил, почувствовав себя здоровым и увидев, что ты находишься полностью в моей власти? И мне было плевать, что это ты меня излечила, в ту секунду вместо благодарности я чувствовал дикую злость и столь же дикое желание. Ты рядом — слабая, беззащитная и самая ненавистно-желанная для меня девушка на всей земле. Да ты знаешь, что тогда должно было случиться?! И вдруг я узнал, что ты ни в чем не виновата, что это

я, дурак, напугал тебя своей несдержанностью. Я, только я виноват во всех своих несчастьях. Это осознание своей вины ударило меня по голове, словно обухом. Тогда, в ту проклятую брачную ночь, я, если бы знал, что у тебя не было мужчины, даже не прикоснулся бы к тебе во время того разгула, что творился в замке Правителя. Потом мы бы отправились… Что сейчас об этом говорить! — перебил сам себя Даххарст. — В ту минуту такое желание накрыло меня, что сдержаться я бы не смог. Да и ты подлила масла в огонь! Сидишь на кровати и смотришь на меня, стоит протянуть руку — и все дикие желания, бродившие десять лет в голове, станут реальными. А потом?! Ненависть до конца жизни? Ты же новичок, только делающий первые шаги в мире физического наслаждения. Чтобы не испугать тебя, чтобы раскрыть тебя, надо было бы иметь столько терпения, надо было бы так себя сдерживать и контролировать, а в ту минуту для меня это было совершенно невозможным. Ты хоть понимаешь, как мне было тяжело тогда? — он снова встряхнул ее за плечи. — На моей постели — полностью обнаженная, такая нежная, такая хрупкая, такая красивая девушка, нет, не девушка — жена, взять которую я имею полное право. Да я проходил мимо тебя, закрыв глаза и стиснув зубы, чтобы не наброситься и снова все не испортить. А сдержаться я тогда точно бы не смог! Ты меня понимаешь? — он с надеждой смотрел ей в глаза.

— Ты изменил мне, — деревянным голосом сказала Ализе, — потому что, узнав, что у меня не было еще мужчины, понял, что не сможешь быть со мной достаточно нежным и терпеливым, и чтобы у меня не возникло отвращение к этой стороне жизни на всю оставшуюся жизнь.

Даххарст хмыкнул. Ализе точно, хоть и очень сухо, сформулировала его мысли. Но, посерьезнев, сказал:

— То, что происходило в те две недели, ничего не значит, и те женщины ничего не значат, это просто лекарство от болезни, и все.

— Лекарство?! — возмутилась Ализе. — Ты изменял мне, и отрицать этого ты не можешь!

— Ализе, — пытался вразумить ее Даххарст, — в то время, когда тра… занимаешься любовью с одной, непрестанно думаешь о другой, то для той, которую ты тра… с которой занимаешься любовью, — в десятый раз поправился он, — это в сто раз большая измена, чем для той, о которой ты думаешь. А о тебе я думал все эти дни! — Ализе недоверчиво смотрела на него, а он с жаром продолжал: — То, что тогда случилось, можно сравнить… — Даххарст на секунду задумался, — ну, например, когда после долгой болезни проснулся зверский аппетит, и ты

сидишь в предвкушении ужина, а тебя внезапно вырвали из-за стола и отправили восвояси, всунув лишь корку черствого хлеба и кувшин воды. Ты ешь, давишься, потому что голоден, а мысли твои все там, за тем столом и мечтами о вкуснятинах, что там остались.

— О торте? — спросила Ализе уже более мягким и не таким враждебным голосом.

— Торте? — Даххарст засмеялся. — Нет, только не о торте, сладкое я не ем. Скорее, о сочненькой жареной курочке. Ее я бы съел, не задумываясь, — он так на нее посмотрел, что сомнений, кого бы он на самом деле с удовольствием «съел», не оставалось. — Ализе, те женщины — суррогат, а по-настоящему хотел я только тебя. Знаешь, — усмехнулся, вспомнив что-то Даххарст, — как я определял, могу я к тебе уже вернуться или нет? Я закрывал глаза и представлял, что это ты в моих объятиях, это тебя я целую, и если, открыв глаза, я видел, что прокусил кожу девушки до крови, то я оставался еще на день. Я понимал, что второй раз не могу совершить ту же ошибку, что в первую брачную ночь. Что хочу, чтобы ты меня хотела так же, как и я тебя. Я понимал, что если в будущем хочу быть счастливым, не сдерживать и не контролировать себя каждую секунду, то именно сейчас я должен быть особенно бережен и осторожен с тобой.

— Ты и сейчас сдерживаешься? — удивилась Ализе.

— Еще как сдерживаюсь, сейчас я все делаю только для тебя, надеясь в дальнейшем получать и свою часть удовольствия, — не скрывая далеко идущих планов, засмеялся Даххарст.

— Ты бы хотел, чтобы я… — Ализе недвусмысленно намекнула о ласках, которые когда-то хотела ему подарить.

— Нет, нет, нет! — Даххарст, изобразив гримасу священного ужаса на лице, двумя руками прикрыл свое сокровище. — Я еще не могу доверить его тебе. Я еще помню свой стресс, когда увидел его в твоих зубах.

— О чем ты тогда говоришь? В чем себя сдерживаешь?

Ализе и сама не заметила, как так случилось, что ссора, грозившая расставанием, переросла в обсуждение самых интимных, самых сокровенных моментов их жизни.

— В чем? — глаза Даххарста хищно блеснули, и он за долю секунды намотав ее волосы на кулак, закинул голову Ализе назад и таким поцелуем, периодически переходящим в покусывание, поцеловал ее шею, что девушка охнула от боли. — Это называется страсть, — как ни в чем ни бывало, продолжил Даххарст. — Я хочу ее утолять, хочу утолять только с тобой, но хочу, чтобы такие поцелуи вызывали не крик боли, а стон страсти.

— Такое разве возможно?! — поразилась Ализе.

— Не просто возможно, а так именно и будет, но только со временем, когда ты, как женщина, полностью раскроешься и осознаешь пределы своего желания.

…Ализе с раздражением топнула ногой, теперь она понимала, что тогда он запутал ее в словах, в ощущениях, убедил, что он гораздо опытнее, умнее, даже мудрее, и знает, как правильно поступать. А ей пришлось просто смириться с его доводами, принимая все, как есть.

Ализе вдруг довольно улыбнулась. Хоть она в тот момент и вела себя, как наивная дурочка, но зацепить его она все же смогла. Она вспомнила, как тогда, понимая, что все равно его простит, она посмотрела ему в глаза и попросила:

— Поклянись, что больше мне не изменишь!

Он в ужасе закатил глаза и спросил с невыразимым отчаянием в голосе:

— Неужели придется отказаться от трех любовниц, которых мне полагается иметь при моем статусе?!

— Трех любовниц?! — Ализе была искренне поражена, впрочем, она слышала что-то такое. Якобы у Темных совсем нет моральных принципов, и считается не только вполне нормальным, но даже обязательным наличие любовницы или любовника. Вроде даже это каким-то образом влияет на статус и положение при дворе Правителя Темных. И тут же новая мысль поразила ее: получается, что и ей придется завести любовника?!

— А-а-а мне, — как всегда, заикаясь от волнения страха или удивления, спросила Ализе, — а мне скольких любовников надо иметь?

Глаза Даххарста стали черными, он в бешенстве стиснул Ализе за плечи.

— Только попробуй, только посмей, — прошипел он.

Ализе стало даже немножко страшно… восхитительно страшно. Такая волна счастья захлестнула ее, когда она почувствовала, насколько сильно он ею дорожит, насколько сильно ревнует.

— А как же ты? Можешь мне не говорить о ваших нравах, обычаях и порядках. Я больше не прощу измену и никогда не смирюсь, и не буду делить тебя с любовницами!

Лицо Даххарста сменило жесткое, и даже жестокое выражение, появившееся, едва он подумал об измене Ализе, на более мягкое и нежное.

— Ализе, — ласково сказал он, — мне никто, кроме тебя не нужен. Я хочу быть только с тобой. Десять лет я день и ночь думал о тебе, плохо, хорошо, но думал. Ты вошла в мою жизнь, в мои мысли, в мое сердце, ты — одна-единственная, и больше

никто.

До чего же ей было приятно слушать такие слова! Наверное, в эту самую секунду она и полюбила его окончательно и бесповоротно. И все-таки мысль о нравах, царящих во дворце, тревожила ее.

— А не станешь ли ты в таком случае предметом насмешек? — забеспокоилась она.

Дахарст засмеялся так, что ей стало обидно. Заметив, как она нахмурилась, он тут же прижал ее к себе и прошептал в ушко:

— Ализе, моя репутация во дворце такова, что связываться со мной, а тем более, отпускать ехидные замечания по поводу моей личной жизни, никто не решиться. Все понимают, насколько плачевно это может для них закончиться. Мне нужна только одна женщина, правда… — тут он так понизил голос, что Ализе его едва расслышала, — чтобы я мог вести себя с нею так и делать с нею все то, что мне хочется.

…Вспомнив теперь эту сказанную шепотом фразу, Ализе не знала, как себя ругать, что тогда совсем не придала ей значения. Да и как она могла знать, как она могла представить, что хочется ему на самом деле?

Сейчас Ализе совершенно четко и точно осознала, что, начиная с того дня, Даххарст осторожно, но очень планомерно стал подстраивать ее под себя, под свои вкусы, под свои привычки, под свои пристрастия. Не он подстраивался под нее, а ее подстраивал под себя!

Девушка заметалась по комнате. «Вот гад, негодяй! Он меня приучал к своим вкусам! Да разве я по собственному желанию делала бы то, или позволила с собой делать то, что они делали?!» Она тогда так смущалась, но он объяснял, что если двоим это нравится, то это правильно, и это не касается никого на свете только их! «Гад, гад, гад!!!!» Ализе теперь злилась и бесилась от мысли, что он своими ухищрениями, своей подлой опытностью заставил ее получать наслаждение от таких вещей, при воспоминании о которых ее бросало в краску стыда, а от мысли, что об этом кто-то мог бы узнать, вообще в дрожь ужаса.

«Я должна ему отомстить! И я отомщу!»

Глава 11

Легко сказать «отомщу», а как отомстить, чтобы месть сделала больно врагу и принесла радость тебе? Это вопрос из вопросов, над которым Ализе ломала голову днем и ночью.

Она посещала занятия, мужественно высиживая положенные часы, стараясь не подать ни малейшего вида, насколько же ей плохо. Даххарст не появлялся, и все те гневные слова, что рождались в голове, и которые она жаждала выплеснуть ему в лицо, так и оставались невысказанными, усиливая тяжесть в ее душе. Но она держалась, держалась изо всех сил, главное, чтобы Саннаэтель, и особенно, этот проныра Ранхгарт не догадались, как у нее болит все в душе, и не отправились к Даххарсту с выяснением отношений или попытками их помирить. Когда она находилась среди сокурсников, ей хорошо удавалось притворяться, удавалось даже смеяться в ответ на шутки или улыбаться в ответ на комплименты, которыми ее часто удостаивали. Но стоило ей остаться одной, как наваливалась страшная тоска наваливалась. В такие моменты она уныло смотрела в окно или на деревья в саду, не замечая ничего, полностью погруженная в свои невеселые мысли.

И вот однажды, в один из таких моментов, к ней подошла незнакомая девушка.

— Простите, — обратилась к ней девушка, — это, наверное, не мое дело… У вас что-то случилось? Простите, что я навязываюсь, — еще раз извинилась девушка, — но у вас такое грустное лицо, что я не могла не спросить.

— Нет, нет, ничего не случилось, — сразу стала отнекиваться Ализе, застеснявшись, что ее застали с поличным, — это я так.

— Меня зовут Лириэлль, — представилась девушка. — Я только второй день в Академии и никого еще не знаю.

— Меня зовут Ализе. Вы только поступили на первый курс?

— Нет, на второй. Дело в том, — стала объяснять девушка, заметив недоуменный взгляд Ализе, — что я уже училась здесь несколько лет назад, и даже успела окончить первый курс и отучиться часть второго. А потом… — она трагически замолчала, словно ей было тяжело говорить, — а потом так случилось, что пришлось бросить учебу. Восстановиться я смогла только сейчас. Чувствую себя белой вороной, — грустно усмехнулась она. — Никого не знаю, все по возрасту гораздо младше меня, так одиноко.

Ализе осторожно прикоснулась в ее руке.

— Как же ваша история похожа на мою! Я тоже только-только

восстановилась в Академии, и тоже старше всех, и тоже чувствую одиночество и тоску.

Девушка с благодарностью посмотрела на Ализе за оказанную поддержку.

— Как жаль, что мы с вами учимся на разных факультетах и сможем видеться и разговаривать только изредка, вот как сейчас, — с грустью сказала она.

— Ничего, Лириэлль, — успокоила ее Ализе, — мы же живем в одном корпусе общежития, можем вечерами встречаться и болтать от души, или готовиться вместе к следующим занятиям.

— Как я тебе благодарна! Давай на «ты»? — и, увидев подтверждающий кивок Ализе, продолжила: — Эти первые дни показались мне совсем тоскливыми. А с тобой мне так легко. Я чувствую твою искренность и честность, мне кажется, я могла бы доверить тебе любой секрет.

Ализе, у которой никогда не было подруг, расчувствовалась чуть не до слез. Она пылко уверила новоявленную знакомую, что тоже ощущает ее искренность и честность, и тоже с легкостью доверила бы ей любую личную тайну. На том они и расстались.

В тот же вечер Лириэлль пришла к ней в комнату со своими учебниками. Как вдвоем весело и приятно готовиться к занятиям! Они пили чай и болтали обо всем на свете. Несмотря на свое заявление о том, что Ализе вызывает в ней желание поделиться своими тайнами, Лириэлль не спешила этого делать, зато сама наводящими умными и осторожными вопросами вынудила Ализе сделать ее своей поверенной самых секретных секретов. Будь у Ализе чуть больше опыта общения с подругами, она знала бы главное правило: кто быстрее начинает изливать душу, выбалтывая свои и чужие секреты, тот в первую очередь и предаст, выболтав и твои тайны.

Лириэлль настолько откровенно набивалась в подруги, так настойчиво наводила разговоры на личную жизнь Ализе, что в любое другое время Ализе почувствовала бы неладное, но только не сейчас. Желание рассказать хоть какой-нибудь девушке или женщине о своих проблемах затмевало чувство осторожности и недоверия. Ни брату, ни, тем более, Ранхгарту она не могла и не хотела этого рассказывать, только женщина поймет женщину, и она не ошиблась. Со стороны Лириэлль она встретила горячую поддержку и участие. Лириэлль гневалась и ругала Даххарста (хотя Ализе по понятным причинам не рассказала ей и половины из того, что ее обижало), страстно поддержала ее в желании отомстить мужу, и даже обещала помочь с местью.

Ализе было хорошо и спокойно впервые за долгое время. На следующий день на занятия она пришла в отличном настроении,

ей его еще больше подняла Лириэлль, придумавшая план мести Даххарсту.

— Знаешь, как больнее всего сделать мужчине? — заговорщицки спросила она. Ализе отрицательно помотала головой, а Лириэлль с видом знатока важно продолжила: — Чтобы сделать мужчине больно, надо заставить его ревновать! А если учесть, что он Темный, то его боль будет в несколько раз сильнее. Хуже ревнивцев, чем Темные, не сыскать во всем мире.

— И как же я заставлю его ревновать? — удивилась Ализе. — Был бы он рядом, я еще могла бы пофлиртовать на его глазах, пококетничать, а если он так далеко, как я этого добьюсь?

— Добьешься, не переживай! Послушай, что я придумала. Сегодня у одного моего сокурсника день рожденья. Сразу после занятий он пригласил всю группу в трактир. Ты пойдешь вместе со мной.

— Ой, это неудобно, — сразу засомневалась Ализе. — Я почти никого из твоей группы не знаю.

— Так и я не знаю! — почему-то обрадовалась Лириэлль. — Представляешь, как мне будет плохо в такой компании. А так мы будем вдвоем. Пошли, будет весело! — упрашивала она Ализе. — И ты забыла о самом главном. Когда твой муженек узнает, что ты была в трактире, да еще в компании подвыпивших сокурсников, обещаю, он придет в ярость.

— А как же он узнает? — не сдавалась Ализе.

— Сплетни, сплетни, сплетни, — почти пропела Лириэлль. — Даже если ты зайдешь в трактир только на минутку и убежишь еще до первого тоста, то на другой день все равно о тебе понапридумывают такого!

Лириэлль хотела порадовать подругу, но добилась совершенно обратного. Мысль, что о ней будут сплетничать, так испугала Ализе, что она тут же передумала идти на день рожденья. Однако Лириэлль не сдавалась и продолжала приводить все новые и новые доводы.

— Чего ты боишься? В нашей группе учатся двенадцать девушек, и все они пойдут отмечать праздник. Мы пойдем сразу после занятий и не будем засиживаться допоздна. Каждый сам заказывает себе что-то из выпивки, за то и платит. Не захочешь пить алкоголь, будешь пить только сок, чай или морс. Сидеть будешь рядом со мной, никто к тебе приставать не будет, а про сплетни я преувеличила. Просто когда на другой день будут об этом рассказывать, упомянут и о тебе. Пошли?

Ализе все еще сомневалась, и тогда Лириэлль привела последний аргумент.

— А почему твой муженек не переживал о сплетнях, когда

две недели таскался по кабакам, домам терпимости и прочим заведениям? Почему он, напившись, мог не просто пофлиртовать, а переспать с любой приглянувшейся служаночкой? Ты думаешь, что он вел себя не так? Ты думаешь, он не хватал подавальщиц за любые выступающие места, не лапал их, не тискал?

Ализе бросило в жар, едва она представила нарисованные подругой картинки.

— Я иду, — твердо сказала она, — и пусть только Даххарст посмеет меня упрекнуть в чем-то!

— Пусть упрекает. У тебя есть свидетель, который подтвердит, что ты ничего недостойного не совершала, в отличие от него.

Это последнее обещание Лириэлль окончательно успокоило Ализе, и она с легким сердцем отравилась вместе с группой, в которой училась Лириэлль, на празднование дня рождения.

Глава 12

В трактире было шумно, беспорядочно-весело и очень жарко. Их компания сразу же разбилась на небольшие кучки, разбредясь по всему залу. Возле именинника сгрудились его близкие друзья и подружки, Ализе и Лириэлль сели за столик в углу. Ализе уже начала жалеть, что поддалась на уговоры, было скучно и неинтересно, и только общение с Лириэлль скрашивало это безрадостное времяпровождение. Вдруг заиграла музыка, нежная, приятная мелодия лилась из какого-то магического артефакта, и в этот момент к девушкам подошел молодой мужчина.

— Финниэль! — закричала Лириэлль и бросилась ему на шею. Потом церемонно представила его Ализе: — Познакомься: мой любимый дядя. Правда, он лишь ненамного старше меня, и в детстве мы с ним отчаянно дрались, но все равно по факту он мой дядюшка, и никуда от этого не деться.

Мужчина, поцеловал руку Ализе и так взглянул ей в глаза, что щеки ее полыхнули алым цветом. Светлый, очень красивый, стройный и высокий — именно таким в подростковом возрасте Ализе представляла своего избранника. Снова заиграла музыка, Финиэль пригласил Ализе на танец.

Прикосновение только кончиками пальцев к кончикам пальцев, как у Светлых и принято. Но как же возбуждают и будоражат эти легкие прикосновения, когда пальцы едва удерживаются рядом с пальцами партнера, когда стоит отвлечься хоть на мгновение, и прикосновение рук исчезает.

Танец закончился, Финиэль усадил Ализе на лавку. Всего на долю секунды дольше положенного он задержал ее руку в своем, а у Ализе снова вспыхнули щеки. Стало жарко, и захотелось пить. Лириэлль протянула ей стакан, Ализе выпила, не глядя. Сначала у нее закружилась голова, потом стали путаться мысли. Она почувствовала, как ее подняли на руки. Она обняла мужчину за шею и сама прильнула к его губам поцелуем, успев лишь сказать: «Даххарст, я знала, что ты придешь ко мне!» — а потом ее накрыла темнота.

Ранхгарт проснулся от звука выбиваемой ногами двери. Сразу понял, что случилось нечто необычное. Когда он распахнул дверь, в комнату влетел Саннаэтель.

— Ранхгарт, Ализе вчера не вернулась домой! Ее не было всю ночь, я не знаю, где она, — скороговоркой выпалил он.

— Может она у подруги заночевала?

— У нее нет подруг.

— Может, она помирилась с Даххарстом?

— Она бы предупредила меня. Я чувствую — что-то случилось, — Саннаэтель закрыл лицо руками.

— Подожди психовать! — гаркнул на него Темный. — Сейчас узнаем, куда и с кем она пошла после занятий.

Розыски привели их в злосчастный трактир. Хозяин подтвердил, что такая девушка была, но потом ее из трактира унес на руках мужчина.

— Какой мужчина? — одновременно спросили Саннаэтель и Ранхгарт.

— Не знаю, — пожал плечами трактирщик, — она называла его Даххарст.

— Ну вот видишь! — хлопнул по плечу Саннаэтеля Ранхгарт. — Они помирились! Моя вера в Даххарста себя оправдала, — чуть цинично засмеялся он.

У Саннаэтеля просто камень упал с души, а вот Ранхгарт почему-то, наоборот, нахмурился, он вдруг подумал, что ни один из студентов, допрашиваемых им лично, не сказал, что видел в трактире Темного, тем более, Высшего Темного.

— Скажите, — обратился он снова к хозяину трактира, — а как этот Даххарст выглядел? Опишите его.

— А как я его опишу? Лица вообще не помню, могу только сказать, что он был Светлым.

— Светлым? — вновь одновременно вскричали и Саннаэтель, и Ранхгарт.

— Светлым, — не колеблясь ни секунды подтвердил трактирщик.

В то же мгновение Ранхгарт исчез, а назад вернулся уже с Даххарстом.

Вид у Даххарста был помятый, словно он после попойки завалился спать одетым, впрочем, вероятнее всего, так оно и было. Даххарст, несомненно, мучился похмельем, но быстро привел себя в порядок, призвав тьму и пропустив ее сквозь себя. Потом уставился на хозяина трактира, приготовившись слушать его рассказ.

— Девушка, о которой вы спрашиваете, сидела вместе с подружкой, светлой эльфийкой, вон за тем столом, — трактирщик указал рукой в дальний угол. — Вина они сначала не заказывали. Сидели, разговаривали только между собой, пока к ним не подошел тот Светлый, что потом ее и унес. Вот он-то как раз и заказал вино.

— Девушка его пила? — сквозь зубы спросил Даххарст.

— Не знаю, — пожал плечами трактирщик, — я только видел, как она с этим Светлым танцевала. Красиво танцевала, — уважительно добавил он, — обычно в трактирах не так танцуют.

— Что было дальше? — ровным, почти спокойным голосом спросил Даххарст.

— Дальше? — переспросил трактирщик, и, напрягая память изо всех сил, начал перечислять: — Они сидели втроем и о чем-то разговаривали некоторое время, потом заиграла музыка, и эта девушка вновь стала танцевать со Светлым. Потом… — он снова задумался, — Вспомнил! — обрадовался хозяин всплывшей в памяти информации. — Она точно что-то пила, не знаю, вино или сок, кружки были все одинаковые, — извиняясь, добавил он и испуганно замолк, увидев, как у одного из Темных сгустки тьмы, словно капли, стекали с кончиков пальцев и падали на пол. В том месте, где они прикоснулись к доскам, древесина изменила цвет и стала выглядеть, словно трухлявое бревно.

— Что было потом? — голос Даххарста оставался ровным, но тьма, плескавшаяся в глазах, вызывала ужас.

Трактирщик был откровенно напуган, он боялся сказать лишнее слово, но и молчать не мог.

— Потом девушку то ли разморило, и она захотела спать, то ли ей стало плохо, но она не могла самостоятельно не только идти, но даже сидеть. Мужчина взял ее на руки, и тут она… — трактирщик замолчал, растерянно хлопая глазами, он уже понял, что влип в очень неприятную историю, и не знал теперь рассказывать, что было дальше или нет.

— И тут она… — напомнил трактирщику его последние слова Даххарст, и стало понятно, что он выбьет правду любой ценой.

— И тут она, — убитым голосом покорно продолжил хозяин, — обвила шею мужчины руками и поцеловала его в губы, — тьма, наполнявшая глаза Даххарста, стала багровой, а трактирщик между тем продолжал: — Целует она его и говорит: «Даххарст, я знала, что ты за мной придешь».

— Пьянь безголовая! — грубо выругался Даххарст, но глаза его немного посветлели.

Саннаэтель дернулся от таких слов в адрес сестры, но промолчал, а вот Ранхгарт рыкнул в ответ:

— На себя сначала посмотри… в зеркало! Это все из-за тебя случилось.

Но Даххарст не спешил признавать своей вины, наоборот, еще сильнее насел на трактирщика.

— Ты знаешь, где тот Светлый живет?

— Нет, я впервые его видел. А вот студенты часто здесь бывают. Как зовут, не знаю, но лица их помню.

— Пойдешь с нами, покажешь их, — приказал Даххарст.

— Его не пустят на территорию Академии, — возразил Ранхгарт, но Даххарст только хмыкнул и через секунду

трактирщик оказался в вестибюле Академии.

— Где занимается группа, которая вчера была в трактире? — Ранхгарт показал на второй этаж.

Они появились в аудитории в середине занятия. Преподаватель вытаращил от неожиданности глаза и только хотел возмутиться такому наглому и бесцеремонному вторжению, как Даххаррст, слегка тряхнув трактирщика, спросил:

— Кто из них? — тот быстро ткнул пальцами в троих, что сидели ближе всех. — Ты, ты и ты, быстро вышли со мной! — приказал Даххарст таким тоном, что студенты, словно дошколята, вскочили со своих мест и вышли в коридор.

— Где Лириэлль? — первым делом спросил Даххарст.

— Не знаем, она не пришла на занятия, — поняв, что им не грозят неприятности, парни заметно оживились.

Даххаррст посмотрел на Ранхгарта:

— Смотайся в общежитие, может, она у себя в комнате? Вдруг она заболела от перепития и лежит с больной головой.

Ранхгарт кивнул и тут же исчез. Вернулся буквально через минуту.

— В общежитии она не ночевала! — отрапортовал он, потом секунду подумал. — Комната выглядела как-то странно, в шкафах никаких личных вещей, на письменном столе — только учебники, ни одной тетради.

— Где она может быть? — с раздражением спросил Даххарст у студентов.

— Может, она вернулась в дом тети? — предположил один из них. — Она говорила, что получила в наследство небольшой дом.

— Где, где он находится? — Даххарст нетерпеливо дернул говорившего за мантию.

— Не знаю, — честно ответил тот. — Зато Теллеэль знает! Он был у нее дома, сам нам хвастался, у них типа романа что-то началось.

Даххарст снова взглянул на Ранхгарта.

— Ты знаешь этого Теллеэля? — тот, утвердительно кивнув, выразительно посмотрел на дверь, показывая, что Теллеэль сидит на лекции. Даххарст не счел нужным даже открыть дверь, порталом снова перенес всех в аудиторию. — Который? — коротко спросил он, не обращая внимания на крики преподавателя за спиной. Потом схватив нужного студента, тут же исчез вместе с ним.

Они оказались на улице.

— Где находится дом, в который тебя водила Лириэлль? Назови какие-нибудь ориентиры, находящиеся рядом! — потребовал Даххарст.

— Дом на окраине города, — даже не пытался отнекиваться парень, — недалеко протекают обмелевшая речушка, на ней стоит брошенная полуразвалившаяся мельница, — припомнил он, и они немедленно там оказались. — Вот этот! — он указал на небольшой, но очень прилично выглядевший дом, огороженный забором из штакетника в рост человека и чугунными узорчатыми воротами. Сам дом окружала веранда, на которую вели несколько ступеней.

Даххарст попросил Ранхгарта отправить студента назад в аудиторию, а сам подошел к забору и медленно пошел вдоль него, внимательно вглядываясь в окна. Казалось, в доме никого нет, и тут вдруг в одном из окошек мелькнуло лицо Ализе. Взгляд ее был испуганным, волосы растрепаны. Всего одно мгновение ее было видно в окне, но Даххарст успел заметить все. Его глаза снова стали черными, дикая ярость заклубилась в них. Ударом ноги распахнул чугунную калитку, даже не заметив, что она была закрыта на засов, и быстрыми шагами двинулся к дому. Ярость уже просто клокотала в нем. Ранхгарт и Саннаэтель одновременно схватили его за руки.

— Ты не можешь идти к ней в таком состоянии! — заорал Ранхгарт. — Мы первыми должны с ней поговорить.

Но Даххарст сбросил их с себя, словно котят. Одна ступенька, другая, и вдруг в его мозгу пронесся мысленный истошный крик Ализе: «Назад! Это ловушка! Жрецы!»

Даххарст рванулся назад, чудовищным усилием выбрасывая себя, Саннаэтеля и Ранхгарта в какой-то портал. Сверкающая магическая сеть обрушилась на то место, где он только что стоял, всего несколько сантиметров не долетев до него.

Порталом их выбросило на самый край каменистого склона, и они все втроем покатились вниз. На дне оврага, едва отдышавшись, Саннаэтель и Ранхгарт бросились к Даххарсту с вопросом, откуда он узнал о ловушке.

— Ализе сказала, — тихо ответил Даххарст и тут же исчез.

— Куда он? — удивился Саннаэтель.

— За помощью. Возвращаемся к тому домику, сейчас его будут брать штурмом.

Они едва успели. Десять Темных окружили дом. Через секунду вылетели все окна и двери. Даххарст бросился внутрь первым.

— Никого нет! — в его голосе звучало отчаяние, но он не потерял головы. Указав на одного из Темных, жестом послал его в дом.

— Это сыскарь, — тихо, на ухо Саннаэтелю, комментировал Ранхгарт. — Он очень хорошо умеет читать следы и различать

запахи, поэтому Даххарст послал его первым, чтобы он смог прочитать и прочувствовать оставленные Светлыми следы. Если мы зайдем все одновременно, он не сможет этого сделать.

Темного не было почти двадцать минут. Даххарст терпеливо ждал на веранде. Наконец, сыскарь вышел на крыльцо и доложил:

— Светлых было шестеро: три женщины — Ализе, та девушка, что была с ней в таверне, и какая-то незнакомая, и трое мужчин — один из трактира и двое незнакомых. Жили в доме больше месяца, — сыскарь спустился со ступеней, внимательно оглядел землю почти до самой калитки и продолжил: — Из дома выходили только те, что были в трактире, остальные порог дома не переступали. В доме нет запасов пищи, а также следов ее потребления, значит, в доме есть портал. Светлые не могут строить мгновенные многоразовые порталы, значит, портал стационарный.

— Найти! — коротко приказал Даххарст. Портал обнаружили в подвале. — Его можно открыть?

— Нет, он заблокирован с той стороны.

— А уничтожить можно? — сыскарь хмыкнул, что означало: «Разумеется». — Тогда уничтожьте, — Даххарст чуть подумал, — уничтожьте вместе с домом.

Взрыва не слышал никто. Дом накрыли звуконепроницаемым куполом, несколько движений руками, несколько слов — и вместо дома большой котлован, метров шести глубиной.

После этого все Темные вместе с Саннаэтелем исчезли.

Глава 13

Они все собрались в замке Даххарста. Саннаэтель, хоть и переживал за сестру, но то, что она находилась в руках Светлых, и то, что рядом с ней были две женщины, его немного успокаивало. Его даже мучило любопытство, и он, не удержавшись, спросил у Ранхгарта:

— А как сыскарь определил, что Светлые находились в доме месяц?

Ранхгарту и самому было интересно это узнать, и он было двинулся в сторону сыскаря, но тут увидел, что Даххарст кивком головы попросил того подойти. Ранхгарт сразу отвернулся, также поступили и остальные, все поняли, о чем Даххарст хочет спросить, понял и сыскарь. Отвечая на неозвученный вопрос, тихо сказал:

— Нет, над ней никто не надругался. Она лежала связанная на кровати, а потом ее подтащили к окну. Грубо подтащили. Там был гвоздь, и вот… — он протянул Даххарсту кусочек ткани, вырванной из рукава платья, на нем была засохшая кровь.

Даххарст выхватил его и застонал, прижавшись лицом, а потом такая дикая злоба охватила его, что он выскочил из комнаты.

— Да, Даххарсту не позавидуешь, — сочувственно вздохнул Ранхгарт. — Представляешь, каково ему осознавать, что последним, что увидела Ализе в окно, была его перекошенная от ярости и гнева морда. А ведь она спасла нас всех. Санаэтель, — вдруг обратился Ранхгарт к Светлому, — а почему ты не слышал, что сказала Ализе?

— Сам думаю об этом. У нас ментальная связь действует на расстоянии слышимости голоса, и я должен был бы услышать ее, когда мы еще стояли у калитки. Но я не слышал. Может, она не знала, что я рядом и не звала меня?

— Она видела тебя в окно!

— Значит, кто-то сумел заблокировать нашу связь. Не представляю, как это смогли сделать, о ней никто вообще-то не знает, — голос Саннаэтеля уже не был таким спокойным, впервые настоящий страх за жизнь Ализе заполз в его душу.

В этот момент вернулся Даххарст, знаком отослал всех Темных. В кабинете они остались только втроем. Даххарст был совершенно мокрый, вода стекала с волос, одежды и обуви, но он был сдержан и собран.

— Ранхгарт, — обратился он почему-то к Темному, — надо выяснить все, что возможно об этой Лириэль. Ректор должен

больше всех знать о ней. Посмотрите ее документы, но главное — расспросите, с кем она училась раньше, если, конечно, училась, — с отвращением скривился он. — Если его заставили ее принять, то пусть скажет, кто на него давил. В его кабинете портал между двумя шкафами, — добавил он как бы между прочим. — Не дайте ему улизнуть, не подпускайте его к порталу. Если он откажется отвечать, вызовешь меня, — с этими словами Даххарст протянул и Ранхгарту и Саннаэтелю по небольшому амулету. — Надавите здесь, я буду знать, что срочно нужен. Амулет будет одновременно и маяком. Потом выясните все о доме. Чей он? Кто его купил? Когда? Потом встретимся, поговорим, — и Даххарст опять исчез.

Ректор зашел в свой кабинет в страшном раздражении. У него только что был долгий неприятный разговор с преподавательским составом. Преподаватель, у которого Даххарст сорвал урок, требовал от ректора решительных действий, чтобы навсегда прекратить подобное своеволие Темных.

Возможно, поэтому ректор, увидев появившихся без разрешения в его кабинете студентов, в грубой и оскорбительной форме потребовал от них объяснений.

Саннаэтель, которого с младенческого возраста воспитывали в уважении к старшим по возрасту и в почитании старших по званию или положению, тут же смешался.

Даже Ранхгарт удивился такому всплеску эмоций и агрессии, впрочем, на него эти дикие крики все-таки особого впечтления не произвели. Совершенно непринужденно, как бы случайно, он встал между двумя шкафами, отрезая ректору дорогу к входу в портал.

— Мы уйдем сразу, как только получим ответы, — тоном, будто обещающим золотые горы скряге или руку и сердце наивной хорошенькой дурехе, сказал Ранхгарт, подав головой знак Саннаэтелю, чтобы тот встал у двери.

Ректор понял, что попал в ловушку, и как более старший и мудрый, решил сначала узнать, что им от него надо, прежде чем начинать магическую дуэль. Да еще и в подсознании мысль засела, что если он и сможет отбиться от Темного и Светлого, атакующих его одновременно, то для здания Академии последствия этого боя будут весьма плачевны. Поэтому он, подавляя гнев и раздражение, вполне, любезно сказал:

— Я вас слушаю.

— Ализе пропала, — начал Саннаэтель. — Последний раз ее видели вместе с Лириэль в трактире вчера после занятий. Ни Ализе, ни Лириэлль больше не появились ни в общежитии, ни сегодня на занятиях. Я хочу все знать об Лириэлле. Она, вроде,

говорила, что уже здесь училась. Я хочу знать, почему она бросила учебу. Почему так неожиданно вернулась? Кто и где ее родители? Кто ее бывшие сокурсники? Одним словом — все!

Ректор побледнел.

— Я не знал об Ализе. Преподаватель, на занятии которого вы появились, не смог вразумительно объяснить, что вам было нужно. Насчет Лириэлль… — ректор чуть замялся, а потом очень медленно, осторожно подбирая слова, все же сказал: — Она никогда раньше не училась в нашей Академии. Хотя нет, не так. Шесть лет назад Лириэлль поступила в нашу Академию, но это была не та девушка, что училась сейчас под этим именем.

— Как Вы об этом узнали? — не удержался Ранхгар. — Документы были поддельными?

— Нет, с документами были все в порядке, подлинность подтверждали магические печати. Просто я ту, прежнюю Лириэлль хорошо знал лично. Совершенно неуправляемая особа, — в сердцах добавил он. — Будучи помолвленной с достойным мужчиной, подбила моего племянника бежать с ней. Бедный мальчик едва из-за этого не угодил в тюрьму! — горько жаловался ректор, сетуя на недостойных распутных молодых девиц, сбивающих неопытных юношей с праведного пути. Очевидно, порицание их была его любимой темой для беседы. Жаль, но ни у Санаэтеля, а тем более, Ранхгарта он не встретил и капли сочувствия. Со вздохом глубокого разочарования ректор продолжил рассказ: — Поскольку все документы были в порядке, я счел возможным разрешить ей восстановиться в академии.

— Как это так? — не поверил Ранхгарт. — Вы знали, что это не та девушка, за которую она себя выдает, и тем не менее закрыли на это глаза?

— А что я мог сделать? Хоть я и знал, что она врет, я не смог бы это доказать, да и не хотел. Поскольку магические печать подтверждали ее личность, я не видел препятствий для ее дальнейшей учебы, — твердо и достаточно обоснованно закончил он свою речь.

Но Ранхгарта такой ответ не устроил. Его глаза сузились, а голос стал ласковым-ласковым.

— Извините меня, господин ректор, но я Вам не верю. Не верю, что Вы, зная о подлоге, спокойно пошли, закрыв глаза, на это преступление, — Ранхгарт на минуту задумался. — Подкупить Вас не могли, Ваша честность всегда была вне сомнений, но вот надавить на Вас, приказать Вам могли. Я хочу знать, кто заставил Вас не заметить этот подлог!

Ректор вскочил с кресла:

— Что вы себе позволяете?!

Ранхгарт, вздохнув, достал из кармана амулет и показал его мужчине.

— Если я нажму вот сюда, то в этом кабинете немедленно появиться Даххарст. Дах-харст, — по слогам повторил он, — у которого бесследно пропала жена. Вы этого хотите? Подумайте хорошо, прежде чем отказываться отвечать, взвесьте все варианты и последствия, — искренне посоветовал он.

Ректор встрепенулся.

— А может, она от него сбежала с любовником? — с надеждой предположил он.

— Моя сестра так бы не поступила! — впервые с момента появления подал голос Саннаэтель. — Вы сами знаете, что это неправда. Ализе пропала, вернее, ее похитили, в этом нет никакого сомнения. Вы не представляете, в каком состоянии находиться сейчас Даххарс. Если Вы что-то знаете, лучше скажите это нам. Советую подумать.

Ректор подумал, и, сдавшись, тихо ответил:

— Советник королевы, Лаэдель.

— А ему это зачем нужно?! — поразился Ранхгарт.

— Он мне не объяснял, сказал лишь, что это в интересах короны.

Глава 14

Ранхгарт с Саннаэтелем исчезли, ректор даже обрадовался, что все так получилось. Во-первых, никто не знает, что сейчас случилось в его кабинете, во-вторых, он хоть кому-то смог рассказать правду. То, что он совершил преступление (а он в этом не сомневался, слишком уж странной была эта новая Лириэлль), мучило его постоянно. Внимательно и незаметно приглядывая за девушкой, он, поразмыслив, понял, что она, скорее всего, была из эльфов Древнего леса. А ректор в глубине души очень сильно недолюбливал их. Его в них раздражала какая-то узколобость, нелепая приверженность к давно устаревшим традициям и понятиям. Но главное — они собирались его наказать, когда стало известно, что он согласился стать ректором в Академии, в которой будут учиться Темные. Теперь словно камень упал с его души. Он даже не стал злиться на Саннаэтеля и Ранхгарта за такое неподобающее поведение.

Расспросы о владельцах уничтоженного дома ничего не дали. Саннаэтель сначала сомневался, не вызовут ли эти расспросы подозрений. Оказалось, что возле огромной ямищи собралось столько любопытных, причем, вопросы и ответы сыпались со всех сторон, что их интерес к владельцам бывшего строения никого не удивил и не насторожил. Соседи, живущие рядом, знали и видели много чего интересного. И то, как дом этот купили пять лет назад самые настоящие эльфы. Соседи еще тогда удивлялись, чем мог привлечь этот небольшой домик очень богатых, судя по всему, покупателей. Видели, что в доме кто-то постоянно находился, но ни во двор, ни, тем более, к соседям жильцы не выходили. Видели и мужчин, и женщин, чьи лица иногда мелькали в окне. Но это все происходило сразу после покупки дома, а вот в последние два года дом стоял пустым, только магическая защита спасала его от грабителей.

Саннаэтель пытался выспросить имя владельца, но соседи не могли ему в этом помочь. Нотариус, которого Ранхгарт с Саннаэтелем все-таки разыскали, назвал ни о чем не говорящее имя покупателя и ничего не смог сказать о его личности.

Они сидели в замке Даххарста, ожидая его возвращения.

— Я все-таки спросил у сыскаря, как он сумел определить, сколько времени эльфы жили в доме. Все оказалось так просто. Больше месяца назад прошел проливной дождь, он лил почти четыре дня, земля успела очень сильно пропитаться влагой и размокнуть, превратившись в месиво. Сыскарь нашел в доме (кстати сказать, вообще не убиравшемся) грязь, отвалившуюся от

каблука, но только совсем маленький кусочек. Так вот, если бы эльфы заселились перед дождем, и потом жили еще неделю, пока грязь на улице высыхала, то шмат грязи от обуви был бы значительно больше. А этот кусочек говорил, что земля уже почти высохла.

— Нет, — не согласился Саннаэтель, — этот кусочек говорил бы только о том, что они не выходили из дома, пока грязь не высохла.

— Правильно, я тоже ему это сказал. Но, оказывается, самое главное о времени появления эльфов ему рассказала пыль. Она была трех видов: многолетняя, тонкий месячный слой и практически отсутствующая на тех поверхностях, к котором часто прикасались. Убирали бы эльфы в доме, как положено, сыскарю пришлось бы попотеть намного больше, собирая улики.

Появился Даххарст хмурый и сосредоточенный, выслушал рассказ Ранхгарта, отошел к окну. Ему едва удавалось сдерживать себя, чтобы не начать крушить все вокруг. Круши не круши, а Ализе это не поможет. Он взял себя в руки.

— Да, зря я тогда бросил поиски Лаэделя. Думал, это не к спеху. Думал, все равно я когда-нибудь найду его, и он ответит мне на многие вопросы. Теперь он затаился так, что до него не добраться. Он прекрасно понимает, что мы так или иначе узнаем о его причастности.

— Может, я попробую его найти? — неуверенно предложил Саннаэтель. — Хоть во дворце мое присутствие не желанно, но посещать его мне не запретили.

— И что ты спросишь? У меня к нему были вопросы, совершенно не касающиеся Лириэлли, — возразил Даххарст и с удивлением посмотрел на понимающе хмыкнувшего Ранхгарта.

Но тот, тут же отведя глаза, с преувеличенным вниманием рассматривал рисунок на ковре. Даххарст что-то хотел у него спросить, но вместо этого и он, и Саннаэтель одновременно схватились руками за головы. Ранхгарт, не понимая, что происходит, с беспокойством смотрел на них.

— Она… Ализе… кричала от дикой нестерпимой боли, — пересохшими губами прошептал Саннаэтель. Даххарст молчал, стиснув лицо руками.

— Может, ты ошибаешься? — с надеждой спросил Ранхгарт. — Ты же не раз говорил, что вы так общаетесь только на расстоянии слышимости голоса.

— Ей было настолько больно, — глухо сказал Даххарст, — что на долю секунды мы смогли это почувствовать, несмотря на расстояние.

Саннаэтель вскочил на ноги.

— Я отправлюсь в Древний лес. Там живет моя мать или какая-то ее родня, Я…

— Сядь! — рявкнув Даххарст. — Никуда ты не пойдешь.

— Пойду! Вы не удержите меня! — заметался Саннаэтель по комнате.

— Врежь ему, как следует, чтобы заткнулся и не мельтешил, — устало попросил Даххарст Ранхгарта. Услышав это, Саннаэтель бросился к нему.

— Ты что, не собираешься спасать свою жену? — пораженно спросил он. — Да ты должен немедленно бросится…

— В первую очередь я буду не бросаться, а думать! — заорал в ответ Даххарст. — Все возможные способы спасения, которые вы сейчас сможете придумать, я уже давным-давно придумал и использовал, когда пытался вырвать твоего отца из рук Светлых Древнего леса. Я тогда даже смог увидеть его и место, где его держали, хоть и на очень короткое время. Сейчас так не получится. Они поняли тогда, как я это сделал, и поставили еще один щит.

— Я не брошу сестру, — набычился Саннаэтель. — Я буду спасать ее. И плевать мне на любые опасности!

Его немного пафосная речь покоробили Даххарста, но он, только скривившись, сказал спокойно и терпеливо:

— Не многим ты ей поможешь из соседней клетки, в которой непременно окажешься, если без подготовки сунешься Древний лес.

— В клетке? — не поверил Саннаэтель. — Светлые Светлых…

— …сажают в клетки, если считают это необходимым, — закончил за него Даххарст. — И эти клетки находятся в полной темноте в глубоком подвале небольшой крепости, которая стоит в середине Древнего леса. Там они содержат преступников.

Даххарст говорил достаточно спокойно, и вдруг эти последние слова будто что-то сломали у него внутри, он снова закрыл лицо руками и почти простонал.

— Зачем они ее мучают? Какой в этом смысл? Государственных тайн ни Светлых, ни Темных она не знает. Ни в каких заговорах не участвовала. Она нужна лишь в качестве приманки! Они не должны издеваться над ней просто ради того, чтобы издеваться, ведь они же не палачи, в конце концов! — уже почти кричал он. Саннаэтель и Ранхгарт молчали. У них ответа не было. — Если… — Даххарст что-то хотел сказать, но судорожно дернувшееся горло его подвело.

Впрочем, говорить ничего и не надо было, и Саннаэтль, Ранхгарт его хорошо поняли. Если с Ализе что-то случится, то не передать, сколько Светлых заплатят за это. Чтобы прервать

тяжелое молчание, повисшее после этих непроизнесенных слов, Ранхгарт спросил:

— Так что мы будем делать? Мы же не можем просто сидеть, сложа руки и ожидая неизвестно чего? Я думаю, что, во-первых, надо точно узнать, где находится Ализе. Во-вторых, попытаться вытащить ее оттуда.

— Ализе находится в Древнем лесу, это я знаю точно, — сказал Даххарст.

— Откуда? — одновременно спросили Ранхгат и Саннаэтель.

Даххарст даже не счел нужным отвечать, только лишь махнул рукой, на которой был брачный браслет, но потом все, же пояснил:

— Древняя цитадель Светлых, пожалуй, единственное место на Земле, куда наша Темная Богиня не в состоянии нас перенести.

Глава 15

— Надо что-то придумать, надо что-то придумать, — словно мантру, бубнил себе под нос Ранхгарт, бездумно глядя на стену. На стену смотреть было легче, чем на Саннаэтеля, сидящего рядом, словно изваяние. Тот тоже смотрящего на стену ничего невидящими глазами. Они ожидали Даххарста, который исчез уже больше трех часов назад.

До этого они спорили и орали друг на друга, Саннаэтель даже попытался обвинить своего темного родственника в трусости и нежелании рисковать жизнью ради Ализе. Хорошо, Ранхгарт был рядом, иначе Даххарст выкинул бы Саннаэтеля в окно. Когда первый приступ паники и безумного страха за жизнь сестры у Саннаэтеля схлынул, и он смог рассуждать здраво, то и сам понял абсурдность своих обвинений. Вот только тогда и началось реальное, деловое обсуждение, как им поступить, чтобы ее спасти.

Любое предложение Саннаэтеля и Ранхгарта разбивалось о слова Даххарста: «Я так уже делал».

Даххарст, когда пытался спасти Эллентиэля, и подкупал, и запугивал, и шантажировал. Чтобы сначала найти тех, кто может реально помочь, а потом вынудить их это сделать. Попыток найти способ проникнуть в камеру к отцу Саннаэтеля было много, и одна почти удалась. Сначала Даххарст издалека хорошо рассмотрел одного из стражников, имеющих доступ к двери камеры, потом, используя артефакт, накладывающий иллюзии, изменил внешность и стал не отличимым от охранника. Даххарст не собирался вламываться в камеру, он только хотел бросить внутрь камеры маячок. Все прошло, как нельзя лучше. Маячок, совсем маленький и почти незаметный предмет, внешне похожий на засохшую мышь, совершенно затерялся среди стеблей соломы, служащей постелью узнику. Потом Даххарст спокойно, переместился по этому маячку, чтобы забрать Эллентиеля из камеры, и тут-то его ждал нехороший «сюрприз». Чтобы блокировать силы Эллентиеля, его дополнительно поместили в кокон, созданный Высшими Светлыми, а против этого кокона магия Темных была бессильна. Эллентиэль лежал на полу, не в силах даже пошевелиться. Они оба понимали, что уйти Эллентиэлю не удастся. И все же Даххарст попытался выдернуть его, вместе с коконом. Но это привело только к тому, что сработала защита, в камеру ворвалась охрана, и Даххарсту пришлось бежать. А потом стало известно о смерти Эллентиэля.

Светлые учли свою ошибку, теперь коконом или куполом

была накрыта вся тюрьма полностью. Даххарст убедился в этом сам, когда, не поверив в гибель Эллентиэля, пытался вновь переместиться по тому маячку, так и оставшемуся в той камере.

— Может, мне обратиться к королю и попросить его помочь освободить сестру? — предложил тогда Саннаэтель, но Даххарст, не ответив, вышел из комнаты и пропал на три часа.

Появился он неожиданно злой и расстроенный, устало плюхнулся в кресло, ничего не объясняя. Ранхгарт не выдержал первым:

— Что-то случилось?

— Да, случилось, — нехотя объяснил Даххарст. — Только случилось много лет назад, а аукнулось по-настоящему сейчас.

Увидев вопрошающие глаза слушателей, Даххарст неохотно ответил:

— Когда наши с Саннаэтелем отцы, почти двести лет предпринимающие попытки как-то соединить два вида магии Светлых и Темных, чтобы они усиливали одна другую, мотались по миру, выискивая такие способы, им попадались очень интересные и странные магические вещи. Они нанимали экспедиции, чтобы обследовать брошенные сотни лет назад города, раскапывали могильники вождей, о магической силе которых ходили легенды. Позже к этим поискам присоединился и я. Согласитесь, все запомнить было бы невозможно, поэтому они всегда вели дневники. В них записывались и проводившиеся эксперименты, и их результаты. Описывались странные вещи, которые они находили, артефакты, среди которых попадались такие, что они не могли понять, как их активировать и использовать. Понимая, насколько записи ценны и опасны, записи велись особым шифром…

— А где эти дневники? — вскочил Саннаэтель.

Ранхгарт огорченно сопел, поскольку понимал, что только Даххарст и Саннаэтель, являющиеся наследниками своих отцов, имеют право их прочитать, но ответ Даххарста поразил даже его.

— Их украли почти лет восемьдесят назад.

— А вы разве не попытались найти похитителя? — удивлению Саннаэтеля и Ранхгарта не было предела.

— Разумеется, пытались, — ядовито и с ноткой раздражения в голосе ответил Даххарст. — Но вор очень удачно уничтожил свои следы. Сначала сжег магическим огнем всех слуг и других свидетелей, которые могли его видеть, а потом взорвал лабораторию, вместе со всем зданием. Но остановила меня в розысках тогда смерть отца. Я… в общем, по сравнению с этой потерей потеря дневников казалась чем-то незначительным.

Саннаэтель устало потер лоб.

— Что же все-таки нам делать? Допустим, Ализе находится в той тюрьме, о которой говорит Даххарст, значит надо искать способ вытащить ее оттуда. Какие у нас есть для этого возможности? — и сам же себе ответил: — Никаких. Если вся тюрьма находится под куполом, блокирующим нашу родовую магию, то я в нее попасть не смогу. Наверняка там стоит защита и против магии Темных, да вообще против любых магических воздействий. Хотя чему тут удивляться? Если бы я строил тюрьму, поступил бы точно также.

Даххарст мрачно слушал, и было понятно, что его мысли бродят где-то далеко-далеко. Вдруг он сорвался с места и опять пропал. Саннаэтель и Ранхгарт переглянулись — в глазах мелькнула надежда, что Даххарст что-то придумал.

Он вернулся через несколько минут, злой-презлой, с глиняной табличкой в руках. Она казалась очень старой и даже древней, но рисунок на ней был ярким, словно его совсем недавно нарисовали.

— Что это такое? — спросил Ранхгарт, рассматривая вещь, явно созданную в незапамятные времена. — Это артефакт переноса, — объяснил Даххарст. — Я уже говорил, что мы с Эллентиэлем и моим отцом раскапывали Древние могильники, — при этих словах глаза Ранхгарта зажглись таким огнем, что можно было смело тушить светильники и освещать помещение только их блеском. — В одном из них мы его и нашли.

— А как он действует?

— Сначала его надо разломать пополам по этой линии, — пояснил Даххарст, указывая на рисунок. — Видите, левая и правая части рисунка совершенно симметричны.

— А что это за кишка, что соединяет нарисованные фигуры? — Ранхгарт рассматривал рисунок.

— Это нить, связывающая эти половинки. Сначала те, кто хочет иметь возможность переноситься друг к другу, берут каждый по половинке и прикладывают к груди, одновременно произнося заклинание. Все, после этого они могут попасть друг к другу в любое время и через любое расстояние.

— И что тут удивительного? Это же принцип маяка, — удивился Ранхгарт.

— А то! Накладываемое заклинание не требует призыва магических сил, ни темных, ни светлых. То есть надо, — поправился Даххарст, — но только одному, из связанных между собой. Например, если я буду в той тюрьме, то от меня не требуется использование моих сил. Мне достаточно подать сигнал и ты или Саннаэтель, используя свои силы, сможете меня притянуть, словно за веревку.

— Здорово! — восхитился Ранхгарт. — А как ты сможешь подать сигнал?

— В том-то и дело. Эта связь позволяет общаться друг с другом на любом расстоянии. Мы, когда нашли этот артефакт, подумали, что его выдавали разведчикам или шпионам, — как-то грустно рассматривая таблички, добавил Даххарст.

— И как его активировать? — наконец, вмешался в разговор Саннаэтель.

— Никак! — уже не скрывая горечи, ответил Даххарст. — Мы посчитали, что хранить рядом артефакт и активирующее его заклинание опасно, поэтому разделили их. Артефакт был спрятан в одном месте, а заклинание, записанное в дневник — в другом.

— Только не говори, что из-за пропажи дневников ты не сможешь активировать амулет! — в ужасе закричал Саннаэтель, который уже почти уверился, что надежда на спасение сестры есть.

— Именно так, — тихо ответил Даххарст. — Я не могу, я не знаю, как активировать этот артефакт.

— Надо найти дневники, — твердо сказал Ранхгарт.

— Да, — согласился Даххарст, — надо найти дневники.

Глава 16

Слова Даххарста прозвучали так, словно он был твердо уверен, что драгоценная пропажа найдется.

— Ты уверен, что сможешь их найти? — не удержался от вопроса Ранхгарт, удивленный такой его самонадеянностью. — Может, они уже давно в Хранилище Светлых Древнего леса?

— Это вряд ли, — покачал Даххарст головой. — Если бы это было так, то Эллентиэль никогда не женился бы на Исилите, поскольку сразу становилось ясно, что мы вместе собирали артефакты и изучали их. К тому же в дневниках говорилось о многих интересных магических вещицах. И почти прямым текстом, хоть и в зашифрованном виде, там указано, где они находятся. И ни разу никто не пытался их оттуда похитить. Я намеренно оставил тайники там, где они были, в надежде, что если за ними придут, я сразу найду вора. За восемьдесят лет таких попыток не было. Нет, укравший дневники украл их исключительно для себя, вот только не воспользовался ими, поскольку не смог разгадать шифр.

— И все-таки ты кого-то подозреваешь! — не унимался Ранхгарт.

— Да, подозреваю. Нашего четвертого компаньона.

Эти слова были полной неожиданностью для Ранхгарта и Саннаэтеля.

— Ализе, рассказывая о вашем разговоре, ни словом не упомянула о четвертом, — удивился Саннаэтель.

— Потому что и я ей не сказал о нем ни слова, — отрезал Даххарст.

— Но почему?

— Да потому что четвертым, вернее, четвертой была женщина, — губы Даххарста непроизвольно чуть брезгливо скривились, стало понятно, что ему очень неприятно говорить о ней. Но делать было нечего. — Она училась одновременно с нашими отцами, в одной группе. Из кожи вон лезла, чтобы попасть в их компанию. Этакая девушка-рубаха-парень, вот только искренности в ней не было ни на грош.

— Она была твоей любовницей? — неуверенно предположил Саннаэтель. Он решил, что Даххарст так плохо говорит об этой особе, потому что она ему изменила.

— И моей, и моего отца, и твоего, — спокойно ответил Даххарст. — В собачьей или волчьей стае, где есть достаточное количество самок, и самцам нет необходимости драться друг с другом за внимание одной, обязательно есть такая сука, которая

буквально выстилается перед вожаком или его приближенными. Ползает перед ними на животе с задранным хвостом, желая привлечь внимание, она готовая принять любого, только бы он помог ей занять положение повыше на иерархической лестнице. Вот точно такой же с-кой была и Миранэль.

— Миранэль? — переспросил Ранхгарт, вспомнив, что в рассказе Ализе все-таки это имя встречалось не один раз.

— Миранэль? — переспросил и Саннаэтель, который с ней тоже встречался, только в далеком детстве.

— Да, Миранэль, похоже, вы знаете ее? Миранэль… — медленно повторил он, и вновь гримаса брезгливости исказила его лицо. — Знаете, бывает, налетают такие шквалистые волны страсти, что не только напрочь сносит «крышу», но и полностью блокируются все чувства, посылающие в мозг команды об опасности или сохранении благоразумия. Никакие правила, никакие угрызения совести не могут сдержать эту затмевающую рассудок страсть. Я могу понять такие чувства, возможно, смогу даже простить, но Миранэль… Было такое ощущение, что внутри нее живет холодная лягушка, прикрывшаяся накидкой, на которой нарисована страсть и чувственность. А рядом с этой лягушкой, крепко держа ее за лапу, сидит деляга-купец, до грамма отмеривающий чувства и до копейки высчитывающий выгоду от их вложения. И еще. Она страстно жаждала родить ребенка, но только от моего отца или от меня. Думаю, она, как и мы, пришла к выводу, что в таком ребенке темная и светлая магия смогут слиться и позволяя ему стать более могущественным.

— Миранэль владеет родовой магией Светлых? — удивился Саннаэтель.

— Владеет, — подтвердил Даххарст. — Правда, у нее нет таких сил, как у тебя или Ализе, но ее это не останавливало.

— А, что остановило тебя и твоего отца? — не удержался Саннаэтель от вопроса. — Насколько я понял, рождение такого ребенка являлось вашей мечтой.

— Мой ребенок заслуживает, чтобы его вынашивала женщина, достойная уважения, — сквозь зубы прошипел Даххарст. — А лоно этой… этой… — он не мог подобрать подходящего слова, — словно клоака. Я никогда не допустил бы, чтобы она носила моего ребенка.

— А ты не пытался забрать у нее дневники? — Ранхгарт решил увести разговор в сторону от этой очень неприятной темы.

— Конечно, пытался! Но у меня не было доказательств, что это сделала она. Миранэль предоставила свидетельства, что в те дни, когда их похитили, она была далеко-далеко. Я ей не верил,

поэтому раза три обыскивал ее дом, но дневников не нашел, что и не удивительно. Тайники можно сделать где угодно. Меня беспокоит, что она, отчаявшись разгадать наш шифр, могла найти себе подельника.

— Советник Лаэдель? — догадался Ранхгарт.

— Да, именно он. Что-то слишком часто он стал попадаться мне на дороге.

— А что если Миранэль ему передала дневники, и теперь они находятся в его доме? — предположил Светлый.

— Ни-за-что! — по слогам отчеканил Даххарст. — Она никогда не выпустит добычу из рук, и никогда ни с кем с нею не поделится, разве что под страхом смерти. Нет, дневники она ему не отдала, но, возможно, в доказательство показала один из них, намекнув, какие тайны они в себе хранят, и какие возможности откроются перед расшифровавшими, их.

— Подождите! — закричал Ранхгарт. — А если Ализе похитили они? И вернут ее только в обмен на информацию?

Мысль Ранхгарта была дельной. Такое вполне могло произойти.

— Нет, — глухо сказал Даххарст. — Ализе похитили Светлые Древнего леса.

— Почему ты так уверен?

Даххарст помолчал, а потом неохотно ответил, обращаясь, в основном, к Саннаэтелю:

— Третьей женщиной в доме, который мы уничтожили, была ваша мать. У меня осталось несколько ее вещей, и сыскарь сказал, что ее запах был там.

— Моя мама? — поразился Саннаэтель, потом его глаза блеснули надеждой. — Но ведь это хорошо? Значит, она не допустит, чтобы с сестрой что-то случилось, ведь так?

Даххарст не отвечал, только продолжал на него смотреть, и тогда Саннаэтель сам вспомнил о той боли, что причиняли Ализе, и которую они оба на мгновение почувствовали.

— Но… как мама могла ее не защитить? — голос Саннаэтеля внезапно сел. — Она что, совсем не считает нас своими детьми?

— Вот сам у нее при встрече об этом и спросишь! — жестко оборвал его Даххарст, — Сейчас надо думать, как найти дневники. Я могу перенести нас в дом Миранэль, я там бывал несколько раз, и с обысками, в том числе. Она потом поставила защиту. Но мне плевать. Я смогу пройти сквозь нее, и мы ее дом перевернем снизу доверху.

— А если она окажется дома? — спросил Ранхгарт.

— Если она окажется в доме, то я ей сверну шею, — сквозь зубы пообещал Даххарст.

— Нет, — не согласился с его замыслом Ранхгарт, — это плохой план. Надо заставить Миранэль, чтобы она сама пригласила нас в дом. И я, кажется, знаю, как этого добиться. Ты Даххарст занимайся своими делами, а Миранэль оставь на нас с Саннаэтелем. Если она, действительно, такая сучка, как ты ее описал, то к ней в дом мы прорвемся, обещаю! — и он исчез, прихватив с собой Саннаэтеля.

Глава 17

Миранэль сидела за стойкой трактира, готовясь упиться вусмерть. Она была зла, как черт, нет, как сто чертей! Сегодня она поняла, что Лаэдель выкинул ее из игры, очень красиво, тактично и деликатно, но выкинул. Сначала она этого не осознала. Но теперь догадка настолько бесила, что только страх потерять жизнь мешал рассказать кое-кому о темных делишках этой твари, которые он проделывал за спиной королевы с помощью Миранэль.

«Советник! — с презрительной усмешкой, думала она про себя. — Да имея такого „советника“, и врагов не надо, он с лихвой заменит их всех! — но злорадства хватило ненадолго, было горько, и снова жалость к себе затопила ее с головой. — Как же мне не везет! Доверила такой секрет такому уроду, и вот как он мне за это отплатил. Как помогать, так он ко мне, а как делить награду — меня в сторону. Ничего, — угрожающе подумала она, — я найду способ тебе ответить. Ты тысячу раз пожалеешь, что обидел меня. Пожалеешь, как и все до тебя, кому я смогла отплатить за обиды сторицей!»

Но мысль о мщении неожиданно испортила настроение еще больше. Сразу в памяти всплыл Эллентиэль. Миранэль раздраженно передернула плечами. Она ненавидела такие моменты, когда хоть в чем-то чувствовала себя виноватой. Случай с Эллентиэлем был как раз из разряда именно таких. Она не ожидала, что для него все так страшно закончится, она всего лишь хотела поставить на место эту высокомерную, заносчивую дрянь Исилите. Эта с-а, видите ли, решила высказаться, да еще с таким пафосом, что считает поведение Мираэль безнравственным! А потом предложила ей брать пример с нее и ее семьи. Мараэль довольно улыбнулась. Ох, и ответила она тогда этой твари. Вывалила ей на голову столько всего о ее муженьке, и, в первую очередь, о том, что он совсем не был монахом, даже после свадьбы. Но Исилите по-настоящему задел только рассказ о дружбе Эллентиэля с Темными. Она тогда отказалась в это поверить, но Мираэль знала, чем ее убедить. Жаль только, она не знала, что вместо домашней трепки Эллентиэль получит застенки Жрецов. А самое скверное, что он узнал о ее участии во всем том кошмаре, что на него обрушился, Исилите с удовольствием ему сообщила. Тварь!

А еще дневники. Они просто ей жгли руки. Несколько тетрадей, исписанных закорючками. Она могла только рассматривать рисунки, пытаясь по ним определить, что же

зашифровано в записях. Она понимала, что там описывались артефакты, найденные Эллентиэлем и Темными во время раскопок древних гробниц. Один раз они и ее взяли с собой, вернее, ее взял с собой Эллентиэль. Тогда она считалась его девушкой, и он даже вроде бы немного был влюблен в нее.

Мираэль тяжко вздохнула, вспомнив о той поездке. С какой радостью она ехала с ними, и с каким позором вернулась! А все из-за этого мерзкого Темного, отца Даххарста.

Она училась с ним в одной группе, но близко не общалась никогда. И вот в этой поездке, узнав его поближе, она влюбилась в него без памяти. Темный был таким веселым, таким страстным… и таким неуступчивым. Если бы он тогда согласился переспать с ней, пока Эллентиэль отсутствовал два дня, последующего позора и не было бы. Что ему стоило ответить на ее ласки? Она знала, что он женат, знала, что никакого будущего у этого романа быть не может, но пару ночей страсти он мог ей подарить? Так нет же, уперся. Конечно, его отказ взбесил и обидел. Обидел настолько, что в гневе она не придумала ничего другого, как только со слезами на глазах, делая вид, что едва сдерживает рвущиеся рыдания, рассказать Эллентиэлю, что Темный хотел ее… изнасиловать.

Ну откуда она могла знать, что у Темного есть артефакт, заставляющий говорить правду? И откуда она могла знать, что Эллентиэль настолько доверял своему другу, что, несмотря на ее активное сопротивление, заставил ее активировать, этот чертов кристалл. Конечно, правда вылезла наружу. Эллентиэль отправил ее обратно, и хоть она потом кое-как с ним помирилась, былого доверия больше не было и в помине. Но это было даже хорошо, особенно, когда она без малейших угрызений совести воровала эти самые дневники.

Она снова вспомнила: сначала свою радость, насколько ловко ей удалось осуществить задуманное, а потом бешенство и злость, когда увидела, что записи зашифрованы, и она не имеет ни малейшего понятия, как их прочитать. Она билась над расшифровкой не день, и не два, и когда ее терпение совершенно иссякло, нелегкая принесла в ее дом Лаэделя. Он и раньше к ней захаживал. Нельзя сказать, чтобы она пылала к нему какими-то особыми чувствами, но он обладал властью, а значит, мог быть ей полезен. Так что симбиоз от такого взаимодействия был налицо. Разумеется, она никогда не посвящала его в свои дела и тайны, особенно те, что касались Темных отца и сына, но в тот день ей было как-то особенно хреново. Что ее тогда дернуло за язык, она не понимала до сих пор.

Хорошо, что у нее хватило ума показать только одну тетрадь.

Она помнила, как вытянулась морда у гостя, когда тот стал листать страницы. Поскольку сама она не могла понять, на каких рисунках изображены просто магические вещи, а на каких — уникальные, она, не отрываясь, следила за выражением глаз Лаэделя, надеясь по его реакции хоть что-то выяснить. Увы. Кроме беспредельного изумления его глаза ничего не выражали. Она только потом догадалась — Лаэдель точно так же, как и она, не смог прочитать записи.

— Откуда это у тебя? — вкрадчиво поинтересовался он.

— Достала по случаю, — быстро соврала она, надеясь, что он решит, что дневник она где-то перекупила.

Поначалу ей, вроде бы, это удалось. Но вот только Лаэдель был намного внимательнее ее, а может, ее внимательность ослабела от долгого и частого просматривания страниц, и она не заметила, что тот, кто рисовал, иногда вписывал рядом с рисунком свои инициалы. Эллентиэль. Она грязно выругалась про себя: «Вот дура! Так глупо попасться!»

Отпираться было бессмысленно, Лаэдель по долгу службы знал, что Миранэль очень близко сошлась со своим бывшим одногруппником, одно время даже ходили слухи, что они вот-вот поженятся.

— Значит, этот дневник вел Эллентиэль, — Лаэдель не собирался скрывать, что он заметил эти крошечные росчерки пера. — И что же он здесь записывал? — поинтересовался Советник.

— В том-то и дело, что я не знаю! — в отчаянии закричала Миранэль, прекратив притворяться ничего не понимающей. — Если бы я смогла его прочитать, думаешь, я стала бы тебе его показывать? — Миранэль была цинична и откровенна.

— Ты хочешь, чтобы я нашел способ прочитать это? — на всякий случай уточнил Лаэдель.

— Помог и прочитать, и достать, а потом и реализовать то, что мы из этого дневника узнаем. И, разумеется, — тут же добавила она, — чтобы объяснил мне, как его расшифровывать.

А вот эта фраза была уже лишней. Миранэль поняла это сразу, как только ее сказала. Она практически открыто сообщила Лаэделю, что эта тетрадь не единственная. По сверкнувшим победой глазам стало понятно, что Лаэдель сделал именно такие выводы. Более того, он решил, что эти записи содержит незначительные, ничего не стоящие сведения, что в других тетрадях хранится по-настоящему важная информация.

Вот таким случайным образом Миранэль приобрела еще одного, помимо Эллентиэля и Даххарста, охотника за ее дневниками.

Миранэль на секунду нахмурилась, но вновь ехидная улыбка расцвела на ее лице.

Лаэдель решил, что она полная дурочка, раз не смогла расшифровать записи, а вот он умный, и поэтому сделает это мигом. Не тут-то было. У него тоже ничего не получилось. Он, конечно, продвинулся намного дальше нее, и некоторые слова и знаки языка Светлых эльфов смог прочитать, но символы, зашифрованные на языке Темных, поставили и его в тупик.

Нужен был Темный, чтобы помочь им. Не просто Темный, а Темный из Высших. Но пойти на это Лаэдель не мог, это означало бы потерю дневников, возможно, даже жизни, причем, после предварительных пыток. Впрочем, был один Темный, который им мог бы в этом помочь… сам Даххарст, вот только надо было придумать способ заставить его это сделать.

Подумав о Даххарсте, Миранэль снова фыркнула, воспоминание было не из приятных.

…Едва она увидела Даххарста в первый раз, как тут же решила соблазнить его, во, что бы то ни стало. Это оказалось очень легко и просто. Ни отец Даххарста, ни Эллентиэль не удосужились ему рассказать об отношениях, что связывали их с Миранэлью, на что она, впрочем, и рассчитывала. И вот, встретив его на какой-то вечеринке, решила воспользоваться подвернувшимся моментом. Ей даже не пришлось особенно стараться. Чуть растерянной невинности во взгляде, а потом стеснительного восхищения, и вот они уже вместе. Она и сейчас не жалела о своем тогдашнем поступке, те несколько ночей остались самыми яркими в ее памяти. Такого любовника, как Даххарст, у нее не было ни до него, ни после.

А вот он… Какие бы ласки и подарки он ей ни дарил, выше статуса временной любовницы в его глазах ей не удалось подняться. А потом, когда он узнал об отце и Эллентиэле, сразу бросил ее, несмотря на мольбы и слезы. Козел!

Миранэль, с неослабевающим вниманием следила за его жизнью. Она всей душой возненавидела Ализе, когда узнала об их свадьбе. Искренне радовалась, когда этот брак не продержался и одной ночи. Ходила злая и раздраженная, когда поползли слухи, что Даххарст теперь без ума от своей жены, что не может надышаться ею.

«Ничего, — с бешенством думала она, — жизнь очень длинная, не может такого быть, чтобы глупенькая, пугливая, неуверенная в себе Ализе смогла удержать рядом с собой такого мужчину. И как только он заведет себе новую пассию, эта маленькая дура первой об этом узнает, уж я постараюсь», — часто мечтала она.

Но то, что случилось, не входило ни в ее планы, ни в мечты.

Когда Ализе вернулась в общежитие, уйдя от своего мужа, Миранэль узнала об этом одной из первых. Как же ей хотелось знать подробности! Она не удержалась и лично приехала посмотреть и удостовериться, что Ализе глубоко несчастна и очень страдает от разлуки с мужем. Это зрелище доставило ей истинную радость. И ее не обманули ни фальшивый смех Ализе, ни притворный интерес к учебе, ни ее нелепые попытки казаться спокойной и уверенной в себе. Эх, если бы знать, что между ними произошло! Судя по поведению Ализе, Даххарст бросил ее, а не наоборот. Конечно Даххарст! Ни одна женщина от него не ушла бы добровольно — в этом Миранэль была твердо уверена. И вот тогда она и подумала о том, что неплохо было бы подослать к Ализе какую-нибудь девушку, чтобы та попробовала с ней подружиться, вызвать на откровенность, выпытать все секреты.

Девушек, подходящих для такой роли, в ее окружении не было. С ней вообще никаких девушек рядом не было. Волей-неволей пришлось поделиться своим планом с Ладиэлем, и это оказалось страшной ошибкой.

Глава 18

Миранэль запрокинула голову и лихо влила в себя содержимое рюмки. Алкоголь приятным теплом разлился по желудку.

«Какая же я бедная и несчастная, — слезливо посетовала на судьбу Миранэль, — всеми моими задумками, всеми планами пользуются другие, оставляя меня несолоно хлебавши!»

Она облокотилась на стойку, подперла рукой щеку и подумала о последней нанесенной ей обиде, еще больше растравив душу.

…Как же эта скотина Лаэдель хвалил ее за эту мысль — подослать к Ализе в качестве душевной подруги свое доверенное лицо. Он значительно улучшил и усложнил ее план, посчитав, что Ализе не станет раскрывать душу случайной собеседнице на улице, не такое у нее воспитание, а вот соученице — совсем другое дело. Она тогда еще восхитилась, до чего же он ловко пристроил в Академию ту девицу. Миранэль ждала, когда же ту начнут посвящать в выведанные секреты. Но Лаэдель все отнекивался и отнекивался — то тем, что к Ализе так просто не подойти, надо выжидать удобный момент, то тем, что так просто о муже ее не порасспрашивать, эта тема слишком личная, чтобы Ализе быстро о ней заговорила. Миранэль ждала-ждала, и дождалась… Ализе похитили. И весь город, и вся Академия только и говорили о пропаже Ализе и о доме, на месте которого теперь зияла глубокая яма.

Миранэль кинулась к Лаэделю. Тот нагло в лицо сообщил ей, что Ализе они больше не увидят, что Светлые Древнего леса забрали ее, и что им с Миранэль лучше забыть и об Ализе, и о том плане, который они провернули, подсунув подружку-предательницу. Миранэль хотела возмутиться, но Лаэдель тихим голосом объяснил ей, что Ализе была для Светлых подсадной уткой, наживкой на крючке, чтобы поймать добычу покрупнее, а именно — Лорда Даххарста. Но тот каким-то невероятным образом спасся, и теперь…

Он не стал объяснять, что «теперь», Миранэль это и сама поняла. Разъяренный Темный, у которого башку снесло от страха за жизнь жены — это страшно.

Сейчас, вспоминая разговор с Лаэделем, Миранэль не смогла сдержать улыбки. Да, ее отодвинули в сторону, забрав себе все лавры, сняв все пенки и сливки с ее плана, зато и об ее участии во всей этой авантюре никто не знает и не догадывается. Лаэдель — да! Наследил, где только возможно, а вот она — нет! Чиста и

невинна, словно ангел. Хоть какое-то утешение.

Лаэдель забился в какую-то нору и трясется от страха. Пусть трясется! Пока его не найдет Даххарст и не вытрясет признаний, что косвенно в похищении Ализе виновата и она, можно считать себя в безопасности.

…Логически дойдя до этой мысли, Миранэль снова горестно скривилась. Быть жертвой ей не нравилось, другое дело — охотником, преследующим добычу. Еще раз посетовав на несправедливость мира, она опрокинула в рот очередную рюмку.

— Что, такая невероятно красивая и привлекательная девушка делает в этом убогом заведении? — раздался у нее над ухом до того соблазнительный и сексуальный мужской голос, что у нее по спине побежали мурашки.

Миранэль оглянулась и увидела рядом с собой… Темного. Поскольку Темные были очень редкими гостями в городе, она на секунду онемела от удивления, что впрочем, не помешало ей жадно рассмотреть парня.

Он был хорош. Высок, отлично сложен, красив. Нет, до Даххарста он чуть-чуть не дотягивал, хотя и был близок к этому. Ее губы помимо воли сложились в улыбку.

— Я могу задать точно такой же вопрос, — проворковала, явно флиртуя, Миранэль.

Парень кивнул трактирщику, и перед ними появились еще две рюмки с алкоголем. Миранэль на секунду засомневалась: для того, чтобы напиться в стельку, не хватало лишь пары рюмок, но вот для того, чтобы продолжить случайно завязавшееся знакомство, эта рюмка была уже лишней. Но мужчина не оставил ей выбора. Подняв свою рюмку, он призвал ее сделать то же самое.

— Тогда выпьем на брудершафт! — громко провозгласила уже опьяневшая Миранэль и с готовностью переплела с Темным руки.

Ей вроде показалось, что мужчина на секунду замешкался, впрочем, в том своем состоянии она могла и ошибиться. Когда алкоголь покинул рюмку и потек по пищеводу, она потянулась с поцелуем к незнакомцу.

«До чего же он неловкий», — с пьяной нежностью подумала она, когда незнакомец неуклюже дернулся и ее губы попали вместо губ в шею. Она тут же в нее впилась, как ей казалось, в страстном поцелуе. Мужчина как-то странно задергался, словно отчаянно пытался вырваться. Но Миранэль, уверенная в собственной неотразимости, посчитала это свидетельством его дикого возбуждения.

Глава 19

— Она точно не проснется? — опасливо спросил Саннаэтель, привязывая Миранэль к кровати.

— Не проснется, вяжи спокойно, — ответил Ранхгарт, вываливая содержимое всех ящичков секретера на пол. — Она столько выпила, что очнется только к утру. У нас целая ночь, чтобы как следует обыскать дом.

— Знаешь, мне кажется, что то, что мы делаем, очень некрасиво и аморально, — тихо сказал Саннаэтель. — Пользоваться таким состоянием женщины недостойно мужчин.

— Что?! — заорал на него Ранхгарт. — Недостойно?! Это что, я ее поил? Она сама нажралась, как свинья! Я к ней подошел, когда она уже едва держалась на ногах. И если хочешь знать, пострадавшая сторона в этой истории — я! Не тебе пришлось терпеть слюнявые поцелуи пьяной бабы. К тому же она еще и лапала меня везде, — обиженно добавил он. — К тебе в штаны когда-нибудь лезла ничего не соображающая девица? Нет? Так попробуй! Ощущения не из приятных. Хорошо, что она вырубилась, иначе, я сам бы это сделал.

— Нам повезло, что она дома отключилась, иначе как бы мы к ней попали, — примирительно сказал Саннаэтель.

— Попали бы, — беспечно махнул рукой Ранхгарт. — Даххарст помог бы нам, он здесь бывал много раз.

— Все, привязал, — заботливо поправляя покрывало на спящей, оповестил Саннаэтель. — Мне начинать обыск с кухни?

Ранхгарт задумался.

— Мы тут и за ночь все обыскать не успеем. Я сейчас отправлюсь за артефактом, активирующим заклятие «поиск скрытого», без него нет смысла возиться. Жаль, нет ни одной странички от дневников, так мы бы быстрее их нашли, ну ничего, время есть, будем искать.

При активации амулета вся комната погрузилась в легкий сумрак, и только места, в которых находились спрятанные вещи, ярко переливались всеми красками. Самым таким раскрашенным местом оказалась… кровать, к которой была привязана Миранэль. Что только они не нашли под матрацем! Два кинжала, перстень, в котором камень прикрывал углубление с белым порошком, бутылочку с каким-то зельем, судя по его цвету, ядовитым. В подушке — еще одна склянка, скорее всего, с противоядием. Магический ошейник с наручниками, крепкая веревка, еще одно кольцо, в котором Ранхгарт распознал кольцо-портал, открывающее проход в какую-то конкретную точку. И еще

коробочка с порошком.

— Она что, готовилась к войне? — потрясенный увиденным арсеналом средств уничтожения противника, спросил Саннаэтель.

— У нее вся жизнь — война. Вот же дрянь! — не мог успокоиться Ранхгарт, с отвращением рассматривая магические наручники и ошейник. — Она и на мне все это решила бы испробовать? Я ее потом прибил бы. Точно.

— Глянь, в спинке кровати что-то есть, — отвлек его от гневных мыслей Светлый.

В спинке кровати, действительно, явно что-то было. Искусно выдолбленную нишу прикрывала красивая планка.

— Я сейчас, — почему-то обрадовался Ранхгарт, куда-то метнулся и через минуту появился в комнате с увесистой кувалдой.

— Зачем кувалда? Я могу магически открыть тайник, — пытался остановить Темного Саннаэтель.

— Ты можешь магически, а я могу вот так! — зловеще улыбнулся Ранхгарт, и на спинку кровати обрушился удар молота, разбивая ее в щепки.

В тайнике спинки кровати лежала тетрадь… одна.

— Ну гадина! — взвился Ранхгарт. — Она разделила дневники и попрятала их по разным тайникам.

— Почему — «гадина»? — не согласился Светлый. — Очень мудрое и правильное решение, особенно если учесть, у кого она эти дневники украла. Отдай эту тетрадь Даххарсту, вдруг повезет, и заклинание для того артефакта записано здесь. А я продолжу поиски. Да, и спроси у него, сколько всего было тетрадей.

Ранхгард вернулся злой и недовольный. Нужного заклинания в тетради не было, но не только это вызвало раздражение Ранхгарта.

— Что случилось? — не удержался Саннаэтель от вопроса.

— Я, пока ждал Даххарста, заглянул в эту тетрадку. Так завидно стало. Где они только ни побывали в поисках магических вещичек. А мы, как дураки, сидим на месте, могли бы тоже поискать что-нибудь интересное.

— Ты имеешь в виду — раскопать какой-нибудь старый курган над могилой мага Древности? — уточнил Саннаэтель. Темный молчал, но и без слов все было понятно. — Ты что, Ранхгарт, дурак? Тебе же рассказывали, какие магические смертельные ловушки ждут любого желающего разграбить эти гробницы.

— Твоего отца и отца Даххарста это почему-то не остановило, — угрюмо возразил Темный.

— Во-первых, они этим занимались уже после окончания

Академии, а значит, у них было побольше знаний, чем у нас. А во-вторых… — Саннаэтель задумался. — Надо расспросить Даххарста, как это у них получилось, — уже не притворяясь, что и ему эта тема очень интересна, добавил он.

Обыск с помощью заклятия «нахождения скрытого» помог найти еще три тетради, причем, каждый найденный тайник Ранхгарт, с нескрываемым удовольствием разбивал кувалдой в щепки и пыль. Две тетради найти не удалось.

— Ничего, — кровожадно успокоил Саннаэтеля Ранхгарт, — подождем, когда она проснется, и спросим, где остальное.

Миранэль хватило одного мгновенья, чтобы понять, что Темный, стоящий рядом с кроватью, и ее связанные руки и ноги — это не прелюдия изысканных любовных утех, а что-то очень-очень плохое. Но, поскольку ворованные дневники были давно забытым страхом, а вот исчезновение Ализе совсем недавним, Миранэль соответственно решила, что именно похищение девушки волнует ее нового знакомого.

— Я не виновата, — быстро сказала она. — Это Лаэдель. Я не знала, что он связался с эльфами Древнего леса, и что те хотят забрать ее себе.

Если бы на месте Ранхгарта стоял Саннаэтель, то по его пораженному лицу Миранэль сразу бы догадалась, что ее никак не связывают с похищением девушки, на лице же Ранхгарта не дрогнул ни один мускул. Он наклонился к самому лицу Миранэль и недоверчиво произнес:

— Ты хочешь сказать, что к похищению Ализе не имела никакого отношения? Я точно знаю, что ты лжешь! Говори правду, иначе через минуту будешь об этом беседовать с Даххарстом!

Миранэль испугалась так, что, не задумываясь, рассказала все, что знала о похищении, не забывая как можно глубже прятать свою роль в этом неприглядном деле и сваливать всю вину на Лаэделя.

— Я только предложила подослать к Ализе девушку, чтобы той было с кем поговорить, было кому рассказать о своих проблемах, просто услышать сочувственное слово, а может даже, и совет. У каждой девушки должна быть задушевная подруга, которой она могла бы рассказать любые тайны.

— А эта подруга, в свою очередь, рассказывала все тайны Ализе тебе, — холодно прервал ее Ранхгарт. — И много тебе Лириэль успела передать секретов?

— Если бы! — не скрывая раздраженной горечи, ответила Миранэль. — Мне ни разу не удалось поговорить с ней. Она все докладывала Лаэделю, он же ее где-то подобрал. Но мне и в

голову не приходило, что все закончится так скверно, с Эльфами Древнего леса я не стала бы связываться ни за какие деньги! — голос Миранэль звучал очень искренне, и Ранхгарт склонен был ей верить.

— Что им от Ализе было нужно? Для чего ее похитили?

— А я откуда знаю?! — поразилась Миранэль его вопросу. — Я как узнала, что в этом деле участвует Исилите — мамочка Ализе и Саннаэтеля, то сразу предпочла исчезнуть. От таких истеричных идиоток, от таких злобствующих фанаток-садисток я предпочитаю держаться подальше.

— Допустим, я тебе верю, — с расстановкой сказал Ранхгарт. — А вот как насчет этого? — и он показал ей найденные дневники. — Где еще два?

Миранэль с яростью рванулась к нему, забыв о веревках.

— Отдай! Это мои дневники! — в бешенстве кричала она.

— Твои? — голос Ранхгарта просто истекал ядом. — А ты можешь прочитать хотя бы слово, что здесь записано? — Миранэль молчала. — Итак, — продолжал Ранхгарт, — где еще два дневника? — Миранэль упрямо сжала губы, отказываясь отвечать.

В эту минуту в комнату вбежал Саннаэтель, и, задохнувшись от стремительного бега, быстро сказал:

— К дому идут несколько эльфов. Один из них — Лаэдель.

— Смываемся отсюда, что-то мне не хочется проверять, кто из нас сильнее, — Ранхгарт крепко прижал дневники к груди и с сожалением тигра, у которого выхватили кость из пасти, посмотрел на Миранэль.

— Вы хотите бросить меня здесь?! — в ужасе закричала эльфийка. — Лаэдель наверняка в компании с эльфами из Древнего леса. Или с охранкой из Дворца. Заберите меня с собой!

— Зачем это? Что ты можешь нам еще рассказать? — Ранхгарт делал вид, что сомневается — брать с собой Миранэль или не брать, хотя у самого уже чесались руки схватить ее в охапку и перенести в замок Даххарста, и уже там вытрясти все, что она знает.

— Скажу, где те две тетради. У меня их нет, можете хоть весь дом разнести, но я знаю, у кого они, — пообещала Миранэль.

— А ты не боишься отправляться с нами к Даххарсту? — не мог не спросить Ранхгарт. — Только что ты его сильно боялась.

— Я и теперь боюсь. Но мамочку Саннаэтеля, да и Лаэделя, продавшегося ей, я боюсь во много раз сильнее. А Лаэдель всегда знал, как меня найти, от него я смогу спрятаться только в замке Темного.

Глава 20

Как только Даххарст увидел Миранэль, его глаза просто остекленели от ненависти.

— Зачем вы ее сюда притащили? Хотите, чтобы я ее прибил? — едва сдерживая гнев, вежливо поинтересовался Темный.

— Нет-нет, — Ранхгарт прикрыл собой девушку, чтобы Даххарст в припадке бешенства, и вправду, не покалечил ее. — Она нам нужна живой и здоровой, — убедительно добавил он. И, чтобы окончательно уверить в этом Даххарста, протянул ему дневники: — Мы нашли еще три тетради, не хватает двух, Миранэль обещала рассказать, где они находятся.

— Она не могла вам сказать об этом где-нибудь в другом месте, а не в моем доме? — в голосе Даххарста зазвучали сарказм и издевка.

— Она хотела, — Ранхгарт явно защищал пленницу, — но только нам помешали. Мы увидели в окно, что к ее дому идет Лаэдель в сопровождении нескольких эльфов. Одной из сопровождающих была женщина. Мы думаем, что это была мать Ализе и Саннаэтеля, — услышав эти слова, Даххарст дернулся, словно его ударило током. — Так вот, мы предпочли не встречаться с этой делегацией, а вернуться в твой замок, захватив с собой Миранэль.

Даххарст молчал, обдумывая сложившуюся ситуацию. Судя по перекатывающимся желвакам, это раздумье ему дорого доставалось. Сначала и Ранхгарт, и Саннаэтель решили, что он думает, как ему поступить с Миранэль, но потом они поняли, что он уже забыл о ней. Все его мысли занимали эльфы, которые находились сейчас в ее доме. Глаза Даххарста горели так, что было понятно — ему страшно хочется немедленно встретиться с незваными гостями, а уж там, как повезет. Мысленно он уже убивал их всех медленно и жестоко. Но Даххарст сдержал себя, прекрасно понимая, что эта бойня мало чем сможет помочь жене, скорее, наоборот, еще больше ухудшит ее положение. Неимоверным усилием воли Даххарст задавил свой гнев, свою ярость. Победить ему помогут только трезвый, холодный расчет, спокойствие и решительность.

Ледяным взглядом, окинув Миранэль, он улыбнулся и предложил ей бокал вина.

— Значит, это была все-таки ты? — дождавшись, когда Миранэль сделает глоток, ядовито спросил он. Тон был таким, что Миранэль подавилась вином и закашлялась, согнувшись

почти пополам. — Ты пей, пей, — елейным голосом продолжил Даххарст, — разговор у нас будет до-о-олгий.

— Даххарст, — испуганно сказала Миранэль, изо всех сил стараясь держать себя в руках, и даже пытаясь гневно поглядывать на Темного, — ты помнишь, как мы расстались? Ты очень сильно обидел меня тогда, вот я и посчитала эти дневники маленькой компенсацией за причиненную боль.

— Что?! — поразился Даххарст такой наглости. — Ты забрала дневники, которые вели Эллентиэль и мой отец, чтобы мне отомстить? Не смеши меня. К тому же ты, наверное, забыла, из-за чего мы расстались? В какой момент я тебя застал?

— Я тебе же тогда объяснила, что ты все не так понял, мы просто разговаривали… по-дружески, — с запинкой сказала Миранэль, и похлопала ресницами, изображая оскорбленную, несправедливым оскорблением невинность.

Даххарст скрипнул зубами:

— Ладно, то дело прошлое, сейчас главный вопрос — где еще две тетради?

— Одна у короля, — без запинки ответила Миранэль, — другая — у эльфов Древнего леса. Они ее отобрали у Лаэделя, он сам мне жаловался об этом.

— А что наши дневники делают у короля Светлых?

— Лаэдель пытался заинтересовать его, чтобы отправить экспедицию к одному из раскопанных курганов. Хоть дневники и зашифрованы, но план местности нарисован настолько точно, что мы смогли понять, где это находится.

— И что Лаэдель собирался найти в этих курганах? — продолжал допрос Даххарст.

— Хоть что-нибудь, — Миранэль даже удивилась такому нелепому вопросу Даххарста. — Неужели ты думаешь, что только ваших отцов интересовал вопрос, как соединить, объединить, слить в единое целое магию Темных и Светлых, создать по-настоящему сильное оружие или артефакт? А для того, чтобы попытаться это сделать, надо найти как можно больше амулетов и артефактов Магов древности, когда еще силы Темных и Светлых не были разделены.

— Понятно. И эльфам Древнего леса дневник, вероятно, понадобился за тем же, — Даххарст вздохнул. — Но зачем они похитили Ализе?

Миранэль хмыкнула, удивляясь его непонятливости.

— Ализе они похитили, чтобы добраться до тебя. Ты же остался единственным, кто может прочитать то, что в этих тетрадях зашифровано.

Ваза, стоявшая на столике рядом с Даххарстом, неожиданно

полетела в стену и с грохотом разбилась. Следом полетела лампа, потом бутылка с вином, потом тарелки. Дахаарст швырял о стену все, что попадалось ему под руку, выплескивая переполнявшие его гнев и отчаяние. Потом, немного придя в себя и, очевидно, приняв какое-то решение, стал быстро просматривать тетради одну за другой.

Вдруг его глаза радостно блеснули, Ранхгарт и Саннаэтель поняли, что он нашел то, что ему нужно.

— Миранэль, — обратился Даххарст к своей пленнице, — тебе придется находиться в этом замке, пока я не освобожу жену. Бежать не пытайся…

— И не собиралась, — мягко перебила его Миранэль. — Этот замок — самое безопасное для меня место. А учитывая комфорт и компанию… — Миранэль так откровенно глянула на Ранхгарта, что ни у кого из присутствующих не осталось ни малейшего сомнения, кого она считает приятной компанией, и для чего ей этот компаньон нужен. — Я с удовольствие погощу в твоем замке.

— Не надейся, что сможешь разгуливать по замку, где тебе вздумается, — осадил ее Даххарст. — Ты будешь в гостевых апартаментах. Две комнаты с ванной и туалетом для тебя вполне достаточно. И их запечатаю снаружи магически. Слуги будут приносить еду, книги, покидать комнаты ты не сможешь.

— А в гости ко мне кто-нибудь будет приходить? — встрепенулась Миранэнь, но Даххарст так взглянул, что она сразу умолкла.

Миранэль отправили к месту заточения, а Даххарст, раскрыв дневник, углубился в чтение написанных отцом строчек, чтобы активировать амулет.

Глава 21

— А с кем ты закрепишь эту связь? — спросил Ранхгарт.

Даххарст ответил не задумываясь:

— С Саннаэтелем. Он будет находиться в этом замке, и даже при желании не сможет его покинуть.

— Ты будешь держать меня, как заложника? — возмущению Саннаэтеля не было предела.

— Нет, это просто лишняя перестраховка, — спокойно ответил Темный. — Вдруг ты не выдержишь и тоже бросишься в Древний лес. Ты этим погубишь и меня, и себя, и Ализе. А так я буду твердо уверен, что смогу вернуться.

Саннаэтель недовольно и обиженно засопел, но возразить было нечего.

— А если амулет не сработает? — забеспокоился Ранхгарт. — И вообще, как можно пользоваться артефактом, созданным тысячу лет назад? Вдруг он не действует. Ты не боишься этого?

Даххарст, снизошел до объяснений:

— Вы же не думаете, что я, действительно, решил бы воспользоваться непроверенной игрушкой страродавних магов? Мы проверяли такой амулет. Не именно этот. В захоронении их было несколько. Эти амулеты одноразовые, после активации вновь проступают рисунком на коже, а после того, как перенос осуществлен, осыпаются серой пылью. Но я вот о чем хотел сказать. Так случилось, что когда отец в третий раз проверял амулет, с Эллентиэлем кое-что случилось, и отец почувствовал эго эмоции и переживания на очень большом расстоянии. Это я вот к чему: возможно, Саннаэтель будет чувствовать, что со мной будет происходить в той тюрьме, а поскольку ничего хорошего меня, скорее всего, там не ждет, Саннаэтелю надо быть готовым к тому, что он тоже почувствует боль.

В этот момент из комнаты Миранэль раздались глухие удары в дверь.

— Что ей еще надо? — поморщился Даххарст и послал служанку выяснить, в чем дело.

— Госпожа Миранэль хочет поговорить с Вами, — доложила женщина. — Говорит это очень важно.

Даххарст снова поморщился, но дал указание привести Миранэль.

— Ты хочешь добровольно отправиться в Древний лес?! — с порога набросилась на Даххарста Миранэль.

— Тебе какое до этого дело? — достаточно грубо возразил Темный. — И вообще, как ты об этом узнала?

— Ты магически запечатал дверь, но полог тишины не повесил, — презрительно скривившись, объяснила Миранэль. — Слух у Светлых в разы острее, чем у Темных, я слышала все, что вы тут говорили. Не ходи к ним! — попросила эльфийка. — Ты не представляешь, как там страшно, и насколько ненормальны тюремщики, к которым ты попадешь в руки. Исилите мне в подробностях пыталась описать, каким пыткам подвергли ее мужа. И она лично присутствовала при этом, — Миранэль содрогнулась, припомнив ту встречу.

— Ты думаешь, я не знаю об этом? — недобро усмехнулся Даххарст. — Я был в той тюрьме, и видел Эллентиэля. И знаю о твоем участии в том, что с ним случилось.

— Я не виновата, — запротестовала Миранэль. — Откуда мне было знать, что Исилите так поступит со своим мужем? Я думала, они поссорятся, возможно, расстанутся на какое-то время, но то, что она отдаст его в руки Жрецов, я не могла предвидеть, — жалобно стала оправдываться эльфийка, и тут же снова бросилась в наступление. — Если ты знаешь, что тебя там ждет, тем более ты не должен попадать к ним в руки!

— Миранэль, заткнись, — терпеливо попросил Даххарст. — Неужели тебе не понятно, что у меня нет другого способа вырвать Ализе из их рук?!

Миранэль сморщила носик и едва удержалась от ехидного замечания — зачем, мол, вообще спасать Ализе, пусть будет у мамочки, семья воссоединилась, всем будет хорошо. Но девушка прикусила язык, Даххарст был не в настроении выслушивать подобные советы, тем более, от нее. За такие предложения можно было и головы лишится. Вместо этого она деловито спросила:

— И как ты собираешься им сдаваться? Не подойдешь же ты к границе леса с поднятыми вверх руками — вот он я, берите? — Даххарст молчал, поскольку этот вопрос он как-то совсем выпустил из виду, а Миранэль между тем продолжала: — Если ты сдашься добровольно, то все заподозрят, что ты приготовил план побега для себя и жены, а значит, будут в тысячу раз внимательнее следить за тобой, чтобы сделать побег невозможным. Но вот если они будут уверены, что ты попался им в лапы совсем случайно или в результате предательства, то за тобой так внимательно следить не будут. У тебя останется хоть какая-то возможность что-то предпринять. Понимаешь, о чем я?

Даххарст понимал. И был полностью с ней согласен. Оказывается, правильно продумать свое пленение ничуть не менее важно, чем и организовать побег.

— Да, ты права, об этом я не подумал, — огорчился он.

— Зато Лаэдель подумал, — неожиданно сказала Миранэль.

— Лаэдель?! — поразился Даххарст.

— Да, Лаэдель. Когда он не смог прочитать дневники, то от злости словно взбесился. И вот тогда-то и захотел тебя схватить. Это было давно, — небрежно уточнила Миранэль, — до твоей свадьбы. Тогда еще не было такой приманки, как твоя жена, пришлось придумывать другие варианты.

— И что же придумал Лаэдель? — интерес Даххарста был неподдельным.

— Он хотел использовать для этого твоего братца. Ну, того, по матери, который исходит желчью от ненависти к тебе. Лаэдель искал к нему пути подхода, и даже, кажется, небезуспешно, но твоя женитьба, а потом добровольное заточение поломали все его планы. Кстати, а куда ты исчезал на десять лет? Слухи ходили просто дикие, но точно никто ничего не мог сказать, — заинтересованно спросила, в свою очередь, Миранэль.

И снова получила грубый ответ:

— Не твое дело!

Глава 22

— Миранэль права, — неожиданно поддержал эльфийку Ранхгарт. — Светлые должны схватить тебя неожиданно, в полной уверенности, что ты не ждешь нападения. Пожалуй, Лаэдель придумал идеальный план, решив обратится к твоему родичу.

— Он мне не родич! — прорычал Даххарст, гневно зыркнув на Ранхгарта.

— Я могла бы разыскать его и предложить помочь нам, чтобы схватить тебя, — примирительно сказала Миранэль.

— Кому это — «нам»? — ехидно переспросил Даххарст.

— Нам — это Лаэделю и тем, кто с ним, — ничуть не смущаясь, ответила Миранэль. — Сама я к эльфам Дравнего леса не сунусь ни за какие коврижки. Лаэдель — идеальный посредник.

— А как ты ему объяснишь, где все это время пропадала?

— Я что, привязанная? Я часто пропадала, он к этому уже привык. Наоборот, он поверит, что я хочу отомстить Даххарсту. Особенно, если я прибегу к нему и расскажу о погроме, что вы учинили в моем доме. И о том, что вы забрали дневник. Да, он мне поверит.

— То есть ты хочешь, чтобы я отпустил тебя? — поразился Темный такому нахальству.

— Не просто отпустил, а еще и помог мне добраться до своего братика, чтобы я могла поговорить с ним по душам. Уверена, тебе его намного легче отыскать, чем мне. Я с ним поговорю, попрошу помочь схватить тебя. А потом перескажу тебе, какую ловушку он придумал, чтобы ты не выскользнул из нее. И все. Ты у эльфов.

План Миранэль был хорош, вот только исполнитель не вызывал ни малейшего доверия. Что эльфийке мешало рассказать о том, что Даххарст сам всеми силами рвется в эту ловушку и просто мечтает попасть в ту страшную тюрьму?

Девушка правильно расценила их неуверенное молчание и с жаром принялась доказывать, что предавать их ей… невыгодно.

— Я не хочу жить в постоянном ожидании, что Темные меня найдут! — убежденно говорила она.

— А Светлых ты не боишься? — саркастически ухмыльнулся Ранхгарт.

— А почему Светлые должны гонятся за мной? — искренне удивилась она. — Я свою часть уговора выполнила честно. Даххарст в ловушку пойман, а то, что те фанатики не смогут его удержать, так это их проблемы. Кстати, вы не спрашивали, зачем

эльфам Древнего леса ваши дневники.

— И зачем? — тут же заинтересовались Ранхгарт с Саннаэтелем.

Миранэль весело рассмеялась.

— Мне Лаэдиэль рассказал, причем, он ничуть не скрывал своей радости. Эльфы Древнего леса тоже пытались сунуться в раскопанные могильные курганы. Их тогда так шарахнуло, столько погибло, сожженных магическим огнем, что они больше не лезли. Вероятно, в курганы можно соваться, только если в наличии есть и Темный из высших Лордов, и Светлый, владеющий родовой магией. Только Светлые или только Темные найдут в тех могилах лишь одно — смерть. Думаю, Даххарст нужен им, чтобы помочь в раскопках, убить его исподтишка они могли бы, не прибегая к таким сложностям. Так ты мне поможешь найти своего брата? — резко оборвав разговор, спросила Миранэль.

Даххарст неохотно кивнул.

…На землях Темных было очень мало мест, где Таггар мог бывать. Предписание, запрещающее матери покидать свое поместье, коснулось и его. Это вызывало еще большую ненависть к братцу — баловню Фортуны. Вот кому везло в жизни! И красивая внешность, и блестящий ум, и энергия, бьющая через край, и положение при дворе и в обществе.

До Таггара доходили слухи о выходках старшего брата, он скрежетал зубами от ненависти, а может, и от… зависти. Таггар никогда не жил такой наполненной, яркой жизнью. Даже мать никогда не ругала и не упрекала Даххарста за то, что тот убил отца Таггара. Это было настолько странно, что Таггар временами подозревал, что она не так уж и огорчена его смертью. Иногда в словах матери проскальзывало нечто, очень похожее на гордость за своего старшего сына. В такие минуты Таггар особенно остро чувствовал, что им ей гордится не за что. «Но как мне проявить себя? — иногда в отчаянии думал он. — Гонять оленей или волков по лесам? Драться на дуэлях с пастухами? Соблазнять служанок? Танцевать с кухарками?» Даже в том убогом учебном заведении, что он окончил, было так муторно, так затхло и уныло, что годы учебы, пронесшиеся галопом, ничем особенным ему не запомнились.

Одна радость — мечтать, как он отмстит старшему брату, сделав его жизнь возможно более несчастной, а может даже, убьет его. Но убьет открыто, на дуэли, как тот убил его отца. Чтобы дуэль была яростной, чтобы все видели — они достойные противники.

Такие мечты обычно ни к чему доброму не приводят, так

случилось и с Таггаром.

…Встретить Таггара можно было только во время охоты. Даххарст перенес Миранэль в лес, находящийся недалеко от замка. Осталось только дождаться, когда Таггар помчится в их сторону.

— А он ничего, — промурлыкала Миранэль, разглядывая младшего брата Даххарста сквозь ветви деревьев. — Он даже очень-очень ничего, — удивленно добавила она, когда Таггар подошел ближе. Глаза Миранэль засветились, задание ей явно стало нравиться. — Посмотри, кровь не смазалась? — эльфийка повернула голову к Даххарсту, показывая на измазанную кровью часть щеки, скулу и волосы около виска. Даххарст небрежно бросил взгляд на небольшую ранку рядом с ее ухом и отрицательно покачал головой. — Ты хоть представляешь, на какую жертву я пошла, разрешив поранить мне лицо? — в гневе закричала она, обиженная подобным равнодушием.

— Тебе перечислить раны, которыми покрылось тело Эллентиэля после того, как ты «по-дружески» побеседовала с его женой? — жестко оборвал он ее нытье. Миранэль и вправду замолчала, воспоминание было не из приятных. — Значит, ждешь, когда он будет возвращаться назад, и тогда позовешь его на помощь, — еще раз напомнил ей Даххарст.

Миранэль зло сверкнула глазами, ясно давая ему понять, что по части вранья и притворства она может дать ему сто очков вперед, но Даххарст не унимался, еще раз напомнив ей, что она должна крепко сжимать рукой сломанный одноразовый амулет переноса.

— Да помню я про этот амулет. Вот он! — Миранель в бешенстве сунула ему под нос два осколка.

— Сожми их так крепко, чтобы они впились в ладонь и порезали ее, — приказал он, Миранэль недовольно засопела, боли она не любила, но ради достоверности спектакля послушалась. На ее ладони проступила кровь. — Хорошо, — удовлетворенно одобрил Даххарст и исчез.

Все прошло, как и задумывалось. Таггар безоговорочно поверил в рассказ Миранэль: Даххарст похитил ее и, будучи совершенно пьяным, хотел воспользоваться ее беззащитностью и насильно принудить к близости. Она сопротивлялась изо всех сил, отказываясь подчиняться. Тогда он жестоко ударил ее. Но у нее был амулет переноса, подаренный когда-то отцом, она воспользовалась им и оказалась здесь.

— Неужели Таггар поверит в этот бред? — сомневались и Ранхгарт, и Саннаэтель, и Даххарст, когда Миранэль репетировала перед ними монолог о свалившихся на нее

несчастьях, в которых, якобы, виноват Даххарст.

— Не просто поверит, а с радостью поверит, — убежденно возразила она им тогда. — Думаю, он поверит в любую грязную историю, порочащую Даххарста. А этот рассказ будет только подтверждать и укреплять его мнение о брате.

— Ты должна уговорить его вернуться вместе с тобой в дом Даххарста.

— Уговорю, — махнула рукой Миранэль. — Скажу, что пьяный Даххарст сорвал с шеи кулон, самую дорогую для меня вещь на свете.

Но мужчины продолжали сомневаться:

— Миранэль, Таггар не дурак, чтобы без единого слова, без единого вопроса кинуться помогать непонятно откуда появившейся девушке, к тому же еще и Светлой! — убеждали они ее.

Но Миранэль в ответ только улыбалась. Она знала, как ее красота воздействует на мужчин… на незнакомых мужчин. На тех, которые успевали узнать ее поближе, ангельская внешность в сочетании с характером прожженной чертовки оказывала прямо противоположный эффект.

— Самое главное, — продолжал нудить Даххарст, — ты ни в коем случае не должна допустить, чтобы моя мать увидела тебя!

О! Тут она с ним была совершено согласна. Мать Даххарста — Ханния — знала Миранэль, как облупленную. У них был даже очень неприятный инцидент, когда Хания приревновала Миранэль к своему мужу и здорово наваляла ей. И только отец Даххарста смог оттащить свою вторую половину от эльфийки. И главное, было бы из-за чего ревновать? Из-за тех нескольких поцелуев? Нет, с Ханией она встречаться точно не собирается, и в замок к ним не поедет ни за что в жизни.

— Если что-то пойдет не так, кричи, — продолжал Темный, — мы будем не слишком близко, чтобы Таггар нас не почувствовал, но твой крик услышим.

— Поняла, — Миранэль уже стали раздражать эти многословные объяснения, она же не ребенок, побывала и не в таких переделках. — Переноси меня уже в поместье, лучше я там подольше побуду, осмотрюсь, что к чему.

Мгновение — и они оказались на окраине леса, окружавшего замок, в котором жила Ханния с сыном.

— Будем ждать его здесь.

Глава 23

Таггар был красив. Очень красив, Миранэль это сразу отметила, когда тот промчался верхом в погоне за какой-то несчастной животинкой.

Миранэль посмотрела на Даххарста.

— Уходи. У тебя осталось совсем мало времени, а ведь тебе еще нужно напиться и принять зелье. Приглядывать за мной и Таггаром, останутся Ранхгарт с Саннаэтелем, а ты отправляйся в поместье.

Даххарст согласно кивнул и исчез. Миранель осталась одна дожидаться возвращения Таггара. Она ничуть не боялась, наоборот, волнение, плавно переходящее в возбуждение, пьянило ее. Таггар ей очень понравился. Она знала, что после того, как Светлые заберут Даххарста, она попробует соблазнить его младшего братишку. «Нет, не попробую, а соблазню! — мысленно поправила она сама себя, и тут же, будто оправдываясь, подумала с вызовом: — Да, я западаю на Темных! И что с того? Кому от этого плохо? Да, я хочу Таггара, и что? Ему не повредит лишний любовный опыт, а потом мы все равно расстанемся», — она быстро успокоила совесть, и теперь раздумывала не над тем, как заманить Таггара к Даххарсту в замок, а как его по-быстрому окрутить, когда все закончится. В своем успехе она не сомневалась, недаром в ее венах текла кровь ведьмы.

Миранэль никому не говорила, что ее мамой была человечка. Да, ведьма, да, очень сильная ведьма, но все равно — человечка. И Миранэль, фактически, была полукровкой. Об этом никто даже не подозревал, потому что ее отец владел настолько сильной родовой магией, что его кровь уничтожила, «съела» кровь матери. Это было хорошо, но в тоже время Миранэль безмерно злилась на отца. Ведь если бы он ей в матери выбрал эльфийку, то теперь бы она владела не какими-то крупицами родовой магии, а была бы такой же сильной, как Саннаэтель или эта недотёпа Ализе.

Вспомнив о девушке, Миранэль презрительно сморщилась. Она ее терпеть не могла и искренне не понимала, что Даххарст в ней нашел.

Единственное, что она унаследовала от матери — силу вызывать в мужчинах безумное влечение к себе. Сил Миранэль не хватало на то, чтобы привязать мужчину на долгие годы, так, на несколько месяцев, может быть, на год. Вот у матушки были силы — можно только позавидовать. Так привязала отца к себе, что уже триста лет, как она умерла, а отец все мыкается по свету в надежде встретить такую, какой была его любимая. Она была

очень красивой. Когда она смеялась, в глазах чистого зеленого цвета вспыхивали искры. Когда она распускала золотисто-каштановые волосы, они укрывали ее до пояса. Кожа белая, словно прозрачная, яркие губы…

Миранэль хорошо ее помнила, и всегда завидовала ее редкой, странной красоте. Мать не захотела стареть на глазах красавца-мужа, и в один из дней просто исчезла, оставив прощальную записку. Как отец искал ее! Наверное, до сих пор в глубине души надеется, что когда-то найдет.

Миранэль раздраженно вздохнула, не желая признаваться самой себе, что эта глупая, несчастная любовь отца к матери и ее заставляет мечтать, помимо воли, о таких же чувствах. Поэтому и старается она украсть кусочек чужого счастья, если видит его у других.

Эти грустные мысли вызвали взрыв злости и ярости. Она даже не могла понять, кого же она ненавидит: себя, Даххарста, отца, Лаэделя, Исилите? К счастью, в эту минуту Миранэль заметила возвращающегося Таггара. Она тут же отбросила все мысли, мешающие выполнить задание. Дождавшись, когда он почти поравнялся с ней, громко застонала и позвала на помощь. Мужчина соскочил с лошади и бросился к окровавленной девушке.

— Что с вами? Вы ранены? — Миранэль изобразила страшный испуг и сделала вид, что собирается отползти, при этом, на всякий случай, намертво вцепилась ему в руку. — Не бойтесь, — продолжал мужчина, — я не причиню вам вреда. Совсем недалеко находится мой замок, я могу переместить Вас туда, и там Вам окажут помощь.

— Нет! — закричала, вполне искренне Миранэль. — Не надо! Я не могу. Я боюсь довериться вам, ведь я только что чудом избежала нападения Темного.

— На Вас напал Темный?! — в гневе закричал Таггар.

— Да, — делая вид, что с трудом сдерживает рыдания, подтвердила Миранэль, — на меня напал Лорд Даххарст.

— Даххарст?! — потрясенно переспросил Таггар. — Вы сказали, что на Вас напал Даххарст? — повторил он.

— Лорд Даххарст, — всхлипнула эльфийка. — Он случайно как-то раз увидел меня, потом стал преследовать с грязными домогательствами. Я избегала его, как могла, но мое сопротивление только распаляло его, и вот вчера он решился напасть на меня. Когда я впала в беспамятство, оглушенная его ударом, — при этих словах Миранэль, словно из последних сил, коснулась раны на виске, — то оказалась в его замке. Я отказалась принять его ухаживания, с отвращением отвергнув его

в который раз. Он оставил меня на некоторое время в покое, а потом ввалился ко мне совершенно пьяный, желая немедленно удовлетворить свою черную страсть. Но ему не повезло, у меня был одноразовый амулет создания случайного портала. Я воспользовалась им и оказалась здесь, — Миранэль разжала ладошку и показала кусочки стекла, впившиеся в ладонь.

Эта окровавленная ладошка сразила Таггара насмерть.

— Даххарст не пытался последовать за Вами? — имя брата он словно выплюнул.

— Он, наверное, был очень сильно пьян и не смог этого сделать, — предположила Миранэль.

Таггар с ней согласился и стал настаивать, чтобы она разрешила переправить ее в замок, обещая полную безопасность. Но Миранэль упорно отказывалась. В ее задачу входило, наоборот, заставить Таггара перенестись вместе с ней в замок Даххарста. Словно в страшном волнении, она коснулась своей шеи и в ужасе закричала:

— Мой медальон! Подарок отца! Это единственная вещь, оставшаяся мне в память о нем, — она заломила руки и, больше не сдерживая слез, залепетала: — Я должна вернуться в замок Даххарста! Я должна туда вернуться! Я должна забрать свой медальон! Но как мне это сделать?! — и она моляще, сквозь слезы, посмотрела на Таггара.

— Если хотите мне помочь, то перенесите меня в замок Даххаста, ведь Вы же можете найти дорогу даже по сломанному амулету. Я должна забрать свой медальон! Хотя… — скорбно сказала она, заметив сомнения и колебания в лице Таггара. — Лорд Даххарст очень силен, и я не имею права требовать от Вас, чтобы Вы так рисковали ради меня…

— Нет! — с жаром закричал Таггар. — Вы не так меня поняли. Я не боясь его! Я с радостью встречусь с ним в открыто бою, но… понимаете, я не могу покидать поместье, моей матери, и мне вместе с ней, это запрещено.

— Я поняла, — всхлипнула Миранэль до того жалостливо, что сердце Таггара сжалось.

Он решительно накрыл руку Миранэль своей, и за секунду они оказались в спальне Даххарста.

Глава 24

Таггар огляделся. Все говорило о том, что в этой комнате происходило настоящее сражение. На полу осколки битой посуды, полог с кровати был наполовину содран, на кровати подушки, покрывала, простыни сбиты в один ком, и посреди этого безобразия в полной отключке лежал Даххарст.

— Негодяй! — гневно прошептал Таггар. — Ты ответишь за всю боль, что причинил другим.

Миранэль услышала его слова и тут же возразила:

— Нет, его надо наказывать по закону. Если ты поможешь перенести Даххарста в мой дом, то я позову своего дядю, и Даххарста будут судить по закону моего народа.

Было видно, что Таггару очень не нравится план Миранэль. Но она была права. Поскольку Даххарст ее выкрал и чуть не надругался над ней, то и судить его должны были родичи девушки.

— Я не могу перенести его к тебе, ведь я никогда не видел твоего дома, — возразил он.

— Ничего, — уверенно ответила эльфийка. Когда в замке Даххарста они продумывали план, этот момент был самым уязвимым. Как Таггару добраться до дома Миранэль, если он там никогда не был? Выход был найден: перемещаться скачками от одного знакомого объекта к другому.

Так Миранэль и поступила. Едва они попали в ее дом, как тут же послала сообщение Лаэделю, что в ее спальне находится в бессознательном состоянии Даххарас.

— Положи его на кровать, — попросила Миранэль Таггара.

Он выполнил просьбу, а потом с удивлением огляделся. Это была уже вторая спальня, находящаяся в полном разгроме, которую он увидел за этот день.

— Это все сделал Даххарст, — скромно потупив глазки, пожаловалась она. — Не сумев меня добиться, он выместил свою злобу, порушив мой дом.

Таггар стиснул зубы.

— Обещаю тебе, он за все ответит, — торжественно пообещал он, даже не подозревая, насколько он недалек от истины.

Дверь спальни распахнулась, впуская в комнату процессию из восьми Светлых эльфом. В компании была одна женщина. Увидев ее, Миранэль насторожилась и внутренне собралась, готовясь дать отпор. Эльфы стали полукругом вокруг кровати.

— Берите его, — приказала женщина, брезгливо взглянув на лежащего без сознания Даххарста. Двое мужчин подошли к нему

и, схватив за ноги и за руки, легко подняли с постели. — Ее тоже берите, — женщина ткнула пальцем в направлении Миранэль.

Но не тут-то было. Миранэль мгновенно оказалась за спиной Таггара, и, вцепившись в него, истошно заорала:

— Не отдавай меня им! Пожалуйста, не отдавай!

Таггар шагнул вперед, прикрывая собой девушку. С правой кисти его руки потекла тьма, формируясь в клинок, вторую руку он согнул в локте, и левую половину его туловища укрыла плескающаяся и переливающаяся небольшими волнами тьма. Таггар стоял против восьмерых Светлых, и было понятно, что он не сделает ни шага назад, даже если ему придется погибнуть.

В этот момент Даххарст шевельнулся.

— Уходим, — резко бросила женщина и первой вышла из комнаты.

Когда Таггар и Миранэль вышли следом за ними, то уже не увидели никого.

— Ты мой спаситель, — жарко прошептала Миранэль, тут же обернувшись к Темному, и пока он не успел прийти в себя, оплела шею мужчины руками и прижалась к нему всем телом.

Миранэль была чемпионом по скорости раздевания желанных мужчин и скорости сбрасывания собственной одежды. Не успел Таггар, совершенно растерявшийся от скачущих, словно бешеный конь, событий хоть немного очухаться, как уже обнаружил себя лежащим на кровати, причем, не просто лежащим, а вовсю предающимся наслаждению.

Миранэль едва не мурлыкала от удовольствия, словно кошка, добравшаяся до свежей нежной рыбки. Она не ошиблась в Таггаре — он стоил затраченных на него усилий.

Краем глаза Миранэль заметила появившихся в комнате Ранхгарта и Саннаэтеля, очевидно, чтобы что-то у нее спросить. Но едва увидев происходящее, они тут же деликатно испарились, не желая мешать.

Таггар же вообще ничего не заметил.

Уставшие, они отдыхали на кровати. Миранэль лежала вполоборота к мужчине, с удовольствием прижимаясь к его телу. Он улыбался расслабленной улыбой, перебирая пряди ее волос. Вдруг он неожиданно вздрогнул.

— А куда забрали Даххарста? — с беспокойством спросил он.

— Какая разница? — Миранэль равнодушно пожала плечами. — Ты хотел, чтобы ему было больно? Могу тебя уверить, что скоро ему будет не просто больно, а ОЧЕНЬ больно, больнее не придумать, — попыталась успокоить она его.

Таггар вскочил с кровати.

— Я хотел не этого! — закричал он. — Я хотел, чтобы мы

дрались на честной дуэли, и…

— И Даххарст тебя убил, — закончила вместо него Миранэль. — Убил, убил, можешь мне поверить, — убедительно сказала она, видя, что Таггар собирается с ней спорить. — А так — какая красота! Светлые эльфы Древнего леса сделают за тебя всю грязную работу, — пыталась обрадовать она его.

— Светлые эльфы Древнего леса? — шепотом переспросил Таггар, побледнев, как смерть. Очевидно, страшилки о том, что эти Светлые эльфы вытворяют с Темными, доходили и до него, и, возможно, были не только страшилками, а самой реальной реальностью. — А если они его убьют? — в ужасе прошептал Таггар.

— А ты разве не этого хотел? — удивилась Миранэль и цинично добавила: — Убьют, так убьют. Туда ему и дорога, — Миранэль говорила вполне искренне. Она долго не забывала и не прощала обид, а Даххарст своим пренебрежением обидел ее очень сильно. К тому же Таггар показался ей вполне годной заменой бывшему любовнику.

Но Таггар так не думал. Он закрыл ладонями лицо и застонал:

— Когда его забирали, он был совершенно беспомощным! Не мог ни драться, ни сопротивляться! Его потащили, словно животное, которое оглушили, чтобы поймать живым и посадить в клетку в зверинце!

В голосе Таггара звучал неподдельный ужас. Он вскочил с кровати, и стал метаться по комнате, собирая свою одежду. Кое-как напялив ее на себя, исчез.

Миранэль откинулась на подушки и огорченно вздохнула: «Мог хотя бы попрощаться!» Потом лениво встала с кровати, надела халат и только успела завязать пояс, как Таггар вернулся… вместе со своей матерью.

Глава 25

Почти одновременно с ними появились и Ранхгарт с Саннаэтелем, и это было очень хорошо, поскольку мама Таггара мгновенно узнала Миранэль и с диким рычанием: «Ах-ты дрянь!», бросилась на нее. Сцепившись, как дикие кошки, они покатились по полу, визжа и царапая, друг друга. Мужчины оцепенели, глядя на такую бурную встречу, потом, очнувшись, кинулись разнимать дам. Ханнию едва оттащили от Миранэль, Светлая эльфийка выглядела плачевно, но мать Таггара все не успокаивалась.

— Это ты о ней сказал: «Чудесная, скромная, хорошая девушка»? — грозно обратилась она к сыну, а увидев его потерянное лицо, ехидно добавила: — Так вот, эта скромная девушка, — слова «скромная девушка» Ханния сопроводила такой жуткой гримасой, что Таггар отшатнулся, — переспала со всеми, с кем только возможно: с Эллентиэлем, Даххарстом, с Аххартом…

— С отцом Даххарста я не спала! — возмутилась Миранэль.

— Только потому, что я вовремя тогда успела! — прошипела Ханния, и, вспомнив давнюю обиду, снова бросилась к Миранэль.

Только в этот раз Миранэль была начеку. Доля секунды — и она оказалась за спинами Ранхгарта и Саннаэтеля, одновременно толкнув их в «объятия» Ханнии. Ханния на такую передислокацию среагировать не успела, поэтому щека Саннаэтеля украсилась несколькими кровавыми полосами от ее ногтей, а Ранхгарт лишился воротника и всех пуговиц на рубашке. Миранэль, не дожидаясь, пока Ханния поймет ошибку и вновь бросится на нее, выбежала из комнаты, забаррикодировав за собой дверь.

Ханния ударила ногой в деревянную преграду:

— Открывай, тварь! Я все равно до тебя доберусь! — кричала она. — Тебе мало Даххарста, ты взялась за Таггара?! Ты как была шлюхой, так шлюхой и осталась! — истерично орала Ханния, колотя ногой в дверь.

Только Миранэль невозможно было смутить подобными откровениями.

— Дура! — кричала она в ответ. — Лучше бы спасибо сказала, что твоему сыну преподали урок утонченного любовного искусства! Он, поди, кроме жирных тупых подавальщиц в трактирах других женщин и не видел!

От таких слов Ханния едва не высадила дверь. Только шкаф, которым Миранэль подперла дверь, удержал ее на своем месте. Видимо, Миранэль не на шутку перепугалась, потому что стала напоминать Ханнии о цели ее прибытия, постаравшись переключить ее внимание со своей особы на что-нибудь другое.

— Ты пришла, чтобы крушить мой дом, или разузнать о своем старшем сыне? — прокричала она ей из-за двери.

Эти слова, действительно, привели Ханнию в чувство. Сметя с туалетного столика все, что на нем было, и хорошо потоптавшись по осколкам, она, наконец, немного успокоилась и по требованию Миранэль дала ей слово, что, пока находится в ее доме, к ней больше не прикоснется.

Миранэль отодвинула шкаф и вошла в собственную спальню. Она была одета с иголочки, умыта и причесана. Несколько царапин на лице немного портили картину, но с этим пришлось смириться.

— Ранхгарт, — обратилась она к Темному, — может, притащишь какой еды? В моем доме ничего съестного нет, а нам всем не помешало бы перекусить.

— Ты хотела рассказать о Даххарсте, — прошипела Ханния.

— Расскажу, — спокойно ответила Миранэль, — все расскажу. Только рассказ мой будет длинным, и спешить нам все равно некуда, так что пообедать мы успеем.

Ранхгарт исчез, вернулся через несколько минут, нагруженный едой. К этому времени Миранэль накрыла в стол и чинно раскладывала столовые приборы, словно для гостей, приглашенных на светский раут.

За столом разговаривали только дамы. Парни сидели, не издавая ни звука, словно пришибленные, зрелище драки между женщинами произвело на всех троих неизгладимое впечатление. А вот Миранэль и Ханния, как раз наоборот, вели себя совершенно спокойно, даже умиротворенно, словно эта позорная драка помогла вскрыть нарыв, что годами мучил и не давал покоя, во всяком случае, одной из них.

— Говори! — снова приказала Ханния.

— Ты же знаешь, что Даххарст взял в жены Светлую эльфийку, дочку Элентиэля и Исилите, — начала Миранэль, обращаясь к Ханнии на «ты» — многолетнее знакомство и достаточно близкие в прошлом отношения, это ей позволяли. Ханния кивнула, подтверждая, что о свадьбе старшего сына она знала. — Так вот, Ализе похитили. Похитили эльфы Древнего леса под предводительством ее собственной матушки.

Ханния зябко повела плечами, она когда-то давно столкнулась с Исилите, и эта встреча была для нее очень неприятной.

— А зачем Исилите похищать свою дочь?

— Точно мы этого не знаем. Но мы думаем, для того, чтобы, используя ее в качестве приманки, схватить Даххарста.

— Даххаст не настолько дурак, чтобы попасть в такую

примитивную ловушку, — фыркнула Ханния.

— Дурак, не дурак, но другого выхода, как отправиться в Древний лес и спасти свою жену, у него нет.

— Зачем ее спасать? — поразилась Ханния. — Девушка в гостях у своей родни, может, она добровольно отправилась к ним?

Саннаэтель дернулся, желая возразить, но Миранэль его опередила:

— И Даххарст, и Саннаэтель уловили эмоции Ализе. Дикая, страшная боль. Скорее всего, ее пытают.

Ханния пораженно посмотрела на Миранэль, потом, вспомнив рассказы о фанатизме Светлых Древнего леса, обеспокоенно спросила:

— Значит, Даххарст решил сдаться им добровольно?

— У него нет другого выхода. Но мы подумали, что если он добровольно прибудет в Древний лес, то они могут заподозрить, что он это сделал не просто так, что у него есть план или возможность освободить жену и удрать вместе с ней. Они бы с него глаз не спускали и были бы все время настороже. Но вот если они будут считать, что сами схватили его, то у Даххарста появиться небольшой шанс спастись. Все знают, как Таггар ненавидит Даххарста, вот мы и решили использовать эту ненависть, чтобы помочь Даххарсту попасть в Древний лес.

— Вы меня использовали? — пораженно прошептал Таггар. — Все было подстроено, чтобы заставить меня предать брата?

— Извини, — Миранэль с очаровательной улыбкой посмотрела на него, — но мы посчитали, что никто ничего не теряет. Ты отомстишь Даххарсту, а заодно, поможешь нам. Если тебя это утешит, то могу уверить, что Даххарсту будет совсем не сладко. Чтобы все выглядело правдоподобно, ему придется терпеть долгие пытки, прежде чем сделать вид, что он сломался, ведь иначе они ему не поверят. А пытки будут такими, что некоторые предпочли бы смерть, — и Миранэль снова очаровательно улыбнулась.

Услышав все это, Таггар не то, что побледнел — позеленел.

— Я не хочу, чтобы Даххарст сгинул в тюрьме у эльфов, — с дрожью в голосе признался он. — Наша с ним вражда — это наше личное дело, и никого, кроме нас она не касается. К эльфам он попал из-за меня, я хочу вытащить его оттуда.

— К эльфам он попал, потому что хотел этого, — оборвала его Миранэль. — Просто твое участие дает ему маленький шанс на спасение.

— А как он будет выбираться? — спросил Таггар.

Миранэль пожала плечами и указала на Ранхгарта с

Саннаэтелем.

— Я не знаю. Меня не посвятили во все детали. Наверное, не доверяют, — в ее голосе явно слышалась обида.

Ханнии же, наоборот, слова о недоверии очень понравились.

— Правильно делают, что не доверяют, — удовлетворенно констатировала она. — Если хочешь, я могу напомнить некоторые имена тех, кто пострадали от тебя. Уверяю, список будет длинным.

Миранэль стрельнула глазами, но промолчала, боясь, что Ханния, и правда, напомнит некоторые неприглядные факты из ее биографии.

Часть третья

Глава 1

Ализе с трудом открыла глаза и несколько минут с недоумением разглядывала совершенно незнакомую комнату, в которой она очнулась. Хотела потереть глаза, и только тогда она обнаружила, что руки и ноги связаны. Ужас окатил панической волной. Она завозилась на кровати, пытаясь выпутаться из веревок, и тут услышала, шаги.

Дверь открылась. Ализе приподняла голову, чтобы рассмотреть вошедшего, и в первую секунду обрадовалась, увидев, что это Лириэлль и еще какая-то незнакомая девушка, но слова незнакомки ее еще больше напугали:

— Что, очнулась? — грубо сказала незнакомка. — Давно пора. Мы уже хотели тебя окунуть в холодную воду, чтобы привести в чувство.

— Лириэлль, — дрожащим голосом обратилась Ализе к подруге, — что происходит? Где я? Почему связана?

— Сколько вопросов, — издевательски протянула незнакомка, и Ализе, не понимая такого враждебного тона, посмотрела на нее внимательно.

Взглянула — и замерла. Она, несомненно, видела эту девушку, вернее, не ее саму, а ее портрет… в том медальоне, что нашла у Даххарста в столе.

— Мама! — тихо ахнула она.

Незнакомка вздрогнула, ее лицо непроизвольно передернулось. Казалось, ей, было очень неприятно слышать это слово.

— Меня зовут Исилите, — резко ответила она и вышла из комнаты.

Едва закрылась дверь, Лириэлль присела на кровать Ализе.

— Прости меня, — сбивчиво заговорила она. — Меня заставили, меня принудили так поступить с тобой. Может, ты чего-то хочешь? Воды или еды?

Ализе отрицательно замотала головой, слезы сами собой побежали из глаз.

— Лириэлль, что происходит? — она жалобно заплакала. — Почему меня связали? — но вдруг она неожиданно осознала, что только что произошло. Слезы мгновенно высохли, и она дрогнувшим голосом спросила: — Это ведь была моя мама? Я не ошиблась?

Вместо ответа Лириэлль ласково и нежно погладила ее по щеке, а про себя подумала: «Такую мамочку и врагу не пожелаешь». Вслух же сказала:

— Успокойся. Тебе никто не хочет причинять вреда. Возможно, тебя скоро отпустят.

— Когда — «скоро»? — встрепенулась Ализе.

— Не знаю, — честно ответила Лириэлль, — это не от нас зависит.

— А от кого?

Лириэлль молчала, видимо решая, говорить или нет, потом с сожалением ответила:

— Не могу сказать, скоро ты сама все узнаешь.

Еще раз, погладив Ализе по щеке, Лириэлль вышла из комнаты, оставив пленницу одну. Несколько минут Ализе бездумно смотрела в потолок, пытаясь осознать все произошедшее с ней. Почувствовав, как затекли и онемели кисти рук, она захотела прогнать сквозь тело магическую волну, что быстро восстановило бы силы, захотела прогнать… и не смогла. Ее магические способности оказались полностью блокированы.

Вместо исцеляющей магической волны ее накрыла волна панического страха и ужаса. У Ализе уже один раз, благодаря мужу, были заблокированы магические способности, и она хорошо помнила свое состояние полной беспомощности перед любой опасностью, что ей угрожала, и вот теперь все вновь повторилось.

«Зачем я им? — думала она. — Зачем меня похитили? Может, мама решила меня забрать? Но почему она этого не сделала до свадьбы, или за те десять лет, что мы с Саннаэтелем скрывалась от Дахарста? Даххарст!» — чуть не закричала она, вспомнив о муже. Все другие мысли были мигом вытеснены из головы.

Ализе еще раз со страхом осмотрела себя. Одежда была в порядке, стало немного легче. Она попыталась вспомнить, что случилось, но последнее, что сохранилось в памяти — как она пьет что-то из кружки, которую подала Лириэлль. Скорее всего, в напитке было какое-то зелье или снотворное. Ей снова стало страшно. Страшно от того, что кто-то за ее спиной приложил столько усилий, чтобы ее схватить. Но для чего? Она не понимала, и от этого становилось еще страшнее.

В горле пересохло, захотелось пить. Тихим голосом она позвала Лириэлль, та тотчас появилась.

— Лириэлль, я хочу пить… ну, и остальное.

Лириэлль, что-то крикнула, и в комнату вошли двое молодых мужчин. Они встали около кровати, на которой лежала девушка, а Лириэлль, тем временем развязывала веревки на руках и ногах. Ализе поднялась с кровати, но тотчас пошатнулась. Затекшие ступни не держали.

— Я сейчас, — быстро сказала Ализе и по привычке вновь

хотела прогнать магическую волну сквозь тело, и снова почувствовала блокировку.

Мужчины при этом напряглись, и Ализе вдруг поняла, что это именно они блокируют ее силы. Она посмотрела в лицо тому, что стоял ближе. Обычное приятное лицо, только глаза выглядели пустыми, бездонными колодцами. Она сразу отвернулась, догадавшись, что мужчина находится в трансе, концентрирующем его силы.

Вдруг новая мысль заставила ее мучительно покраснеть:

— А как же я буду при них… — она, с мольбой посмотрев на Лириэлль.

— Не бойся, рядом с тобой буду только я, они останутся за дверью.

Ализе, под присмотром Лириэлль быстро умылась. Когда они вернулись, их ждал накрытый стол. Она с трудом заставила себя немного поесть, потом ее снова связали и положили на кровать. Ей вдруг стало понятно, что похитители кого-то ждут.

Мысли в голове мчались бешеным галопом: «Саннаэтель ее уже ищет. Наверное, заметили, что вместе с ней пропала и Лириэлль. Конечно, Саннаэтель выяснит, что она была в трактире. Как же стыдно! Хоть бы он не сказал об этом Даххарсту. А вдруг скажет?» — от этой мысли Ализе покрылась холодным потом.

— Лириэлль, — снова позвала Ализе свою недолгую подругу. Когда девушка подошла, Ализе одними губами спросила: — Вы ждете, когда сюда придет Саннаэтель? — Лириэлль секунду сомневалась, но решила, что все равно Ализе ничего не сможет изменить, даже узнав правду, и отрицательно покачала головой. — Тогда кого же? — не успокаивалась Ализе. Лириэлль молчала, и тогда Ализе, от всей души надеясь, что она ошибается, спросила: — Даххарста? — Лириэлль чуть заметно кивнула головой в знак согласия. Вот теперь ужас и страх полностью затопили сознание Ализе. Даже страх за собственную жизнь, куда-то исчез. — Зачем вам Даххарст? — губы почти не слушались.

— Клянусь, не знаю, — шепотом ответила Лириэлль.

Время тянулось мучительно. Ализе еще раз покормили и больше не обращали на нее никакого внимания. Лириэлль тоже исчезла. Ализе смотрела в потолок, машинально вслушиваясь в звуки в доме. Хлопнула дверь одной из комнат… что-то открывали, похожее на люк… шаги, спускающиеся вниз… тихий разговор… Ализе попыталась услышать, о чем говорят, но голоса были слишком тихими. Кажется, удалось расслышать фразу: «Все готово, он не уйдет». От услышанных слов Ализе бросило в жар.

«Он — это Даххарст. Не уйдет — значит, ему приготовили ловушку. Его хотят схватить, так же, как когда-то схватили отца! Его будут мучить, а потом убьют!»

Слезы полились из глаз, собственная беспомощность приводила ее к отчаянию.

Она услышала шаги. Двое мужчин и мать вошли в комнату.

— Сюда идет твой муж. Мы тебя развяжем, ты подойдешь к окну и подзовешь его, помахав рукой, — резко сказала Исилите. — Поняла?

Ализе отрицательно замотала головой:

— Я не буду этого делать!

Мать с ненавистью взглянула на нее.

— Тебе так понравилось быть в объятиях Темного? — ядовито спросила она так многозначительно, что Ализе бросило в краску. — Впрочем, какая разница? Ты сделаешь то, что нам нужно, хочется тебе этого или нет. Тащите ее к окну, — приказала она двум мужчинам, что вошли вместе с ней.

Ализе подняли на руки и поднесли к окну. Она видела, как Даххарст стоит возле калитки, пристально изучая дом. Видела, как он двинулся к нему, видела, как отмахнулся от Саннаэтеля с Ранхгартом, когда те пытались его задержать. Лицо мужа пылало таким гневом и яростью, что если бы было возможно, Ализе испугалась бы еще сильнее.

— Подтащите ее ближе к окну, чтобы он мог видеть жену, — снова приказала Исилите и добавила: — Приготовьтесь. Когда он ступит на верхнюю ступеньку, бросайте на него сеть.

Вот Даххарст шагнул на одну, потом на другую ступеньку. Желание спасти мужу было настолько невыносимым, что Ализе мысленно закричала изо всех сил: «Назад! Это ловушка!»

Даххарст отшатнулся назад… и исчез, унося с собой Ранхгарта с Саннаэтелем.

— Это ты, дрянь, его предупредила? — рванула Исилите дочь за руку.

— Не-е-ет, — Ализе была настолько потрясена увиденным, что начала заикаться.

— Это мы проверим, — зловеще и многозначительно сказала мать и отдала приказ убираться из дома вместе с пленницей.

Глава 2

Порталом их перенесло на лесную поляну. Ализе пугливо посмотрела по сторонам. Высоченные деревья стояли вокруг, таких великанов она никогда не видела, даже в королевском парке. Они в Древнем лесу!

То ли от страха, то ли от холода девушку стал бить озноб, она обхватила руками плечи. На кистях рук остались полосы от веревок. Кружилась голова, тело регенерировало очень плохо, очевидно, из-за блокады магических сил. Ноги почти не слушались.

Впрочем, далеко идти не пришлось, и скоро Ализе оказалось в небольшой комнатке.

— Отдыхай, — коротко бросила мать.

Дверь в комнату захлопнулась. Ализе огляделась. Выбеленные стены. Единственное окно под потолком закрыто решеткой. Кроме кровати и столика, на котором стоял кувшин с водой, в комнате больше ничего не было. Ализе села на кровать. Тюфяк прикрыт чистой простыней. Тонкое одеяло в ногах, подушка.

Ализе думала, что после пережитых волнений не сможет уснуть, но едва голова коснулась подушки, девушка провалилась в забытье. Она пришла в себя от того, что ее грубо трясли за плечо.

— Поднимайся, — приказала мама. Теперь она повела Ализе по коридору, который с каждым поворотом выглядел все богаче, красивее и роскошнее. Когда они подошли к цели своего пути, и стены, и двери, украшенные позолоченной резьбой, были настолько великолепны, что Ализе залюбовалась, забыв о страхе. — Заходи, — это было второе слово, что проронила ее мама за весь путь.

Ализе шагнула в комнату, в ту же секунду краска стыда за свой неряшливый внешний вид залила ее лицо. Мужчину такой красоты она еще никогда не встречала. Ей стало тошно, что он видит ее в таком неприглядном виде. Неумытую, непричесанную, в грязном мятом платье. Мужчина смотрел ей в глаза, а она мечтала только об одном — провалится сквозь землю. Мысль о том, что она уже два дня не принимала душ и не меняла белье, повергла Ализе в такой шок, что в ее сердце не осталось даже страха.

Девушка замерла у порога, стараясь не дышать и с тоской мечтая оказаться где-нибудь очень-очень далеко. Если бы не это чувство стыда, полностью парализовавшая мыслительные

способности, она наверняка задумалась бы, почему этот мужчина вызвал у нее такое смятение. Ализе вообще не обращала внимания на мужчин. Сначала она была молода, потом болела, потом муж стал занимать все ее мысли. Замечать других мужчин не было ни времени, ни желания, и вдруг — такая странная реакция. Но Ализе не думала об этих странностях, она не думала ни о чем, незнакомый мужчина полностью захватил все ее существо.

— Ализе, подойди ко мне, — сказал мужчина. У девушки задрожали ноги. Этот голос проникал в ее сознание, разливался по венам раскаленной лавой. Она сделала три неуверенных шага. — Посмотри мне в глаза, — вновь произнес он. Ализе вскинула голову и утонула в этих чудесных серо-голубых глазах. Ее охватило осознание, что так стоять и смотреть на него она может целую вечность, и при этом не будет никого счастливее ее в целом мире. — Ализе, — голос мужчины внезапно стал холоден и строг, — расскажи, что произошло в том доме, когда все ожидали твоего мужа. Расскажи мне честно и без утайки, как получилось, что он в последнее мгновение избежал ловушки, в которую неминуемо должен был попасть. Ты его предупредила? Как? Ты можешь с ним общаться ментально, так же, как и с братом?

— Нет! — Ализе отчаянно замотала головой. — Между нами нет никакой связи: ни ментальной, ни какой другой!

— Ализе, — еще достаточно мягко, но уже с жесткими нотками в голосе, от которых у Ализе пробежал по спине озноб, настойчиво сказал мужчина. — Я не верю тебе. Ты меня обманываешь. Признайся, ты врешь?

— Нет! — почти истерично закричала девушка. — Я клянусь, никакой связи между мной и мужем нет!

Мужчина вопросительно глянул куда-то за спину Ализе. Потом согласно кивнул головой и продолжил:

— Нет, Ализе, я не верю твоим клятвам. Ты уже много лет являешься женой Темного. А они — известные лжецы, предатели и враги всех Светлых сил земли. Поэтому, как мне ни жаль, но я должен убедиться в искренности твоих слов. Посмотри мне в глаза, — Ализе послушно устремила взгляд в зрачки его глаз. — Я хочу, чтобы ты мне полностью доверяла, — голос стал вкрадчиво-ласково-спокойным. — Ты веришь мне? — она кивнула, не в силах сказать ни слова. Он с минуту пристально смотрел ей в глаза, потом досадливо отвернулся. — Ничего не получается. На ее сознание установлена блокада. Или она сама, или ее брат поставили ее. Я не могу читать ее мысли.

— Ты можешь снять эту блокаду? — будто издалека

услышала Ализе голос матери.

— Снять не могу, но я могу пробить блокаду. Вот только выдержит ли она? — в голосе мужчины зазвучало сомнение.

— Выдержит, — уверенно ответила Исилите. — ты же помнишь, насколько силен магически был ее отец. Ты так и не смог пробить его блокаду, хотя чуть не сжег ему весь мозг.

Мужчина дернул плечами, очевидно, воспоминания были не из приятных. Он резко повернулся к девушке и взял ее лицо в ладони.

— Смотри мне в глаза. Не смей закрывать глаза, чтобы ни происходило, — приказал он.

Ализе замерла. Ей показалось, что в глаза ударил луч света непередаваемой силы. Боль была настолько сильной, что она дико закричала, но продолжала смотреть. Она кричала и кричала, а боль все не проходила. Потом все потонуло во тьме. Она не слышала, как мужчина зло и раздраженно сказал:

— Никакой связи нет. Очевидно, происшедшее было случайностью. Она будет спать двое суток, пусть ее не тревожат.

— Что будет дальше? — обеспокоенно спросила женщина. — Ты ее отпустишь?

— Об этом не может быть и речи. Ты совершила страшную ошибку, оставив дочь на воспитание в королевстве отца. Ты должна была задействовать все наши силы, чтобы забрать детей. Теперь мы это исправили. Ализе еще очень молода, впереди у нее длинная жизнь, мы поможем ей прожить ее так, как лучше для нашего народа.

— Ты забыл, что у нее есть муж и брат. Они ее будут искать.

— Я очень на это надеюсь, — с усмешкой ответил он.

Глава 3

Ализе очнулась от голосов.

— До чего же она красива, — с восхищением говорил мужской голос, от которого все внутри Ализе задрожало от счастья и радости.

— А почему бы ей не быть красивой? — в женском голосе отчетливо звучали ревнивые нотки. — Мы с Эллентиэлем считались самой красивой парой.

— Ты очень красивая, — подтвердил мужчина, однако нотки безразличия заставляли усомниться в том, что он так, действительно, считает. — Только ваша красота совершенно различна, — вдруг спохватился он. — Ты — яркая, дикая, необузданная, а она… — он чуть подумал, — а она — истинная женщина. Не друг или соратник в борьбе, не мать или хранительница очага, а именно женщина, возлюбленная, любимая, которую хочется защищать, которую хочется оберегать. Нежная и беззащитная.

— Что ж, тем лучше, — грубо сказала Исилите. — Значит, нам не придется долго ждать, когда муж соизволит прийти за ней. Кстати, ты решил, как с ним поступишь?

— Решил, теперь уже я решил окончательно, — губы мужчины исказила злая улыбка. — Он умрет. Умрет сразу, как только мы вытрясем из него все, что нам надо. Вот только меня беспокоит мысль: что, если Ализе не смирится с его смертью? Что, если она любит его настолько сильно, что не примет потом нашей помощи?

— Нет! — яростно крикнула женщина. — Она не может любить Темного! Она — моя дочь! Он зачаровал ее, запутал, наложил заклятие, только поэтому она была с ним. Она ненавидит его и всех Темных так же, как и я. Эта ненависть в ее крови. Тебе надо только выжечь яд той нити, которой он ее к себе привязал. Снять чары, которые он наложил. И ты сам увидишь, что она не питает к нему никаких чувств, кроме ненависти!

— Хорошо, если так, — голос мужчины зазвучал успокаивающе, — у меня на нее большие планы. Она может стать достойной женой одного из воинов, которого я выберу, и достойной матерью.

— А я думала, ты ее для себя хочешь оставить, — в голосе женщины звучала радость и явное облегчение. Ты так хищно смотрел на нее.

— Я еще ничего не решил. Во-первых, ее муж еще жив. Во-вторых, я не знаю, каким образом он привязал ее к себе. Мне

нужно, чтобы она его ненавидела. Ненавидела не только во время моего воздействия на ее сознание, но и ненавидела, когда я перестану влиять на нее. Это придется, к сожалению, сделать обязательно. И еще нам придется разблокировать ее магические способности.

— Зачем? — удивилась Исилите. — Когда ее способности заблокированы с ней намного спокойнее. Она настолько напугана, что и не помышляет ни о каком сопротивлении.

— Неужели непонятно? — раздраженно возразил мужчина. — Если она зачнет ребенка в момент, когда ее способности будут заблокированы, то ее ребенок их не получит! А для нас главное заставить ее передать свои способности ребенку.

— И ты, похоже, уже подобрал кого-то на роль будущего отца, — голос женщины вновь дрогнул, от сдерживаемой ревности.

— Я же уже тебе сказал, об этом говорить пока рано! Сначала я должен быть точно уверен, что Ализе ненавидит своего мужа и с радостью примет его смерть. Мне не нужна Ализе, страдающая от любви к погибшему супругу и одновременно ненавидящая нас. В идеале лучше всего было бы заставить ее саму убить Темного.

— Чтобы убить Темного, его надо сначала поймать, — резонно возразила Исилите. — А это сделать будет непросто, — она хотела еще что-то добавить, но увидев недовольное лицо мужчины, коротко сформулировала дальнейшие шаги в отношении Ализе, что следовало предпринять: — Сначала необходимо снять с Ализе путы, какими Темный ее к себе привязал. Потом, когда ее сознание очистится, и она поймет в каком аду жила, надо заставить ее, пересилить свою слабость, трусость, неуверенность, и собственноручно убить этого негодяя. Думаю, только тогда со временем, она сможет успокоиться и полюбить кого-нибудь достойного себя. Мы все время должны быть рядом с ней, помогая ей выйти на правильную дорогу, — мужчина согласно кивнул, а Исилите между тем продолжала: — Я так понимаю, тебе нужны дневники, которые вели отец Даххарста и Эллентиэль, и еще тебе нужен код к шифру, чтобы прочитать их, а что еще ты хочешь выпытать у Темного?

— Самое главное мне надо знать, как они вообще проникали в гробницы. Я столько лет пытался это сделать, но кроме новых и новых трупов ничего не получал. Мне надо знать, как они входили внутрь, какие заклятия, амулеты при этом использовали, какие ощущения у них при этом были и главное: где располагались эти гробницы. Может я не в тех землях искал, может сила заклятий, наложенных на эти могилы, ослабла, — его голос задрожал от какой-то алчности, от какого-то нетерпения.

Он сделал несколько резких шагов, — меня выводит из себя сама мысль, что этим негодяям, занимающимся раскопками от безделья, и из чистого любопытства удалось то, на что я безрезультатно потратил несколько столетий. Как такое могло случиться? Если бы не та глупая девка, мы никогда не узнали бы о существовании этих дневников. Эта мысль бесит меня и выводит из себя. Случайность на случайности. Это не правильно, так не должно быть.

— Успокойся, — Исилите ласково накрыла ладонью его руку, — может все как раз не случайно. Может именно сейчас и пришло время.

В этот момент Ализе застонала.

— Наконец! — радостно сказал мужчина, — наконец, она пришла в себя.

Глава 4

Дальнейшее Ализе помнила урывками. Нет, ее глаза фиксировали каждое мгновение того, что с ней происходило, а вот мозг воспринимал только отдельные моменты. — Как ты сегодня отдыхала? — ласково спросил самый желанный, самый дорогой для нее на свете голос. Она зарделась от смущения и счастья, что небезразлична ему, что он заботится о ней. — Хорошо, — едва слышно пролепетала она, и ее лицо вновь озарилось счастливой улыбкой. — Мы сейчас идем гулять в парк, — зачем-то сказал мужчина, взяв ее за руку.

Ей было все равно, куда идти, лишь бы его рука прикасалась к ее руке. Они некоторое время шли по дорожке. Вдруг Ализе увидела мать. Страх холодком пробежал по ее спине. Мужчина это почувствовал. — Не бойся, — шепнул он ей, — пока ты со мной, никто на свете не причинит тебе вреда. Ты веришь мне? Ализе подняла на него полные счастливых слез глаза, и прошептала:

— Да, верю. Я верю только Вам, и больше никому на свете!

Довольный ее ответом, мужчина засмеялся, и, оставив Ализе в одиночестве, подошел к ее матери. — Вот бы навсегда оставить Ализе в таком состоянии, — мечтательно сказал он. — Тебе мало тех девушек, что окружали и окружают тебя всю жизнь? Еще не насытился? — достаточно едко спросила Исилите. Мужчина удивленно глянул на нее, и Исилите виновато поджала губы. — Я хотела сказать, что Ализе ничем не отличается от тех девушек, что рядом с тобой, — поправилась она, сгладив грубость своих первых слов. — Не отличается ничем, — слегка передразнил ее мужчина, — кроме невероятной красоты и столь же невероятной силы Дара родовой магии. Исилите молчала, возражать было нечего, он был абсолютно прав. Она удивилась самой себе — никогда еще она так резко с ним не разговаривала, никогда, ни разу за все долгие-долгие годы, что знала его. — Когда ты собираешься выводить ее из этого состояния? — уже спокойным, деловым голосом спросила она.

Он нахмурился и еще раз посмотрел на девушку, которая продолжала стоять на том же месте, где он ее оставил, и все так же счастливо улыбалась, глядя в пространство. — Я хотел это сделать, как только мы схватим ее мужа… но, пожалуй, это будет неправильно. Ей понадобиться время, чтобы осмыслить в полной мере, что он враг, которого надо уничтожить. Ты сама возьмешься ей все это объяснить? — Мне кажется, что она мне не поверит. Наша встреча была не из приятных. Лучше пусть сначала с ней

поговорит Лириэлль. Ализе ей доверяла и очень многое рассказала и о себе, и о муже. — А она не решит, что Лириэлль ее предала? По-моему, это Лириэлль заманила ее в ловушку, Ализе будет настороже. — О! За это не волнуйтесь! Я проинструктирую Лириэлль, как надо восстановить доверие моей дочери. Лириэлль поплачет, расскажет какую-нибудь душещипательную историю о том, как ее принудили к этому обману, и Ализе вновь начнет доверять ей. А потом, когда Ализе будет знать, что ее окружают друзья, мы объясним ей, что все то время, пока она была рядом с мужем, она находилась под его воздействием. Думаю, поняв это, она возненавидит его всем сердцем и с радостью воспримет его смерть, как месть за то, что он с ней учинил. Мужчина согласно кивнул. Этот план ему понравился.

Ализе отвели в ее комнату. Она все так же с любовью смотрела на мужчину, что держал ее за руку. Мужчина коснулся ее лба, и Ализе потеряла сознание.

Когда она открыла глаза, рядом с ней сидела Лириэлль и гладила ее по руке. Ализе хотела отдернуть ладонь, но Лириэлль не позволила ей этого сделать. — Прости меня, прости меня, — горестно запричитала Лириэлль. — Я так виновата перед тобой! Но я клянусь, если бы я не знала, что это все делается для твоего блага, я никогда бы так не поступила! — Для моего блага? — удивилась, еще не конца пришедшая в себя Ализе. — Конечно, для твоего блага! Ты ведь говорила мне, как обижал, как издевался над тобой муж. Когда твоя мама узнала об этом, она не стала ждать и минуты и тут же захотела забрать тебя от него. Забрать в свою семью, где тебя по-настоящему любят и никогда никому не дадут в обиду. Лириэлль говорила и говорила, ее голос журчал ласково и успокаивающе. Ализе силилась вникнуть смысл сказанного бывшей подругой, и не могла. Слова сливались в единую фразу: «Муж не любит тебя, он никогда не любил тебя, он никогда не полюбит тебя. Он несет только боль и несчастье, он подчинил тебя себе, он наслаждается твоими мучениями и страданиями. Ты никогда не будешь счастлива, пока он будет жить!» Ализе старалась сбросить с себя оцепенение, пыталась избавиться от ощущения паутины, липнущей к телу, но не могла. Собственных сил у нее не хватало, а ее Дар, ее силы родовой магии оставались заблокированными. — Уйди, — слабым голосом, в который раз просила она Лириэлль.

Но та продолжала еще более страстно убеждать Ализе.

— Вспомни, — шептала она, — как он был груб и жесток с тобой в первую ночь после свадьбы. — Его обманули, — пыталась защитить мужа Ализе. — Обманули? — ядовито засмеялась Лириэлль. — Он что, маленький мальчик, который верит каждому

сказанному слову? Да если бы он любил, то постарался бы сам узнать о тебе, что только возможно, и никто, повторяю, никто не смог бы его обмануть или запутать. Ты ему безразлична, ты должна признать это. Ты ему безразлична как жена, как любовница, как друг. Ты разве сама этого не видишь и не чувствуешь? — Он потом говорил, что любит. Да, он любит меня, — уже более уверенно возразила Ализе. — Любит?! — голос Лириэлль был полон насмешки. — Тогда почему ты ушла от него? А главное, как он мог смириться с твоим уходом, как он отпустил тебя, если он любит? Темные никогда не отдадут и не выпустят из рук, то, что им по-настоящему дорого. Ты разве этого не понимаешь? Ализе задрожала. Слова Лириэлль били точно в цель. Перед глазами возникло перекошенное от гнева и ярости лицо мужа в последние мгновения перед тем, как он исчез. Страх заползал ей в душу. Ее никто не любит. Она никому не нужна, может, только брату. — Ализе, — уже немного спокойнее сказала Лириэлль, — если бы твой муж любил тебя, то он уже был бы здесь и пытался тебя освободить. Ты так не думаешь? Но он прекрасно пережил твое исчезновение, может, даже поблагодарил нас, потому что теперь он сможет наслаждаться жизнью, как только пожелает. Ты ведь понимаешь, что сейчас он проводит время в чьих-то объятиях? Щеки Ализе вспыхнули алым цветом. Мысль о том, что Даххарст в эту минуту с другой женщиной, была мучительна и нестерпима. Лириэлль правильно поняла ее реакцию. — Такой муж тебе не нужен, — убежденно зашептала она. — Муж, который может предать в любую минуту, в любую секунду. Муж, думающий не о тебе, а о других женщинах, мечтающий заполучить их в свою постель. — Замолчи! — взмолилась Ализе, у которой больше не было сил выносить этот разговор. — Пожалуйста, дай мне отдохнуть. Я прошу тебя! Лириэлль поняла, что Ализе говорит правду, и тихо выскользнула из комнаты.

Ализе откинулась на подушку, мечтая сейчас быстрее заснуть, но сон не шел. Слова Лириэлль беспрестанно крутились в голове. Хотелось кричать от боли, но Ализе молчала.

Глава 5

Ализе надеялась, что теперь ее оставят в покое, но она ошиблась. Это было только начало. На другой день Лириэлль сообщила, что им можно немного погулять. Ализе уже было обрадовалась, что, покинув комнату, где ее магические силы блокировались, она вновь ощутит их, и она снова ошиблась. На прогулке девушек сопровождали двое мужчин, которых она уже видела в доме. Их присутствие сначала тяготило и угнетало ее, но потом она как-то перестала обращать на них внимание, и стало значительно легче.

Незаметно опустился вечер, в ветвях деревьев стали вспыхивать огни, откуда-то доносилась музыка. — Что это за музыка? — решилась спросить Ализе у своей спутницы. — Так сегодня же праздник! — обрадовалась Лириэлль ее интересу. — Хочешь, пойдем, посмотрим? Сейчас начнутся танцы. В круг мы, конечно, заходить не будем, но постоять в стороне и понаблюдать за танцующими тоже приятно. Ализе в ответ лишь пожала плечами и покорно пошла по тропинке вслед за Лириэлль.

Открывшееся перед ними зрелище было довольно красиво. Девушки и парни стояли друг против друга, дожидаясь начала мелодии. Когда мелодия заиграла, разделились на пары, касаясь друг друга только ладонями. Танец был изысканным и целомудренным, как раз таким, какие любила Ализе. Никакой страсти, никакого неистовства, только невесомый, едва ощутимый намек на нежность и внимание, легчайший, почти незаметный флирт, который, тем не менее, горячил кровь, будил мечты и желания. Ализе всегда нравились такие танцы. Недосказанность, завуалированные, глубоко скрытые чувства, словно игра, в которую играли только двое, и о которой больше никто не мог догадаться. Темные танцевали не так. В их танцах бурлила откровенная страсть, откровенное неприкрытое желание, словно танцы являлись прелюдией к ночи любви. Ализе так танцевать стеснялась и даже втайне осуждала женщин, почти непристойно льнувших к партнерам во время исполнения некоторых фигур. А вот на танцы Светлых она смотрела с наслаждением. Сдержанность, почти холодность в движениях и прикосновениях в противовес страстным взглядам, полным нежного томления. — Ах, как красиво они танцуют! — не сдержалась Ализе, и тут же, словно испугавшись своего порыва, быстро развернулась, чтобы вернуться в свою комнату. — Не спеши, — остановила ее Лириэлль. — Пойдем, посидим вон там. Они двинулись в сторону беседки, увитой красивыми цветами. Но

когда девушки подошли достаточно близко, то поняли, что эта беседка занята, и не просто занята — в беседке шло страстное объяснение в любви. Ализе и Лириэлль замерли от неожиданности, и, прежде чем они спешно ушли, Ализе услышала несколько слов, от которых ее сердце заколотилось, как сумасшедшее. Но не потому, что эти слова разбудили какие-то особенные страстные чувства, а потому, что именно о таких словах она мечтала всегда, и именно таких слов никогда не говорил ей Даххарст. Его слова любви можно было описать одним словом: «хочу». «Как я хочу тебя… какая ты вкусная… как я соскучился по твоим губам… я не могу дождаться, когда мы останемся одни, и я стисну тебя… не могу оторваться от тебя, не могу насытиться тобой!» А Ализе временами хотелось от него слышать нечто совсем другое: «До встречи с тобой я не жил… за минуту счастья быть с тобой я отдал бы все прожитые годы… ты свет, ты счастье моей жизни… мне в жизни больше ничего не надо, только знать, что ты рядом со мной… без тебя я не буду жить ни минуты на свете…», и многое-многое другое, столь же возвышенное.

Даххарст терпеть не мог подобных слов, никогда не произносил их, и, как иногда с сожалением отмечала Ализе, никогда даже не думал подобным образом. Они были слишком разными, соединенные друг с другом волею судьбы и обстоятельств. Теперь Ализе понимала, что она подчинила себя ему, сломала себя ему в угоду, постаравшись подстроится под его характер и привычки, а вот он… А он не сделал ей навстречу ни одного шага. И вот теперь случайно услышанные чужие слова вновь всколыхнули в ее душе затаенную боль и обиду. Ализе отчетливо поняла, что она глубоко-глубоко несчастлива. Лириэлль пытливо смотрела на подругу, стараясь понять, какие чувства бродят в ее душе. Вот Ализе замерла, слушая чужие слова любви, вот ее глаза полыхнули гневом, и вот она поникла, съежившись и сжавшись в комок, мгновенно став тихой и грустной. — Ты думаешь о своем муже? — решилась на прямой вопрос Лириэлль. Ализе не ответила, молчаливо подтвердив это предположение. — Не думай о нем! — тут же воспользовалась ситуацией Лириэлль. — Забудь его, будто его никогда и не было. Он не стоит тебя! Ты умная, красивая, нежная, утонченная, тебе разве такой муж нужен? Он не ценит, не понимает тебя. Он разве знает твои мысли? Твое тело — вот что его интересует, и только. Похоть и еще раз похоть — это единственные чувства, что он к тебе испытывает. Но он скоро насытится и выбросит тебя, как ненужную вещь, заменив новой любовницей. Ализе, он не любит тебя! Ты не можешь этого отрицать. Признайся, ведь ты и сама

так считаешь. Ализе не отвечала и только с тоской посмотрела куда-то вдаль.

На другой день они снова гуляли, теперь в красивейшем лесу. Трава была, словно шелковое покрывало, запахи самых разных цветов смешивались между собой и создавали непередаваемо чудесный аромат. Ализе с наслаждением вдохнула полной грудью. — Как же мне не хватало всего этого, — тихо прошептала она, но Лириэлль услышала ее слова. — Замок Даххарста расположен в красивом месте? — словно ненароком спросила она. — У него несколько замков, — охотно ответила Ализе. — Но все они расположены в горах, в очень труднодоступных местах, и попасть в них можно только с помощью портала. — В этом нет ничего удивительно. Темные подозрительны и осторожны. Если сам замышляешь каждую минуту что-то недоброе, то такого же ждешь и от окружающих. Доверчивы только те, кто сами добры и искренни, — пояснила Лириэлль свою мысль.

Ализе была вынуждена с ней согласиться. Так день за днем, минута за минутой Лириэлль делала все, чтобы доказать Ализе, что только со своим народом, среди своих родных ей будет по-настоящему хорошо и спокойно. Доказывать-то она пыталась, только ее доказательства разбивались, как волны о берег, когда Ализе видела стоящих за своей спиной мужчин, что блокировали ее силы. Как бы Лириэлль не исхитрялась, Ализе чувствовала себя узницей, а все окружающие воспринимались ею, как тюремщики. — Пока Ализе не разблокируют силы, она не будет никому здесь доверять, — в который раз пыталась убедить она маму Ализе. — Как только она докажет, что ей можно доверять, мы разблокируем ее силы, — неизменно отвечала Исилите. Это был какой-то замкнутый круг, выхода из которого Лириэлль не видела, но в один из дней все изменилось. — Лириэлль, как ты считаешь, Ализе уже достаточно сильно ненавидит мужа? — Исилите ждала ответа, глядя на девушку не мигая, словно кобра. — Трудно сказать, — осторожно ответила Лириэлль. — Когда мы говорили о ее муже в Академии, Ализе была на него зла и обижена. Но если я начинаю эту тему сейчас, она вроде бы и согласна, что он редкий негодяй, но в то, же время в таких разговорах она больше отмалчивается. Ализе страдает от того, что ее никто не любит. И если бы Вы показали ей, как она Вам дорога, как Вы любите ее, думаю, ее ненависть к мужу усилилась бы. А так она чувствует себя одинокой и беспомощной. И вот в один из дней в комнату к Ализе пришла не Лириэлль, а Исилите. — Здравствуй, Ализе. Думаю, пришло время нам с тобой поговорить. Ализе настороженно смотрела на мать, что-то ей подсказывало, что разговор будет тяжелым и неприятным.

Глава 6

— Здравствуй… мама, — чуть запнувшись на слове «мама», ответила Ализе и бессознательно стиснула руки, словно собирая силы для борьбы. Или сопротивления чему-то.

Этот жест не укрылся от внимания Исилите и вызвал гримасу раздражения на ее лице. Она в который раз внимательно посмотрела на дочь, и в который раз подивилась, насколько же Ализе не похожа на нее. Она не имела в виду не внешнюю несхожесть, а внутренний стержень, внутреннюю силу, которая у ее дочери напрочь отсутствовала. Такое бесхребетное безволие страшно раздражало Исилите, ей было невыносимо обидно, что у нее такая никчемная дочь. Своей вины за это она не ощущала, твердо уверенная, что характер или есть — тогда любые испытания его только укрепят, или его нет, и тогда, как ни воспитывай, а тряпка останется тряпкой. Ее дочь, к сожалению, принадлежала именно ко второму типу. Но в этом был и один хороший момент. Исилите была уверена, что подчинит Ализе своему влиянию, и тогда она сможет заставить ее делать все, что ей будет от нее нужно. Сегодняшний разговор был вынужденным, лично Исилите считала, что Ализе еще к нему не готова. Но кое-что случилось, и теперь приходилось форсировать события. В Древний лес прибыл Лаэдель с сообщением, что очень скоро в их руках окажется муж Ализе. Исилите с Лаэделем не разговаривала, она его терпеть не могла, презирая горячо и искренне, с ним беседовал Наставник, он и передал ей суть этого разговора. Схватить Даххарста было бы большой удачей. Наставник еще ни разу не пытался ломать Темного из Высших, ему было очень интересно узнать, чьи силы окажутся сильнее. Впрочем, это было и так понятно, он сломает Даххарста, причем, не только физически, но и морально. Когда тот увидит в роли палача свою жену, то его последние мгновения жизни будут не из приятных. После встречи с Лаэделем, оставшись наедине с Исилите, Наставник медленно произнес, словно припоминая что-то: — Миранель… Это разве не она рассказала тебе о планах твоего мужа относительно Ализе? И о том, что он предал Светлых, перейдя на сторону Темных? — Исилите передернулась от неприятных воспоминаний, но утвердительно кивнула головой. — Простить себе не могу, — продолжил мужчина, — что заранее не узнал об этом. Он ведь даже не скрывал, что общается с Темным. Они вместе учились, а потом вместе добывали артефакты из могильников, — он в раздражении стиснул зубы. — Но Вы ведь сами настаивали, чтобы эльфы Древнего леса

прекратили любые контакты с внешним миром, — осторожно напомнила Исилите. — Да, настаивал, — со вздохом признал свою ошибку Наставник. — Я хотел оградить наш народ от разлагающего влияния мира, который катится в пропасть, и вот что получилось. Первый же эльф, да не простой эльф, а один из сыновей погибшего Правителя, оказался предателем. А эта Миранель? Как считаешь, ей можно доверять? — Конечно, нет! — с жаром закричала Исилите. — Она училась в одной группе и с моим мужем, и с отцом Даххарста. И я думаю, она рассказала о нем не потому, что считала его поступки неправильными, а из ревности! Она была, как кошка, влюблена в моего мужа, — Исилите чуть подумала, что-то припоминая, — или в отца Даххарста, — она снова задумалась. — Или в самого Даххарста. До меня доходили самые разные слухи. — В Даххарста? — тут же подхватил ее мысль Наставник. — Это интересно. А нельзя ли использовать эти сведения, чтобы показать Ализе, насколько низок, насколько мерзок ее муж? Мне нужна Миранель. Доставьте ее ко мне! — резко и сухо приказал Наставник.

Исилите молча кивнула. Исилите ненавидела и глубоко презирала Миранель за ее беспринципность, за то, что та вешалась на шею каждому встречному мужику, потом следующему, и следующему. Она осторожно следила за ней эти годы, каждый раз убеждаясь, что не ошиблась в своем отвращении, к немалому своему удовольствию. А еще она постаралась разузнать о ее прошлом, и, поскольку Миранель не делала из него особой тайны, Исилите удалось узнать много интересного. И вот теперь, пока Миранель еще не доставили в Древний лес, она хотела поговорить с дочерью, используя имя ненавистной соперницы, чтобы поселить в душе Ализе еще большую ненависть к мужу. — Ализе, я почти не знаю тебя, мы расстались, когда ты была еще совсем маленькой. Но я верю, что мы сможем если не подружиться, то хотя бы понять, а самое главное — доверять друг другу. Ведь так? — Исилите пытливо посмотрела в лицо дочери. Ализе смутилась от такого вопроса и неуверенно кивнула головой. — Твой отец предал свой народ и фактически продал тебя, согласившись на твою помолвку с Темным и клятвенно подтвердив своей кровью это обещание в нашем Храме.

При этих словах Ализе удивленно посмотрела на мать. Она не знала таких подробностей той давней помолвки, Даххарст ничего не говорил, но, возможно, он тоже этого не знал.

— Ты не знала? — спросила мать. — Неужели ты думаешь, что я оставила бы тебя ему, если бы не эта клятва. С той минуты, как он, разрезав свою ладонь, скрепил вашу помолвку, твоя

судьба стала страшной и незавидной. Или Темный, или никто — вот как отец предопределил твой выбор. Он фактически лишил тебя его. Освободить от этого брака может только смерть твоего мужа, но убить Темного, тем более, Темного из Высших, почти невозможно. Исилите внимательно смотрела за реакцией дочери и была очень сильно разочарована. Она думала, что когда она скажет, что Ализе навечно привязана к мужу, та расстроится, но дочь продолжала спокойно смотреть на нее. Она думала, что когда скажет о том, что смерть Даххарста сможет вызволить ее из кабалы, глаза дочери засветятся радостью, но и этого не случилось, Ализе все так же спокойно продолжала слушать ее рассказ. Исилите была умна, поняв, что ее слова не находят отклик в сердце дочери, она оставила тему смерти Даххарста и заговорила совсем о другом. — Ты знаешь некую Миранэль? — спросила Исилите. Ализе дернулась, и Исилите поняла, что это имя дочери не только знакомо, но и вызывает очень неприятные эмоции. — Что ты знаешь о ней? — уточнила Исилите.

Ализе почти с вызовом взглянула ей в глаза. — Я знаю многое. Например, о том, что она была любовницей отца, когда училась с ним в Академии. Знаю, что потом она была… — голос Ализе предательски дрогнул, но она быстро с собой справилась и твердо закончила: — была любовницей Даххарста. Жаль, что Ализе не могла заглянуть в мысли матери, иначе она бы сильно удивилась: мать очень расстроилась, увидев, что сенсации не получилась.

Но Исилите не сдавалась. — Ты думаешь, у них была легкая интрижка или ни к чему не обязывающий романчик? — вновь спросила она дочь. — Если ты так думаешь, то очень сильно ошибаешься. Не знаю, любил ли он ее в нашем понимании или просто это была страсть с его стороны, но их роман полыхал, словно лесной пожар. Правда, до тех пор, пока Миранель не дала ему повод усомнится в себе. Нет, она ему не изменила, она только дала повод подумать, что может ему изменить. И все. Он порвал с ней сразу и бесповоротно. Это потом она в отчаянии делала ему гадости, сначала же она молила его о прощении. Она была готова принести ему любые доказательства своих чувств, готова была поклясться на крови перед алтарем, а ты знаешь, нарушение подобной клятвы — смерть. Но все было напрасно. Даххарст не позволил ей больше приблизиться к себе, выкинув из своей жизни. Ализе слушала мать, полностью растворившись в ее словах. Она точно знала — та говорит правду. Даххарст именно такой. Он если что-то решит, изменить это уже будет невозможно. — Ты понимаешь, о чем я хочу сказать? — продолжала Исилите.

Ализе понимала. Тот случай в трактире не просто давал Даххарсту повод усомниться в ее верности. Она, действительно, могла изменить ему, даже против воли, под действием снадобья, которое, тем не менее, она выпила добровольно. Вспомнилось лицо мужа, когда он подходил к тому злополучному дому. Гнев и ярость, а может быть, даже ненависть ясно читались в его глазах. Ализе закрыла лицо руками. Только в эту минуту до нее окончательно дошло, что она наделала. Именно в эту минуту она поняла, что потеряла мужа навсегда. Исилите, без труда читающая по лицу Ализе, что у той творилось в душе, была удовлетворена и разговором, и теми эмоциями, которые он вызвал у дочери.

Глава 7

После разговора с матерью Ализе никак не могла прийти в себя. Как ни странно, но она лучше всех понимала, почему Даххарст когда-то бросил Миранель, усомнившись в ее чувствах. Вся причина была в отце Даххарста, который погиб в результате предательства жены. Ализе пыталась припомнить, рассказывал ли Даххарст хоть раз, насколько его потрясла смерть отца, или что он чувствовал при этом, и не могла. В то же время в ее душе почему-то жила странная убежденность, что эта смерть была самой большой трагедией в его жизни. И снова жалость к мужу затопила ее сердце. Жалость, несмотря ни на его плохое к ней отношение, ни на его измены, ни на то, что он женился на ней без любви. Ни на то, что она нужна была ему только в качестве инкубатора для вынашивания ребенка, который соединил бы в себе два вида магии. Ализе злилась на саму себя. Ну почему она не такая сильная, как мама? Почему, едва подумав, как Даххарсту тяжело пришлось в жизни, вся ее ненависть к нему мгновенно улетучилась, освободив место если не для любви, то для сочувствия точно. Ответ был один. Она слабая, безвольная, никудышная, она не достойна любви.

…Наставник сидел за столом своего кабинета, медленно перебирая артефакты, с помощью которых он собирался воздействовать на Темного Высшего Лорда. «Да, это будет очень интересно, — думал он. — Впервые мы сможем встретиться с Темным лицом к лицу, да еще на нашей территории. Нет, убивать его нельзя, по крайней мере, быстро. Второй такой возможности поэкспериментировать может и не быть». От нетерпения как можно быстрее увидеть Темного у него зачесались руки.

Раздался осторожный стук в дверь. — Войдите.

На пороге стояла Исилите. — Даххарст у нас, — не скрывая радостный блеск глаз, почтительно сказала она. — А Миранэль? — быстро спросил мужчина. — Нет, — раздраженно ответила Исилите, — Миранэль доставить не удалось. Добровольно идти с нами она отказалась, а когда мы хотели ее заставить, вмешался младший брат Даххарста. — Сколько с тобой было воинов? — недовольный рассказом Исилите, спросил Наставник. — Недостаточно, чтобы вступать в схватку с Темным Высшим, к тому же с ним была еще и Миранэль. Но ничего, это только вопрос времени. — Где поместили Даххарста? — В подвале. В камере с защитной сетью. Вырваться он не сможет, но его способности мы тоже не можем заблокировать. Он спит, но скоро проснется, — Исилите вопросительно посмотрела на

Наставника, ожидая дальнейших указаний. — Я сейчас спущусь в подвал. У меня есть несколько артефактов, посмотрим, как они работают, и насколько они смогут его удержать. Исилите поклонилась и вышла из кабинета.

Исилите беспокоилась за Наставника, который остался в камере один на один с Даххарстом. Помучившись немного, она решительно открыла дверь камеры.

— Вы разрешите мне присутствовать на допросе? — спросила она.

Наставник благосклонно кивнул головой, не переставая выкладывать на стол какого-то жуткого вида предметы и инструменты. Он достал из сумки пузырек с мутно-зеленой жидкостью и любовно встряхнул ее.

— Наконец-то мы сможем убедиться, насколько эффективны наши яды, разработанные против Темных! Я уменьшу концентрацию, чтобы не убить его сразу, а потом постепенно буду увеличивать, наблюдая за тем, как они действуют и как скоро Темный сможет восстановиться после отравления и судорог, которые будут выкручивать его тело. Сила судорог такова, что у людей, на которых мы опробовали этот препарат, разрывались связки и сухожилия, и они очень быстро умирали из-за остановки сердца. Но у Даххарста, надеюсь, такая же регенерация, как и у нас. Посмотрим, что будет происходить с ним.

Исилите на миг стало неприятно, но не из-за жалости к Даххарсту, а из-за того, что ее Наставник врал. Он опробовал этот яд не только на людях, но и на ее муже. Исилите об этом узнала случайно, и, разумеется, никому не стала говорить о своем открытии, даже Наставнику. И вот теперь она думала, что поимка Даххарста нужна была ему не только для того, чтобы узнать шифр дневников, но еще и для того, что ему очень хотелось сравнить, как это ядовитое зелье действует на Высших Темных и Светлых. Эта мысль ей не понравилась, и она подошла взглянуть на пленника, все еще лежащего без сознания.

— Почему Вы не надели на него пут, блокирующих магию? — ахнула она, увидев лежащего на полу Даххарста. Тот крепко спал в самой непринужденной позе, подложив руку, согнутую в локте себе под голову.

— Исилите, — серьезно ответил Наставник, — ты зря волнуешься. Во-первых, наши наручники предназначены для блокировки магии Светлых, на него они не особенно-то и подействуют. Я уже пробовал, можешь мне поверить. Нет, удержать его смогут только штыри, созданные нашей магией, они намертво прибьют его тело к стене.

— Так почему же Вы до сих пор этого не сделали? — не

унималась Исилите.

Наставник тепло и солнечно улыбнулся. Эта улыбка могла бы растопить и камень, если бы в глубине его глаз не пряталось какая-то садистская радость от предвкушения будущего развлечения.

— Как же ты не понимаешь? — почти с укором сказал он ей. — Если я пригвозжу его к стене сейчас, пока он в таком бессознательном состоянии, то я могу убить его, поскольку не буду знать, как моя магия действует на него.

И снова Наставник врал, Исилите это прекрасно понимала. Физиологическое строение Темных ничем не отличалось от строения Светлых. Все жизненно важные точки тела находились в одних и тех же местах, поэтому о том, что Наставник мог случайно убить Даххарста, не было и речи. Что же он хотел на самом деле? Исилите взглянула Светлому в лицо и едва сдержала брезгливую улыбку — у Наставника хищно раздулись ноздри и мелко подергивались губы.

Ей и без объяснений стало понятно: Наставник хотел видеть, какой мукой будет искажаться лицо Даххарста, когда он будет вбивать в его тело очередной штырь. Исилите опустила глаза, понимая, что не вправе осуждать своего учителя. Он мог позволить себе подобные небольшие слабости, ведь главное — они шли на пользу общему делу.

Все же она еще раз попыталась убедить Наставника в том, что оставлять Даххарста свободным очень опасно. И снова Наставник с ней не согласился.

— Когда он очнется, то в первые несколько секунд будет пытаться осознать, где он находится и как он тут оказался. Поверь, мне ничего не угрожает, я, в любом случае, окажусь быстрее его.

Потом, вспоминая этот разговор и, особенно, то, что случилось дальше, Исилите всегда помимо воли улыбалась. Она понимала, что это неправильно, но все, же злорадное веселье нет-нет, да и проскакивало во взгляде при мысли, насколько Наставник ошибся в оценке Темного.

…Сначала ровное дыхание Даххарста сменилось прерывистым. Исилите догадалась, что он приходит в себя. Она искоса глянула на учителя — тот стоял в расслабленной позе, следя за Темным, и даже сложил на груди руки. Исилите не понравилось это подчеркнутое пренебрежение опасностью, но она, разумеется, оставила при себе свое мнение.

Вот веки Даххарста дрогнули, и он открыл глаза. В ту же секунду сгусток черной мглы полетел в сторону Наставника и Исилите, они одновременно выставили щиты, отбивая атаку, но

это мало им помогло. Сгусток разбился на тысячи крохотных шариков, которые начали хаотично метаться, вонзаясь во все предметы, стоящие на их пути. Ни Исилите, ни Наставник не смогли полностью защититься от них, боль была настолько сильной, что их крики слились в одновременный вопль, тем более что Даххарст вслед за шарами метнул в Исилите с Наставником все приготовленные для пыток предметы, что лежали на столике. Ножи, иглы им удалось отбить, но вот раздавленный пузырек с ядовитым зельем окатил Наставника микроскопическими брызгами с ног до головы. Он заорал так, что охрана, с беспокойством прислушивающаяся к крикам в камере, но не смеющая нарушить приказ и войти, теперь ворвалась внутрь.

Наставник корчился на полу, Исилите, превозмогая боль, била Даххарста прозрачными острыми осколками, пытаясь заставить его забиться в угол. Вбежавшую охрану он смел одним движением, и они бесчувственными куклами повалились друг на друга. Но тут подоспели несколько воинов из Высших. И только тогда совместными усилиями они смогли прибить Даххарста к стене, истыкав его прозрачными штырями так, что он стал похож на булавочную подушку. Даххарст не издал ни звука, лишь только с издевкой чуть склонил голову в приветственном кивке, обращенном к Исилите, и потерял сознание.

Глава 8

Исилите зашла в комнату дочери. — Что с тобой, мама? — ужаснулась Ализе, увидев лицо матери, побитое, словно оспинками, красными воспаленными точками. — Это сделал твой муженек, — скрипя зубами от ненависти с Темному, процедила Исилите. — Ничего, он за это заплатит, дорого заплатит. Мы его схватили, он сейчас в камере для пыток, к сожалению, без сознания. Но когда он придет в себя… — она злобно и многообещающе улыбнулась.

Ализе стало страшно. — Вы схватили Даххарста? Как вам это удалось? — стараясь унять дрожь, спросила она. — Нам помог его младший брат и Миранэль. Теперь ты будешь отомщена. Он ответит за все обиды, которые нанес тебе. С ним немного поработает Наставник, потом я приведу тебя, и ты посмотришь, в какого слизняка превратится твой муж, слизняка, каким он, в действительности, и является. Увидишь, что вся его храбрость, и все высокомерие слетят, словно шелуха, оставляя вместо себя трусливое, дрожащее существо, какими на самом деле и являются все Темные. Ализе чуть не потеряла сознание, от нарисованной матерью картины. — Не надо! — жалобно попросила она. — Я не хочу это видеть. — Ты будешь смотреть! — резко встряхнула ее мать. — Ты должна доказать, что ты истинная дочь нашего народа. Ты должна показать, что так же, как и я, ненавидишь Темных. Ты поняла? Ализе опустилась на кровать и закрыла лицо руками. Исилите с отвращением посмотрела на дрожащие плечи дочери и вышла из комнаты. Не о такой дочери она мечтала. Исилите была уверена, что как только Ализе увидит ее иссеченное лицо, ненависть к мужу вспыхнет в ее сердце жарким огнем, но все получилось наоборот. Не ненависть, а страх за Даххарста увидела Исилите в глазах дочери. «Ничего, ничего, — успокаивала она себя, — я все равно заставлю Ализе смотреть на страдания Даххарста, а потом и на его смерть, даже если ее придется держать при этом». Ализе так была оглушена словами матери, что даже не слышала, как щелкнул замок на двери. Она пыталась осознать, что она чувствует к своему мужу. Безусловно, обиду, это она точно знала. До сих пор ее сердце сжималось от боли, когда она вспоминала, что женился он на ней только для того, чтобы она родила ему ребенка. Ребенка, соединившего в себе два вида магии — магию высших Светлых и Темных. Но эта обида не заставила ее желать ему смерти. Она хотела остаться одна, жить в каком-нибудь тихом укромном уголке… и вспоминать о тех немногих минутах счастья, которые она

испытала, когда была рядом с мужем. И никто не смог бы забрать у нее эти воспоминания. Пусть он не любит ее, она это понимает и осознает, но он все равно смог сделать ее счастливой, хоть это счастье и оказалось обманом. «Зачем они схватили его? — неожиданно подумала она. — Зачем он им? Зачем им его смерть и его мучения?» — этот вопрос теперь не давал ей покоя, но спросить было не у кого. Разве только у матери или Лириэль. Вот только Ализе не доверяла ни той, ни другой. Более того, она их обеих боялась. Но теперь ее сердце стал заполнять страх за жизнь Даххарста. Она ясно представила, как ее притащат к нему в камеру (а в том, что мать ее туда притащит, она ни секунды не сомневалась). Даххарст измученный и окровавленный посмотрит на нее… Он, наверное, даже не удивиться ее присутствию, а чему тут спрашивается удивляться? Его мать предала отца, и того убили, Исилите отправила своего мужа в пыточную камеру, вот теперь и Ализе пришла полюбоваться и убедиться, насколько ему плохо.

Едва представив эту картину, Ализе рухнула на кровать, уткнулась лицом в подушку, зажмурила глаза и закрыла уши, так она всегда поступала в детстве, когда ей было очень страшно. Но теперь ей это не помогло, наоборот, в голове очень четко определилась мысль, что она должна спасти мужа любой ценой. Ализе рывком села на кровати, стиснула виски руками: «Думай! Думай! — твердила она самой себе. Перед глазами встало лицо матери, все покрытое воспаленными оспинами. — Есть!» — мысленно радостно закричала Ализе и, подскочив к двери, забарабанила в нее кулаками.

— Мама, мама, мне надо тебе что-то сказать! — Через несколько минут дверь открылась. Голос матери был сух и бесстрастен:

— Чего тебе?

— Мама, — торопливо спросила Ализе, боясь, что мать уйдет, недослушав ее, — твое лицо пострадало от магии Даххарста? — Исилите утвердительно кивнула. — Когда мы поженились, — все также торопливо продолжала говорить Ализе, — в первую брачную ночь Даххарст ударил меня своей магией. Так вот кроме него никто не сможет тебе помочь, и вылечить тебя. Можешь мне поверить! Мы с Саннаэтелем десять лет пытались это делать. К каким целителям только не обращались, какие ритуалы только не проводили, какие артефакты только не использовали! Пока сам Даххарст не вылечил меня, после того, как мы помирились, — Ализе старалась говорить убежденно, не давая, матери ни малейшего шанса заподозрить, что вылечить ее сможет и другой Высший Темный. Если бы так произошло, то шансы Даххарста

остаться в живых сильно бы понизились. Но Исилите поразило другое.

— Ты его простила, после того, как он ударил и покалечил тебя?! — потрясенно переспросила она. Ализе пришлось кивнуть, выдержав еще один презрительный взгляд матери. Но Ализе знала, что она не может рассказать, как и она ударила Даххарста в ответ. Ведь если она это скажет, если мать узнает, что магия Светлых также может очень серьезно калечить Темных, то ее мужу будет только еще хуже. Пусть лучше ей.

— Я тоже была виновата в нашей ссоре, — опустив голову, тихо стала оправдываться Ализе. — Мы тогда не поняли друг друга. Но это все в прошлом, — она уже смелее посмотрела на мать. Я хочу сказать, что только он может избавить тебя от этих оспинок, оставленных на твоем лице его магией.

— Понятно, — Исилите поджала губы так, что они превратились в тонкую линию. — Ты хочешь, чтобы я унизилась перед Темным, до просьб об исцелении? — глаза матери грозно засверкали от едва сдерживаемого гнева.

— Нет, нет! — в ужасе залепетала Ализе. — Я просто хотела сказать… — она помолчала, не решаясь продолжать, — что возможно в обмен на то, что вы сохраните ему жизнь, он согласится помочь тебе.

— Нет! Твой муж умрет. Мне не нужна его помощь! — тон Исилите не оставлял никаких сомнений, что свое слово она сдержит. Ализе больше не спорила, и не сказала больше ни слова в след уходящей матери. Матери? Нет, эту страшную женщину Ализе не считала своей матерью, во всяком случае, такой, о какой она мечтала в детстве, когда ей особенно было плохо и одиноко.

Два дня к Ализе никто не заходил, только молчаливый охранник приносил еду, ставил ее на стол и уходил. Ализе была рада своему одиночеству, ей никого не хотелось видеть, не хотелось ни с кем разговаривать, она думала, думала, думала. Все ее мысли были об одном: как помочь своему мужу. Общаясь со своей матерью, Ализе отчетливо поняла, насколько та ей чужда. Ни одной связывающей их ниточки она не ощущала, а вот с Даххарстом…

Глава 9

Ализе вспоминала каждый день, проведенный с ним перед ее глупым уходом. То, что ее поступок был глупым, необдуманным, она поняла уже давно, тем более, что он привел к таким страшным последствиям. Как же ей хотелось все вернуть назад. Пусть даже ее Даххарст и не любил, пусть женился на ней только из своих корыстных побуждений, он ни одним жестом, ни одним словом не дал ей понять, что это так. Он могла оставаться в своем заблуждении еще долгое время, ощущая себя невероятно счастливой. А потом она окончила бы Академию…

В эту секунду такая простая и ясная мысль осенила ее: «Почему я себя веду, как никчемная, слабая беззащитная идиотка? Я же сильная! Меня же учили драться, не только применяя магию, но и обычным оружием. Саннаэтель учил меня рукопашному бою, я хорошо бросаю кинжалы, владею мечом, я быстра, инструктор сколько раз говорил мне это, — едва Ализе подумала об этом, как надежда на то, что она сможет помочь мужу наполнила ее сердце, и она заметалась по комнате, обдумывая свой план. — Когда меня приведут в камеру, где пытают Даххарста, наверняка там будет много оружия. От меня никто не будет ждать подвоха. Можно будет выждать момент, когда на меня не будут обращать внимания, схватить любое оружие и ударить тех, кто будет рядом. Потом освободить Даххарста и помочь ему уйти порталом. Стоп! — остановила сама себя Ализе, — Он будет ослаблен, ему будет нужно время, чтобы прийти в себя. Мне нужно будет задержать охрану! Я обязана их задержать! Но как? Амулет! — радостно мысленно закричала Ализе. — Они блокируют мою магию, но это никак не отражается на действии амулетов. Я столько их видела у других эльфов, когда гуляла с Лириэлль. Ну почему, ну почему я не догадалась стащить хотя бы парочку?! Мать говорила, что на Даххарсте будут испытывать действие каких-то мерзких зелий и очень сильных амулетов. Вот он шанс. Ведь я могу применить их против охраны, что ворвется в камеру».

Но тут ее снова охватили сомнения, что она одна сможет противостоять матери и ее Наставнику. Вспомнив об этом мужчине, ее охватило такое непереносимое отвращение к нему. Отвратным было все: и его красота, и его голос, и его манера поведения. Она не понимала, почему мать так преклоняется перед ним, в какой-то, просто рабской зависимости. Может она его любит? Тогда зачем она вышла замуж за отца и согласилась родить двух детей. Неужели только для того, чтобы сохранить и

передать свой сильный Дар? От таких мыслей стало неприятно.

Если так, то чем она лучше Даххарста, также желающего вырастить магически одаренного ребенка? Ничем! Ничем ни мать, ни этот мерзкий Наставник не лучше ее мужа, нет, это он лучше их всех вместе взятых. И она поможет ему. Спасет его. Пусть даже если она при этом погибнет! — Ализе впервые всерьез подумала о своей гибели и не ощутила никакого страха. Она осознала, что совсем не боится за свою жизнь. И ей было, не жаль, что она умрет, исчезнет, а Даххарст продолжит жить без нее, наоборот, какая-то горькая радость кольнула сердце, при мысли, что Даххарст будет долгие годы с благодарностью и грустью вспоминать о ней.

Едва приняв решение, во что бы то ни стало спасти мужа, Ализе стала спокойной и собранной, теперь она день и ночь ожидала, когда ее поведут к нему в камеру, но прошло уже три дня, а о ней словно забыли. Если раньше она содрогалась от ужаса при мысли о том, что увидит истерзанного, израненного мужа, прикованного цепями к стене, но теперь она не могла дождаться, когда же, это произойдет. Ее ненависть к матери, а особенно к ее Наставнику крепла с каждой минутой, и достигла таких высот, что Ализе с радостью всадила бы нож ему в грудь, не колеблясь ни секунды.

И вот этот день настал. Скрипнула дверь и в ее комнату вошла мама.

— Иди за мной, — коротко бросила она дочери, и, не дожидаясь ее, быстро пошла по коридору. Ализе спокойно шла за ней, бросая быстрые взгляды по сторонам, теперь она по-новому осматривала окружающее пространство. Теперь она осматривала с точки зрения возможного побега, стараясь запомнить и предусмотреть малейшие детали. Они стали спускаться по лестнице в подвал. Здесь не было окон, коридоры подземелья освещались неяркими магическими светильниками, от света которых коридор казался еще мрачнее и страшнее.

Исилите подошла к двери одной из камер, и только хотела ее открыть, как замерла неподвижно, прислушиваясь к едва доносившимся голосам. Ализе также напрягла слух. Несомненно, разговаривали двое мужчин: Даххарст и Наставник. Голос Даххарста был хриплым, слова давались ему с трудом, но насмешку в голосе, все равно можно было услышать. Голос Наставника был наполнен злобой и ненавистью.

Ализе ждала, когда мама войдет в камеру, но та поступила совершенно другим образом. Тихонько возвратившись к двери камеры, которую они только что прошли, она зачем-то открыла ее и зашла внутрь, Ализе вошла вслед за ней. Исилите подошла к

смежной стене между камерами и очень осторожно отодвинула пластину. Голоса из соседней камеры зазвучали громче, стало хорошо слышно, о чем они говорят.

— Я пораспрашивал о тебе у наших, — тихо говорил Даххарст. — Все знавшие тебя, в те давние времена, в один голос твердили, что второго такого тупого идиота, как ты, трудно найти. Твоя узколобость, в сочетании с высокомерным ханжеством, неуклюжестью и косноязычием увальня, вылезшего из дремучего леса, при этом уверенного в собственной умопомрачительной красоте, стали нарицательными. Как тебя тогда называли, кажется, «твердолобый архар»? Архар, это тот, кто пробивает своим лбом камни и не видит других, более легких путей, — любезно добавил Даххарст. — Хотя, если не ошибаюсь, девушки тебе дали другое прозвище, напомнить какое? — и Даххарст засмеялся издевательским смехом, тут же перешедшим в хрипение и кашель, стало понятно, что в лицо ему плеснули какую-то гадость, вызвавшую судорожные конвульсии, однако Даххарст не успокоился, и когда ему стало немного полегче, все также издевательски продолжил: — Но это было до того, как ты положил свою команду, пытаясь добраться до древних могильников в поисках старинных артефактов. Скольких ты тогда угробил? Десятерых? Но ты и тогда не угомонился, вновь и вновь пытаясь попасть в захоронения. Вот тогда прозвище «Чокнутый Сибилл или Гробокопатель» за тобой закрепилось окончательно, — Даххарст снова язвительно засмеялся. — Это ты себя сам назвал Наставником? Герит, когда я сказал ей об этом, хохотала, как сумасшедшая, а потом… — Даххарст не успел закончить, забившись в судорогах.

— Тебе смешно? — наконец, подал голос Наставник. — Уверяю, скоро тебе будет не до смеха.

В эту минуту Исилите осторожно открыла дверь и выскользнула в коридор, махнув Ализе рукой, чтобы она следовала за ней. Уже не таясь, они обе вошли в пыточную камеру. Ализе с жадностью и одновременно со страхом взглянула на мужа.

Он был прибит к стене. Одежда свисала клочьями, кожа груди, лица и шеи была изъедена какими-то серыми потеками, все тело истыкано острыми стержнями, раны постоянно кровоточили.

В первую секунду Ализе хотела отвернуться, зажмуриться, чтобы не видеть его мучений, но она, собрав всю свою волю в кулак, продолжала смотреть. Ей даже удалось сохранить, при этом зрелище, спокойное, отрешенное выражение лица.

— Даххарст, посмотри, кто пришел полюбоваться на тебя! —

голос Наставника сочился ядом, в предвкушении удовольствия, посмотреть на лицо пленника, когда тот увидит, что жена, которую он считал похищенной, на самом деле добровольно ушла в Древний лес. Даххарст с трудом поднял голову и встретился взглядом с Ализе. Даже в эту секунду она не дрогнула, продолжая все также смотреть на мужа. Даххарст же поприветствовал ее учтивым поклоном головы, вызвав волну дикой ярости у своего мучителя. Несколько металлических острых предметов тут же впились в тело Даххарста, вызвал мучительную дрожь от неожиданной боли, но он даже не застонал.

Хорошо, что в этот момент ни мать, ни Наставник не смотрели на Ализе, иначе бы заметили, что судороги боли, прошли не только по телу Даххарста, но и Ализе. Ей так было жалко своего мужа, что ощущала его боль, словно свою собственную. Но мать и Наставник этого не заметили, а вот Даххарст, наоборот, как-то особенно пристально посмотрел ей в глаза. Однако в эту секунду Ализе было не до размышлений, она внимательно оглядела камеру, в поисках предметов, что могли помочь ей освободить мужа. Осматривая камеру, она случайно глянула на Наставника, глянула… и застыла от неожиданности, пораженная его странным, вернее ужасным видом.

Все его лицо, шея и кисти рук были покрыты розоватыми пятнами, восстановленной кожи, еще значительно отличавшейся по цвету. Волосы Наставника были коротко острижены, это позволяло увидеть проплешины на голове, лишенные волос и тоже едва успевшие затянуться тонкой кожицей. Однако Ализе видела, что эта новая, нарощеная кожа имеет нездоровый красноватый цвет, и Ализе знала, что это означает только одно: полного выздоровления не произошло, очаг воспаления остался, и теперь не даст Наставнику полностью восстановиться. Даххарст ударил его сгустком тьмы. Она и сама, пока Даххарст не помог ей, не могла выздороветь десять лет, несмотря на все усилия врачевателей, с Наставником происходило тоже самое. Осознав это, Ализе едва сдержала довольную улыбку, несмотря на весь ужас происходящего. Теперь она поняла, почему Даххарст прибит к стене, а не распят на пыточном столе, Наставник боялся к нему приближаться вплотную, предпочитая воздействовать на расстоянии. От этих мыслей такая гордость за мужа, и такое презрение к его мучителю поднялось в ее душе, что последний страх и сомнения исчезли.

Еще раз внимательно оглядела камеру: клинок, пристегнутый к поясу, валялся в углу на табуретке, несколько кинжалов — на низеньком столике, рядом бутылочки с какой-то жидкостью, и главное несколько амулетов, часть из них вызывали временное

ослепление, часть — лишали возможности двигаться. Вот на эти последние Ализе и нацелила все свое основное внимание.

— Ализе, — неожиданно обратился к ней Наставник, — не желаешь рассказать мужу, насколько тягостен был для тебя ваш брак, как ты жалеешь, что согласилась на него, как ты ненавидишь своего мужа за те страдания, что он тебе причинил. Можешь подкрепить свои слова любыми способами воздействия вот из этого арсенала, — и Наставник любовно указал рукой на столик, где лежали амулеты. Ализе только это и было нужно. Ей даже не пришлось притворяться, делая заинтересованное лицо, разглядывая амулеты, это так на самом деле и было. — Начни вот с этой, — и мужчина нежно погладил бутылочку с какой-то мерзкой гадостью красноватого цвета, — эта жидкость вызовет ощущения дикого жжения, не проходящего долгое время, несмотря на всю регенерацию твоего мужа, а если при этом еще использовать вот этот амулет, то время действия снадобья увеличится почти в полтора раза.

— А посильнее ничего нет? — сквозь зубы тихо прошептала Ализе.

— Посильнее?! — расхохотался Наставник. — Можно и посильнее, — он дотронулся до бутылки с черной жидкостью, — только здесь другой порядок применения. Сначала надо рассечь ему кожу, как можно глубже, но в тоже время, стараясь не задеть важных органов, — с этими словами Наставник метнул в Даххарста одновременно несколько лезвий, потом небрежным движением выдернул их из тела Темного и возвратил на место. — Вот теперь можно применять этот раствор, — он откупорил бутылочку, и несколько черных шариков зависли в воздухе. — Можешь метнуть их в него, только старайся целиться в открытые раны, так зелье воздействует особенно эффективно.

— Я не смогу, — все также тихо прошептала Ализе, но увидев, как презрительно скривились губы матери, поспешно добавила, — у меня, же заблокированы силы, но я могу подойти к нему…

— Нет, не надо, — быстро сказал Наставник, — приближаться к нему опасно.

— Он мне ничего не сделает, — уверенно возразила Ализе, и, взяв пузырек, подошла к своему мужу. Она посмотрела ему в глаза и мысленно взмолилась: «Прости меня, прости! Я должна так поступить! Ты потерпи, потерпи совсем немножко, я сейчас помогу тебе, я постараюсь спасти тебя, ты только потерпи!», а потом она облила Даххарста этой отвратительной жидкостью, и, не став любоваться, как он корчится и извивается от боли, снова подошла к матери и Наставнику. Ализе не видела, как Даххарст

рванулся вслед за ней, хотя со стороны выглядело, словно его выворачивает от судорожных болей. Ализе только видела подобревшие глаза матери, и удовлетворенную улыбку Наставника, и еще она ясно услышала в своей голове его шепот: «Ализе, не делай ничего, прошу тебя. Не пытайся меня спасать, не надо!», но она только мотнула головой, решив, что это ей только мерещится.

— Молодец! — похвалила ее Исилите. — Теперь я знаю, что ты настоящая дочь нашего народа.

Ализе кивнула в ответ, собравшись и приготовившись для броска.

Глава 10

Дальше все случилось настолько быстро, что Ализе не только испугаться, а даже осмыслить все полностью не успела. Она схватила со стола два ослепляющих амулета и синхронно активировала их, ослепив одновременно мать и Наставника. Потом, схватив парализующие амулеты, воткнула их Наставнику в живот, а матери в руку. «Исилите тоже надо воткнуть в живот, — услышала она в голове совет мужа, — иначе она очень быстро восстановится», — Ализе удивленно глянула на Даххарста, снова посчитав, что его голос ей померещился, но он кивнул, подтверждая, что она действительно его слышала. Ализе некогда было раздумывать над всеми этими странностями. Она подошла к матери и вдруг поняла, что не сможет воткнуть амулет ей живот.

— Я не могу, — жалобно сказала она, развернувшись к мужу, — я не могу ударить маму в живот.

Даххарст досадливо вздохнул:

— Следи за ней, она очень быстро придет в себя, — Ализе испугано оглянулась, но Исилите лежала без признаков движения. — Ты можешь освободить меня? — спросил он. Ализе закрыла глаза, попытавшись почувствовать возвращение сил.

— Еще нет. Силы еще не вернулись, — Ализе горестно качнула головой, но только она это сказала, как, тут же, ощутила покалывание в кончиках пальцев. Она радостно взглянула на мужа, он без слов понял, что происходит.

…План Даххарста по возвращению Ализе трещал по швам. Нет, сначала все шло, как и должно было идти. Сибилл, или как он сейчас себя называл Наставник, вел себя именно так, как Даххарст и предполагал. Единственным не планируемым событием, был момент, когда Даххарст пришел в себя. Увидев ненавистное лицо, он на какой-то миг позабыл, зачем он здесь, постаравшись причинить и лицу, и его хозяину максимально возможный вред. И хоть Даххарсту после этого пришлось не сладко, он ни секунды не жалел о содеянном, любуясь изуродованной физиономией врага.

Очень быстро Даххарст понял, что сокровища Древних могильников интересуют Сибилла намного больше, чем просто его убийство. Едва Даххарст это осознал, как сразу успокоился, выжидая удобного момента, чтоб добраться до Ализе. Конечно, магические штыри, которыми его прибили к стене, изрядно осложняли задачу, он уже придумал способ, как заставить Сибилла освободить его от них.

Дневники, какое волшебное слово, едва во время допросов о них заходила речь, как глазки Наставника начинали сверкать не совсем нормальным огнем, грея душу Даххарста. Дневники были тем самым крючком, на какой он собирался поймать этого садиста.

В том, что Сибилл садист, Даххарст убедился еще в первый день заточения. Наставник притащился к нему в камеру, несмотря на боль от сожженной кожи лица и головы, выглядел он ужасно, и все же он не вышел из камеры, пока не испробовал на Даххарсте все свои пузырьки и амулеты. Даххарст с содроганием вспоминал ту бесконечную ночь, когда в какой момент, он уже было решил, что сил терпеть, совсем не осталось, еще чуть-чуть, и он начнет орать от боли. Даххарст выдержал тогда на чистом упрямстве, уж очень ему не хотелось видеть довольную усмешку на этой страшной, обезображенной морде.

Сибилл ему пообещал, что скоро в пыточную камеру приведут Ализе, глаза Наставника при этом победно поблескивали, а сам весь он выражал такое самодовольство, что у Даххарста от плохого предчувствия сжалось сердце. Но он быстро отогнал дурные мысли, с нетерпением ожидая встречи с женой. Он столько раз пытался ее прочувствовать, столько раз пытался дозваться ее, ничего не получалось. Очевидно, она находилась слишком далеко. Но прошел один день, второй, третий, Ализе он не видел. Даххарст боролся с собой изо всех сил, чтобы не спросить у Сибилла, где Ализе, это могло бы насторожить Наставника, а этого делать не следовало, иначе весь план Даххарста по спасению жены мог провалиться. Даххарст ждал, ждал терпеливо, а что ему еще оставалось. Сибилл или Наставник, как он сам себя называл, прекрасно «скрашивал» его досуг, но к счастью, больше не зверствуя так, как в первый день. Он жадно требовал от Даххарста любых сведений, о том времени, когда Даххарст вместе с отцом и Элентиэлем вскрывали могильники. Сибилл требовал рассказов о любых мелочах, скрупулезно расспрашивая обо всех деталях. Его интересовал интерьер гробниц, внутреннее убранство, порядок расположения предметов какие рисунки, какие амулеты видел Темный. Но главное, требовал все подробности ритуала, какие позволили снимать с могильников нанесенные посмертные Проклятия, чтобы проникнуть внутрь.

Даххарст рассказывал. Рассказывал много, жаль, что Сибилл не знал, насколько специфически Даххарст преподносил эти сведения. Темный развлекался, на ходу придумывая тысячи несуществующих мелочей и утаивая, или искажая, действительно, важное. Даххарст мысленно предвкушал, как этот болван, полезет

в могильник, руководствуясь его рассказами. Какой сюрприз его будет там ждать!

А еще Даххарсту нравилось дразнить Сибилла, напоминая тому далекие студенческие, и очевидно не самые лучшие для последнего, годы. Даххарст хорошо подготовился, Наставника он видел уже несколько раз, и знал, что тот лично пытал отца Ализе. Среди Темных, к удивлению Даххарста оказалось очень много таких, кто знал его в давние времена. Над ним немало издевались, но уже тогда, он выделялся из всех своей невероятной целеустремленностью и жестоким хладнокровием. Ему давали много кличек, одной из которых была Инквизитор. Уж очень он напоминал, в некоторые моменты бездушного, жестокого фанатика.

Даххарст не стеснялся в выражениях, он был уверен, что скоро вместе с женой покинет это негостеприимное место. Но его планы полетели кувырком, и, как, ни странно, именно из-за Ализе.

В один из дней, дверь камеры, в которой Наставник, в очередной раз расспрашивал Даххарста о могильниках, открылась и на пороге появилась Ализе, в сопровождении своей матери. Даххарст постарался взглянуть жене в глаза, но она упорно отводила взгляд. Он жадно рассматривал ее, стараясь заметить следы страданий или мучений, но Ализе была спокойна и сосредоточена.

Ализе долго не желала встречаться с ним взглядом, с большим интересом слушая наставления Сибилла о методах пыток и способах причинения максимальной боли. Потом, взяв один из пузырьков, подошла к мужу. И только, приблизившись почти вплотную, посмотрела ему в глаза. В ее взгляде было столько сострадания и сочувствия, что у него потеплело на душе, и казалось, прибавилось сил. «Потерпи, — мысленно попросила она его, — я сейчас помогу тебе!». Когда ее слова дошли до его сознания, он с силой рванулся за ней, умоляя ничего не предпринимать. Ее помощь в данный момент могла только навредить, ломая и круша его планы. Но Ализе его не послушала. Он ничего не мог делать, ему оставалось только наблюдать за тем, что происходило дальше.

Он видел, как она взглядом ищет заранее присмотренные амулеты. Видел, как она косится на мать и Наставника, соизмеряя расстояние, чтобы ударить, как можно точнее. Видел, как она активировала ослепляющий амулет, и даже успел зажмуриться, спасаясь от полной временной слепоты. Когда через секунду он открыл глаза, то успел увидеть, как Ализе всадила в живот Наставнику парализатор. Живот был не лучшим местом, лучше

бы она всадила амулет ближе к шее, например, под ключицу. Даххарст оценивал работу Ализе глазами профессионального воина, и недовольно скривился, увидев, как Ализе, жалея мать, возила амулет ей в руку. Это было неумно, хуже места нельзя было и придумать, разве что в щиколотку. Исилите настолько сильна, что быстро сможет преодолеть действие амулета.

Даххарст был великолепным стратегом, до мелочей разрабатывая и продумывая сложные многоходовые операции, иначе он просто не смог бы остаться в живых, будучи шестым претендентом на престол.

Однако, если ситуация требовала принятия спонтанных, неожиданных решений, в таких случаях ему вообще не было равных. И вот сейчас, в пыточной камере, сложилась, именно такая ситуация. Даххарст не ожидал, совсем не ожидал, что тихая, пугливая, нежная Ализе так отважно бросится его спасать, попытавшись, справится с такими сильными противниками. Ее поступок был, конечно, смелым, но уж очень безрассудным, Даххарст не мог этого не отметить. Она не продумала ни пути побега, на случай удачи, ни пути отступления, в случае провала. Она ведь не могла знать о Древнем амулете, который был у Даххарста, который был его главной надеждой на их спасение.

И вот сейчас перед Даххарстом встал вопрос, активировать амулет или нет. Все зависело от Ализе, если она не сможет освободить его от магических штырей, то с амулетом лучше повременить. И все же…

— Ализе, к тебе вернулись силы? — Даххарсту это надо было знать в первую очередь.

— Нет еще, — виновато ответила Ализе, но тут, же ее глаза радостно блеснули, и Даххарст понял, что силы постепенно возвращались.

— Ализе, ты можешь освободить меня от штырей? — Ализе с сомнением и испугом посмотрела на иглы, которыми было утыкано тело Даххарста. — Это надо сделать как можно быстрее, — Даххарст старался не давить на нее, понимая, что Ализе и так делает все, что может.

Она сконцентрировалась и очень осторожно вырвала один осколок из его живота, который причинял ему особенно много боли.

— Мелкие иглы не тронь, вырывай только те штыри, которые вбиты в камень, — командовал Даххарст, — на все другие не обращай внимания.

Ализе снова сконцентрировалась и с трудом вырвала небольшой стержень, что торчал из его кисти. Освобожденная рука плетью повисла вдоль туловища.

— Молодец, — похвалил он. — Теперь вторую кисть.

Даххарста удерживало восемь штырей, Ализе вытаскивала их по очереди один за другим. После каждого усилия она на несколько минут замирала неподвижно, концентрируя энергию. Даххарст все с большим беспокойством следил за Исилите, в какой-то момент ему показалось, что у нее дернулись пальцы на руке. Как ему хотелось закричать жене: «Быстрее! Быстрее освобождай меня!», но он усилием воли сдержал себя, понимая, что любое волнение только еще больше задержит ее.

Осталось два штыря, но силы совершенно покинули Ализе. Теперь, в ожидании накопления магической энергии, она уже не могла стоять, а сидела на полу, бессильно привалившись спиной к стене. Даххарсту было мучительно жаль ее, но сам без ее помощи он не мог освободиться. Он тоже находился в плачевном состоянии, Наставник весьма умело воткнул магические иглы в его тело, регенерация была практически заблокирована, но Даххарст не обращал на это внимания. Главное — отлепиться от стены, потом он схватит Ализе, и Саннаэтель вытащит их отсюда.

Когда остался последний штырь, Даххарст активировал амулет. Сначала ничего не происходило, потом он почувствовал, как половинка амулета, что была на его груди, стала накаляться.

И в этот момент Исилите дернула рукой и стала приподниматься с пола.

— Ализе, твоя мать пришла в себя! — закричал Даххарст.

Ализе бросилась к столу в надежде найти еще что-нибудь, чтобы хотя бы на время нейтрализовать ее. Но она не успела. Исилите мгновенно поняла, что происходит, и метнула в Даххарста поток магической энергии, снова пригвоздив его к стене. Ализе бросилась вперед, прикрывая мужа и принимая на себя весь удар, а потом мешком свалилась на пол.

Исилите переступила через тело дочери и, подойдя к Наставнику, освободила его от парализатора. А затем они вместе с большим удовольствием снова вбили штыри в тело Даххарста. Сам он в отчаянии смотрел на жену, лежащую без сознания, и понимал, что все пропало. Они не успели. Он почувствовал, как раскалился амулет, и как натянулась нить, чтобы тащить их. Но все было напрасно, они не успели освободиться. Последним усилием воли, собрав все свои силы, он сжег амулет, свое единственное средство спасения. Дороги назад не было.

Глава 11

…Миранэль давно не плакала. Очень давно. Вернее сказать, ТАК не плакала, поскольку пьяные слезы вперемешку с соплями и в сочетании с острой жалостью льются из глаз и носа, или нарочитые слезы пред очами очередного любовника с целью выкачать из него побольше денег, привилегий или каких-то услуг, плачами в настоящем понимании этого слова она не считала. Настоящим плачем также не считались слезы «за компанию» — это когда в редкие периоды своей жизни она приятельствовала с какой-нибудь эльфийкой, и подружки по очереди делились друг с другом горькими обидами, полученными от мужчин. Слезы, которые сейчас лились из глаз Миранэль, были другими. Они по-настоящему разъедали ей сердце, рвали его на части от боли.

Кажется, в последний раз она так плакала, когда ее бросил Даххарст. Как же больно ей тогда было! И вот история повторяется, только теперь с его младшим братом. Хотя, конечно, формально он ее не бросал, просто он ведет себя так, словно их разделяет ледяная стена или непроходимая пропасть.

Сначала Миранэль понравилась эта холодность и отстраненность, особенно после тех двух сумасшедших ночей. Она даже втихомолку подсмеивалась над ним: «Ершись, ершись, мой мальчик, все равно ты скоро приползешь и ляжешь у моих ног милым котиком. В чем, в чем, а в соблазнении юных отроков мне нет равных!»

Миранэль была уверена в силе своих чар. Таггар не Даххарст. Таггар не был искушен в любовных играх, как его старший брат. Да, даже Даххарст поддался ее обаянию и казался вполне влюбленным в нее аж до того прискорбного случая с его отцом, когда Миранэль не в добрый час вспомнила о своей былой влюбленности.

Миранель даже заскрежетала зубами от злости на саму себя: «Ну почему, ну почему меня так тянет к Темным? — с тоской думала она. — Ну почему мне так противны вежливые, выхолощенные до такой степени, что хочется выть, нудные и правильные Светлые? Ну почему меня раздражают эти скромненькие букетики цветов и умилительные игрушки, от которых другие светлые эльфийки пищат в восторге? Почему меня бесят долгие и невыносимо скучные ухаживания, которыми славятся точно соблюдающие букву этикета мужчины Светлых? Ну почему мне нравится страсть, огонь, когда одно прикосновение дает почувствовать, хочешь ты этого мужчину или нет. А если ты его хочешь, и он хочет тебя, то к черту условности!

Темные ведут себя именно так!» — Миранэль снова вздохнула, припомнив студенческое лето, когда она впервые узнала о своих вкусах, таких несвойственных для Светлых эльфийек. У нее как раз тогда начался достаточно страстный роман с Эллентиэлем, и роман этот должен был закончиться свадьбой. Она даже слышала краем уха, что ее кандидатура была одобрена для роли жены третьего принца.

Миранэль один раз видела, как отец Даххарста одним только взглядом своих черных сверкающих глаз смог соблазнить сразу трех девиц, которые имели неосторожность бродить поблизости. И все три подружки остались более чем довольны последующими событиями, даже не поссорившись между собой из-за ревности — отец Даххарста каждой уделил достаточно внимания. Сама же Миранэль в это время сидела на поваленном дереве, любуясь стоячим озерцом, затянутым тиной, и слушала нескончаемую любовную балладу в исполнении Эллентиэля, одновременно представляя, что сейчас творится у Темного в спальне. Да… Тоска зеленая.

Она и сама не заметила, как влюбилась, а тут еще Эллентиэль очень кстати уехал на некоторое время, оставив ее на попечение друга. Миранэль возликовала: ее час настал. Поразмыслив, она решила, что небольшое любовное приключение ей не повредит. Замуж за отца Даххарста она не собиралась, и она была полностью уверена, что он не расскажет об этом флирте Эллентиэлю, такими вещами не делятся.

Она продумала все варианты, кроме одного. Отец Даххарста просто-напросто выгнал ее из спальни, когда она пришла к нему в гости в одном пеньюаре, под которым ничего не было. Выгнал достаточно грубо. Вот тогда Миранэль испугалась и испугалась достаточно сильно, все-таки синица в руке в виде Эллентиэля, лучше… чем совсем ничего.

Миранэль в ужасе раздумывала, что ей предпринять, и не придумала ничего лучшего, чем обвинить Темного в попытке ее соблазнения и даже насилия. Она думала, что Эллентиэль поверит ей, а он поверил другу. Это было обидно не только из-за раненного самолюбия, но еще и из-за того, что она потеряла такого жениха.

Миранэль долго страдала. Единственным утешением были доходящие до нее слухи, что семейная жизнь отца Даххарста была очень далека от идиллии. Он постоянно ссорился с женой, или она с ним, слухи ходили и те, и другие. Они не просто ссорились и ругались, они дрались! Дрались по-настоящему. То она ходила с синяком под глазом, то он с расцарапанным лицом. Эти сплетни были бальзамом на ее обиженную душу.

Прошло много-много лет, и вот в один из дней она познакомилась с самим Даххарстом. Она долго не знала, кто его родители, и не подозревала о его высоком статусе. Даххарст вскружил ей голову. Вот в него она влюбилась во второй раз в жизни.

Он был не таким, как его отец. Намного более утонченный, любезный (когда этого хотел), веселый и страстный. Она просто потеряла голову. Какое-то время ей казалось, что и он испытывает к ней серьезные чувства, иначе чем другим можно было объяснить то, что он повез ее знакомить со своими родителями? Вот тогда все и случилось.

Сначала все шло более-менее хорошо. Мать Даххарста Ханния, никогда не видевшая Миранэль, приняла ее достаточно благосклонно, да и отец Даххарста, когда у него прошел первый шок, не выказал никакой враждебности. А потом Даххарст с матерью отправились по делам, а Миранэль со своим будущим свекром, сидя у камина, предались воспоминаниям о минувших днях. То ли вино было слишком крепким, то ли обида так и не утихла в ее сердце, только слово за слово, и они снова вернулись в тому вечеру, когда Миранэль нагрянула к нему в спальню.

— Ты помнишь, как выгнал меня тогда? — с горечью спросила она, и пьяные слезы безудержно полились из ее глаз. — Помнишь?

— Помню, — сдержанно отвечал Темный, — я помню все.

— Почему ты так поступил?! Ты не имел права выгонять меня!

— Я не имел права оставить тебя, — глухо возразил он. — Как бы ты мне ни нравилась.

— Я тебе нравилась? — тут же ухватилась Миранэль за это признание и в мгновения ока оказалась у него на коленях. — Я знала, я знала это! Я чувствовала, что нравлюсь, — пьяно лепетала она, обвив его шею руками и впиваясь поцелуями в его шею…

И вот, в этот самый момент вернулись Даххарст и Ханния. Что потом было!

Ханния, как тигрица, бросилась к ним. Отец Даххарста повел себя, как настоящий мужчина, приняв весь удар на себя. А Даххарст схватив Миранэль за руку, перенес ее в какой-то богом забытый уголок земли и там бросил, не пожелав слушать никаких объяснений.

И вот теперь она влюбилась в третий раз, и снова неудачно.

Глава 12

Сначала она не восприняла Таггерта всерьез, отнеслась к нему, как к очередному любовнику, таких у нее было предостаточно. Все изменилось в тот момент, когда Таггерт осознал, что он натворил. Никакие уговоры и доводы, что «похищение» Даххарста было спланированной операцией, что он не предавал брата, что только так Даххарст мог попасть к Светлым, не вызвав у тех подозрения, не помогали. Таггерт чувствовал отвращение к самому себе за этот подлый поступок и не желал слушать никакие успокоительные слова и убеждения. А еще он больше не проявлял никакого интереса к Миранэль, и это очень сильно ее задело. Она пыталась вызвать его желание обычными женскими штучками, например, своим чудесным халатиком. Халатик этот еще ни разу не оставил равнодушным ни одного из мужчин, Таггерт оказался исключением.

— Таггерт, ты же сам желал ему смерти, — в сотый раз пыталась его успокоить Миранэль.

— Да, желал. Да, я его ненавижу, — с горечью подтвердил Темный. — Но я хотел убить его сам лично, в честной дуэли, и уж точно не собирался отдавать его Светлым.

— Твоя честная дуэль была бы в твоей жизни последней! — все так же терпеливо твердила Миранэль. — Ты, как воин, по сравнению с Даххарстом просто беспомощный котенок, ты же это понимаешь? Он убил бы тебя, даже не запыхавшись от усталости.

— Пусть так, — Таггерт стиснул зубы и повторил: — Пусть так. Но это лучше, чем мысль о том, что все будут считать — это я отдал своего брата на растерзание Светлым, тем более, Светлым из Древнего леса.

Миранэль тяжко вздохнула, упрямство Таггерта начинало ее раздражать, тем более, что при этом он почти не обращал на нее внимания. То бегал, как заведенный из угла в угол, то сидел неподвижно у стены, сжавшись в комок. Миранэль его не понимала, совсем не понимала. Что ему еще нужно? Даххарст добровольно отправился к Светлым спасать женушку, воспользовавшись помощью брата. Если всю ситуацию рассматривать с этой точки зрения, то Таггерт вообще получается героем. Но Таггерт думал иначе. Он считал себя предателем из предателей. Такая взгляд на ситуацию злил Миранэль, особенно потому, что ей не удавалось его изменить.

«Ничего, — думала она, — вот вернется Даххарст, и я заставлю его сказать Таггерту, что этот поступок не был подлостью», — мысль о таком решении вопроса успокаивала

Миранэль, она с нетерпением ждала, когда же вернется Даххарст.

Все это время они все вместе жили в его доме. Благо дом был огромен, и комнат хватало на всех.

— Даххарст активировал амулет, — закричал Саннаэтель в один из дней, вбегая в комнату, — я чувствую это!

Миранэль облегченно вздохнула. Таггерт радостно встрепенулся, нетерпеливо поглядывая на Светлого в ожидании, когда натянется нить, соединяющая Саннаэтеля и Даххарста.

— Как только Даххарст появится, я сразу же исчезну, — шепнул Таггерт на ухо Миранэль. — Не хочу, чтобы он видел меня.

— Я с тобой! — она крепко схватила его за руку. — У меня тоже нет никакого желания любоваться ни на Даххарста, ни, тем более, на Ализе.

Глаза Таггерта радостно блеснули, ему, без сомнения, было приятно общество Светлой.

Вот только их планам не суждено было сбыться. Саннаэтель расстегнул пуговицы на рубашке, и все смогли увидеть, как засветились на амулете незнакомые символы. Они разгорались все ярче и ярче, и вдруг потухли. Мало того, вместо амулета на груди Саннаэтеля оказалась только серая пыль, которая осыпалась на землю.

— Что случилось?! — в страхе закричал Светлый. — Где Даххарст и Ализе?

— Даххарст не смог забрать Ализе, — догадалась Миранэль. — А чтобы амулет не вытащил его из тюрьмы, он его сжег.

— Как же он теперь оттуда вырвется? — с ужасом спросил Ранхгарт. — Этот амулет был его единственным шансом на спасение.

Все четверо замерли, в полной мере осознав, что случилось. Таггерт выдернул свою руку из руки Миранэль и двинулся к выходу.

— Ты куда? — Миранэль бросилась за ним.

Но Таггерт не отвечал, впрочем, ответа и требовалось, стоило только посмотреть в его глаза. В них светилась твердая решимость отправиться вслед за братом… и погибнуть.

— Ты никуда не пойдешь! — вцепилась она ему в руку. — Мы обязательно вместе что-нибудь придумаем. Мы вытащим Даххарста.

— А что тут можно придумать? — с горечью спросил он. — Это я виноват, что Даххарст оказался, захвачен этими фанатиками, значит, я должен и спасти его.

— Подожди, Таггерт, — стала умолять Темного Миранэль. —

Ты не можешь идти один. Ты погибнешь!

— Ну и что? — совершенно равнодушно возразил он. — Или ты предлагаешь мне продолжать жить, как ни в чем не бывало? Я не смогу так жить! Понимаешь, не смогу!

— Таггерт, — поддержал Миранэль и Ранхгарт, — не горячись. Я вот сейчас думал о том, что мы можем сделать, чтобы помочь Даххарсту. У нас есть еще три амулета. Можно попытаться один из них передать Даххарсту в тюрьме. Думаю, это вполне реально сделать.

— Я пойду! — обрадовался Таггерт.

— Нет, идти должен я, — перебил его Саннаэтель. — Мое появление никого не удивит. Всем же понятно, что я волнуюсь за сестру и пришел выяснить, что с ней случилось.

— Если ты попадешь в Древний лес, то тебя назад уже не выпустят. Ализе не выпустили, и тебя не выпустят, — вполне здраво заметила Миранэль. — Ты не знаешь, какая у тебя мать.

— Ты не представляешь, какая у тебя мать.

— А может, ты ошибаешься? — Саннаэтелю было неприятно слышать такие слова о матери.

— Ошибаюсь?! — Миранэль просто задохнулась от гнева. — Да второй такой злобной, жестокой и лицемерной ханжи не сыскать на наших землях! Даже ее красота не могла привлечь к ней ни одного мужчину. Она отпугивала всех своими непримиримыми фанатичными взглядами и поступками, пока твой отец не женился на ней. Он потом, наверное, сто раз пожалел об этом, когда попал в подвалы их тюрьмы.

Саннаэтель отвернулся, всем своим видом выражая несогласие, а в это время Ранхгарт коснулся руки Миранэль, привлекая ее внимание. Она взглянула — Ранхгарт показывал глазами на Таггерта.

Таггерт со скучающе-безразличным видом слушал их перепалку, и только его глаза говорили о том, что он для себя уже все решил и ждет момента, чтобы воплощать свой план в действие.

— Ты никуда не пойдешь! — снова кинулась к нему Миранэль.

— А ты попробуй меня удержать, — почти грубо ответил он, но Миранэль не обратила никакого внимания на эту грубость. Ее мысли метались в попытке подобрать необходимые слова и аргументы, чтобы удержать его.

— Таггерт, а ты уверен, что сможешь помочь брату? — вкрадчиво спросила она. — Что, если твоя попытка не обернется ничем, кроме твоей гибели? Подумай, как обидно умереть вот так просто, ничего не сделав! Более глупую смерть трудно и

представить.

Глаза Таггерта гордо блеснули.

— Я, может, и не такой сильный боец, как мой брат, но уверяю тебя, я тоже могу кое-что. Если я погибну, то заберу с собой немало Светлых. А вы в это время сможете прорваться к Даххарсту.

Миранэль отрицательно покачала головой. Этот план ее совершенно не устраивал. Терять Таггерта она не собиралась.

— Нет, на верную гибель я тебя не отпущу, — твердо сказала она и, тяжко вздохнув, добавила: — В Древний лес пойду я. Это единственный выход. Лаэдель мне передал, что Наставник отправил на мои поиски целый отряд, так что мое появление будет вполне оправданным.

— Ты не пойдешь! — с испугом закричал Таггерт.

— А ты попробуй меня остановить, — сказала Миранэль так же, как и Таггерт несколько минут назад.

— Легко, — засмеялся он. — Запру тебя в своей комнате, и никуда ты из нее не денешься!

Миранэль опешила. Если угроза Таггерта была по-настоящему серьезной, то ее угроза выглядела просто смешно.

— Таггерт, — снова убежденно сказала она, — единственный шанс реально помочь Даххарсту — это мне отправиться в Древний лес.

Лицо Таггерта потемнело.

— Значит, ты так сильно желаешь спасти моего брата, что готова ради него рискнуть жизнью? — в славах темного звучала такая неприкрытая ревность, что Миранэль засмеялась.

— Какой же ты, Таггерт, дурак! Из-за твоего брата я бы и пальцем не пошевелила, даже с интересом бы наблюдала, как Светлые с ним развлекаются в камере пыток, но я не могу допустить, чтобы ты погиб. Понимаешь, ТЫ?

Таггерт порывисто стиснул ее в объятиях.

— Тогда пойдем вместе. Я накину на себя иллюзию того же Саннаэтеля. Я буду рядом с тобой, и если что-то случится, смогу перенести тебя.

Миранэль отрицательно покачала головой.

— Нет, так не получится. Даххарст говорил, что он уже использовал иллюзию, чтобы вытащить Эллентиэля, теперь там установлены амулеты, развевающие любую иллюзию. Я должна идти одна.

— Тогда пусть Саннаэтель идет с тобой! — не сдавался Таггерт.

И снова Миранэль не согласилась:

— Саннаэтель останется последней возможностью что-либо

предпринять, чтобы помочь и мне, и Даххарсту, если что-то пойдет не так. Не волнуйся, — она нежно прикоснулась рукой к щеке Таггерта и ободряюще улыбнулась, — со мной ничего не случится. Я еще и не из таких передряг выбиралась.

— Я вытащу тебя, — шепнул ей Таггерт на ухо. — Вытащу, чего бы мне это ни стоило, — Мираэль молча прижалась к нему, он еще крепче стиснул объятия. — Но если случится что-то невозможное, и я не смогу забрать тебя, — тихо, едва слышно продолжал он, — то я вернусь к тебе и буду рядом, разделяя все муки. Я буду рядом с тобой, даже если в конце меня ждет смерть. У Миранэль сжалось сердце, слёзы потекли из глаз. Еще никто и никогда так не признавался ей в любви! В том, что это любовное признание, можно было не сомневаться, хотя слово «любовь» не было упомянуто ни разу.

Мираэль вытерла ладонью глаза и притворно-залихвацки улыбнулась.

— Все будет хорошо. Во всяком случае, я в это твердо верю!

Глава 13

Сначала Миранэль наведалась к Лаэделю.

— Я слышала, меня ищут эльфы Древнего леса, — спокойно, словно речь шла о чем-то незначительном, спросила она.

Лаэдель, который потратил на поиски Миранэль огромное количество денег, времени и нервов, потому что именно его попросили, а вернее потребовали найти девушку, также спокойно, делая вид, что эти поиски ничего особенного не значат, ответил:

— Да. Ко мне недавно наведалась Исилите, и в разговоре спросила о тебе. Где ты? Как поживаешь? Я не удивился ее вопросам, вы ведь с ней давно знакомы. Кстати, я могу ее, сейчас, вызвать, чтобы вы с ней поговорили, — и Лаэдель, не дожидаясь ответа девушки, послал Исилите сигнал вызова.

Та ответила незамедлительно, а еще через минуту Миранэль оказалась в Древнем лесу.

— Кого я вижу, — издевательским тоном протянула Исилите, — это же сама Миранэль — знаменитая шлюха, что не брезгует спать с каждым встреченным мужиком, и которой без разницы кто перед ней Светлый или Темный!

Хоть Исилите и старалась говорить в иронично-саркастичном тоне, глаза ее просто полыхали от ненависти. Но Миранэль такими взглядами было не испугать.

— А ты, похоже, все никак не можешь забыть, что твой муженек сначала выбрал меня, — любезным и от этого еще более обидным тоном равнодушно поинтересовалась она у давней ненавистной соперницы.

— Да мне плевать на то, что ты спала когда-то с моим мужем, — свистящим от ярости голосом процедила Исилите, — а вот то, что ты мне не сказала о его давней дружбе с Темным…

— А с какой стати я должна была тебе это говорить? — неподдельно удивилась Миранэль, перебив ее. — Если ты забыла, что сказала мне при нашем знакомстве, то я это хорошо помню. И я с удовольствием ждала того дня, когда ты узнаешь об отце Даххарста. Хороший был тогда день, — и Миранэль мечтательно закатила глаза, вспоминая о том безумстве, что учинила тогда ее собеседница.

— Ах, ты тварь! — закричала Исилите и рванулась к ней. Однако Миранэль ждала от нее чего-то подобного, поэтому успела ловко отскочить в сторону.

— Исилите, прекрати! — гневно прикрикнул Наставник, который, несмотря на резкий тон, с удовольствием слушал перепалку женщин. — Мы искали Миранэль не для того, чтобы ты

сводила с ней старые счеты. Успокойся, — добавил он мягким, увещевающим тоном. Две женщины смотрели друг на друга, как две тигрицы, готовые немедленно кинуться в бой. Но Миранэль — это была не кроткая и тихая Ализе. У Миранэль в отчаянные, критические минуты в душе поселялась безудержная храбрость и какая-то сумасшедшая отвага. В такие моменты она не боялась никого и ничего, не испугалась она и Исилите.

— Я знаю, что Даххарст у вас, — обратилась Миранэль к Наставнику, резко сменив тему «светской» беседы. Мне очень бы хотелось его увидеть.

— Интересно, зачем? — полюбопытствовал мужчина.

— Видите ли, — улыбнулась ему Миранэль чарующей улыбкой, — у меня к нему небольшой должок. Очень бы хотелось его вернуть.

— Какой, именно? — снова спросил Сибилл.

— Однажды Даххарст выволок меня из своего дома и бросил одну на бескрайней равнине, очень и очень далеко от ближайшего поселения.

— Неужели ему не понравилось, как ты его удовлетворяла? — ядовитым голосом встряла в разговор Исилите. — Как странно. Я думала, при том количестве мужиков, что ты через себя пропустила…

— Исилите, замолчи! — прикрикнул на нее Наставник. И снова обратился к Миранэль: — Мы вообще-то хотели поговорить о том дневнике, что ты отдала Лаэделю… — он на минуту задумался, — Впрочем, почему бы и нет. Если ты так жаждешь увидеть Даххарста, ты его увидишь, — и он любезно предложил ей следовать за ним по коридору.

— Я с этой дрянью не желаю оставаться в одной комнате! Я не желаю дышать с ней одним воздухом! — бесновалась Исилите.

— Как было бы хорошо, если бы ты сейчас немедленно сдохла! — проникновенно ответила Миранэль и издевательски дунула той в лицо. Исилите второй раз бросилась на нее, но у Миранэль было намного больше опыта спасаться от взбешенных дамочек, например, от той же Ханнии. Поэтому Миранэль ловко повторила старый трюк, спрятавшись за спину Наставника. И острые когти уже второй мегеры, вновь разодрали лицо ни в чем, ни повинного мужчины.

— Исилите! — не своим голосом заорал Сибилл. — Прекрати немедленно!

Исилите развернулась и ушла с гордо поднятой головой, а Миранэль с Наставником отправились в камеру Даххарста.

— Нет ли шампанского? — мурлыкающим голосом обратилась Миранэль к Сибиллу. — Я в предвкушении

невероятного развлечения, хотелось бы это как-то отпраздновать, — ее взгляд был томным и призывным, не оставляя сомнений, что после обещанного развлечения Сибилли ждет немало приятных минут.

— Поищем, — голос Наставника был мягким и ласковым, он явно старался очаровать женщину.

Сибилл, судя по его поблескивающим глазкам, был очень доволен ложившейся ситуацией: вражда двух женщин в борьбе за его внимание, чрезвычайно льстила его самолюбию. Нужно еще добавить: очень красивых женщин. И Исилите, и Миранэль были на редкость красивы, хотя каждая по-своему. У Миранэль было живое открытое лицо с лукавыми, вернее даже плутовскими глазами, которые, тем не менее, очаровывали и завораживали, и улыбка, что обещала так много. У Исилите глаза горели изумрудным светом, несгибаемой воли, силы и решительности, один взгляд, брошенный на нее, сразу говорил, что в своих убеждениях она пойдет до конца. Видимо Сибилл сравнивал двух женщин, решая, кто из них победил бы в противостоянии. Миранэль, без труда читающая его мысли, глядя в лоснящаяся лицо, едва сдерживалась, чтобы не сказать: «Милый мой, да если бы ты был мне нужен, и если бы мы по-настоящему сошлись с Исилите в борьбе за тебя, ты бы света белого не взвидел! Мы бы такое устроили. Ты бы тысячу раз пожалел об этом, потому что перья летели бы не только от нас, но и от тебя в первую очередь».

Миранэль знала, о чем говорила. Пусть ее Дар, ее способности не так сильны, как у Исилите, но и она имела несколько сюрпризов «про запас». Дело в том, что «больной мозолью» Миранэль, ее позором, ее обидой на весь мир была ее мать. Отец Миранэль имел невероятно сильный магический Дар, один из самых сильных на землях эльфов, и он мог бы передать его своей дочери, если бы безумно не влюбился в человечку. Невероятно красивую, невероятно одаренную, но все равно человечку. И вот вместо драгоценного сильного Дара, Миранэль получила в наследство, что-то, примерно половину от того Дара, которым владела та же Ализе. Это было очень обидно, хотя могло не быть и этого. Она лично знала несколько подобных союзов, когда рожденные дети не имели вообще никаких способностей. Миранэль едва удалось скрыть, что ее мать простая человечка, иначе позор был бы несмываемым.

Но кое-что мать ей передала по наследству такое, чего не было, ни у одной эльфийки. Мать Миранэль была ведьмой, настоящей черной ведьмой, насылающей проклятья на врагов, привораживающей нужных людей, манипулирующей окружающими для своей выгоды. Мать Миранэль могла

причаровывать, привораживать, причем настолько сильно, что, например, отец Миранэль, несмотря на то, что его возлюбленная умерла три столетия назад, все еще тосковал по ней, высматривая в человеческих поселениях девушку и иссиня черными волосами и глазами цвета болотного мха. Не зелеными, как у Исилите, а скорее желтыми. Бр-р-р. Хорошо, хоть ей достался в наследство цвет глаз отца. Она вполне была довольна, их синим цветом.

Миранэль тоже могла причаровывать, но ее привороты быстро рассеивались, хотя некоторое время ей удавалось управлять нужным мужчиной, тем же, Сибиллом, например. Глядя на его фигуру, вышагивающую впереди нее, она не могла нарадоваться, что ей так легко удалось наложить на него свои чары. Она шла вслед за ним в камеру Даххарста, по пути прикидывая, как ей улучить момент и передать пленнику часть амулета, что способен вытащить его из тюрьмы. Бросить на пол, чтобы Даххарст потом его сам поднял? Всунуть незаметно ему в руку?

Действительность перечеркнула все ее планы. Даххарст самостоятельно не мог ни поднять амулет с пола, ни самостоятельно прикрепить к груди.

Миранель быстро оценила сложившуюся ситуацию и стала действовать по обстоятельствам, тем более что сам Даххарст в этом ей сильно помог.

Сначала в ее душе даже шевельнулась жалость к Темному прибитому к стене, но один его взгляд, брошенный на нее, в котором было столько неприкрытого презрения и отвращения, быстро убил это доброе чувство. Она выжидательно посмотрела на Сибилла, он правильно истолковал ее взгляд, тут же, словно радушный хозяин, предложив на выбор целый арсенал средств пыток. И началось. Миранэль с удовольствием стала по очереди использовать их, запивая глотком шампанского и поцелуем с Сибиллом каждое удачное попадание, любуясь тем, как корчится Даххарст.

— Хочешь, я покажу, что я умею, — смеясь, шепнула она на ухо своему собутыльнику и нежно приложила ладонь к его щеке, наложив перед этим на свою ладонь заклятие нестерпимого жара.

— А-а-а-а-а! — заорал от боли Сибилл, а Миранэль в ответ пьяно расхохоталась.

— Больно? А знаешь, как будет больно ему? — она кивнула головой в сторону Даххарста и пошла к тому вихляющей, не совсем трезвой походкой. Однако это была только видимость. Приблизившись к Даххарсту почти вплотную, она произнесла одними губами, глядя ему в глаза:

— Вот теперь мы квиты!

Потом она незаметно достала часть амулета и приложила к его груди обе ладони. Одна ладонь активировала амулет, а вторая вызвала такое жжение, что Даххарст забился в болевых судорогах. Сибилл захохотал.

— Мне надоело, — капризно сказала Миранэль Сибиллу, — я хочу отдохнуть, — она с намеком посмотрела ему в глаза.

— В моем доме есть гостевая комната…

— Я с радостью воспользуюсь вашим гостеприимством, — не дожидаясь пока он закончит свою речь, перебила она его. Вместе они вышли из камеры Даххарста.

Дом, в котором жил Сибилл был вполне уютным. Он провел ее в спальню. Она с одного взгляда поняла, что это не гостевая комната, а комната хозяина. Сделав вид, что она не догадалась об этом, Миранэль кокетливо сказала:

— Мне надо привести себя в порядок. А ты пока не мог бы позаботиться об ужине?

Он кивком головы указал, где находится ванная и еще одним кивком подтвердил, что ужин будет.

Миранэль встала под душ. Она понимала, что сейчас произойдет, на душе было противно и тягостно. Однако она понимала, что выбора у нее нет. Она много раз бывала в подобных ситуациях, когда мужчина не вызывал у нее ни малейшего внимания, но когда только таким способом, она могла получить что-то желаемое. Она постояла немного и только собралась открыть дверь, как за ее спиной тихий голос, достаточно ехидно спросил:

— Ты куда-то собралась?

Глава 14

Миранэль быстро оглянулась, рядом с ней стоял Таггерт.

Сердце Миранэль ухнуло куда-то вниз, но вовсе не от радости. Она поняла, что Таггерт догадался, что она собиралась сделать, и ее поступку в его глазах, не было ни какого оправдания. Она снова наступила на одни и те же грабли! На душе стало так пусто, и так противно, что она не захотела больше оправдываться и просто, молча, смотрела ему прямо в глаза.

— Ты собралась идти… к нему? — снова спросил Таггерт, едва выдавив из себя последние слова.

— Ты и сам это знаешь, — едва слышно выдохнула она в ответ.

— Почему ты так со мной поступаешь? — в голосе Теггарта звучала горечь. Миранэль, не отвечала, не знала, что отвечать. — Тебе нравится Сибилл? — неожиданно спросил Таггерт. В его голосе звучало ревнивое подозрение. — Ты знала, что так все будет и заранее приготовилась к этому! — догадался он. — Тебе так хочется переспать с ним? — глаза Таггерта гневно засверкали.

— Нет, нет, нет! — яростно возмутилась Миранэль, от несправедливости его слов. — Мне этот Сибилл противен и отвратителен! Я собиралась только навесить на Даххарста амулет, и тут же вернуться назад. Но когда я увидела Даххарста, то поняла, что без моей помощи он не справится.

Я должна вернуться в камеру к Даххарсту и освободить его. Если я ему не помогу, то сам он никогда отсюда не вырвется! И мне надо задержать Сибилла до утра. Даххарсту нужно время, чтобы найти Ализе.

— И как ты собираешься удерживать Сибилла до утра? — голос Таггерта стал холодным и тусклым. А взгляд, которым он окинул девушку, полным пренебрежительного отвращения.

Она с бешенством, вызванным несправедливой обидой взглянула на него.

— Неужели не понятно? — ее губы скривились в издевательской усмешке. — Тебе подробно рассказать, что я собралась сделать? Во всех деталях?

Она намерено говорила грубо. Все равно он теперь ее не простит, он все равно теперь бросит ее, так пусть же это случится как можно быстрее. Ее стрелы попали в цель. С лица Таггерта исчезло брезгливое выражение, и оно стало откровенно несчастным, но он держал себя в руках и даже постарался уточнить некоторые детали.

— Как же тогда ты поможешь Даххарсту, если всю ночь… —

он не договорил, судорожно сглотнув, потом взял себя в руки и все же докончил: — Сибилл отпустит тебя посреди ночи?

— Я не собираюсь спрашивать его разрешения. У меня есть средство, что успокоит его до утра, — и она показала Таггерту пузырек с зеленоватой жидкостью. — Достаточно трех капель и до утра он не проснется.

— Ты ему собираешься подлить зелье до того как переспишь с ним или после? — ядовито уточнил Темный.

— Как получится, — жестко и честно ответила Миранэль, и взялась за ручку двери, собираясь выйти из ванной.

— Но зачем, зачем? — шепот Таггера срывался на крик.

— Потому что я пообещала помочь, и я помогу, — усталым голосом, не желая больше спорить, ответила Миранэль. — Даххарсту надо время не только самому освободиться, но и найти Ализе, возможно, что она находится в очень тяжелом состоянии. Когда мы с Сибиллом шли к его дому, я не удержалась и спросила, почему он ведет к себе меня, а не эту придурочную Исилите. Ведь всем ясно и понятно, что она влюблена в него, как похотливая кошка. На что он мне ответил, что он предпочитает находиться от Исилите как можно дальше, не переходя границ личностных отношений, особенно после того, что она сделала со своей дочерью. Я не стала уточнять, что именно, но точно знаю, с Ализе сотворили что-то скверное.

Миранэль надавила на ручку двери, но Таггерт оттащил ее назад.

— Ты туда не пойдешь! — гневно прошипел он. Глаза Миранэль сузились от ярости. Она не любила, чтобы ей командовали, и указывали, что делать, особенно, в моменты, когда она точно знала, как необходимо поступать.

«Я пойду!» — хотела закричать она, но Таггерт прижал ее голову к своей груди, не позволяя вымолвить, ни слова.

— Ты к нему не пойдешь, ясно!

Миранэль попыталась вырваться из его крепких рук, но это было невозможно. — Ты не пойдешь, — снова повторил Таггерт, вместо тебя пойду я!

Не успела Миранэль и глазом моргнуть, как она уже смотрела на свою копию с хрустом сжимающую кулаки, готовясь к нанесению удара.

— Сибилл заметит подмену, у него есть амулет, рассеивающий иллюзию.

— Это вряд ли, — не согласился Таггерт. — Во-первых, это не иллюзия. Во-вторых, он уже проверял тебя, зачем это ему делать еще раз?

— Как это не иллюзия? — поразилась Миранэль. Она

прикоснулась рукой к щеке Теггерта, и ее пальцы ощутили каждый изгиб на его новом лице. — Как же такое возможно? — потрясенно спросила Миранэль.

— Это так действует амулет, что мне дал Саннаэтель, — пояснил Таггерт. — Самое удивительное, что этот амулет воспринимает магию и Темных, и Светлых, я могу на него воздействовать, так же, как и Саннаэтель.

— А где он его взял? — заинтересовалась Миранэль, и тут же сама и ответила на этот вопрос: — В Древних захоронениях, вот где. Скорее всего, этот амулет оставил ему отец. Не знала, что они находили такие амулеты, — тихо про себя пробормотала Миранэль. — И все равно, Таггерт, — продолжила она с жаром убеждать Темного. — Это очень опасно. Ты не должен так рисковать. Сибилл очень силен, ты можешь не справиться с ним!

— Ну почему ты так меня недооцениваешь? — обиделся Темный, снова приняв свой облик. — Мой отец стоял на несколько ступеней выше к престолу, чем отец Даххарста, а это говорит не только о его родословной, но и о магической силе. Я также силен, как и Даххарст, возможно у меня меньше опыта и знаний, но поверь мне, со мной справиться совсем не просто. К тому же на моей стороне будет внезапность, думаю, у меня все получится.

— Только не убивай его, — попросила Миранэль.

— Я и не собирался. У меня к нему нет никаких претензий. То, что он братику немного кожу подпортил, так я ему за это даже благодарен. Я и сам собирался так поступить.

Миранэль тихонько засмеялась, но потом новая мысль отвлекла ее от обсуждения судьбы Даххарста.

— Значит, твой отец занимал очень высокое положение в вашей королевской иерархии, и если бы все так не случилось, то ты был бы в числе претендентов на престол? — пораженно спросила она.

— Да, наверное. Отец Даххарста не давал маме развода, а она уже носила меня. Мой отец не хотел, чтобы я родился вне брака, тогда бы я стал незаконнорожденным, ну и…

— Ты, наверное, очень страдал, что лишился этой возможности?

— Возможности стать одним из претендентов? — уточнил Таггерт. — Не особенно. А теперь это и вовсе не важно. Даххарст вылетел из претендентов, женившись на Светлой, ну и я бы тоже… — Таггерт не договорил, испытующе посмотрев в глаза Миранэль.

— Что «тоже»? — не поняла она.

— И я тоже вылетел бы, поэтому какая разница.

Миранэль непонимающе смотрела на него, потом догадка озарила ее.

— Ты хочешь сказать…

Он коротко кивнул и, упав перед ней на колени, быстрым шепотом произнес:

— Миранэль, я прошу тебя стать моей женой!

От неожиданности она на секунду опешила, потом такая радость, засветилась в ее глазах, она опустилась на пол рядом с ним, обвила его шею руками, и, задыхаясь от счастья, ответила:

— Я принимаю твое предложение, я стану твоей женой и буду рядом с тобой, чтобы не выпало нам в жизни. Буду с тобой всегда: и в радости, и в горе, и в счастье, и в несчастье.

А потом они целовались, целовались непрестанно до тех пор, пока не услышали, как Сибилл вошел в комнату.

— Ну, я пошел, — сказал Таггерт, и снова перед ней предстала ее копия, — жди моего сигнала.

Миранэль приложила ухо к двери и прислушалась к звукам в соседней комнате. Стук тарелок, расставляемых на столе, шаги Таггерта… и звук упавшего тела.

— Миранэль, — тихо позвал ее Таггерт. Она зашла в спальню и застала Темного, крепко связывающего Сибилла шнуром с оборванного балдахина, сам балдахин валялся рядом с кроватью. — Что дальше? — все так же тихо спросил он, подняв глаза на девушку.

— Дальше я вернусь в тюрьму и постараюсь освободить Даххарста.

— А тебе откроют его камеру?

— Откроют, я там специально забыла свою сумочку, как только поняла, что придется возвращаться. Я бросила ее под стол, чтобы была уважительная причина для возвращения. Боюсь только одного — вдруг мне не хватит магических сил, чтобы освободить Даххарста от штырей? — грустно призналась она.

— Так я могу перенести в камеру Саннаэтеля! — обрадовано предложил Таггерт. — Его сил точно хватит! Когда зайдешь в камеру, приложи руку к амулету на груди. Это будет сигналом, что я могу перенестись к тебе со Светлым. Я почувствую, я уже это проверил.

Миранэль вспомнила, как в ванной, не желая идти в спальню к Сибиллу, она машинально приложила руку к амулету, словно набираясь сил перед очень неприятным и тягостным делом. Наверное, тогда Таггерт и почувствовал ее. Что ж, это все намного упрощало. Она двинулась к двери, но Таггерт дернул ее за руку и притянул к себе. Несколько жадных поцелуев, и она направилась к тюрьме.

Миранэль успела почти дойти до здания, когда Исилите преградила ей дорогу. Эта встреча была не просто нежелательна, она была очень опасна. Лицо Исилите, а особенно, глаза не сулили Миранэль ничего хорошего. Сердце на секунду сжалось от страха, на одну малюсенькую секундочку. Но вместо того, чтобы отступить, Миранэль тряхнула головой, гордо вздернула подбородок и твердым шагом, словно таран, двинулась к сопернице, собираясь снести ее со своего пути.

— Куда это ты идешь? — любезно настолько, что сводило скулы, спросила Исилите.

— Я в камере Даххарста забыла одну вещь, пришлось возвращаться, — сухо, стараясь побыстрее закончить этот неприятный разговор и продолжить путь, ответила Миранэль.

— И что эта за вещь, которая тебе так срочно понадобилась? — Исилите не отступила ни на миллиметр.

— А тебе какое дело? — грубо ответила Миранэль и попыталась оттеснить ее плечом с прохода, но этот номер с Исилите не прошел. Она стояла, не шелохнувшись, как скала. Миранэль немного запаниковала. — Нам с Сибиллом очень понадобилась одна вещица, которую я здесь забыла, вот, иду забирать, — уже более миролюбиво, надеясь, что Исилите, наконец, отстанет, сказала она.

Но в глазах Исилите, наоборот, засветилось явное любопытство. Миранэль снова испугалась. «Этой дряни Исилите вполне хватит наглости пойти вместе со мной в камеру и обыскать сумочку, — в ужасе думала она. — А в сумочке… ничего нет. Вот я дура! Могла бы положить в нее пару вещичек, увидев которые, Исилите убежала бы с выпученными от возмущения глазами. И у меня было бы алиби, объясняющее, ради чего я прерывала вечер и оставила любовника в одиночестве, — расстроившись от собственной недальновидности, со злостью на саму себя думала Миранэль. — И что мне теперь делать? Впрочем, кто мне мешает рассказать ей об этом?»

От этой мысли лицо Миранэль озарилось улыбкой, которая очень не понравилась Исилите. Она с подозрением спросила:

— А где Сибилл? Почему он сам не пошел, тебя отправил в тюрьму?

Вопрос Исилите был вполне резонен, но Миранэль уже знала, что ей отвечать:

— Он не может, — честно и совершенно искренне ответила она. Но заметив, как напряглось лицо Исилите, медовым голосом, сочащимся ядом, ласково добавила: — Алые атласные ленты удерживают его руки привязанными к столбикам кровати, повязка на глазах не дает видеть, ему остается только слушать и

ждать, когда мои шаги раздадутся у двери его спальни. Он ждет меня, изнывая от страсти, зная, что за вещицу я сейчас принесу. Не вещицу, а игрушку, ну, из этих самых, ты понимаешь, о чем я, не так ли? — Исилите дернулась, словно ее ударило током, а Миранэль с наслаждением любуясь этими подергиваниями, подливала и подливала масла в огонь: — А хочешь, я тебе ее покажу? Может, и ты когда-нибудь такой воспользуешься? — Исилите побледнела, как мел, с ненавистью глядя на Миранэль, а та все не унималась: — А может, ты со мной пойдешь? А что? Хорошая мысль. Думаю, твое присутствие придаст еще большую пикантность и остроту происходящему.

— Ты, мерзкая шлюха, предлагаешь мне участвовать в твоих грязных забавах?! — с яростью, едва сдерживаясь, чтобы не вцепиться Миранэль в волосы, прохрипела Исилите.

— Почему это шлюха? — возмутилась в свою очередь Миранэль. — Шлюхи, чтоб ты знала, милая Исилите, — нравоучительно продолжила она, — не могут выбирать себе мужчин. Я же сплю только с теми, кого я захотела! — гордо сказала она.

— Судя по «славе», что идет вслед за тобой, ты хочешь слишком многих, — не удержалась от укола Исилите.

— И что с того? — искренне удивилась Миранэль. — Да, мне нравятся многие мужчины, и я себе не отказываю в изысканных удовольствиях. И я всегда, — в голосе Миранэль зазвучала гордость, — всегда получаю мужчину, которого хочу!

Миранэль сильно покривила душой, причем дважды. И когда говорила, что не спит ни с кем против своего желания, и когда утверждала, что всегда получает желаемого мужчину. Но, к счастью, никто, кроме самой Миранэль, об этом не знал. И она не испытывала никаких угрызений совести. Главное — победить в споре, а для этого хороши любые аргументы, даже не совсем честные.

— А сейчас тебе захотелось Сибилла? — тихо, едва слышно спросила Исилите.

— А ты в этом сомневаешься? Кто же не захочет такого красавчика!

И Исилите отступила. Резко развернулась, бросив на ходу:

— Чтобы утром тебя в Древнем лесу не было. Иначе я за себя не отвечаю.

— Ф-ф-ф-ф! — фыркнула довольная победой Миранэль. Какое удовольствие спорить с ханжой на морально-этические темы! Все равно, что избивать младенцев!

Миранэль решительно открыла двери тюрьмы. Ей предстоял еще один очень неприятный разговор с Даххарстом, от которого

она намеревалась добиться обещания никогда не трогать Таггерта.

Глава 15

Разговор с Исилите оказался весьма кстати, во всяком случае, стражник, охраняющий вход, пропустил ее без единого слова возражения. Он, несомненно, слышал бурную беседу двух дам и сделал соответствующие выводы. Он также любезно проводил Миранэль до самых дверей камеры, и даже попытался зайти внутрь, но Миранэль жестко пресекла эту попытку.

— Я хочу побыть с пленником наедине. У нас с ним разговор еще не окончен, — при этих словах она так жестоко оскалилась, что бедный стражник вылетел из камеры, словно пробка. Убедившись, что ее никто не слышит, Миранэль вплотную подошла к Даххарсту.

Выглядел он ужасно, но ей его было, не жаль, Миранэль знала, что он очень силен, и сможет выдержать и не такие испытания, к тому же, чем ему хуже в данный момент, тем ей будет проще получить нужные ей обязательства.

— Даххарст, — прямо и откровенно, едва слышно, начала она разговор, не спеша избавлять его от страданий. — Твой брат сделал мне предложение, и я его приняла, — Темный не отвечал, лишь иронично усмехнулся, в ответ на ее слова. Такое откровенное пренебрежение взбесило Миранэль, но она сдержала себя, и, достаточно спокойно продолжила: — Я хочу быть счастливой. И буду! — чуть повысив голос, добавила она. — И меня совсем не устраивает перспектива остаться вдовой, если вы с Таггертом решите свести счеты. Я требую, чтобы ты мне поклялся, что никогда, ни при каких обстоятельствах не тронешь его!

Даххарст без сомнения удивился, услышав ее слова, он немного подумал.

— Ты же понимаешь, что я не могу дать тебе подобное обещание.

— Ты же понимаешь, — в тон ему ответила Миранэль, — что я не могу допустить, чтобы Таггерт погиб, в случае вашего противоборства.

— Ты же понимаешь, что подобный конфликт может возникнуть даже без моего желания, и даже против моего желания.

— Мне все равно. Ты должен поклясться, что не будешь драться с ним и тем более убивать его. Но если такое случится, — голос Миранэль дрогнул, — то я клянусь, что ты горько об этом пожалеешь. Я не Исилите или Сибилл, я найду способ и возможность искалечить тебя так, что ты сам предпочтешь

сдохнуть! — яростно прошипела она.

— Ты же понимаешь, что я не боюсь, — глаза Даххарста гордо и гневно блеснули. Спор зашел в тупик. Миранэль немного помолчала и начала говорить совсем уже другим тоном.

— Даххарст, Таггерт это все, что у меня есть в жизни! Я люблю его, я не могу даже мысли вынести, что с ним может что-то случится.

— Тогда купи крепкий ошейник и посади его на цепь рядом с собой, — с бешенством прошептал он.

— Даххарст, ты мне обязан, я спасаю тебя, быть может, даже от смерти! — напомнила она ему. Глаза Даххарста сощурились.

— Миранэль, — мягко сказал он, — если бы тебе мое спасение не было нужно по каким-то твоим личным мотивам, то я мог бы сдохнуть у твоих ног, ты бы и шагу не сделала мне навстречу, ты бы и пальцем не пошевелила, чтобы спасти меня. Ведь я прав?

Миранэль раздраженно дернула плечами, поскольку Даххарст видел ее насквозь.

— И все равно, я прошу, я умоляю тебя не причинять Таггерту вреда! — с жаром начала просить она.

— Неужели ты не понимаешь, что мне сейчас нет никакого дела до Таггерта, но если он бросит мне вызов, у меня не останется никакого выбора!

Даххарст был прав, Миранэль не могла не согласиться с его словами. Со вздохом она потерла амулет на груди, в ту же секунду Таггерт и Саннаэтель оказались в камере. Таггерт с такой насмешкой, с такой оскорбительной улыбкой оглядел брата, что у Миранэль зачесались руки отвесить ему подзатыльник. Несомненно, именно, Таггерт провоцировал брата на ссору, и делал это вполне умышленно. Миранэль махнула ему рукой, чтобы он приблизился, тихо сказала ему на ухо несколько слов, и Таггерт исчез. Миранэль послала его к себе домой, рассказав, где найти несколько очень интересных штучек. Она хотела подстраховаться, на всякий случай, вдруг Исилите придет в голову проверить, действительно ли она, что-то забыла в камере.

Саннаэтель принялся освобождать Даххарста от штырей, Миранэль стала ему помогать.

Светлый делал это бережно, стараясь не причинять боли, Миранэль же дергала изо всех сил, а поскольку ее магические силы были малы, то выдирая штыри, она еще больше ранила Темного. Даххарсту не перед кем было «держать лицо», поэтому он, не сдерживаясь, заорал от боли.

Стражник, услышавший этот крик, содрогнулся от ужаса, представив, что Миранэль делает с пленником. До этого Даххарст

ни то, что кричать, даже не стонал ни разу, выдерживая все пытки Исилите и Наставника.

Наконец, Даххарста освободили, оставив на его руках имитацию, в случае, если кому-нибудь придет в голову взглянуть на него. Миранэль вызвала Таггерта, чтобы он забрал Саннаэтеля, сама же она, как ни в чем ни бывало, собиралась из камеры, чтобы не вызвать у охраны подозрений. Таггерт протянул ей что-то завернутое в тонкую шелковистую бумагу, глаза его при этом так светились, в предвкушении чего-то, что Саннаэтель, заметивший это, сильно удивился, еще больше он удивился, увидев, как покраснела Миранэль под таким взглядом Темного.

Когда Таггерт и Саннаэтель исчезли, Миранэль, напоследок, предупредила Даххарста.

— У тебя времени разыскать и вытащить Ализе, только до утра. Учти, она ранена, возможно, даже серьезно, — он кивнул в ответ, подтверждая, что хорошо ее понял. Она толкнула дверь камеры, и вышла из нее с гордо поднятой головой. Охранники, стоявшие у выхода, шарахнулись от нее в разные стороны. Миранэль довольно улыбнулась. На всякий случай, она снова пошла к дому Наставника, небезосновательно подозревая, что Исилите следит за ней. Демонстративно она открыла сумочку и вытащила из нее завернутые в бумагу предметы, потом бережно положила их обратно, заметив краем глаза удаляющуюся фигуру женщины.

«Так тебе и надо! — со злорадством, думала она, до сих пор не простив Исилите за жестокие, обидные и несправедливые слова, что та когда-то бросила ей в лицо. — Интересно, — подумала Миранэль, — зачем Исилите вышла замуж за Эллентиэля? Ведь и слепому ясно, что она без памяти любит Сибилла. — Миранэль взвесила все обстоятельства, прикидывая эту ситуацию на себя, — Наверно, она хотела отомстить Наставнику, сделать ему больно, надеясь, что этот брак покажет ему, насколько тот был не прав, отталкивая Исилите. Да, — окончательно решила Миранэль, — так все и было! Вот только страдать она заставила не Сибилла, а Эллентиэля, Ализе, Саннаэтеля, и скорее всего себя!»

Миранэль тряхнула головой, отбрасывая ненужные мысли о ненавистной сопернице, и бодро протопала к дому Наставника.

Сибилл все еще был без сознания, Миранэль улыбнулась, подумав про себя, что Таггерт хорошо его приложил. Она потерла печать, вызывая любимого. Когда он появился, Миранэль затащила его в ванную.

— Не хочу, чтобы Сибилл даже случайно увидел нас вместе, — шепотом объяснила она. — Мало ли что? А так у меня

всегда будет отговорка, что я была не я, а Темный, наложивший на себя мою иллюзию. А то, что амулеты Светлых этого не распознали, объясню тем, что амулеты иллюзий Темных, взяты из Древних Могильников. Сибилл поверит, я в этом уверена.

Довольно засмеявшись, они исчезли.

Глава 16

Ализе лежала, скорчившись на полу возле стены в камере, в которую ее затащила мать. Боли уже не было, но это ничего не меняло. Ализе больше не хотела жить. Она отказалась от пищи, отказалась от воды, которую ей заботливо подсунул один из охранников, искренне сочувствующий девушке. Она не плакала, уже не плакала, все слезы были выплаканы еще после ухода мамы. Мамы? Ализе теперь никогда не назовет эту страшную женщину даже в мыслях мамой. В голове постоянно звучал последний разговор, что произошел между ними.

Когда Ализе прикрыла собой мужа, приняв магический удар матери, она от боли потеряла сознание. Очнулась, когда ей в лицо кто-то плеснул воду. Ализе открыла глаза и обнаружила, что находится в камере. Здесь не было ни мягкой постели, ни матраца, ни подушки, только голый холодный пол. Встать она не смогла, ноги не держали, поэтому она села, привалившись к стене.

— Что, ноги не держат? — услышала она холодный равнодушный голос. Ализе подняла глаза, и тут же отвела, испугавшись того, что прочла во взгляде матери. — На что ты надеялась, совершая свой глупый бессмысленный поступок? — вопрос звучал риторически, и Ализе не стала и пытаться на него ответить. — Я спрашиваю, чего ты добивалась своими действиями? — Исилите повысила голос, гневно глядя на дочь.

— Я… я хотела… я не могла смотреть на то, как мучается Даххарст, — наконец, выдавила она из себя.

— Ты не хотела видеть, как мы справедливо — я подчеркиваю: справедливо — наказываем негодяя за все те мерзости, что он совершил?!

— Он не негодяй, — едва слышно прошептала Ализе.

— Что?! — возмущению Исилите не было предела. — Ты мне говоришь, что он не негодяй, после всего того, что он тебе сделал? Ты забыла, как он тебя покалечил, и как ты десять лет страдала и мучилась? — Исилите, действительно не понимала свою дочь и хотела услышать ответ.

— Он нечаянно, он не хотел, так получилось, — залепетала, пытаясь оправдать мужа, Ализе. — К тому же и я его тоже покалечила, он тоже страдал десять лет.

Но для Исилите такие аргументы не были оправданием, гнев буквально клокотал в ее глазах.

— Его поступкам нет оправдания, нет прощения, и он за них ответит!

— Мама, я его простила, и я не хочу, чтобы он страдал, — Ализе тихо заплакала, не зная, как еще оправдать мужа.

Ее слезы и слова просто взбесили Исилите.

— Ты его простила?! Да где же твоя женская гордость, где твое самоуважение? Ты, как половая тряпка, позволяешь вытирать о себя ноги!

— Я не тряпка, — от таких слов слезы на глазах Ализе мгновенно высохли. — Я не тряпка, — повторила она, — наши отношения — только наши, и больше никого не касаются. Если я простила его, значит, для этого были основания.

Но Исилите ее не слушала. Она в ярости смотрела на дочь, не в силах поверить, что это ее плоть и кровь.

— Ты, что не понимаешь, что я тебе говорю? — потрясенно спросила она. — Твой муж не только поднял на тебя руку, главное — он не любит тебя! Понимаешь, не любит, и никогда, никогда не полюбит! Так зачем ты пыталась его спасти?

Ализе видела, что мать искренне не понимает ее, не понимает мотивов ее поступка, не понимает ничего, и тогда Ализе сказала мягко, спокойно, как говорят с маленьким, глупым несмышленышем:

— Я знаю и понимаю, что он меня не любит. Я это очень хорошо поняла и осознала благодаря вам. Но дело в том, что я люблю его! Люблю настолько сильно, что воспринимаю его боль, как свою собственную. Если бы было можно, я отдала бы все мои оставшиеся годы только, чтобы спасти его. Я отдала бы жизнь, чтобы помочь ему. Я жалею, что ушла от него, когда мне было так хорошо рядом с ним. Ушла, узнав, что он женился на мне не по любви, а по долгу чести. Ушла, даже не попытавшись бороться за него, не попытавшись вызвать ответных чувств.

Но такие жаркие слова вызвали у Исилите только ядовитый смех.

— Бороться за его любовь? Это, моя милая, бесполезно. У Темных все по-другому. Он никогда бы не полюбил тебя! Он же Темный! А они никого не любят, и ты бы не была исключением, — жестко оборвала свой смех Исилите.

— Откуда ты знаешь? — вдруг спросила Ализе. — Когда я была с Даххарстом, я видела, как он горевал о гибели своего отца, слышала, с каким уважением он говорил о моем. Ты не права. Темные также могут любить, как и мы. Вот только я не захотела ждать, когда он меня полюбит, и полюбит ли вообще, я хотела сразу ощутить его чувства ко мне, и вот я наказана за свое нетерпение, за свою поспешность, за свою гордыню. Как я жалею, что услышав, что ему хочется, чтобы у нас родился ребенок, я сразу резко ответила: нет. Сказала, что никогда, никогда не

захочу родить ему малыша.

— Ребенка?! — в ярости прошипела Исилите. — Он хотел, чтобы у вас родился ребенок?

Ализе с удивлением посмотрев на мать, хотела сказать, что это и так понятно, хотела сказать… и не сказала. Лицо Исилите стало таким страшным, глаза горели ненавистью, губы сжались в тонкую полоску.

— Ты согласилась бы родить Темному ребенка?! — снова бессмысленно повторила она, будто смысл этой фразы никак до нее не доходил.

— Нет, я отказалась, поэтому и ушла от него, — тихо забормотала Ализе, напуганная безумным видом матери.

— Но сейчас ты об этом жалеешь? — не давая, дочери уйти от ответа, настаивала Исилите.

Ализе молчала, боясь честно ответить на этот вопрос. — Ты жалеешь о своем отказе? — еще раз, еще более страшным голосом спросила мать, и Ализе, собрав все свои силы, твердо ответила:

— Я люблю его очень сильно, жаль, что я поняла это слишком поздно. Да я хочу, чтобы у нас был ребенок, я хочу, чтобы хотя бы малыш соединил нас. Неужели тебе кажется странным, что женщина хочет иметь ребенка от любимого человека? — поскольку Исилите не отвечала, все, также пристально вглядываясь в лицо дочери, Ализе, продолжала, все увереннее и увереннее. — Я хотела сначала сказать, что ты должна была бы меня понимать лучше других, поскольку ты родила нас с братом, но теперь я в этом сомневаюсь. Мама, признайся, ты ведь никогда не любила отца? Ты всегда любила этого, как его… Сибилла. Зачем же ты вышла замуж за папу? Зачем родила нас?

— Я родила вас с братом, — глухо сказала Исилите, — потому что это был мой долг перед моим народом, передать свою силу, свои способности по наследству, чтобы наш народ стал сильнее и мог бороться с нашими врагами, уничтожая их с лица земли. Я родила детей для блага и процветания нашего народа, — еще тише продолжала Исилите, — а вот ты хочешь родить ребенка для нашей гибели, — Ализе вскинула голову, со страхом глядя на мать, она почувствовала, что сейчас произойдет что-то страшное. — Только этому, покуда я жива, не бывать, — все таким же страшным голосом говорила Исилите. — У тебя не будет ребенка от Темного. У тебя вообще не будет детей!

— Мама, не надо! — закричала Ализе, но было поздно, в живот Ализе ударился светящийся шар, и дикая боль затопила все ее тело. В последнее мгновение, перед тем как потерять сознание, она увидела Сибилла ворвавшегося в камеру, и мать, что отлетела в сторону от его удара, потом — темнота.

Глава 17

— Ализе, Ализе, — услышала она в своей голове голос мужа, истошно зовущий ее. Она не отвечала, решив, что это ей мерещится в бреду, но голос не унимался, — Ализе, Ализе.

— Даххарст? — неуверенно спросила она.

— Да, да, — обрадовано откликнулся мужчина.

— Ты где? Я не вижу тебя, — тихо, едва слышно сказала Ализе.

— Ничего не говори вслух, — торопливо остановил ее голос мужа, — только думай.

— Ализе, — сразу приступил к самому главному Даххарст, — сейчас мы должны обговорить, как нам вырваться отсюда, уйти нам надо как можно быстрее, — спокойным, деловым тоном начал он.

— Я не хочу никуда уходить. Я не хочу жить, — медленно растягивая слова, тихим безразличным голосом ответила Ализе. Она, похоже, ничуть не была удивлена, что слышит голос мужа, а может, решила что бредит.

— Ализе, — в ярости закричал Даххарст, — Как это ты не хочешь уходить? Я видел, что с тобой сделала мать, ты не можешь здесь оставаться.

— Ты видел, что мне сделала мать? — немного удивилась она, потом поняв, что он имеет в виду то, как она ударила ее в камере на его глазах, беззвучно рассмеялась, диким, истеричным смехом.

— Ты смеешься? — поразился Даххарст такое ее реакции. Он думал, что Ализе, наоборот, заплачет, но она, не слушая его, все еще смеясь своим странным смехом, только повторяла.

— Нет, ты не видел, что мне сделала мать, ты ничего не видел.

— Ализе, — в голосе Дахарста зазвенело беспокойство. — С тобой что-то случилось? Ты ранена? — но Ализе не отвечала. Горе, которое она, наконец, стала осознавать в полной мере, затопило ее, вытеснив все другие чувства. «У нее никогда не будет детей. НИКОГДА. Она будет жить одна, до конца жизни. Дахарст, который сейчас пытается ее спасти, вернее не ее, а будущего ребенка, которого он надеется от нее получить, — от этой мысли ее бросило в дрожь, — сразу ее бросит, как только обо всем узнает», — но ее мысли перебил голос Даххарста, ворвавшийся в ее сознание.

— Ализе! — не смей так обо мне думать. Ты слышишь — не смей! Мы выберемся отсюда и обо всем поговорим!

— А зачем мне отсюда выбираться? — тусклым голосом возразила девушка. — Мне больше не для чего жить, — немного помолчав, она добавила едва слышно: — У меня никогда не будет детей. Никогда, — как только она произнесла вслух свой приговор, как вновь чудовищное, черное отчаяние нахлынуло на нее. — У меня никогда не будет детей… у меня никогда не будет детей, — безмолвно шептала она, и только Даххарст слышал ее слова.

— Ализе, — в отчаянии закричал он, в ужасе от мыслей Ализе и от поступка ее матери — пожалуйста, не думай сейчас об этом! Нам надо выбраться отсюда, потом все решим, вместе решим, но Ализе не слушала его, повторяя вновь и вновь.

— Зачем? Зачем мне уходить отсюда? Я не хочу, и не буду жить, так не все ли равно где умирать?

— Ализе, — в голосе Даххарста слышался страх и паника, пожалуйста, пожалуйста, не бросай меня, не уходи! Ализе, ты самое дорогое, что у меня есть на свете, ты мое счастье, моя душа, без тебя, и я не захочу жить! Пожалуйста, не уходи!

Но Ализе его словно не слышала.

— Мне больше незачем жить, мне больше незачем жить… — беспрестанно повторяла она, словно внушая самой себе, эту мысль.

Потом Ализе заплакала тихим безутешным плачем, не приносящим никакого облегчения.

— Ализе! — уже истошно орал Даххарст, в бессилии колотивший по стене кулаком, от невозможности прижать к себе жену, удерживая ее от глупого, необдуманного шага. — Ализе, — постаравшись хоть немного успокоиться, продолжал Даххарст почти нормальным голосом, — пожалуйста, послушай меня, давай сначала вырвемся из этого проклятого места, а потом поговорим, поговорим обо все, что мучает и терзает тебя. Прошу тебя, не думай пока ни о чем, кроме как, о том, чтобы оказаться на свободе. Ты слышишь меня?! — требовательно спросил он. Но Ализе не хотела его слушать. Она не переставала плакать, и Даххасту приходилось вновь и вновь пытаться убедить ее не делать непоправимого. Потом она уснула. Он это почувствовал и очень обрадовался, надеясь, что после сна к ней вернется спокойствие и здравомыслие, а главное у нее прибавится сил.

— Милая, любимая, бесстрашная моя девочка! Я люблю тебя, я так сильно люблю тебя! Не сомневайся во мне, ни секунды не сомневайся! — это было первое, что она услышала, очнувшись ото сна.

— Любимая… бесстрашная… — словно кукла, повторяла она за ним, не вникая в смысл слов.

— Да. Любимая и бесстрашная, — говорил Даххарст. — Ты встала под удар, стараясь защитить меня. Никто никогда такого бы для меня не сделал! Ализе, я восхищаюсь тобой, и от этого люблю еще сильнее.

— А как же ребенок, соединяющий в своих генах родовую магию Светлых и Темных? Ты уже больше не мечтаешь о нем? — в голосе Ализе неожиданно прорезались сарказм и насмешка. — Ты женился на мне только ради рождения ребенка. Ты согласен жить долгие-долгие годы с нелюбимой женой, потеряв надежду получить столь желаемое дитя? — при слове «дитя» из голоса Ализе исчезли циничные нотки, и она словно поперхнулась. — Теперь этого никогда не будет, никогда, — снова зашептала она.

У Даххарста от ее слов, от ее интонации мурашки ужаса поползли по спине. Переубеждать, что она нужна ему любая, хоть с ребенком, хоть без, было бессмысленно. Ализе ему не верила, просто не слушала его слов и уверений, полностью замкнувшись на своем горе.

— Ализе, — совсем другим тоном произнес он, — я клянусь тебе нашей Темной богиней, что сделаю все, что только будет в моих силах, чтобы исцелить тебя. Мы обратимся ко всем врачевателям, которых только найдем!

— Ничего не получится, — всхлипнула Ализе. — Когда я болела, ну, после той первой ночи, мы с Саннаэтелем обошли всех целителей, и никто мне не помог. Мать очень сильна, после ее магии никакая другая магия меня не исцелит.

Однако Даххарст думал иначе, поэтому продолжил с еще большей решимостью:

— Вы с братом были у Светлых целителей, а теперь мы обратимся и к Темным.

— Нет, — упрямо твердила Ализе, — против такой сильной родовой магии, какой владеет моя мать, и целители Темных будут тоже бессильны.

Даххарст сжал кулаки. Он уже впадал в отчаяние от невозможности убедить жену бежать из этого страшного места, и как можно быстрее. Он немного походил по камере, стараясь ступать так, чтобы не было слышно шагов.

— Ализе, — мысленно позвал он. — Если магия и Темных, и Светлых целителей окажется бессильна излечить тебя, я найду амулеты Древних, и они тебе точно помогут.

Ализе молчала, он обеспокоенно снова позвал ее: — Ализе!

— Ты думаешь, такие амулеты существуют? — наконец, неуверенно спросила она.

— Существуют, еще как существуют! — обрадовался он. — Я их найду!

Даххарст достаточно твердо произнес это обещание, хотя сам без содрогания не мог вспоминать о последнем Могильнике, в котором он побывал вместе с отцом Ализе.

…Это захоронение отличалось от других. Если другие Могильники, встречавшиеся им раньше, имели круглую форму, то этот стоял на каменной пиктограмме. И холм насыпанной земли был выше, и сам Могильник был большей площади. Но Даххарст в тот момент подумал лишь о том, что большая площадь Могильника обещает и большую добычу расхитителям.

Эллентиэль призывал к осторожности, но Даххарст был тогда очень молод, охотничий азарт заставлял забыть об осторожности.

Они быстро откинули землю, просканировали несколько раз входной лаз и, не почувствовав никакой опасности, осторожно отодвинули камень. Они попали в небольшое помещение. Огромная плита с барельефом преграждала дальнейший путь.

Сначала они осмотрели стены. Многочисленные рисунки, магические знаки, руны укрывали и стены, и пол, и потолок. К сожалению, знания об этих символах были давным-давно утеряны, они могли только рассматривать их и пытаться догадаться о содержании.

Потом они изучили плиту, надеясь найти дверь или механизм, который отодвигал бы ее в сторону. В первую очередь они осмотрели барельеф. Фигура, полностью закутанная в плащ с низко надвинутым капюшоном, оставляющим видимыми только губы и подбородок. Руки, выглядывающие из прорезей плаща, крепко сжимали какой-то предмет, не то скипетр, не то булаву. Каменная плита выглядела… как каменная плита, никакой магии ни Даххарст, ни Элентиэль в ней не почувствовали.

Они стали руками шарить по ее поверхности, надеясь пощупать щель или выемку. В какой-то момент Даххарст случайно прикоснулся к барельефу. Прикоснулся и замер, не в силах ни сдвинуться с места, ни даже пошевелиться. Вот тогда он испытал самый настоящий ужас, поскольку почувствовал, как холодный камень буквально высасывал из него силы и жизнь. Даххарст даже не мог позвать на помощь, стоял, окаменев, чувствуя, как холодеют руки и ноги, а Эллентиэль, увлеченный поисками, ничего не замечал и не обращал на него внимания.

И все же, именно Эллентиэль спас его тогда. В какой-то момент он глянул на притихшего Темного и за долю секунды оценил происходящее. Он, с бешеной силой, откинув сначала его от стены, выволок потом из склепа.

Пока Эллентиэль снова засыпал вход, Даххарст лежал на земле, а потом еще несколько часов собирался с силами, чтобы перенести их обратно домой. Даххарст сам не мог точно сказать,

почудилось ему это или нет, но только он явственно видел, как в последний момент дрогнули губы каменного изваяния, выглядывающие из-под капюшона.

… Теперь, дав слово Ализе сделать все возможное для ее исцеления, он вспомнил именно об этом Могильнике, решив еще раз попробовать вскрыть его.

— Ализе, — еще раз повторил Даххарст, — если целители тебе не помогут, я найду амулеты Древних. Магия, что заточена в них, сильнее магии твоей матери!

И Ализе ему поверила.

Глава 18

— Что мне надо сделать, чтобы мы выбрались? — тихо спросила она.

— Твоя и моя камеры укрыты магической сетью. Но если видеть узлы ячеек, то их можно немного раздвинуть. Саннаэтель это проделал в моей камере, так что я смогу легко выбраться, но для того, чтобы я мог попасть к тебе и забрать тебя с собой, необходимо также раздвинуть узы, увеличив размер ячеек или разорвать их.

— Разорвать? — сразу же испугалась Ализе. — Как же я их разорву?

Даххарст тихо засмеялся.

— Как? — переспросил он. — Да очень легко. Магия Темных сможет ее разорвать.

— Но я, же не владею магией Темных, — напомнила ему Ализе, удивившись, что Даххарст забыл об этом.

— Ализе! — в голосе Даххарста явно зазвучало торжество. — В брачных магических браслетах, что ты носишь, заключено столько магической энергии Темных, что ты, приложив браслеты к сети, сможешь ее разорвать. Только надо постараться найти узел, чтобы разрыв был достаточно большим, и я бы мог в него пройти.

— Как я найду узел?! — Ализе чуть не плакала от бессилия. — Я же не вижу сети.

Даххарст задумался, потом начал спокойно рассуждать.

— Самые густые ячейки сети, наверное, находятся около двери и окон, а вот на стене, что отделяет камеру от камеры, сеть может быть не такой густой. Значит, ты должна соединить руки, постаравшись, чтобы браслеты коснулись друг друга, а потом сомкнутыми руками провести по стене. Может тебе повезет, и ты разрушишь узел, но в любом случае придется рисковать. У нас только одна попытка. Если мы не вырвемся, то твоя мать узнает и о браслетах и о том, что я пытался вытащить тебя, думаю, после этого нам придется плохо.

— Я боюсь, — заплакала Ализе. — Я такая невезучая, я обязательно все испорчу, и ты погибнешь из-за меня. Беги сам. Я не буду даже пробовать разорвать сеть.

— Ализе! — рявкнул Даххарст. — Я никуда без тебя не уйду! Погибнешь ты, погибну и я, но пойми, как это глупо даже не попытаться сбежать.

— У меня не получится, у меня не получится, — твердила Ализе, закрыв уши руками, как будто это могло заглушить голос

мужа, звучащий у нее в голове.

— Ализе, пожалуйста, — Даххарст постарался говорить, как можно мягче, уже жалея, что сказал ей о том, что эта попытка побега единственная, и что в случае неудачи… впрочем, о неудачи он даже не хотел думать. У них все получится! — Ализе, ты должна попробовать разорвать магическую сеть.

Ализе закрыла руками не только уши, но и глаза, и все, же слова мужа заставили ее действовать. Она убрала руки от лица, и чуть не закричала от неожиданности. На стенах своей камеры она увидела тускло мерцающие ячейки магической сети. Она быстро оглядела камеру, стараясь не думать, как такое, возможно, выбрала самые крупные ячейки и прикоснулась магическими брачными браслетами к узлу, что их соединял. Едва кожа ее рук коснулась сети, как сразу появился легкий темный дымок, буквально испаривший узел.

— Готово! — в полный голос закричала она. Даххарст появился в ту же секунду, схватил ее в охапку и исчез.

С Ализе было плохо очень плохо. Она неподвижно, скорчившись в небольшой комочек, лежала на роскошной кровати, почти ни на что не реагируя. Отказывалась от еды, не радовалась ни подаркам, ни вниманию. У Даххарста, от бессилия что-либо изменить, опускались руки. Она не радовалась даже приходу брата. Когда она его видела, глаза ее вспыхивали на короткий миг, и тут же гасли, и она снова безразлично смотрела куда-то мимо, не воспринимая окружающих.

А ведь сначала было все так хорошо. Столько радости, когда Даххарст появился в своем доме, крепко обнимая жену. Санаэтель чуть не плакал от счастья, обнимая сестру, и она тоже вроде была счастлива. Потом все пошло наперекосяк.

Служанки помогли Ализе принять ванную, Даххарст, как ребенка кормил ее чуть не с ложечки. Уложил спать, а когда Ализе проснулась, она была уже такой. Бесчувственной и равнодушной. Что Даххарст только не делал, что вернуть свою прежнюю жену, чем только старался не порадовать ее, все было напрасно. Ализе наотрез отказалась от того, чтобы ее осмотрел целитель. Когда Даххарст слишком рьяно пытался убедить ее показаться лекарю, она крепко сжала его ладони своими худенькими пальчиками и твердо сказала, глядя ему в глаза, что ей не нужны ни целители, ни врачеватели, что ей вообще никто не нужен.

Он ждал, что она добавит «кроме тебя», но Ализе этого не сказала.

Вот уже три дня она лежала маленьким, худеньким холмиком, почти незаметном на огромном ложе, и Даххарст не

знал, и не понимал, что ему делать.

Он пытался ее целовать и нежно, едва дотрагиваясь до ее кожи губами, и страстно, стискивая в объятиях, но от этого становилось еще хуже. Он чувствовал себя каким-то чудовищем, домогающимся слабую, беззащитную жертву. Нет, он был уверен, что если бы стал настаивать на своих супружеских правах, Ализе бы ему уступила, вот только ему такие уступки, были не нужны. Он хотел совсем другого.

Даххарст спрашивал Саннаэтеля, как помочь Ализе, но Саннаэтель лишь беспомощно разводил руками. Даххарст никому не сказал, что случилось с его женой, они, не сговариваясь, решили сохранить это в тайне, слишком больно было бы посвящать, кого бы то ни было в такие мучительные подробности. Время шло, ничего не менялось.

Постепенно в душе Даххарста закипали обида и гнев на жену. И вот в один из дней, грубо схватив в охапку, он перенес ее на берег озера к тому водопаду, где Темная богиня соединила их узами.

— Ализе, я хочу, чтобы мы вместе вошли в эти воды, — попросил ее Даххарст, раздевшись донага. Ализе подчинилась, но сняла только пеньюар, в котором была, когда Даххарст забрал ее, нижнюю сорочку Ализе снимать отказалась, и прямо в ней зашла в озеро.

— Сними сорочку, — приказал Даххарст, но Ализе так глянула на него, что он больше не стал на этом настаивать, лишь скрипнул от злости зубами. Они вместе встали под струи водопада. Вода была очень холодной, вся кожа Ализе покрылась мурашками и сам она отчетливо застучала зубами от холода. Даххарст ждал. Чего он ждал, он и сам бы не смог объяснить. Может того, что Ализе вспомнит, что тут происходило несколько месяцев назад, вспомнит и встрепенется, сбрасывая с себя равнодушие, безучастность и какое-то оцепенение. Но ничего не происходило. Ализе терпеливо тряслась от холода, ожидая его разрешения выбраться на берег.

…На самом деле ничего странного в поведении Ализе не было. Чем ярче и прекраснее становился в ее глазах муж, тем никчемнее становилась она, в своих собственных.

«Что она может дать своему необыкновенному, красивому, умному, сильному, мужественному, бесстрашному, — в отчаянии думала Ализе (подобные эпитеты, рождающиеся в ее голове в отношении Даххарста, невозможно было перечислить, и самое страшное, что все они соответствовали действительности. — ЧТО? Красоту? Так у него красивых женщин было хоть пруд пруди. Ум? Смешно даже говорить, особенно учитывая ее

последний самый глупый поступок, (побег от мужа), приведший к таким страшным последствиям. Сексуальное удовлетворение? — Ализе иронично хмыкала, вспоминая, что не она, а Даххарст приложил невероятное количество усилий, чтобы их интимная жизнь, была такой яркой, чувственной и возбуждающей, а вот она… она только уступала, нисколько не заботясь, и нисколько не думая о том, насколько хорошо с ней Даххарсту. Ализе не сомневалась, что другие женщины смогли бы доставить ему неизмеримо больше наслаждения. Единственное, что она ему могла дать, и чего не дала бы ему ни какая другая женщина в мире — это ребенок!» — и вот, постоянно доходя до этой мысли, Ализе погружалась в пучину черного отчаяния. Чем больше Даххарст проявлял к ней внимания, тем хуже ей становилось от мысли, что она навсегда связала его с собой. Такой серой, такой неумной и такой… несчастливой.

…И вот теперь она стояла рядом с ним, становясь минуту от минуты еще более несчастной, поскольку понимала, какие усилия прикладывает ее муж, чтобы помочь ей.

А Даххарсту хотелось схватить Ализе за плечи и трясти, трясти, пока все дурные мысли в ее голове, которые он отлично слышал, не повылетают, словно мусор или шелуха. Он не знал, и не понимал, что с ней делать! И вдруг совершенно неожиданная мысль, сверкнула в его голове, будто молния. Даххарст с минуту стоял неподвижно, а потом резко шагнул к жене, взял в руки ее лицо и заставил посмотреть себе в глаза.

— Ализе, — тихо, но твердо произнес он. — Моё имя Сиггурт-Атиг-Баст.

Ализе так удивилась его словам, что на секунду совсем забыла, какая она несчастная, и стала пораженно смотреть на Даххарста.

— Разве твое имя не Даххарст?

— Даххарст, это имя, которое мне дали родители. Но понимаешь, у Темных в момент инициации, когда магические силы наполняют каждую клеточку твоего тела, наша Темная богиня, дает каждому еще одно тайное имя. Это мое тайное имя. Никто, никогда не должен его узнать, — начал объяснять Даххарст. — Если провести один ритуал, используя какую-нибудь мою личную вещь, то я приду, к вызывающему меня, даже против своей воли, даже зная, что меня ждет ловушка, смерть или страдания.

— Зачем ты мне это сказал? — в ужасе закричала Ализе. Даххарст как-то горько и грустно улыбнулся.

— Ну, например, если ты сочтешь меня недостойным мужем и захочешь избавиться от меня, ты можешь сказать это имя моим

врагам, и я исчезну, как поступила моя мать с моим отцом, — голос Даххарста был сух и небрежен, но Ализе знала, какую боль скрывают его слова. От мысли, что он мог предположить, что и она может поступить так же, как и Ханния, ее охватила бешеная ярость, Ализе с кулаками бросилась на него, молотя изо всей силы по его груди.

— Гад, гад, гад, — в гневе кричала она. — Как ты мог подумать такое обо мне?! Как ты мог?! Как ты посмел?! Да я люблю тебя! Люблю тебя так сильно, что согласна отдать за тебя жизнь!

Даххарст подхватил ее на руки, и, не пытаясь даже уклониться от ударов, начал целовать ее волосы, глаза, лоб. Он терся лицом о ее кожу и, стискивая ее в объятиях, тихо шептал:

— Как же я соскучился по тебе! Как же я соскучился!

Ализе, которая в момент нападения на Даххарста напоминала маленького, мокрого, взъерошенного воробья, теперь с наслаждением прижималась к горячему телу мужа, впитывая в себя не только физическое, но и эмоциональное тепло, исходящее от него.

— Да сними же ты с себя, наконец, эту мокрую противную тряпку, — простонал Даххарст, не имея возможности полностью прижаться к телу жены. Он дернул сорочку за одну лямку и разодрал ее пополам, но сорочка не желала сдаваться и покидать свое законное место, плотно облепив тело Ализе. — Да что же это такое? — прорычал он, раздирая в клочья ненавистное одеяние, со смеющейся Ализе.

Он понес ее под струи водопада. Ализе обвила его шею руками, ногами оплела его талию, крепче прижаться к телу мужу было уже невозможно. Теперь она терлась о его лицо, запускала руки в его волосы, и никак не могла насладиться этими ощущениями. Даххарст сначала задышал, как загнанная лошадь, потом, начал целовать все, что подворачивалось под его губы. Волосы, лоб, щеки, губы, плечи. Руки же его были заняты тем, что приподняв ее за бедра, пытались, пристроить ее поудобнее, чтобы войти в нее.

Ничего не получилось, несколько бессмысленных тычков не принесли желаемого результата. Даххарст с тоской посмотрел ей в глаза.

— Ты не хочешь меня? — чуть слышно шепнули его губы.

— Х-х-хо-чу, х-х-хочу, — стуча зубами от холода, успокоила его Ализе. — Просто я так сильно замерзла в этой ледяной воде, что…

Она не договорила, но и сам все понял, и, выругавшись сквозь зубы, мгновенно перенес их красивую спальню, залитую

солнечным светом.

— Я сам тебя вытру, — быстро сказал он, заметив, что Ализе ищет глазами полотенце. Себя он поисками утруждать не стал, а сдернув с кровати шелковую простынь стал вытирать Ализе лицо и руки, помогая поцелуями просушивать кожу.

Ализе смущалась. У них уже так давно не было близости, и такие откровенные ласки, заставляли ее стеснительно замирать, не давая расслабиться. Хорошо, что Даххарст был умен и опытен, без труда распознав состояние жены. Было несколько способов вывести ее из подобного состояния. Даххарст воспользовался самым быстрым и легким. На секунду отстранившись от жены, он вернулся назад с небольшим подносом.

— Попробуй, — сказал он, протягивая ей бокал с рубиновой жидкостью, — этому вину больше тысячи лет. Это из личных запасов моего деда. Вино невероятное тебе понравиться, к тому же тебе выпить просто необходимо, чтоб разогнать кровь, согреться и не заболеть.

Ализе сделала небольшой глоток. Вино было восхитительно. После первого же глотка, жар побежал по ее венам. Она хотела отставить бокал, но Даххарст не позволил.

— Выпей до дна, — попросил он. — Это вино не пьянит, оно… — он чуть подумал, — убивает тоску и хандру, от него радость заполняет сердце и мысли.

Даххарст не соврал. Когда последние капли вина, скатившись со стенок бокала, на секунду замерли на ее губах, Даххарст быстрым движением слизнул их. Этот жест буквально зажег ее. Никакого стыда, никакого стеснения. Ализе откровенно провоцирующим движением потянулась на кровати, бесстыдно демонстрируя своему мужчине красоту своего тела. Глаза Даххарста стали пьяными от наполнявшей их страсти. Теперь он не жалел Ализе и не деликатничал, но Ализе этого было и не нужно. Поцелуи, заканчивающиеся укусами, но они вызывали не боль, а только еще большее возбуждение.

Сумасшедше быстрые и резкие, заставляли стонать, и полностью терять рассудок от наслаждения. Даххарст знал, что делать, от Ализе только требовалось не мешать ему, и полностью раствориться в ощущениях.

Глава 19

Она пришла в себя от осторожного шороха. Даххарст что-то переставлял на маленьком столике, стоящем возле кровати. Скорее всего он сервировал стол для ужина. Ализе обвела глазами комнату. Здесь она еще ни разу не бывала.

— Что это за место? — спросила она. Он пренебрежительно махнул рукой.

— Мне понравился вид на эти горы, вот я и построил здесь маленький домик. Таких небольших домиков в самых разных, приглянувшихся уголках, у меня много. Если я могу себе это позволить, почему бы мне так и не поступить?

Ализе нравилось все: нравился сам дом, нравилось его убранство, но более всего ей нравился ее спутник. Она буквально млела от счастья, ощущая себя настолько желанной и любимой. Счастье и любовь переполняли ее, даже когда схлынула первая волна страсти, и Даххарст расслаблено лежал, бездумно глядя в потолок.

— Мой, мой, мой, — думала она, пропуская его волосы сквозь пальцы. — Он любит меня, он дорожит мой, — в ее голове вспыли последние картинки того, что только что происходило, и хоть краска смущения залила ее щеки, вместе с этим чувством где-то в душе вновь вспыхнуло возбуждение.

Даххарст немного лениво, с ласковой насмешкой в глазах, посмотрел на нее.

— Ализе, перестань так думать, — голосом кота наевшегося сметаны, но при этом еще с удовольствием поглядывающего на вкусную рыбку, — произнес он. — Иначе отдыха тебе точно не видать, а ты еще очень слаба, и поэтому мне все же лучше сдерживаться.

Ализе покраснела, как маков цвет и чтобы скрыть неловкость тут же спросила:

— Ты мне ничего еще не рассказал об этой способности слышать мысли друг друга. Откуда у нас эта способность?

Даххарст смущенно засмеялся, но поскольку ощущать чувство вины он не любил, также как оправдывать и просить прощения, поэтому, не желая смотреть в глаза Ализе, он просто уткнулся лицом ей в плечо и глухо произнес.

— Этой способностью наградила нас Темная богиня в наш первый раз, ну, в том гроте, — напомнил он ей.

— Ты что же все это время читал мои мысли?! — возмущенно закричала Ализе. Даххарст утвердительно кивнул, сопроводив это движение тяжким вздохом, который, вероятно, должен был

символизировать его искреннее раскаяние, в которое почему-то верилось с трудом. — Как ты мог мне ничего не сказать?! — все так же гневно, продолжала выговаривать мужу Ализе, стукнув его кулаком по спине. Тогда он нехотя повернул голову, и неожиданно серьезно, без тени иронии или сарказма ответил.

— Ализе, это же я добивался тебя, пытаясь пробиться через все психологические и эмоциональные барьеры и щиты, что ты против меня понаставляла. Можешь мне поверить! Для меня было намного важнее знать твои истинные мысли, чем для тебя знать мои. К тому же теперь мы находимся в равных условиях. Теперь ты можешь всегда знать, что я думаю, разумеется, кроме тех моментов, когда я умышленно закрою от тебя свои мысли.

— Я тоже так смогу? — сразу же успокоилась Ализе.

— Сможешь, сможешь, — немного ворчливо пробормотал Даххарст, явно не в восторге от этой мысли, но деваться ему было некуда, — я тебе объясню, и как читать мои мысли, и как закрывать от меня свои, я все тебе расскажу… потом.

— Что?! — закричала Ализе, пораженная до глубины души такой несправедливостью. Но Даххарст нагло закрыл ей рот поцелуем, придавив ее своим сильным телом к кровати, не давая ей возможности даже шелохнуться.

— Что слышала, что слышала, — в перерывах между поцелуями умудрялся шептать он, — я не хочу, чтобы ты закрывала от меня свои мысли! Не хочу и все тут!

Ализе едва сумела вывернуться из-под него, и, треснув Даххарста по голове единственным орудием, что было под рукой — пуховой подушкой, грозно зашипела:

— Ах ты, гад! Почему ты не хочешь, чтобы я могла прочитать твои мысли? О чем ты таком думаешь, что не хочешь, чтобы я знала?

— Ализе, — неожиданно серьезно, без тени улыбки сказал Дахарст, — я просто боюсь того, что ты сможешь читать в моих мыслях. Понимаешь, я на столько старше тебя и за эти годы… Нет, нет, нет, — уловив ее мысли, протестующее закричал он, стиснув Ализе в объятиях. — Дело совсем не в моих любовницах. О них-то я как раз могу рассказать все, что ты только захочешь знать. Может даже, и поучишься чему-нибудь, — вкрадчивым голосом добавил он, но получив кулаком в живот увесистый удар, снова продолжил очень серьезно: — Ализе в моей жизни бывали минуты черного, безмерного отчаяния, и тогда я думал, а иногда и творил очень страшные дела, вот этого я боюсь! Вдруг ты, узнав о чем-то, разлюбишь и бросишь меня.

Теперь задумалась Ализе. Ей очень хотелось сказать, что она никогда его не разлюбит, чтобы не узнала о нем, но как она

может пообещать, если не знает, что ее ждет. Но его слова о черном, безнадежном отчаянии запали ей в душу, почему-то показалось, что в такие плохие минуты он вряд ли любуется прекрасными краевидами из окна, и она по какому-то наитию тихо попросила.

— Даххарст, я хочу увидеть место, твой самый потаенный, твой самый скрытный уголок, куда ты уходишь в самые тяжелые минуты своей жизни.

Даххарст как-то странно глянул на нее, потом, не отвечая ни слова, сгреб в охапку вместе с одеялом и они очутились в каком-то мрачном холодном склепе. В углу стоял узкий лежак, рядом… лежал стол, вернее его обломки, весь потолок и стены покрыты следами гари, какие-то сожженные тряпки рядом с лежаком, подозрительно напоминающие покрывало и подушку, куча пустых бутылок, часть их которых была разбита. Ализе оглянулась и увидела на стене, напротив лежака картину, вернее раму, внутри которой остались обгоревшие обрывки, бывшие когда-то портретом.

Вероятно, любая другая девушка сморщилась от отвращения, оказавшись в таком свинюшнике, а вот Ализе, наоборот, почувствовала, какая яростная боль бушевала в этих стенах. Осторожно на пальчиках она подошла к кровати и присела на ее краешек.

— Иди сюда, — позвала она мужа. Он, молча сел рядом с ней. — Можно я прилягу? — спросила она, Даххарст с деланным безразличием пожал плечами. Ализе, завернувшись в покрывало, вытянулась на этом лежаке и попыталась представить на своем месте мужа. Вот он также лежал и смотрел в потолок. Зрелище было тоскливое и тягостное. В этот момент Даххарст завозился и тоже лег рядом с ней. Лежак был узкий, поэтому им пришлось тесно прижаться друг к другу.

— Назови меня по имени, — вдруг попросил Даххарст.

— Даххарст, — как-то неуверенно сказала Ализе.

— Нет, назови меня моим тайным именем, — еще раз попросил он. Ализе охватил ужас.

— Даххарст, — чуть не плача сбивчиво стала говорить она. — Зачем, зачем ты мне сказал это имя? А вдруг что-то случится, и на меня наложат заклятие, вдруг меня обманом, мороком, гипнозом заставят его произнести. Вдруг в меня вселится чужая душа и узнает об этом. Даххарст, ты не должен был мне этого говорить! Понимаешь, не должен!

Он не отвечая смотрел в потолок, а потом каким-то глухим и до того страшным голосом, что у Ализе сжалось сердце, сказал:

— Знаешь, когда отца призвали этим ритуалом, он знал, что

впереди ждет смерть. Как он боролся, как он сопротивлялся, как он хотел выжить!

При этих словах голос Даххарста дрогнул, и из горла вырвались сдавленные звуки… рыданий. Ализе изо всех сил прижала к себе голову мужа, целуя его в затылок, гладя по волосам и щекам, и быстро-быстро стала повторять:

— Тише, тише, все уже прошло, все уже прошло.

Но Даххарст не успокаивался.

— Он извивался так, что чуть не вывернул руки из суставов. Он бился в силках, как сумасшедший, — Даххарст вытер ладонью глаза, и вновь прижался лицом к жене. — Когда я думаю об этом, я просто схожу с ума от отчаяния, что не мог помочь ему. Если бы я только мог!

— А ты, что видел, как твоего отца затянуло в эту ловушку? — осторожно спросила Ализе. Он отрицательно затряс головой. — А, откуда же ты тогда знаешь эти подробности? — еще тише и еще осторожнее спросила она.

— Так этот же ублюдок мне все и рассказал, — едва слышно ответил он, и, увидев, как Ализе непонимающе взглянула на него, нехотя уточнил: — Отец Таггерта.

— А, эачем он тебе это рассказал? — удивилась Ализе. — Ведь это выдавало его, выдавало его причастность к смерти твоего отца.

Даххарст немного помолчал.

— Понимаешь, ему было необходимо вынудить меня вызвать его на дуэль, — заметив, что Ализе не совсем его понимает, он начал объяснять. — По нашим законам вызвать на дуэль может только более слабый, более сильного, а никак не наоборот. Отцу Таггерта во что бы то ни стало было нужно убить меня. Иначе он всю жизнь должен был бы оглядываться, ожидая от меня удара в спину.

— Не проще ли и ему было убить тебя из-за угла? — не удержалась Ализе, и тут же вцепилась в Даххарста, ужаснувшись только от одного предположения, что его могли убить.

— Нет, не проще. Моя смерть (не вследствие дуэли), положила бы конец и его жизни. Он это понимал. Даже если бы он нанял посторонних исполнителей, ему бы это не помогло. Дед достал бы их и из-под земли. Даже мертвыми, они выдали бы заказчика. Заставить меня вызвать его на дуэль, а потом убить меня было намного проще. Никто за это его бы не осудил. Со мной все было иначе, чем с отцом. Он ведь сказал, что между ними была дуэль по взаимному согласию. Ему не могли не поверить, и поскольку его силы и силы моего отца были, примерно, равно, то смерть отца ему практически сошла с рук.

Оставалось только убить меня. Если бы ты знала, как он меня изводил, заставляя бросить ему вызов. Но я этого не делал. Не потому что боялся, а потому что не хотел доставить ему такой радости — убить меня. Я осознавал, что слабее, осознавал, что у меня мало опыта, как же я бесился от невозможности отомстить ему!

И вот тогда-то он мне и рассказал о последних минутах жизни отца. Он не врал, я это точно знаю, он упомянул такие подробности, что сомнений быть не может. И тогда я не выдержал, боль за отца меня буквально испепеляла, ненависть к убийце была такой, что я бросил ему вызов! — при этих словах Ализе сжала голову мужа своими тонкими худыми руками, не в силах выносить эту исповедь, она ощущала всю боль Даххарста, как свою собственную. А Даххарст уже немного успокоившись, продолжал.

— Он думал, что я, ослепленный гневом, брошусь на него, ничего не видя и не слыша, но он просчитался. Свою ярость я скрутил в тугой комок, и когда подвернулся нужный момент, выплеснул ее, увеличив свои силы. Я бил его. Не просто убил, я разорвал его.

— К-к-ак разорвал?! — ахнула Ализе.

— Я оторвал ему голову, — мертвым голосом сказал Даххарст. — Я в тот момент был таким чудовищем, что оказался способен на это. А потом сжег и тело и голову.

При этих словах он посмотрел в глаза жене, он хотел знать, что сейчас она думает о нем.

А Ализе… А Ализе еще никогда не любила его так сильно, как в эти минуты. Такая горячая любовь, такое горячее сочувствие затопило ее сердце. И еще она вдруг поняла, что можно влюбиться в красивого, успешного мужчину, но вот полюбить всем сердцем можно лишь приняв все недостатки любимого, его слабости, страхи боль. И она приняла их. Она знала, что всегда будет на его стороне. Чтобы ни случилось в их жизни.

Он без слов понял ее, ощутил ее эмоции, ее любовь. Он крепко прижал ее к себе, и это единение было дороже самых красивых слов любви, дороже самых горячих и страстных любовных ласк.

В эти минуты, в этом мрачном, захламленном гроте, Ализе испытала настолько пронзительные, настолько невероятные минуты счастья, забыть которые было невозможно.

И если раньше она любила Даххарста, заранее соглашаясь на второстепенную роль в их союзе, этакая серая мышка, при ярком, выдающемся муже, то сейчас ощутив, насколько важна для него, насколько дорога ему, ощутив, что она для него единственная во

всем мире, она знала, что их союз будет союзом равных.

Эпилог

Даххарст сидел в кресле, Ализе сидела на подлокотнике, опираясь спиной о плечо мужа, они с интересом слушали последние новости, что принесли им Саннаэтель с Ранхгартом.

Ализе с мужем пока еще нигде не бывали, наслаждаясь обществом друг друга, и все новости узнавали только от гостей. Вот и сейчас, Саннаэтель, прибывший из королевского дворца Светлых, принес целый ворох сплетен и новостей.

— Представляете, — горящими глазами рассказывал он, — эльфы Древнего леса организовали одновременно несколько экспедиций к древним курганам и могильникам.

— Вот, зараза, — выругался Даххарст. — Мы обезвредили эти могильники, а он теперь пользуется нашими трудами.

— Говорят, — продолжил Саннаэтель, — что в двух случаях раскопки были удачными, но вот в третьем… Сибилл заметил тоннель под саркофагом. Они попытались сдвинуть гроб, чтобы попасть в подземный ход, это не удалось, тогда Сибилл приказал взорвать плиту под саркофагом. Что там случилось доподлинно неизвестно, вот только теперь на месте кургана огромная воронка. Чудо еще, что никто не пострадал, но все артефакты, которые находились в момент взрыва недалеко от кургана, все пришли в негодность. Сибилл бесится от злости, говорят, он там нашел что-то очень интересное.

Глаза Саннаэтеля явно светились от зависти к удачливым грабителям Могильников. Было понятно, что ему до смерти хотелось поучаствовать в подобной экспедиции.

Даххарст посмотрел на жену: «Помнишь, что я пообещал тебе в камере?» — мысленно спросил он.

«Помню», — тихо шепнула она.

— Кстати о Могильниках, — громко сказал Даххарст, посмотрев на Саннаэтеля с Ранхгартом. — Я собираюсь отправиться на раскопки одного очень интересного захоронения.

— Мы с тобой! — закричали одновременно Темный и Светлый.

— Хорошо, я и сам хотел вам предложить вам это. Мне нужна помощь, один я не справлюсь.

— Ты же понимаешь, что я тоже поеду с вами? — Ализе твердо посмотрела мужу в глаза, но он отрицательно качнул головой.

— Нет, Ализе, ты с нами не поедешь.

— Поеду, еще как поеду, — упрямо затрясла она головой.

— Ализе, — повысил голос Даххарст, — ты не поедешь! Там

очень опас… — Даххарст резко замолчал, понимая, что сболтнул лишнего.

— Там очень опасно?! — закричала Ализе. — Там опасно, а ты хочешь ехать без меня?! — ее возмущению не было предела. — Так вот, Лорд Даххарст, знайте, что без меня Вы никуда не поедите! Куда ты, туда и я, понятно, — тихо добавила она и так посмотрела ему в глаза, что он неожиданно сдался.

— Хорошо, — смирившись с неизбежным, согласился он, но только внутрь ты идти не будешь, постоишь снаружи.

— Пойду, поеду, пойду, — не сдавалась Ализе.

— Ализе, — голос Даххарста стал строгим и серьезным, — ты слабее нас, и это может привести не только к твоей гибели, но и гибели нас всех, ты это понимаешь?

В словах Даххарста был смысл, и как Ализе не хотелось быть рядом с мужем, ей пришлось согласиться с его доводами. Она так расстроилась, словно уже стояла рядом с Могильником, провожая мужа. Ей уже заранее было плохо и страшно.

— Забыл рассказать, — неожиданно вклинился в разговор Ранхгарт, прерывая тягостное молчание. — Сибилл пытался устроить ловушку, чтобы захватить Темного из Высших Лордов, — при этих словах, Ализе смертельно побледнела и схватила руку мужа, словно это его пытались еще раз похитить. Он успокаивающе прикрыл ее руку своей ладонью. — Ничего у него не получилось, — засмеялся Ранхгарт. — Лорд Тиррис, которого они пытались схватить, разметал их всех и ушел порталом.

— Ты тоже будь осторожен, — предупредил Даххарст Ранхгарта.

— Можешь не предупреждать, — махнул тот рукой в ответ. — Когда Саннаэтель рассказал мне, в каком состоянии он тебя увидел… В общем, я не имею ни малейшего желания оказаться в руках Светлых из Древнего леса. Хорошо, хоть вам удалось от них вырваться, — добавил он.

Саннаэтель с нежностью посмотрел на сестру.

— Ты молодец, — сказал он. — До сих пор не верю, что тебе это удалось.

— Я и сама не верю, — честно ответила девушка. — Если бы ячейки сети не засветились…

— Ализе, — перебил ее Даххарст, — расскажи мне подробнее, как это произошло, — с каким-то непонятным волнением попросил он.

— Ну, я в отчаянии выбирала место, чтобы попытаться разрушить сеть, приложив к ней брачные браслеты, как ты мне подсказал. И вдруг ячейки засветились. Сначала очень слабо. Свет

то появлялся, то гаснул, потом они засветились чуть-чуть ярче… — Даххарст вскочил из кресла, подхватил Ализе на руки, и закружил ее по комнате. — Что, что?! — закричала она. — Ты что-то понял, ты о чем-то догадался?

Он поставил ее на пол, ласково провел рукой по ее лицу.

— Ализе, — каким-то торжественным тоном начал Даххарст, — Ализе, — еще раз повторил он. — Это был твой отец. Это он помог тебе. Это он подсветил ячейки сети. Эллентиэль жив. Он слаб, болен, возможно, искалечен, но жив.

Ализе, пораженная его словами, прижала руки к груди, не в силах вымолвить ни слова.